

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

С. В. МАКСИМОВ

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

ПО ТОЛКОВАНИЮ С. МАКСИМОВА

ХОЧЕШЬ ЕСТЬ
КАЛАЧИ,
ТАК НЕ СИДИ
НА ПЕЧИ

ХОРОША БРАЖКА,
ДА МАЛА ЧАШКА

Крылатые слова

Не спростá и не спúста слово молвится
и дó веку не сломится

У слова и беседа
Народная пословица

По толкованию
С. Максимова

«Авалонъ»
Издательская Группа
«Азбука-классика»
Санкт-Петербург
2010

Максимов С. В.

М17 Крылатые слова. — СПб.: ИД «Авалонъ», Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 416 с.

ISBN 978-5-903605-43-9 (ИД «Авалонъ»)

ISBN 978-5-9985-0258-3 (ИГ «Азбука-классика»)

«Крылатые слова» С. В. Максимова — редкая книга, которую берут в руки не на время, которая должна быть в библиотеке каждого, кому хоть сколько интересен родной язык, а любители русской словесности ставят её на полку рядом с «Толковым словарём» В. И. Даля. Известный этнограф, знаток русского фольклора, историк и писатель, Максимов (1831–1901) не просто объясняет, он переживает за каждое русское слово и образное выражение, считая нужным всё, что есть в языке, включая пустобайки и нелепицы. Он вплетает в свой рассказ народные притчи, поверья, байки и сказки — собранные им лично вблизи и вдали, вплоть до тех мест, что у чёрта на куличках, в тех краях, где бьют баклуши и гнут дуги, где *попадают в просак*, где *куры не поют*, где *бьют в доску*, *вспоминая Москву*... Книга выходит в популярной серии «Русская словесность» и рассчитана на массового читателя.

© К. Б. Васильев,
примечания, 2010

© ИД «Авалонъ», 2010

© ИГ «Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-903605-43-9 (ИД «Авалонъ»)

ISBN 978-5-9985-0258-3 (ИГ «Азбука-классика»)

Оглавление

Предисловие	7
Огонь попа жжёт	8
В просак попасть	12
На улице праздник	17
Баклуши бьют (глупая шабала и оболванить)	22
Лясы точат	28
Лапти плетут (гнуть околёсную; не всё в строку)	30
В дугу гнут	31
Колокола льют (очистительная присяга)	33
На воре шапка горит (вора выдала речь; поповские глаза)	36
У чёрта на куличках	46
О лысом бесе	49
Сёмью прикинь — однава́ отрежь	50
Семь пятниц (сороковой — роковой; седьмая вода на киселе)	54
Середа ниже пятницы	63
Семипудовый пшик (на ножницах)	71
С коломенскую версту (корельский верстень)	74
Два девяноста	77
Московские правды	80
1. Подлинная и подноготная (правда и кривда; очная ставка; петть матушку-репку; доносчику — первый кнут)	80
2. У Петра и Павла (московский час)	85
3. У Воскресенья в Кадашах (калачи есть; неволя вниз — кабала вверх) ..	88
Москва — царство	90
Бей в доску — поминай Москву!	92
Дороже Каменного моста	94
Бобы разводить	96
Шиш на Кокуй (кликча животных и окрик на них)	97
Не сами — по родителям	105
Курам на смех (мокрая и слепая курица)	106
Где куры не поют (на свою голову)	108
Казанские сироты	111
Хлебай уху (честь на свиную шерсть; во всю Ивановскую)	114
Подкузьмить и подъегорить	116
Нáщелку (присловья)	118
Забавам нет конца	120
1. Синиц ловить (ноготок востёр)	121
2. Голубей гонять (типун на язык; где поведётся; стальная душа; казюк)	123

Эй, закушу! (нахвалитех; Варварский крестец; пришло по та)	131
Вольному воля (спасённому рай)	136
Выдать головой	137
Долгий ящик (московская волокита)	138
Правда в ногах (дай срок; в правеже не деньги)	139
Ложь кривая (кривда; хвастуны и вдали)	140
Правда голая (нагольная)	146
Счастье одноглазое	147
Где рука, там и голова (послух и порука; знать свою руку)	149
Притянуть к Иисусу	151
Послов не рубят	152
Не в кольцо, а в свайку (наследственные права)	153
По земле и вода (мать сыра-земля)	155
Покамест (в филологическом значении)	156
Грех пополам	157
Особ-статья	159
У нас не в Польше	159
Камень за пазухой	160
Вдова — мирской человек (вдовый двор)	161
Бить челом и быть в ответе	162
Чин чином	163
Где раки зимуют? (попасть в тупик)	164
Собаку съел	168
Собак гонять	170
Гол, как сокол (видно сокола по полёту)	171
Печки и лавочки	173
Дым коромыслом	174
Брататься	175
Каша сама себя хвалит	176
И зверю слава (сорока-воровка)	178
Шиворот на выворот (зад на перёд; козырь-девка; ходить козырем; наизворот)	182
Задать карачуна	184
Чересчур	188
Чур меня (чур одному)	192
Накануне (справлять кануны; канун кануна)	196
Покамест (в юридическом и историческом значении)	199
Опричь (на кроме)	204
Ни кола — ни двора	206
Горох при дороге	207
Чужой конь	210
Спела и свинка волку песенку	211

Свин-голос (свины-пóлдни)	211
Постригся и посхимился	212
Попросту — без коклюш	213
По-русски.	215
1. Русские сваи (авось и небось)	216
2. Задний ум	218
3. Ругаться и драться (с косую сажень; брань и битва; сражение и побище; рукопашная; Никола с нами; брань на вороту)	219
4. Говорить (отрезать по-русски; цыганская правда)	228
5. Принять и угостить	230
6. Божиться (отводная клятва)	232
7. Одеваться (по Сеньке и шапка; стрижка волос; пóстриги)	234
8. Привечать (на привет ответ; на всякий чих не наздравствуешься)	237
9. Русский дух	246
Нетолчёная труба	249
Свинья в апельсинах	250
Мир — дурак (гнилое слово)	251
Слово и дело (быть в слове; тати, застенки, шелепа, кат)	254
Песни играть	260
С хозяина начинать (чокаться)	263
Подаваться по рукам (натаскивать; Божий суд)	267
Проюрдонить	270
Деньги в стену	272
В соседях	273
Давать слазу (отсталое, отступное, слам; могоарычи)	276
Что ни поп, то и батька (поповские карманы; дурные встречи)	278
Начай (завтра; навино, наводка; подачки)	280
Из кулька в рогожку	286
Ободрал, как липку	288
Отводить глаза	288
Чужой каравай	289
Приходи вчера	292
Пустобайка (навявать медведя; подложить свинью; сивый мерин)	294
Скандачок (нарочито; сласти)	297
Играй назад	299
И на солнце пятна	300
Старый воробей	301
Канитель тянуть	305
После дождичка в четверг	306
Затрапезный	306
Искры из глаз	308
День иноходит	309

За пояс заткнуть	310
Сам бьёт, сам кричит	313
Турусы на колёсах	314
Ни дна, ни покрышки	316
Аллилуйя (халдей, халды-балды)	317
Ни бельмеса	318
Алтынник	319
Красного петуха пустить	321
Как камень в воду (без козла с узла; чахи и ляхи)	322
Галиматья	323
В мае родиться	323
Выкрутиться сеном	324
Улита едет — когда-то будет	325
Хоть тресни	325
Нафырёк и напопа	326
Пирог с грибами	326
Под красную шапку	328
Туру ногу пишет	328
Настоящий кавардак	329
С бухты-баряхты	331
Сила солому ломит	331
Емелина неделя	333
Чох	334
Глупая баба и песту молится (последний год и час)	335
Примечания	338
Словарь	407

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

Долетают до слуха отрывочные выражения из разговора двух встречных на улице про третьего:

— Сам виноват: век свой бил баклуши — вот теперь подделом и попался в просак.

— Грех да беда на кого не живёт — огонь и попа жжёт. Погоди, будет и на его улице праздник.¹

Эти жёсткие выражения упрёка и мягкие слова утешения, принятые с чужих слов на веру, до такой степени общеизвестны, что во всякое время охотно пускаешь их на ветер, не вдумываясь в смысл и значение. Равным образом и сам их выговоришь не одну сотню раз в год, в уверенности, что поймут другие: можно смело пройти мимо. Мало ли вращается в обыденных разговорах разных метафор, гипербол, пословичных выражений и поговорок — за всеми не угоняешься!

Впрочем, мы на этот раз общему примеру не последуем, хотя бы и по тому поводу, что в иной поговорке слышится совсем уж бессмыслица: будто бы огню дано особое преимущество и попа жечь, а, стало быть, может найтись и такой, пред которым бессилен горящий и палящий огонь.

Да, наконец, что это за баклуши, и какой такой просак? И где эта улица, на которой, кроме места для прохода и проездов, полагается ещё и праздничное время?

Любознательные пусть не скучают тем, что им придётся, по примеру русского мужика, который для тех поговорок до Москвы ходил пешком и при этом износил трое лаптей, — углубиться в давно прошедшие времена и побывать в местах весьма глухих и отдалённых.²

ОГОНЬ ПОПА ЖЖЁТ

В смутное время московского государства или в народную *разруху* не только потрясена была русская жизнь в корень, но и сдвинута со своих оснований.

Когда, с призванием дома Романовых, всё понемногу начало успокаиваться, и все стали осматриваться и принялись чинить разбитое и разрушенное, — появилось первое стремление к новшествам. А так как русский человек издревле жил преимущественно верой, то в этой области и обнаружились первые попытки исправления и первые нововведения. К тому же, приходилось улучшать, приводить в порядок и ставить всё на меру лицу духовному — царскому отцу, патриарху Филарету Никитичу. Будучи *великим господином*, он в церковных и религиозных делах действовал как знаток и разбирался как могущественный и полноправный хозяин. В его *памятях* и *грамотах* мы находим и первые следы появившегося в народе духа сомнения и попыток идти вперёд к чему-то новому и неизвестному, и его крутых святительских мер к искоренению уклонений в народном быту и искажений в церковных обычаях и обрядах. Особенную строгость и требовательность Филарет предъявлял лицам духовного сана и чина, желая от них неусыпных наблюдений за паствой: напоминал старые указы, писал новые, доходил до искоренения вековых народных понятий, основанных на обычаях, суевериях и предрассудках. Обращал он внимание и на такие мелочи, которые ускользали от близоруких или присмотревшихся глаз, и на такие народные привычки и свойства, пред которыми все писанные указы всегда были бессильны. Не разрешил он отпевать и хоронить по церковному обряду тех, кто вином опьётся, купающихся утонет, с качелей убьётся; не позволял третьего брака и т. п.³

Конечно, и после этих указов миряне продолжали жить с некрещёными жёнами, женились на тех, которые находились с ними в кумовстве и сватовстве, качались летом на качелях и на зимних святках надевали хари, а поповские старосты самих блюстителей нравов, то есть духовных чинов, *которые пьют и бесчинствуют*, хватали на кабаках и правили пени по два рубля, по четыре алтына, по полуторе деньги с каждого.

Уряжая с уверенной строгостью писаными указами живучие и шаловливые нравы, патриарх, подумавший и о благочинии церковном, озаботился, между прочим, о замене рукописных служебных книг и разослал по церквам печатные для просвещения и многолетнего государского здоровья.

Чтобы *имя Божие славилось и за государей Бога молили*, раздавали те книги по собственным церквам и монастырям и торговым людям в лавки за ту цену, во что те книги стали в печати, без прибыли. Так, например, за триодъ постную брали 1 рубль 8 алтын и 4 деньги, за цветную 1 рубль 18 алтын, за миною — 1 рубль 10 алтын, за часовник полуполтину.⁴ Разослали в то же время, с нарочными людьми, и печатные служебники и потребники.

Это было в 1622 году. Через три-четыре года (1626) после того, как разослали новые печатные служебники, спохватились: стали отбирать их и исправлять в них роковую опечатку, которая, как тать в нощи, подкралась и сильно огорчила. Начались розыски и хлопоты и на печатном дворе в Москве, и по ближним и дальним уездам. Поехали по церквам поповские старосты, стали отбирать и печатные, и рукописные служебники, и потребники. Смутились всего больше старики-попы, натвердившие молитвы и возгласы по старым *памятям*. Стали примечать и миряне что-то недоброе в поповских делах и прислушиваться. Объявилась суетня, и начались хлопоты из-за этого одного слова: и стало то слово велико и страшно, и изнести его не всякому оказалось под силу и в должную мощь по велению.

В служебниках печатных и служебниках письменных, писанных с печати, в возгласе на освящение воды в навечерие Богоявления было сказано: «Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ». Теперь велено прилог *и огнемъ* уничтожить и не говорить, и чтоб старый поп не натыкался, а бойкий и грамотный — не набегал на это слово, указано его замазать (пишущему эти строки доводилось в архангельских церквах видеть это слово в книгах дониконовской печати заклеенным бумажкой).

Указ исполнили. Описывали нижегородские десятины Костромского уезда, города Кинешмы и Кинешемского уезда поповские старосты (то есть благочинные): «Привѣз воскресен-

ский поп Стефан Дементьев с посаду и из уезду десять служебников печатных, да служебник письменный, да потребник печатный. Что приложено в них было прилог *огня* в водосвящение богоявленское воды в молитве: Сам и ныне Владыко, освятив воду сию Духом твоим святым, а прилог *огня* в том в одном месте в них замазали.» И такие операции произвели в двенадцати случаях.⁵

Успокоились таким образом на том, что замазали чем-то слово в книгах; но что могли предпринять против языка поповского, который, как и у всех простецов, оказался без костей и молот, по навыку? Лёгкое ли дело с таким лёгким словом бороться, когда натвердело оно в памяти и закреплялось на языке не один только раз в году, именно, за вечерней под Богоявление, а срывалось с перебитого языка и перед Иорданью на другой день, и во многие дни, когда приводилось освящать воду в домах по заказу, и на полях по народному призыву, и на Преполовление, и на первого Спаса по уставу, и в храмовые и придельные церковные праздники для благолепия и торжества перед литургиями. Если начать приводить на память все водосвятные дни и всему числу молитв этих подводить точный счёт, то окажется весьма затруднительным.

Стали спотыкаться на этом лишнем и запретном роковом слове чаще всех, конечно, старики-священники. Как его не вымолвить, когда сроднился с ним язык? Старый священник, хотя, по пословице, воробей старый, которого на мякине не обманешь, да и слово — тоже воробей: вылетит — не поймаешь.⁶ Стало быть, тут спор о том, кто сильнее? Догадливый и памятный стережётся не попасть в просак. Идёт у него всё по-хорошему, начинает истово и ведёт по уставу *косно, со сладкопением, не борзяся*, а попало слово на глаза, то и пришло на мысль, что приказано: говорить его, или вовсе не говорить? А лёгкое слово тем временем село на самом кончике языка: и сторожит, и дожидается, когда ему спрыгнуть придёт черёд и время, и вылетит, что воробей: лови его! Да изымется язык мой от гортани моя!⁷ В книге-то слово запретили, а в памяти тем самым закрепостили ещё больше. А тут, вон и свидетели беды такой обступили со всех сторон; другие даже нарочно и уши насторожили, словно облаву сделали, как на какого-нибудь красного зверя.

В самом деле, как на тот раз и свидетелям быть спокойными и безучастными: скажет поп это слово и точно горячий блин схватил или проглотил ложку щей с пылу горячих. Потянул с силой воздух, тряхнул головой; иной и ногой с досады пристукнул и плечами покрутил. Обидчивый с досады надумал поправляться и опять налетел на беду — никак ему с этого слова не сорваться. И дивное-то дело: смотрит поп в книгу, пред ним слова стоят, а он про огонь вспоминает, про огонь говорит. И на воду глядит и её видит, как быть ей надо, а, к удивлению всех, называет её огнём.

Так и сложилась в то время (и до нас дошла) насмешливая поговорка: «В книгу глядит (*или* на воду глядит), а *огонь* говорит». С тех самых пор начал огонь *жесть* *попа* в особину, в исключение перед другими. Стала ходить вековая, несокрушимая в правде пословица о неизбежности для всякого человека беды и греха, с новым привеском, вызванным полузабытым мелким историческим случаем.

Впрочем, только этой незлобивой насмешкой народ и покончил с церковным словом, смущавшим священников, но сам несколько не убедился в том, чтобы лёгкой помаркой можно было покончить с великим смыслом и глубоким значением самого слова и объясняемого им предмета. С огнём не велит другая пословица ни шутить, ни дружиться, а знать и понимать, что он силен. Силен живой огонь, вытертый из дерева, тем, что помогает от многих приток и порчей с ветру и с глазу, а, между прочим, помогает при скотском падеже, если провести сквозь него ещё не зачумлённую животину. Божий огонь, то есть происшедший от молнии, народ боится тушить, и если разыграется он в неудержимую силу великого пожара, заливает его не иначе, как парным коровьим молоком. Огонь очищает от всякой скверны плоти и духа, и на Ивана Купалу прыгает через него вся русская деревенщина, не исключая и петербургских, и заграничных немцев. Святость огня, горевшего на свече во время *стояний*, на чтении двенадцати евангелий в великий четверг признаётся и почитается даже в строгом Петербурге, и непотушенные свечи из церквей уносятся бережно на квартиры.⁸ В местах первобытных и тёмных, где, как Белоруссия, языческие предания уберегаются цельнее, почитание огня обставляется

таким множеством обрядов, которые прямо свидетельствуют о том, что в огне и пламени не забыли ещё старого бога Перуна. На Сретеньев день (2-го февраля) в тех местах, в честь огня, установился даже особый праздник, который и зовётся *громницей*.

В юридических обычаях ещё с тех времён, когда люди находились в первобытном состоянии, огонь служил символом приобретения собственности. Вожди народных общин, вступая на новые земли, несли горящие головни, и вся земля, которую они могли занять в течение дня с помощью огня, считалась собственностью племени. Так как огнём же добыты от лесов пашни и у нас по всей Руси, то поэтому в древних актах населённые при помощи таких способов места постоянно называются *огнищами* и *печищами*. Около очага, то есть около одного огня, группировались потом семьи; из них вырастали целые сёла. Появилось в древней Руси прозвание пахарей *огнищанами*, справедливое в обоих значениях: и от очага и дыма, и от расчистки срубленного и спиленного леса. Сохранилась до сих пор в костромских лесах *огнищевая соха*, которая легче прыгает через древесные корни по новинам, потому что у неё сошник или лемех прямой, то есть не укрепленный под известным углом, *накось*.

Впрочем, если вообще около огня походить — долго не кончить: велики ему честь, хвала и почитание среди православного русского народа до сего времени.

В ПРОСАК ПОПАСТЬ

Попасть в просак немудрено каждому, и всякому удаётся это не одну тысячу раз в жизни, и притом так, что иногда всю жизнь те случаи вспоминаются. Между прочими, попал в просак тот иностранец, который в нынешнем столетии приезжал изучать Россию и, увидев в деревнях наших столбы для качелей, скоропелю принял их за виселицы и простодушно умозаклучил о жестоких варварских нравах страны, о суровых и диких её законах, худших, чем в классической Спарте.⁹ Что бы сказал и написал он, если бы побывал в городе Ржеве? Побывши в сотне городов наших, я сам чуть-чуть не попался в просак, и на этот

раз разом в два: и в отвлечённый, и иносказательный, и в самый настоящий. Расскажу по порядку, как было.

Шатаясь по Святой Руси, захотелось мне побывать ещё там, где не был, и на этот раз — на Верхней Волге. С особенной охотой и с большой радостью добрался я до почтенного города Ржева, почтенного, главным образом, по своей древности и по разнообразной промышленной и торговой живучести. Город этот, старинная *Ржева Володимирова*, вдобавок к тому, стоя на двух красивых берегах Волги, разделяется на две части, которые до сих пор сохраняют также древнерусские названия: Князь-Дмитриевской и Князь-Фёдоровской — трижды княжеский город. Когда все старинные города лесной новгородской Руси захудали и живут уже полузабытыми преданиями, Ржев всё ещё продолжает заявляться и сказываться живым и деятельным. Не так давно перестал он хвалиться баканом и кармином — своего домашнего изготовления красками (химические краски их вытеснили), но не перестаёт ещё напоминать о себе яблочной и ягодной пастилой (хотя и у неё нашлась, однако, соперница в Москве и в Коломне) и под большим секретом — погребальными колодами, то есть гробами, выдолбленными из цельного отрубка древесного с особенным изголовьем (в отличие от колоды вяземской), за которые истые староверы платят большие деньги. Не увядает слава Ржева и гремит, главнейшим образом, и в приморских портах ржевского прядева судовая снасть, парусная бечёвка и корабельные канаты: тросы, вант-тросы, кабели, ванты и ходовые канаты для тяги судов лошадьми.¹⁰ Эта слава Ржева не скоро померкнет. Не в очень далёких соседях разлеглась пеньковая Смоленщина, которая давно проторила сюда дорогу, и по рекам и по сухопутью, и с сырцовой пенькой и с трёпаной, а, пожалуй, и с отчёсанной.

Обмотанными той или другой густо кругом всего стана от низа живота почти по самую шею, то и дело попадают на улицах молодцы-прядильщики (встречных в ином виде и в другой форме можно считать даже за редкость). Промысел городской, таким образом, прямо на глазах и при первой встрече. Полюбовались мы одним, другим молодцом, обмотанным по чреслам, пока он проходил на свободе: сейчас он прицепится, и мы его в лицо не увидим.

В конце длинного, широкого и, вообще, просторного двора установлено маховое колесо, которое вертит слепая лошадь. С колеса, по обычаю, сведена на поставленную поодаль деревянную стойку с доской струна, которая захватывает и вертит желобчатые, торопливые в поворотах шкивы. По шкивной бородке ходит колёсная снасть и вертит железный крюк, вбитый в самую шкиву. Если подойдёт к этому крюку прядильщик, то и прицепится, то есть приспустит с груди прядку пенькового прядева, перехватит руками и станет спускать и пятиться. Перед глазами его начинает закручиваться верёвка. Крутится она скоро и сильно, сверкая в глазах и, чтобы не обожгла белого тела и кожи на руках, надеты, у всех рабочих, кожаные рукавицы, или голицы. Прихватит ими мастер свежую бечёвку и всё пятится, как рак, и зорко перед собой поглядывает, чтобы не оборвалось в его рукавицах прядево на бечёвке. Он уже не обращает внимания на то, что не выбитая кострика либо завёртывается вместе с пенькой в самую верёвку, либо сыплется, как песок, на землю. Пропяtilся мастер на один конец, сколько указано, скинул бечёвку на попутные, торчком стоящие рогульки с семью и больше зубцами, и опять начинает снова. Время от времени, когда при невнимании или при худой пеньке, разорвётся его пуповина и разъединится он и со слепой лошадей и колесом, — он тпрукнет и наладится. Впрочем, иные колёса (и, конечно, на бедных и малых прядильнях) вертит удосужившаяся баба, а по большей части — небольшие ребята.

Так нехитро налажен основной механизм прядильной фабрики первобытного вида. К тому же, по старинному закону, и это маленькое заведение кочует: оно переносное. У хозяина невелик свой двор и притом короток, а на вольном воздухе свободней работать, если время не дождливое и не осеннее. Вот он и выстроил свой завод прямо на общественном месте, вдоль по улице, вдоль по широкой. Кто хочет тут проехать, — объезжай около; там оставлено узенькое место: лошадь пройдёт и телегу провезёт. Остальную и бóльшую половину улицы всю занял заводчик: выдвинул колесо. Отступив от него аршина на два, он вбил доску со шкивами и дальше вдоль, один за другим, по прямой линии, стойки или многозубцы на кольях. Колья эти вбил прямо в размокшую и мягкую землю просохшей городской водосточной

канавы, как вздумалось. И по кольям знать, что они порядочно покочевали: били их по головам до того, что измочалили. Вертит колесо в шестнадцать спиц, длиной в два с четвертью аршина, баба в ситцах, а на другом конце валяются обгрызенные поленья, *сани*, с прикреплённой бечёвкой от колеса и припрыгивают, словно бумажка на нитке, которой любят играть молодые котята. По мере того, как колесо крутит верёвку, эти полешки, или сани, пошевеливаясь, двигаются ближе к машине.

Во Ржеве, вообще, нет никакого уважения к улицам или, по крайней мере, о них господствует своеобразное понятие: они далеко не все служат для проезда. В окрестных местах не спúста ходит слух о том, что есть такие в этом городе улицы, что если не знающий тамошних обычаев заедет в них, то его либо убьют, либо, на лучший конец, исколотят. В самом деле, по нормальному плану, утверждённому правительством, улицы эти не только существуют на ватманской бумаге за кудрявыми подписями чиновничьих рукописаний, но и на самом деле возведён по краям порядок домов лицевыми фасадами, а где и задами: и ворота видны, и калитки имеются. Всё заросло травой вгустую и плотную, как поётся в песне: «Улица-улица моя, трава-мурава зелёнькая».

Действительно, во Ржеве по такой улице не проедешь, потому что там и сям выстроены столбы с перекладиной, до которой самый высокий мужик не достанет рукой. В полное подобие виселиц, на всех перекладинах ввинчены рогульками крепкие железные крючья. Это — большие заводы больших хозяев, у которых со дворов выходят на простор преширокие ворота. У одного такого заводчика оказалось двадцать колёс: по двенадцать человек на каждом — это прядильщики. Затем двадцать восемь человек колёсников да пятьдесят шесть вьюшников. Эти последние на каждую вьюху наматывают девять пудов пеньки, то есть двадцать семь концов по четыре нитки, и работают по три перемены.

Я зашёл в одну из таких диковинных непроезжих улиц и, прямо у широких ворот на задах большого дома, едва не был сбит с ног и не подмят под сапоги с крепкими гвоздями. Выступила задом из ворот и пятилась до самой середины улицы целая ватага рабочих, человек в двадцать, а тотчас следом за ней

другая такая же. Все спины широкие, гладкие, крепкие, серые, белые, синие — такие можно только загадать в воображении на богатырей, а видеть отчасти у татар на Нижегородской ярмарке. Здесь они с молодых лет до старости ворочают тяжёлые товарные места, из-под которых виден бывает только один медленный перебор цепких, крепких и устойчивых ног.

Ржевские богатыри, выдвинувшись из ворот, покрутились на середине улицы перед виселицей. Здесь весело и громко они переговаривались, пересмеиваясь и насмехаясь, и опять, с гулом и быстро, потянулись вперёд, куда потребовали их вóроты с колёсами, установленные в конце двора под навесом. Эти весёлые молодцы считаются первыми бойцами на кулачных боях, которые известны во Ржеве никак невозможно. Тут всё налицо, что надо: ребятки, что вертят колёса, — застрельщики, рабочие одного большого хозяина — враги и супротивники соседнего заводчика. Да и самый город, с незапамятной старины, разбит Волгой на две особые половины, под особыми, как сказано выше, прозваниями: правая сторона за князя Дмитрия Ивановича (Князь-Дмитриевская), левая — за Фёдора Борисовича (Князь-Фёдоровская), а место, в котором выходить может стенка на стенку, где хочешь, если уже удалось отбить от начальства почти все улицы. Если же начальство не согласно, то Волга делает в окрестностях города такие причудливые, как бы по заказу, изгибы и колена, что за любым так ухоронишься, что никто не заметит и не помешает побиться на кулачки.

Я заглянул на тот двор, куда ушла шумливая и весёлая ватага бойцов, и увидел на нём целое плетенье из верёвок, словно основу на ткацком стане. Кажется, в этом верёвочном лабиринте и не разберёшься, хотя и видишь, что к каждой привязано по живому человеку, а концы других повисли на крючках виселиц. Сколько людей, столько новых нитей да столько же и старых, чёт в чёт понавешено с боков и над головами. Действительно, разобраться здесь трудно, но запутаться даже на одной верёвочке — избави Бог всякого лиходея, потому что это-то и есть настоящий бедовый *просак*, то есть вся эта прядильня, или верёвочный стан, — всё пространство от прядильного колеса до саней, где спускается вервь, снуётся, сучится и крутится бечёвка.

Всё, что видит наш глаз на дворе, и протянутое на воздухе, закреплённое на крючьях, и выпрядаемое с груди и животов, вся прядильная канатная снасть и верёвочный стан носит старинное и столь прославленное имя *просак*. Здесь, если угодит один волос попасть в *сучево*, или *просучево*, на любой верёвке, то заберёт и все кудри русые и бороду бобровую так, что кое-что потеряешь, а на побитом месте только рубец останется на воспоминание. Кто попадёт полой кафтана или рубахи, у того весь нижний стан одежды отрывает прочь, пока не остановят глупую лошадь и услужливое колесо. Ходи — не зевай! Смеясь, поталкивай плечом соседа, ради веселья и шутки, да с большой оглядкой, а то скрутит беда — не выдерешься, просидишь в просаках — не поздоровится.¹¹

НА УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

Не забывая ржевских улиц, вспомним, к слову и кстати, про всякие на Руси улицы. Смотреть же, где настоящие баклуши бьют, пойдём потом в другую и дальнюю сторону.

Не только та полоса или дорога, которая оставляется свободной для прохода и проезда *у лица* домов, между двумя рядами жилых строений, называется улицей, но и весь простор вне жильёв, насколько хватает глаз, всё вольное поднебесье oznaчается этим именем во всей северной лесной Руси. Старинный народ, любя селиться на просторе и прорубаясь в тёмных дремучих лесах, хлопотал именно о том, чтобы открыть глазам побольше видов. Для этого он беспощадно рубил деревья, как лютых и непримиримых врагов, в вековой борьбе с которыми надорвал свои силы. Затем уже он поспешил встать деревней так, чтобы кругом было светлое место. Не оставлялось на корню ни одного деревца подле жильёв. Оттого там, в лесных русских селениях, всякий человек, пришедший с воли, незнаемый, а тем более нежеланный и даже недобрый, называется человеком *с улицы*, *с ветру*. Там, если приглашают приятеля *пойти на улицу*, то это вовсе не значит посидеть на завалинке или пошататься между рядами домов, а значит погулять на вольном воздухе, в поле и к лесу. Собственно тех улиц, которые мы по-

нимаем и чувствуем под этим строгим именем и образцы которых, с европейского примера, указал нам Пётр Великий, — в прямую стрелу проспектов, коренные русские люди пробивать и проламывать не умеют. Они настолько о том не заботятся, что выводят их, как бы намеренно и совсем противно Петровскому вкусу и указам, и вкривь, и вскользя, и вкось, и тупиками, и такими узкими, что двум не разъехаться. В тупиках, или глухих улицах, нет вовсе сквозных проездов, в узких же — с трудом прилаживаются обочины или тротуары для пешеходов, а в настоящих и коренных городах и во всех деревнях, без исключения, уличных полос вдоль дороги даже вовсе не полагается. Не селятся люди, как прямее, а стараются жить и строиться, как ладнее. Уважая и любя соседа, пристраиваются к боку и стороной так, чтобы его не потеснить, и потом жить с ним в мире и согласии: не всегда в линии, как в хороводе, а отчего же и не в россыпь? Должно строиться так, как велят подъёмы и спуски земли, берега рек и озёр, лишь бы только всем миром, или целой общиной. Без мирского строя, без общинных законов, как известно, нигде и никогда русские люди и не останавливались на жительство, потому что воевать с могучей и суровой природой и с докучливым инородцем одиночной семье было не под силу. Не только земледельцы, но и отшельники в монастырях жили артелями. Только в тех случаях, когда их кругом облагали беды и нужды, и приходилось ютиться друг к другу как можно теснее и ближе, зародилось что-то похожее на нынешние улицы с проулками и закоулками. Так случилось в больших городах, спрятавшихся за двумя-тремя стенами. Здесь, когда развилась, обеспечилась и развернулась жизнь, и стали разбираться люди по заслугам, по ремёслам и занятиям, — отобрались бояре в одно место и устраивались. Духовные, торговые, ремесленные и чёрные люди выбирали свои особые места и строили избы друг против друга и рядом, чтобы опять-таки не разделяться, а жить общинами, и всем быть вместе и заодно. Старинная городская улица, как сельская волость, естественно сделалась политической и административной единицей, устроила своё управление. Она выбирала себе старост и выходила на торжище или площадь, когда собирались другие общины-улицы судить и думать, такать не только о делах своего города, но и

всей земли, тянувшейся к нему с податями и сносившей в него разнообразные поборы.

Во Пскове и Новгороде несколько улиц, будучи каждая в отношении к другим до известной степени самобытным телом, все вместе образовывали *конец*, а все вместе концы составляли целый город, как Новый Торг (или нынешний Торжок) с семнадцатью концами, или улицами, как и *государь* Великий Новгород, с пятью, *господин* Великий Псков с шестью концами. По этим, действительно, великим центрам и сильным примерам взяли образцы всё множество больших городов в северной России вплоть до Камчатки, так как вся Русь по хвойным лесам устраивалась исключительно новгородским людом и по новгородским образцам. Уладились в них улицы — стали они общинами; жители назвались *уличанами* и ещё охотней и верней *суседями*. Сближаясь интересами, делали и судили дела за *единый дух*, в полное согласие: своего не давали в обиду. Как на Прусскую улицу в Новгороде, населённую боярами, хаживали с боем другие улицы, и на Торговую подымался Людин конец, где жила рабочая и трудовая чернь, так и в остальных старых лесных городах ходили кулачным боем, стенка на стенку, на Проломную или Пробойную (срединную) улицу Ильинская (нагорная) и Власьевская (окрайная). По русскому древнему обычаю, где ссорились и дрались, тут же вскоре и мирились, как в те времена, когда бои затевались из-за политических несогласий, так и потом до наших дней, когда большие вопросы измельчались до домашних дразг, до простого желания поразправить свои могутные плечи, ради удовольствия и досужества или из уважения к обычаям родной старины. Задорнее других были улицы плотницкие и гончарные, сильнее всех — мясницкие, или, по-старинному, *кожемяки*, — вольный слободский народ из окольных пригородных слобод.

Захотят свести счёты — и пустяшный повод разожгут из конца в конец города так, что станет каждому досадно и всем невтерпёж.¹² А вышла стена в улицу, и мальчишки вперёд бегут задирать, другая стенка смекает и, как вода с гор сливается, она выступает навстречу первой, не медля. Бежит каждый в кучу, в чём слух застал, и, засучив рукава выше локтей, каждый приготовился к бою. Когда направят ребятишек, тогда разгорятся,

и сами погонят малых назад. Большие и сильные начнут выступать, могучие силачи — *кирибеевичи* — издали смотрят и ухмыляются, пока не придёт их час и не позовёт своя ватага на дело, в помощь. Были на улицах свои старосты, — бывали и свои молодцы-силачи, по двадцать пять пудов поднимали и клали на сторону лихих супротивников, как снопы по десятку. Были на улицах свои силачи (теперь их смирили и повывели), были и свои красавицы; нарождались свои обиды и придумывались насмешливые прозвища и укоры за недостатки и прегрешения; жили свои свахи и знахарки. И непременно для всякой избы, в каждой улице, обязательны были свои праздники, с пирами и пирогами, с гулянками, брагой и орехами. На кулачных боях подерутся, изместят накопелые за долгое время обиды на сердце, а на уличных праздниках — *братчинах* — помирятся, размоют руки¹³ и нагуляются. Оттого-то мудрёный смысл русской улицы, опять на народном языке извратился: *улицей* стали называть всякую гулянку с хороводными песнями, соберётся ли она у деревенской часовни или на лужайке за овинами. Улица этого рода и звания не лежит неподвижно в пыли и грязи, а капризно кочует с облюбленного места на хорошее, новое, — в последние времена в московских ситцах и суконных сибирках, весёлыми ногами и с улыбающимися праздничными лицами.

«Петровскіе сусѣди, — пишет старая летопись, — разбивши костерь старый (то есть башню, как называли их во Пскове) у Св. Петра и Павла, и въ томъ камени создаша церковь святыи Борисъ и Глѣбъ».¹⁴ Вот и указание на время праздников и повод к ним, если только они падают непременно на летнее время и, по возможности, на безработное. Богатые города, впрочем, последнего не соображали; им до этого дела не было: на город всегда работала деревня, и за него она хлопотала. На улице в городе тогда и праздник, когда подойдёт он в главном или придельном храме той церкви, которую, действительно, всегда строили на своей грязной улице, своим трудом и коштом вкупе и складе вся жилецкая улица. Если попадёт тот церковный праздник на тёплое время, придумается такой, когда чествуют какую-либо явленную или чудотворную икону Пречистой Богоматери. Впрочем, большая часть и таких богородских празднеств как раз установлена на летнее время: и казанская, и тихвинская, и

смоленская — всероссийские и другие многие местные, *местночтимые*.

Не без причины приводится подольше останавливаться на этом объяснении обиходной и столь распространённой поговорки. Как тот же огонь, который исключительно жёг старинных попов — *на улице праздник*, представляемый в лицах, становится уже таким же преданием и с таким же правом на полное забвение. Мы переживаем теперь именно это самое время. Однако, около сорока пяти лет тому назад я ещё был очевидцем и свидетелем такого уличного праздника в далёком, заброшенном и полузабытом костромском городе Галиче, который некогда гремел на всю Русь своим беспокойным и жестоким князем Дмитрием Шемякой, и до сих пор славится плотниками и каменщиками.¹⁵

В моей детской памяти ярко напечатлелось необычное повсюдное безлюдье в городе, не исключая всегда шумливой рыночной площади, и припоминаются теперь огромные толпы народа, сгрудившиеся на одной улице, главной и трактовой, называемой Пробойной. Почтовый ящик не решился по ней ехать и свернул в сторону, зная, что Пробойная на этот день принадлежит празднику. Большие неприятности и очень тяжёлые последствия ожидали того смельчака, который рискнул бы расстроить налаженные хороводы и другие игры. Вся Пробойная превратилась в весёлый и оживлённый бал, развернувшийся во всю ширину и длину её: «Улица не двор — всем простор». Несколько хороводов кружилось в разных местах чопорно и степенно по городскому, с опущенными глазами, с подобранными сердечком губами, выступая в середине густой стены из добрых молодцов, ещё в длинных на тот раз сибирках, теперь, ради куцего пальто и жилетки, совершенно покинутых.

Все девушки вертелись в кругу с лицами, закрытыми белыми фатами, в бабушкиных, шитых позументами и унизанных камнями, головных повязках и надглазных поднизях, или рясках, в коротеньких со сборами парчовых безрукавных телогреях, в широких, вздутых на плечах кисейных рукавах и со множеством колец на руках (галицкий наряд пользовался на Руси, вместе с калужским и торжковским, равной известностью и славой). Хороводы собственно были очень чинны и степенны, а потому скучны. Ни одна девушка не решалась поднять фаты,

а покусившийся на это смельчак жестоко поплатился бы, перед молодёжью-уличанами, своими боками. Веселились собственно на том и другом конце, где большие и малые играли в городки или чурки. И в самом деле, было забавно смотреть, когда из победившей партии длинный верзила садился на плечи крепкого коротыша и ехал на нём от кона до кона, и гремела толпа откровенным несдерживаемым хохотом. Веселились ещё по домам, смотревшим на эту улицу, большей частью, тремя или пятью окнами, где для степенных и почтенных людей было сварено и выдержано на ледниках чёрное пиво и брага и напечены классические рыбники, поддерживавшие славу города, который расположился около тинистого большого озера, прославившегося в отдалённых пределах северной России ершами, крупными и вкусными.

Теперь эти праздники там совершенно прекратились, когда, на смену хоровода, привезли из европейской столицы прямо от Марцинкевича¹⁶ досужие питерщики французскую кадрили. Готовые пальто и дешёвые ситцы победили в конец бабушкины сарафаны и шубейки, и в народные песни втиснулся нахалом и хватом, с гармонией и гитарой, кисло-сладкий ветреный и нескромный романс. Теперь и в глухих местах пошло всё поновому, и на улицах праздников мы больше никогда не увидим, и иных, как только эти иносказательные, пословичные, понимать не будем.

БАКЛУШИ БЬЮТ

Баклуши бить — промысел лёгкий, особого искусства не требует, но зато и не кормит, если принимать его в том общем смысле, как понимают все и, особенно здесь, в Петербурге, где на всякие пустяки мастеров не перечесть, а по театрам, островам и по Летнему саду — их невыгребная яма.¹⁷ Собственно, незачем и ходить далеко, но за объяснением коренного слова надобно потрудиться, хотя бы в такую меру, чтобы подняться с места, пересечь в Москве в другой вагон и, оставив привычки милого Петербурга, снизить вниманием, не фыркая и не ломаясь Хлестаковым, до Нижнего Новгорода. Нижним непременно

но и обязательно следует по пути полюбоваться: стоит он того! Перехвастал он и острова, и Поклонную гору, что под первым Парголовым.¹⁸ Красота его видов — неописанная. Есть у него соперник в городе Киеве, да ещё обе эти силы не мерили и не вешали, а потому сказать трудно, кто из них внешним видом привлекательнее и красивее.

Если посмотреть на Волгу и её берега со стороны города, хотя бы с так называемого и столь знаменитого Откоса, то простор, разнообразие и широкое раздолье в состоянии ошеломить и ослепить глаза, обессилевшие в тесных и душных высочайших коридорах столичных улиц и проспектов. Там, на Волге, в этом месте всё есть, к чему бессильно стремятся всяческие, и все вместе взятые, театральные декорации, размалёвываая прихотливые изгибы реки, зелень островов и бледноватую синеву леса, обыкновенно завершающие задние планы картины. Всё это здесь могущественно и величественно, как те две реки, которые вздумали именно в этом месте начать обоюдную борьбу своими водами. На них — перевозный паром, на котором установлено до двадцати телег с лошадьми, и работает до десяти крепких татарских спин вёслами, величиной в газовый столичный столб.

Этот уродливый и большой дощаник кажется ореховой скорлупкой. До того высока гора и до того мелко, как игрушечные изделия на вербах, вырисовываются на противоположном низменном берегу церкви села Борок. Теперь уже оно не оправдывает своего лесного названия: леса очень далеко ушли вглубь синеющего горизонта. Но зато какие это леса, те, которых не видно (но они ещё уцелели там, дальше, за пределом, положенным силе человеческого взора), леса *чернораменные*:¹⁹ керженские, ветлужские! Их редкий из читающих людей не знает. Ими вдохновился покойный знаток Руси П. И. Мельников (Андрей Печерский) в такую меру и силу, что написанная им бытовая поэма сделала те леса общественным народным достоянием, в виде и смысле крупного художественного вклада в отечественную литературу.

Следом за ним на короткое время и мы заглянем сюда, в эти интересные леса, куда П. И. Мельников сумел так мастерски врубиться для иных целей. В этих первобытных дремучих дебрях, которые также начинают изживать свой достопамятный

век, хотя, после П. И. Мельникова, и не осталось щепы, зато процветает ещё щепеное промысловое дело.

В самом деле, эти боры и раменья или совсем исчезли, или очень поредели: много в них и обширных полян, и широких просек, и ещё того больше ветровалов и буреломов, то есть либо поваленных вырванными с корнем, либо переломленных пополам яростным налётом ураганов. Правду сказать, таких сорных и неопрятных лесов нигде больше не встречается, не по одной лишь той причине, что здесь производится издавна опустошительная порубка деревьев на продажу, которой подслужилась столь известная в истории староверия река Керженец. В лесах этого Семёновского уезда Нижегородской губернии издавна завёлся и укрепился промысел искусственной обработки дерева в форме деревянной посуды, говоря общепринятым книжным термином, или, попросту, заготавливается на всю Русь и Азию *горянцина*, или щепеной²⁰ товар: крупная и мелкая домашняя деревянная посуда и утварь. Сильный ходовой товар — лопаты, лодки-долбушки (они же душегубки), дуги, оглобли, гробовые колоды (излюбленные народом, но запрещённые законом). Для разносных и сидячих торговцев, с лёгким или съестным товаром и для хозяйства — лотки, совки, обручи, клёпки для сбора и вязки обручной посуды — это горянцина; и мелочь: ложки, чашки, жбаны для пива и кваса на столы, корыта, вёдра, ковши — квас пить, блюда, миски, уполовники и другое — это щепеный товар. От этой мелочи и мастера точильного посудного дела называются *ложкарями*. Они мастерят и ту ложку *межеумок*, которой вся православная Русь выламывает из горшков крутую кашу и хлебает щи, не обжигая губ, и *бутызку*, какую носят бурлаки за ленточкой шляпы на лбу вместо кокарды. Они же точат и те круглые расписные чашки, в которых бухарский эмир и хивинский хан подают почётным гостям лакомый плов, облитый бараньим салом или свежим ароматным гранатным соком, и в которые бывшая французская императрица Евгения бросала визитные карточки знаменитых посетителей её роскошных салонов.

Для такого почётного и непочётного назначения ходит с топором семёновский мужик по раменьям, то есть по сырым низинам, богатым перегноем. На них любит расти быстрее других лесных деревьев почитаемое всюду проклятым, но здесь почтённое дере-

во — осина.²¹ Оно и вкраплено одиночными насаждениями среди других древесных пород и силится устроиться рощами, имеющими непривлекательный вид по той всклокоченной, растрёпанной форме деревьев, которая всем осинам присуща, и по тому, в самом деле, отчаянному и своеобразному характеру, что осиновая роща, при сероватой листве, бедна тенями. Её сухие и плотные листья не издают приятного для слуха шелеста, а барабанят один о другой, производя немелодический шорох. Это-то неопрятное и некрасивое, сорное и докучливое по своей плодовитости дерево, которое растёт даже из кучи ветровалов, из корневых побегов и отпрысков, трясёт листьями при лёгком движении воздуха, горит сильным и ярким пламенем, но мало греет, — это, не похожее на другие, странное дерево кормит всё население семёновского Заволжья. Полезно оно в силу той своей природной добродетели, что желтовато-белая древесина его легко режется ножом, точно воск, не трескается и не коробится, опять-таки, к общему удивлению и в отличие от всех других деревьев.

Ходит семёновский мужик по раменьям и ищет самого крупного узорочного осинового пня, надрубая топором каждое дерево у самого корня. Не найдя любимого, он засекает новое и оставляет эти попорченные на убой лютому ветру. То дерево, которое приглянется, мужик валит, а затем отрубает сучья и вершину. Осина легко раскалывается топором вдоль ствола, крупными плахами. Сколет мужик одну сторону на треть всей лесины, повернёт на неё остальную сторону и её сколет, попадая носком топора, к удивлению, в ту же линию, которую наметил, без циркуля, глазом. Среднюю треть древесины, в вершок толщиной, или рыхлую сердцевину, он бросает в лесу: никуда она не годится, потому что, если попадёт кусок её в изделие, то на этом месте будет просачиваться всё жидкое, что ни нальют в посудину. Наколотые плахи лесник складывает тут же в клетки, чтобы продувало их: просушит, и затем, по санному пути, свезёт их домой. Эти плашки зовут *шабалой* и ими же ругаются, говорят: «Без ума голова — шабала». Есть ли ещё что дряннее этого дерева, которое теперь лесник сложил у избы, когда и цены такой дряни никто не придумает? Есть ли и человек хуже того, который много врёт, без отдыха мелет всякий вздор, ничего не делает путного и мало на какую работу пригоден?

Шабалы семёновский мужик привёз в деревню *оболванивать*: для этого насадит он не вдоль, как у топора, а поперёк длинного топорища полукруглое лёзо и начнёт этим *теслом*, как бы долотом, выдалбливать внутренность и округлять плаху. Сталась теперь из шабалы *баклуша*, та самая, которую опять надо просушивать и которую, опять-таки, пускают в бранное и насмешливое слово за всякое пустое дело, за всякое шатанье без работы с обычными пустяковскими разговорами. Ходит глупая шабала из угла в угол и ищет, кого бы схватить за шиворот или за пуговицу и поставить своему безделью в помощники, заставить себя слушать. Насколько нехорошо в общежитии *бить баклуши* — всякий знает без дальних объяснений; насколько нехитро сколоть горбыльки, стесать не годную в дело блонь, если тесло само хорошо тешет, — словом, бить настоящие, подлинные баклуши — сами видим теперь. Таких же пустяков и ничтожных трудов стоит это праховое дело и в промысле, как и в общежитии.

В самом деле, притесал мужик баклушу вчера и дальше ничего с ней поделать не может и не умеет, — так ведь и медведь в лесу дуги гнёт, — за что же баклушнику честь воздавать, когда у него в руках из осинового чурбана ничего не выходит? Впрочем, он и сам не хвастается, а даже совестится и побаивается, чтобы другой досужий человек не спросил: каким-де ты ремеслом промышляешь? Однако, с баклушника начинается искусство токарное. Приступают к самому делу токари, лошкар: мастера и доточники (настоящие), по общему правилу, с Покрова и работают ложки и плошки до самой Св. Пасхи. Вытачивают, кроме осиновых, из баклуш берёзовых, редко липовых, а того охотнее из кленовых. За ложку в баклушах дают одну цену, за ложки в отделке ровно вдвое. При этом осиновая ценится дороже берёзовой, дешевле кленовой. Да и весь щепеный товар из всех изделий рук человеческих — самый дешёвый: сходнее его разве самая щепа, но и та, судя по потребам, в безлесных местах лезет иногда ценой в гору. Если дешева иголка по силе и смыслу политико-экономического закона разделения труда, то здесь около деревянной посуды ещё подробнее разделение это, когда ложка пойдёт из рук в руки, пока не окажется *завитой* (с фигурной ручкой), *заолифленной* (белилами, сваренными на

льняном масле) и подкрашенной цветным букетом, когда, одним словом, её незачем и исправнику подложить к яичнице-скорородумке на чугунной сковородке, с топлёным коровьим маслом. Для господ и сами лошкарки готовят особый сорт: *носатые* (остроносые) и тонкие самой чистой отделки: «Едоку и ложкой владеть».

Ложка в привычных руках так быстро оборачивается, что один человек вытачивает их в день до двухсот пятидесяти штук из берёзовых и осиновых баклуш. Кленовых больше полутора-ста в день не успевают сделать, зато им и цена другая: за тысячу белых из берёзы и осины дают пять-семь рублей; за ту же тысячу кленовых двадцать пять-тридцать рублей. Если бы не отставал от ремесла семёновский лошкар (всё-таки коренной землепашец) на весеннюю, летнюю рабочую пору, то есть ровно на полгода, он, при скорости и лёгкости работы, завалил бы ложками и чашками все базары и ярмарки в России, и между ними не пройти бы покупателям ни к каким другим рядам — из ряда *горянского*.

Стоит у лошкарка его мастерская в лесу: это — целая избушка на курьих ножках, без крыши, только под потолочным накатом и немшоная: лишь бы не попадал и не очень бил косой дробный дождик в лицо и спину. В избе дверь одна, наподобие звериного лаза, и окно одно подымное, да другая дыра большая. В эту дыру просунул хохломский токарь²² толстое бревно, насадил на том его конце, который вывел в избу, баклушу и приладил к ней точильным инструментом. К другому концу бревна, что вышел на улицу, прицепил лошкар колесо, а к нему привязал такую лошадь, на которую, если свиснуть, она остановится, если крикнуть да нукнуть, она опять начнёт медленно переставлять разбитые ноги. Ей всё равно: она знает, что надо слушаться и ходить, надо хвостом вертеть, а иногда и сфыркнуть в полное наслаждение и для развлечения. Тпру! — значит десять чашек прорезал резец — теперь другую баклушу следует насаживать на бревно, а готовые чашки с того бревна, то есть баклуши будут откалывать другие. В третьих руках ложечная баклуша так отделается, что станет видно, что это будет ложка, а не уполовник. Четвёртый её выглаживает, пятый завивает ручку; у шестых она подкрашенной сушится в печах и разводит в избе такую духо-

ту и смрад, что хоть беги отсюда назад и прямо в лес. Кто бы, однако, ни купил потом эту ложку, всякий сначала её ошпарит кипятком или выварит, чтобы эта штучка была непоганая да и не липла бы к усам и губам.

Покупать у лошкарей готовый щепеный товар станут *лошкарники*, кто этим товаром торгует в посаде Городце и селе Пурехе (в последнем главнейшим образом). Они умеют доставлять и продавать эти дешёвые, но непрочные изделия туда, где их успевают скоро изгрызать малые ребята, делая молочные зубы, и ломают сами матери, стучая больно по лбу шаловливых и балованных деток, привыкших дома бить баклуши.

ЛЯСЫ ТОЧАТ

В тех же заволжских лесах, о которых было сказано прежде, и где бьют настоящие баклуши и вытачивают из них бесконечного разнообразия вещи, также не обманным, а настоящим образом *точат лясы*, или *балясы*.

Там не ведут шутливых разговоров на весёлое сердце в свободный час и досужее время, истрачивая их на пустяки или *лясы*, на потешную или остроумную болтовню. Усердно и очень серьёзно из тех же осиновых плах точат там фигурные балясины, налаживая их наподобие графинов и кувшинов, фантастических цветов и звериных головок, в виде коня или птицы: кому как вздумается и взбредёт на ум, или кто как выучен с малых лет. Работа весёлая позывает на песню и лёгкая уже потому, что даёт простор воображению и нередко руководится рисунком, которым можно угодить, заслужить похвалу и *наводку*. Делается напоказ для бахвальства и идёт на украшение лестничных перил, поручней на балконах и тому подобного — всё не в прямую пользу и не для всякого мужика, сколько его ни народилось на свете, а только для богатого и, стало быть, тщеславного. В глазах ложкарей, приготовляющих нужные всем и полезные вещи, такое весёлое занятие кажется менее внушающим уважения за последствия, и точёные, на разный рисунок, столбики — пустяковиной сравнительно с ложкой, чашкой и уполовником. Лесной житель привык видеть в при-

роде отупляющее однообразие и обязан всегда любоваться её строгим и хмурым видом и среди неё жить чаще буднями, чем праздниками. С другой стороны, на обоих оживлённых берегах Волги, среди открытого простора и бесконечного движения, особенно *на горах*, народились охотники на яркие и пёстрые безделушки, которым придают они большую цену, — особенно богатые судохозяева.

Отвечая спросу и угождая вкусу поволжских богачей, в среде семёновских токарей издавна завёлся особый сорт промышленников, которых и называли *белясниками*. Их досужеству обязаны были своей пестротой и красотой все те суда, в особенности коноводки и расшивы, которые плавали вдоль Волги. Когда они выстраивались рядами во время Макарьевской ярмарки, в самом устье Оки, вдоль плашкоутного наводного моста, — выставка эта была, действительно, своеобразной и поразительной. Такой в иных местах уже и нельзя было встретить. Она, местами, напоминала и буддийские храмы, с фантастическими драконами, змеями и чудовищами. Местами силилась она уподобиться выставке крупных по размерам и ярких по цветам лубочных картин, а всё вместе очень походило на нестройную связь построек старинных теремов, где балкончики, крыльца, сходы и повалуши громоздились одни над другими и кичились затейливой пестротой друг перед другом. Идя по мосту с Нижнего Базара города на песчаный мыс ярмарки, нельзя было не остановиться, и можно было подолгу любоваться всем этим неожиданным цветным разнообразием.

Строгий деловой и казённый вид однообразных пароходов, которые в последнее время, по американскому способу, стали уподобляться даже настоящим многоэтажным фабрикам и заводам, сбил спесь с расшив и коноводок до такой степени, что они теперь почти совершенно исчезли. Исчезло, с ними вместе, в семёновских лесах и специальное ремесло белясников, уступив места подложным, — тем ловким людям, которые *лясы точат* — *людей морочат*, хвастливыми речами *отводят глаза* и *заговаривают зубы*, а угодливыми поступками *берут города*, то есть всё то, чего не достигают другие люди честным трудом и прямыми заслугами. Много таких мастеров в больших городах и в высших сословиях.

ЛАПТИ ПЛЕТУТ

Лапти плести в иносказательном смысле собственно значит *путать в деле и в разговоре*. Так, по крайней мере, понимает сельщина и деревенщина: «Путает, словно кашу в лапти обувает». В городах применяют это выражение к тем, которые медленно, вяло и плохо работают, и применяют, пожалуй, так же основательно, так как самый хороший и привычный работник на заказ успевает приготовить в сутки лаптей не больше двух пар. Легко плетутся: подошва, перед и обушник (бока); замедляется работа на запяточнике, куда надо свести все лыки и связать петлю так, чтобы, когда проденутся оборы, они не кривили бы лаптя и не трудили бы ног в одну сторону. Не всякий это умеет. «Царь Пётр, — говорит народ, — всё умел делать, до всего дошёл сам, а над запяточником лаптя задумался и бросил. В Питере тот недоплетённый лапоть хранят и показывают». Оправдывая таким неверным сказанием самое немудрёное дело на свете, предоставленное в деревнях ветхим старикам, которые уже больше ничего не могут делать, народ около лаптя умудрился выискать некоторые поучения, выдумал и пустил в оборот ещё несколько обиходных выражений. Из области технических деревенских производств вообще взято довольно выражений для живого языка и ежедневного руководства. Кому, например, не удавалось слышать на своём веку, как *гну́т* (или *несут*) *околесную*, — говорят пустяковину, и притом длинно, бесконечно, как след колеса кладут по окольной дороге. Точно также все слыхивали, как сулят друг другу *рожна́* — заострённый кол и притом в наклонном положении, тычком, — и тому подобное, в таком обильном количестве, что за всем невозможно уследить.

Кто шатается без дела и не находит места, где бы найти работу и присесть за неё, — тот *звонит в лапоть*. Кто вдруг и сразу захотел сделать дело, да не вышло, — остался хвастливый не при чём, — говорят тому в укор: «Это не лапоть сплести!» Обеднел кто по своей неосмотрительности, которая, однако, не возбуждает сожаления, про того говорят, что он переобулся из сапог в лапти; а случается, что *переобувают* другие ловкие люди — товарищи в деле и в предприятии. На кого ничем нельзя угодить, хоть разорвись, — на того *чёрт плетёт лапти по три года кряду*.

Собственно, *лапти плестъ* — *одновá в день есть*: немного зарабатываешь, потому что пара лаптей дороже трёх и пяти копеек бывает редко, и то подковыренная паклей или тем же лыком. Между тем, на этого явного и всеми основательно обвинённого врага и злодея красивых и, по применению к общежитию, наиболее полезных и дорогих деревьев истрачивается ежегодно неисчислимая масса. Достаточно вспомнить, что на лыки для пары лаптей обдирается три молоденьких липовых деревца, и что только в таком раннем возрасте (до четырёх-шести лет) они способны удостоиться чести превратиться в обувь. Её добрый мужик в худую пору изнашивает в одну неделю в количестве двух пар.

Происходит это от умения ровно подбирать сплошной ряд лыковых лент в дорожку по прямой черте, а также и от добросовестного выбора только самых чистых лык. Не всякое лыко годится в лапотную строку, отсюда и распространённое выражение *не всё в строку, не всякое лыко в строку*, обращаемое советом к тем, которые чрезмерно взыскательны и строги, и к тем, которые неразборчивы в делах, расточительны до излишества в словах и тому подобного. «Не всё лыком, да в строку», — кое о чём можно и помолчать.

Пока ещё дадут мужику возможность обуться в сапоги и в том ему помогут, лапоть всё-таки сохранит достоинство отличной обуви: дешёвой и лёгкой для ходьбы по лесам, и при том, зимой — тёплой, а летом — прохладной. Свалился он с ног на улице или завяз в грязи — не жалко, слёз терять не станут, а догадливая баба поднимет на палку и поставит в огороде: начнёт лапоть ворон и воробьёв пугать.

В ДУГУ ГНУТ

Не в иносказательном, всем понятном смысле, а в прямом, породившем это общеупотребительное *крылатое слово* дуги гнут не одни только медведи, а те же простые мужики-сермяги. Медведи в лесу дуги гнут — не парят, а если переломят, то не тужат.²³ Парит и тужит тот, кто работает этот покупной и ходовой товар на базары обычно в то время, когда настоящий медведь, отыскавши ямы в ветровалах, заваливается в них спать до первых признаков

весны. Зимой — временем, столь вообще властным в жизни нашего народа, — и дуги гнут, и колёса тут же, по соседству, работают и сами же собирают их. Особых мест не предоставлено: самый промысел стал теперь кочевать, отыскивая подходящие леса в нынешнее время их поголовного и бессовестного истребления. Например, ильмовые и вязовые дуги считались самими лучшими и предпочитались другим, а теперь там, где властвовало чернолесье (в срединной России), илим, как говорят, ходит в сапожках, то есть можно ещё найти, но деревья оказываются никуда не годными: всегда с гнилой сердцевиной. Поневоле стали обращаться к ветле и осине. Осина и на этот раз нуждающихся в ней выручает. В тридцать пять-пятьдесят лет возрастом та осина, которая вырастает на *суборовинах*²⁴ или на возвышенных местах, прилегающих к настоящим борам, не хрупка и прямослойна, а потому признаётся годной: из неё гнут дуги и ободья. Но где же ей сравниться с высокими качествами древесины илима или вяза? Если живописному дереву вязу задалась глубокая и рыхлая, а в особенности свежая и сырая почва по низменным пологостям рек и оврагов, он даёт древесину очень вязкую и твёрдую, крепкую и упругую. Её трудно расколоть: она не боится ударов и при этом прочна. С ней много хлопот столярам, но зато в изделии она красива по тёмно-коричневому цвету ядра и по широкой желтоватой заболони, и хорошо при этом полируется.

На смену исчезающих вязов всегда, впрочем, годится и даже напрашивается ветла или ива различных пород и многочисленных названий: верба, ракита, бредина, лоза, чернотал, шелюга и так далее. По России она распространена повсеместно, а в средней полосе, где умеют гнуть дуги и полозья, она является в наибольшем количестве. Ивушка за то воспевается в песнях чаще прочих дерев, потому что докучливо мечется в глаза: по лесам, между другими деревьями, по рекам, оврагам, на выгонах, по сырым покосам. Может она расти на сухих песках и бесцеремонно лезет в чистые мокрые болота, причём растёт необыкновенно скоро: даже срубленный пень быстро покрывается множеством молодых побегов. Вот почему и дуга — чаще ветловая, уподобляемая весьма образно в живом народном языке человеческой неправде: «Если концы в воде, так серёдка наружу; когда серёдка в воде — концы наружу».

За то, что эти деревья упруги, — с ними обычно поступают так. Сначала непременно парят. На это дело годится всякая жарко натопленная банька, а где уже этим промыслом живут и кормятся, там относятся к делу с большим вниманием и почтением. Там гнут дуги на две руки: либо на котловой, либо на огневой парне. Для этого приспособлены и особые заведения: простой деревянный сруб, смахивающий на плохую избёнку, аршина на два в вышину. На потолке навалено земли и дёрна, сколько он сможет сдержать, а сквозь стены внутрь проведены две слеги и прорублена дыра с дверкой, чтобы можно было пролезать. В оконце мужик влезет, на слегах уложит вязовые кряжи, на полу зажжёт поленья дров и вылезет вон чернее чёрта. Дверцу в оконце за собой он запрет. Дрова тлеют, а кряжи млеют. Вётлы и вяз так распариваются, что гни их потом, куда хочешь. Это — огневая парня. А если налить водой котёл, положить под него огонь и заставить пустить пар так же в наглухо закрытую парню, то и сыр-могуч дуб сдаётся: придвигай теперь станок и сгибай дерево — не сломится. Свяжи только концы верёвкой, даже хотя бы и мочалом (ценой всего на копейку) и оставь лежать: кряж попривыкнет, слежится, ссыхаясь и замирая так, как ты того хочешь. Когда дуги остынут, их обтёсывают топором, потом проходят скобелью, затем просушивают в тёплых избах. На просушенных можно уже вырезать всякие узоры, а потом и кольцо продеть, и колокольчик повесить. На охотников, сверх всего, готовится краска из коры крушины (которую кое-где, кстати, называют *кручиной*). Толкут её в порошок и разводят кипятком: выходит оливковый цвет. В расписной, кичливой дуге и не узнаешь теперь красивого вяза и величественного, гордого и могучего дуба.

КОЛОКОЛА ЛЬЮТ

— По городу сплетни пошли, и одна другой несбыточнее и злее, — что это значит?

— Колокол где-нибудь льют.

— По деревням бродят вести и соблазняют народ на веру в них. Иная хватает через край, а хочется ей верить: придумано ловко.

— Не верьте, не поддавайтесь: это — колокольный заводчик прилаживается расплавленный колокольный состав из олова и меди вылить в форму и застудить, чтобы вышел из печи тот вестовщик, который, как говорит загадка, сам в церкви не бывает, а других в неё созывает.²⁵

Этот обычай родился, конечно, в то время, когда деревянные и чугунные доски, подвешенные к церковным дверям, начали заменять звонкими благовестниками. Шёл обычай, вероятно, из Москвы, где, кстати, на Балканах, рядом и о бок с колокольными заводами, живут в старых и ветхих лачужках первые московские вестовщицы и опытные свахи. Вся задача на этот раз состоит в том, чтобы пустить слух самый несбыточный и небылицу поворотить на быль. Мудрено ли? С древних времён мудрёные небылицы и дикие вести и слухи привыкли ходить по стогнам этого города на тараканьих ножках, и под них здесь никогда не нанимали подвод.²⁶

Выходила сплетня обыкновенно прямо с колокольного завода, а выпускали её в угоду хозяину и с полной верой в её несомненную пользу, как обязательный придаток к искусству отливки, заинтересованные удачей дела его пособники. С Балкан быстро перелетала весть, как по телеграфной проволоке, в Рогожскую, оттуда перекидывалась, как пожарная искра по ветру, в благочестивое Замоскворечье, а отсюда разлеталась мелкими пташками по Гостиному двору и по всем трактирам, с прибавками и подвесками.

— Проявился человек с рогами и мохнатый: рога, как у чёрта. Есть не просит, а в люди показывается по ночам: моя кума сама видела. И хвост торчит из-под галстука. Поэтому-то его и признали, а то никому бы не в догадь.

Это глупое известие — самое употребительное в таких случаях везде и в такой степени, что его можно назвать *колокольным*. Конечно, бывают и другие сплетни, каких в Москве вообще не оберёшься. Доходит дело до того иногда, что самые недоверчивые люди впадают в сомнение: в сущую ли правду следует верить ходячему слуху или и в самом деле какой-нибудь тороватый церковный староста заказал новый колокол?

Вообще следует сказать, что этим церковным благовестникам не только приписывается врачебная сила (например, для

глухих, для больных лихорадками и проч.), но народное суеверие зачастую подозревает в них нечто мыслящее и действующее по своему желанию. Так, например, один сослан был в ссылку за то, что, когда во время пожара хотели бить набат, он *гулку не дал*. Царь Борис углицкий колокол сослал в Тобольск за то, что он целый город собрал на место убиения царевича Димитрия.²⁷ При подъёмах новых на колоколенные башни иные упрямятся и не поддаются ни силе блоков, ни тяге верёвок, предвещая нечто недоброе и во всяком случае зловещее. В Никольском уезде Вологодской губернии, на реке Вохме, невидимый колокол отчётливо и слышно звонил, указывая место, где надо было строить церковь. Это было в 1784 году. В 1845 году эта церковь сгорела: причём колокола тоскливо и жалобно звонили, — и с той поры сберегается там поговорка: «Звоном началась — звоном и кончилась». Не говорим уже о чрезвычайном множестве провалившихся городов с церквями, которые не перестают в известные дни слышно звонить и под землёй, и под водами в реке нижегородского города Большого Китежа.²⁸ В одной Белоруссии я знаю таких мест больше десятка. В заволожских лесах Макарьевского уезда Нижегородской губернии большой колокол Желтоводского монастыря будто бы и по сие время подаёт знак на Св. Пасху в святую заутреню, когда начинать христосоваться в тех селениях, которые разобщены с сёлами и лежат среди дремучих лесов, в шестидесяти верстах от города Макарьева, и т. п.

Не забудем также и тех исторических фактов, когда колокола имели даже и политическое значение. Перевозка их из одного города в другой служила одним из знаков утраты самостоятельности. Оба вечевые, новгородский и псковский, перевезены в Москву; псковичи так и говорили царскому послу: «Волен князь в нас и в колоколе нашем». В XIV веке Александр Суздальский, возведённый ханом в достоинство великого князя, перевёз соборный колокол из Владимира в Суздаль. Тверские князья Константин и Василий Михайловичи должны были отправить в Москву соборный колокол, как знак зависимости от Калиты, и т. д.

В самой Москве, в которой ещё в XVII веке, по свидетельству иноземцев, насчитывалось до пяти тысяч колоколов *див-*

ных слышанием, — впоследствии оказалось удобным *стоять под колоколами*, в прямом и переносном смысле, то есть в последнем значении *слышать* не всегда подколокольный звон, но и сущую *правду-матку*. В шестидесятых годах мне показывали в Москве того оглашённого, который *ходил под колоколами*, то есть принял столь редкую, вообще, но не уничтоженную и новым законом *очистительную присягу*.²⁹

Ограбил он, под видом опекуна, капитал сирот, и когда подросшие наследники потребовали отчёта, а улики и доказательств никаких в руках не имели, он согласился *пройти под колоколами*. Обычно сделали ему сначала увещание в церкви, и он потом присягал на кресте и евангелии при колокольном звоне вовсю и среди всенародного множества, которое едва не разрушило церковные стены. Шёл он туда посреди живой стены народа с непокрытой головой, но вышел (как и всегда во всех таких случаях) неоправленным: люди таким крайним и резким случаям опасаются верить. Они внутренне убеждены, что «Бог очистительной присяги не принимает». Она остаётся лишь в виде добровольной сделки ответчика со своей совестью, да приканчивает дело с наследниками или, вообще, с обвинителями, не добившимися удовлетворения иными средствами.

Московский купец, среди белого дня, на виду всей Ножевой линии Гостиного двора, наполненной праздными зубоскалами и несомненными остряками, — купец, прогулявшийся по Красной площади под колоколами Василия Блаженного и Казанской, считался человеком отпетым: на него указывали пальцами. Жил он, точно на том свете, всеми покинутым и презируемым.

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ

Рассказ довольно простой для объяснения и к тому же весьма известный. Кто его успел забыть, тем напомним.

Украл что-то вор тихо и незаметно и, конечно, скрыл все концы в воду. Искали и обыскивали — ничего не нашли. Думалось на кого-нибудь из своих близких. К кому же обратиться за советом и помощью, как не к знахарю? И, не знаясь с бесом, он, как колдун, умеет отгадывать.

Знахарь повёл пострадавших на базар, куда обыкновенно все собираются. Там толпятся кучей и толкуют о неслыханном в тех местах худом деле — всё о том же воровстве.

В толпу эту знахарь и крикнул:

— Поглядите-ка, православные: на воре-то шапка горит.

Не успели прослушать и опомниться от зловещего крика, как вор уже и схватился за голову.

Дальнейшего объяснения не требуется, но два однородные рассказа просятся под перо. В видах же полноты и надлежащей точности, обязан я напомнить о существовании однородных анекдотов — из восточных азиатских нравов — например, один записан в каком-то даже учебнике для переводов с русского под мудрёно-длинным заголовком «Верблюдоовожатый». Тем не менее, два, представляемые мной, — коренные русские.

Посланный министерством государственных имуществ лесничий (по фамилии, сколько помнится мне, Боровский) описывал леса Печорского края и бродил по ним, тщетно разыскивая цельные листовичные рощи, — ходил, конечно, с астролябией и со съестными запасами. За ним бродила целая партия рабочих — таких простаков, что даже позднее этого события я не нашёл у них замков, кроме деревянных против блудливой рогатой скотины. У этих устьцылемов³⁰ также, по обычаю, была сплочена артель, хотя она, при таком казённом деле и заказе, и не нужна была вовсе. Сбились в артель, или *котляну*, как говорят там, то есть *покрутились* все в один котёл и кошель, или составили артель продовольственную, чтобы уваривались щи погуще, а каша покруче: «Артельно за столом, артельно и на столе».

Всё шло хорошо. Котляна была крепка и работой, и товарищеским согласием. Ходит лесничий по глухой и мокрой тайболе — не налюбуется. Вдруг жалоба: пришли все, сколько народу ни было (и вор пришёл, конечно, вместе с прочими), и просят:

— Вор завёлся — изведи! Вот у этого смиренного парня запасные тёплые пимы (сапоги) украли. Где их укупишь теперь, когда заворотят осенины? А в пимах-то были у него деньги запряваны: не так, чтобы очень много, однако, около рубля — говорит.

— Стрелы бы тому в бок, кто такую напасть навёл! Ты — учёный, всё произошёл: помоги нам, укажи вора!

Не желая *дискредитировать науки*, учёный (по званию и в самом деле) лесничий решился поддержать и уважение к себе, и веру в привезённые им из самого Питера знания. Придумал он позвать предварительно на совещание одного старика, который пользовался у всех большим уважением и был, что называется там, *умная башка*.

— Не думают ли на кого товарищи, дедушко? — спрашивал старика молодой лесничий.

— Да все — хорошие люди. Все по артеле-то, что и по работе, равны, как восковые свечи перед Богом в матушке церкви. Одинаково горят!

— Однако, и пальцы на руках не все равны, — заметил лесничий.

— Так ведь эдак-то, борони Бог! — выйдет, пожалуй, у тебя, что кто меньше ростом, тот и виноватый. На такой закон ты не выходи: согресишь! Может оказаться при такой скорости, что все мы тому злему делу причинны. Думай по-божески!

— Есть у вас парень чужой, пришлый — один из всех не ваш: не он ли побаловал? Может быть, ему чужих-то и не жалко?

— Был чужой — стал теперь свой, и парень он больно хороший. Замечаем, по котляне-то, что он есть лютой: *есвяной* такой парень! Ну, да ведь на работушке силу-то тратит, из котла опять её назад берёт. Не сумлевайся, не кори молодца — ох, грех великий!

— На мои глаза больно он шустёр и пройдошлив: ловчей всех ваших.

— А и слава те, Господи! Скоро из котла ложку таскает да есть поторапливается, — это, по нашим приметам, и очень прекрасно. Скор на еду — значит, скор и в работе. Однако, с чужой ложки не хватает: по́што же на него напраслину выводить за это за самое?

Увидел учёный лесничий, что с атаманом артели не сговоришь, у заступника её ничего не добьёшься: правит он закон и обычай — стоит за артель горой.

Послушал лесничий того совета, который сказал ему старик, уходя:

— Коли хочешь узнать сущую правду, ты ищи её по-другому. Сделай милость, не пугай парня, не обижай его и никому на

него не указывай. А я с тем и ухожу, что словно бы и не слышал от тебя ничего. Суди по Божьему!

Оставшись один, лесничий задумался. Перед глазами сыр-бор да мшины, ветровалы да буреломы: ничего от них не допросишься. Вдруг на глаза ему попала астролябия: он так и прискочил с места. Из памяти его никак не выходит тот самый пришлый рабочий: на Печоре он к одному нанимался — отошёл, у другого — тоже не сжил до срока. Надо было показать и старику и артели, что этот человек нетвёрдый, а, стало быть, и ненадёжный, в отмену от прочих и — вероятнее других — виноватый.

Поставил лесничий всех своих рабочих в круг, по знакомому всем им знахарскому способу. Чтобы они не сомневались, он около них и круг очертил палкой, и зачурал:

— Синус — косинус, тангенс — котангенс, диагональ, дифференциал, интеграл. Бином Ньютона выручай! Астролябия и мензула, помогайте!..

Рабочие так и застыли на месте: угадал и угодил барин страшными словами. Когда же он поставил в самой середине их круга астролябию, раздвинул её ножки и сам к ней приблизился, — они уже и глаза опустили в землю, и волосы на бородах не шелохнутся. Заподозренный лесничим рабочий установлен был прямо против северного румба компасика.

— Смотрите все на меня!

Лесничий шибко разогнал стрелку: она посуетилась, помигала под стеклом и встала перед ним остриём прямо против того парня. Его так и взмыло:

— Врёт она на меня. Она сможет указать и на другого. Я не согласен. Надо, по закону, до трёх раз пытаться. Гони её опять!

И во второй раз, конечно, стрелка указала его: все молчат, словно мёртвые. Лесничий опять проговорил *замок*³¹ по-новому и снова разогнал стрелку. Все повыступили с мест; подозреваемый дальше всех. Стрелка побегала, вздрагивая, и, словно охотничья собака, тыкалась и суетилась, обнюхивая и отыскивая виноватое место. Рабочие старались догнать стрелку глазами и, как вкопанные, остановили их вместе с ней на парне. А он уж пал на колени и лицо в траву спрятал. Полежал и говорит:

— Моя вина: берите вашу вещь! Ничего теперь не поделаешь! Ваш меч — моя голова!

Артель долго не расходилась, посматривая то на *начальника*, то на мудрёный *инструмент*. Качали всё головами и не могли надивиться:

— Ведь, ишь ты! — словно перстом указала.

На подобную же находчивость известного проповедника — московского митрополита Платона указывают в двух анекдотах. По одному из них, он обличил плотника, укравшего топор у товарища в артели в то время, когда Платон строил свой исторический скит Вифанию, в трёх верстах от Троице-Сергиевой лавры. Я передал его в «Задушевном слове» для старшего возраста — в VIII т., в №№ 5 и 6. Теперь заменяю его более коротеньким, заимствованным из книжки «Русского Архива», но совершенно однородным с тем, который передан был мной в 1885 году.

Однажды докладывают митрополиту Платону, что хомуты на его шестерике украдены, что ему нельзя выехать из Вифании, а потому испрашивалось его благословение на покупку хомутов. Дело было осенью, грязь непролазная от Вифании до Троицкой лавры, да и в Москве немногим лучше. Митрополит приказывает везде осмотреть, разузнать, кто в этот день был, и т. п. Всё было сделано, но без всякого успеха. Митрополит решается дать благословение на покупку, но передумывает. Он распорядился, чтобы в три часа, по тоекратному удару в большой вифанский колокол, не только вся братия, но и все рабочие, даже живущие в слободках, собрались в церковь и ожидали его.

В четвёртом часу доложили митрополиту, что все собрались. Входит митрополит. В храме уже полумрак. Перед царскими вратами в приделе Лазаря стоит аналой и перед ним теплится единственная свеча. Иеромонах, приняв благословение владыки, начинает мерное чтение псалтиря. Прочитав кафизму, он останавливается, чтобы перевести дух, а с укрытого мраком Фавора раздаётся звучный голос Платона:

— Усердно ли вы молитесь?

— Усердно, владыко.

— Все ли вы молитесь?

— Все молимся, владыко.

— И вор молится?

— И я молюсь, владыко.

Под сильным впечатлением окружающего и отрешившись мысленно от житейского, вор невольно проговорился. Вором оказался кучер митрополита. Запираться было нельзя, и он указал место в овраге, где спрятаны были хомуты.

После указанных случаев, конечно, нет надобности прибегать к объяснению однородного и прямо-таки из них вытекающего пословичного выражения *вора выдала речь*. Однако, не могу удержаться, к слову и по спопутью, чтобы не передать народной легенды, выслушанной мной в тех же местах, где сотворил своё чудо лесничий, — сказание о бродячем попе и встречном угоднике. Не мог мне рассказчик с точностью определить его подлинное имя, но толковал:

— Ссылаются иные на Миколу угодника, что наши приморские и водяные места *порато* полюбил: «От Холмогор до Колы тридцать три Миколы» — сказывают в народе, а, говорят, их больше. Здешние старухи, *однако*, думают на батюшку Иова Праведного, что видел ты могилку в Ущелье-селе. Там его Литва убила: «честную его главу отсекоша». А он, угодник Божий, как охранял свою матушку-церкву!...³²

Затем следовали тому доказательства в настоящей легенде, которую я записал там, на реке Мезени, и теперь о ней кстати вспомнил. Вспомнил тамошние ущелья, почернелые от времени деревянные церкви и жалобы высокого роста отца Разумника на такой холод в них по зимам, что коченеют руки и без муфты из пыжиков (молоденьких олешков) нельзя обедни петь: не уронить бы потир из окоченелых рук на великом выходе. Вспоминается и этот бедный примезенский, пинежский и кеврольский народ, которому и свою избу вычинять очень трудно и некогда: все в отлучках за промыслами и за ячменным хлебцем вдали, где-нибудь на море.

При такой-то церкви жил и тот поп, о котором сохраняется в тамошнем народе живая память. Жил он, конечно, на погосте: на высокой и красивой горке — далеко кругом видно. «Звону много, а хлеба на погосте — ни горсти».

На погостах, как известно, крестьяне не селятся иначе, как на вечные времена до второго Христова пришествия. Их кладут около церкви в гробах, а живут в трёх-четырёх избах только церковники: поп-батюшка с многочисленным семейством и ра-

ботницей, да кое-где дьякон, да два дьячка, если не считать на иной случай старого и безголосого, доживающего свой век *на пономарской вакансии*.

На таком-то погосте проживал и тот священник, с которым случились дивные происшествия.

Жил он тут очень долго — и сильно маялся. Окольным мужикам было не лучше, да те, по крайней мере, зверя били, а священникам, приносящим бескровную жертву, как известно, ходить на охоту, то есть проливать кровь, строго воспрещено издревле. Если крестьян очень потеснит нужда и обложит со всех сторон бедами, они выселятся на другое место и семьи уведут. Стало в храме добрыми молеельщиками и доброхотными дателями меньше. В тех местах, сверх того, охотлив народ уходить в раскол беспоповщины: свадьбы венчают кругом пня, хоронят мёртвых плаксивые бабы; при встрече со священником норовят изругать и плюнуть на след. Не стало попу житья и терпенья, хоть сам колокольно молился, а про одного себя пел он обедни что-то чуть ли не десять лет кряду. На этот раз, по необычному на Руси случаю, этот поп был очень счастлив: вдов и бездетен.

Решился он на крайнее дело: со слезами отслужил обедню в последний раз в церкви, поплакал ещё на могилах, да по пословице «Живя на погосте, всех не оплачешь». Помолился он на все четыре стороны ветров, запер церковь замком и ключ в реку бросил. Сам пошёл, куда глаза глядят: искать в людях счастья и такого места, где бы можно было поплотнее усесться.

«Идёт он путём-дорогой, — рассказывал мне, по приёмам архангельского говора, нараспев, старик с Мезени. — Шёл он дремучей тайболой, низко ли — высоко ли, близко ли — далеко ли, *челком* (целиком), — ижно пересадился, *изустал*. Навстречу ему пала новáя (иная) дорога. А по ней идёт старец седатый и с лысиной во всю голову — *шибко залётный* (очень старый). Почеломкался: кто да откуда, и куда путь держишь? — Да так, мол, и так (обсказывает поп-от). — Да и я, батюшко, тоже хожу да ищу по миру счастья (старец-от): хорошо нам теперь, что встретились. Худо *порато*, что ты черкву свою покинул и замкнул: ты в гости, а черти на погосте. И какой же приход без попа живёт? Не урекать мне тебя, когда в дороге встретились, а быть,

знать, тому, как ведётся у всех: пойдём вместе. Я тоже бедный. Станем делить, что есть вместе, чего нет — пополам.

Согласились. Шли — прошли, до большущего села дошли: в *облюделое* место попали. Постучались оны под окном в первую избу: пустили их ночевать и накормили вдосталь-таки, не *уедно да улёжно*. Да и обсказывают им про такое-то ли страшное матерущее дело. У самого богатеющего мужика один сын есть, как перст один: вселился в того богатеleva сына бес лукавый. Днём бьёт его до кровавой пены, ночью в нём на нехороший промысел ходит: малых деток загрызает, да стал и за девок приниматься. Заскучали мужички, а пособить нечем. Сам отец большие деньги сулит, кто беса выгонит: бери сколь на себе унести сможешь. А поп-от тут и замутился умом, и товарищу покучился.

— Хорошо бы теперь деньги-то на голодные зубы. Эка втора и лих мне! — пособить (лечить) не умею.

А старец-от на ответ:

— *Однако* попробуем — я умею. Ты ступай затым за мной — быть-то бы я тебя затым в помощники взял.

Пришли оны к богателю и обсказались. Вывели к ним парня, что моржа лютого: глазищи кровью налиты и словно медведь норовит как бы зубами схватить, да ногтями драть. Старичок взял свой меч и рассёк его пополам: одну половинку в реке помыл, другую половинку в реке помыл. Перекрестил обе, сложил вместе: стал жив человек. И пал затым ему сын в ноги, благодарит Миколу многомилосливому.

Вот тут я тебе на Николу рассказываю (заметил старик): да, надо быть, он самый и был, затым, что у него в руках ниоткуда меч взялся, как его и на иконах пишут. А черковь-то свою он за-всегда при себе имеет. Носит он её на другой руке: за то, знать, он попа-то и попрекнул при встрече.

Дошло у них дело до расчёта. Богатый мужик в своём слове твёрд, что камень: привёл их в кладуху, кладену из кирпича, да столь большую, что и сказать невозможно. Справа стоят сусеки с золотом, слева стоят сусеки с серебром: по медным деньгам лаптями ходят, денег — дивно.

— Берите, сколько на себе унесёте!

И почал поп хватать горстями золото: полную пазуху навалил, полны карманы наклал (знаешь какие они шьют глубокие), в

сапоги насовал, в шапку: *жадает*. Начал уж за щёки золотые деньги закладывать, да ещё товарища в бок толкает:

— Что же ты не берёшь? — и приругнул даже, — *победился*.

— А мне-ка (говорит старец) — ничего не надо.

— Да хоть чего-нибудь схвати! — поп-от.

Сказано: поповы глаза жадные, завидушие. Взял старец с полу три копиецки и разложил их по карманам и третью за пазуху пехнул. И из села пошли. Поп *одва* ноги волочит — столь тяжело ему! Прошли лесом, а он и *пристал*: отдохнуть припросился, *ясти* похотел. Из себя *телесный* такой мужик был!

Пеняет ему старец, святой угодничек:

— Вот ты денег-то нахватал, а хлеба на дорогу не выпросил. Денег при себе много, купить не у чего, а на животе *скёт*.³³ Я, вот, запаслив: у меня три просвирки осталось. Одну дам тебе, другую — сам съем. Отдохнём, да поспим маленько; проспимся — я третью просвирку пополам разломлю.

Съел поп свою просвирку, да словно бы ему ещё хуже стало. Скажу уж, согрешу с попом вместе: попово-то брюхо из семи овчин шито. Старец положил кулачок под головку и заснул башку, а поп-от из кармана у него просвирку-ту схитил и съел, и спит, словно правый. Пробудился старец: нету просвирки.

— Ты, поп, съел?

— Нету, — говорит.

— Может, зверь лесной приходил?

— Мало ли его по лесу-то шатается.

— А может, и птица стащила?

— Да вон коршун-то над головами вьётся, — знать разохотился: глядит он, нет ли у тебя ещё запасной, а я не ел.

— Делать нечего — дальше пойдём!

Похряли и опеть. Супротив пала им наустрету река большая да широкая, что наша Печорушка: воды-те благо. А на ней — ни карбасика, ни лодочки, хоть бы на смех колода какая, плот сказать. Поп затосковал, *беднится*, а старец догадался:

— Иди за мной, ничего, что нет на реке мосту.

И пошли по водам, как по стёклышку. На середине-то старец остановился, да на самом-то глубоком месте помянул и спросил о просвирке.

— Нету, — говорит поп: не ел.

И стал тонуть.

— Признавайся до зла: вишь, как худо бывает.

— Нету, — сказывает: не видал просвирки.

Охлябился поп, что *урасливый* (упрямый) конь. И по шею в воду ушёл. И в третий раз уж из-под воды выстал, высунул голову: и булькает, и волоса отряхивает, и захлёбывается, а всё своё твердит:

— Не ел я твоей маленькой просвирки: много ли в ней сыти-то? Обозлит только!

— На нет и суда нет: пойдём, значит, дальше.

Вышли на берег — отдыхать надо.

— Ты бы, батко, посчитал, сколько ухватил с собой денег-то.

— А теперь и впрям самое время.

Хватил поп в кармане — и вытащил уголья. Сунулся в другой — те же самые чёрные-расчёрные уголья, и за пазухой они же, а в сапогах уж он надавил одну чёрную пыль. Так он и заревел, задиковал. А старец почал его унимать, да разговаривать.

— Ужоткова, — бает, — и я свои денежки смекну.

Взял рукой в карман, где лежала копиецка, — вытащил пригоршню золота; где другие две копиецки лежали, там то же самое золото. У товарища и слёзы высохли. Стал старец сгребать золото в три кучки — у товарища и глаза запрыгали.

— Вот я опять стану делиться: эту кучку тебе.

И сгребает её: которая монета отваливается, ту опять в ту же кучку кладёт и поправляет. А сам задумался глубоко так-то, словно бы сквозь землю ушёл. Вторую кучку стал складывать:

— Это, — говорит, — мне.

Третью начал сгребать: а у него, надо быть, и глаза не видят, и пальцы не слушаются, и кладёт-то их, словно бы отдыхая, а глаза у него слезинками застилают. Рассыпается кучка врозь и никак он эту последнюю-то наладить не сможет. Долго он её складал. А поп-от тарасил-тарасил глазищи-то, да как спросит:

— А эта-та, третья кучка, кому?

— А тому, кто просвирку съел.

— Да ведь я просвирку-то съел.

Скажи на милость (нравоучительно толковал мой рассказчик): тонул — не признался; увидел деньги: я, говорит,

просвирку-ту съел. Ох, грехи наши, все мы таковы! Не выносить нам платна́ без пятна, лица — без сорóму».

Поделившись двумя случайными примерами, никак нельзя не припомнить, что в тех дальних местах не так давно приходилось наталкиваться воочию на остатки старинной простоты и честности. Например, в архиве города Повенца, в делах бывшей паданской нижней расправы (Олонецкой губ.), сберегались записки должников, обеспечивавших долг обязательством: «Да будет мне стыдно и волен он пристыдить меня привсенародно». Не могло быть в этих случаях пущего позора, когда снимали с воров и неплательщиков на базарах и на сходках шапки на квит, в полный расчёт. Отсюда и объяснение поговорки: «Вор с мошенника шапку снял» (то есть уличил), «С недруга хоть шапка долой» и другие им подобные. Насколько зазорно для женщины, когда её *опростоволосят*, и всем неприятно *опростоволоситься*, настолько и для мужчин важно держать голову покрытой. Наши старинные послы в чужих землях не снимали перед королями своих горлатных шапок. Им это раз заметили. Старший посол отвечал:

— У нас шапку сымают, когда в неё горох насыпают.

У ЧЁРТА НА КУЛИЧКАХ

Русский человек вообще любит часто вспоминать про эту нёжить, нечистого, лукавого и злого духа, причём богомольные люди стараются незаметно сделать рукой крестное знамение или творят про себя глухую молитву. Иные *чертыкаются* — впрочем, не столько с сердцов, сколько по дурной, худо сдерживаемой привычке. Посылают и недруга, и докучливого человека, и всех *ко всем чертям* или *в тартарары*, ещё не так далеко, как это кажется и как думают о том сами сердитые и вспыльчивые люди. Богатырские сказки и священные легенды учат, застрашивая, и уверяют, назидая, что как вымолвишь *чёрта*, так он тут и появится с длинным хвостом и острыми рогами. Он готов купить душу и потом оказывать за то всякие услуги. Около святых, по пословице, они любят водиться даже в особину, как и в болотах, в таком множестве, что, кажется,

здесь у них самое лакомое и любимое место для недремлющей и неустанной охоты и стойки. Если же кто живёт у чёрта, да ещё при этом на куличках — это уже так далеко, что и вообразить трудно. Последнее выражение только в таком смысле и употребляется, хотя (следует заметить) произносится неправильно. Никакого слова *кулички* в русском языке нет, и уменьшительного имени этого рода ни от какого коренного произвести невозможно. От *кулича* выйдут *куличики*, а от *кулика* — *кулички́* с знаменательным переносом ударения. Если же восстановим в этом слове одну лишь коренную букву и скажем *на кулижках*, тем достигаем настоящего смысла выражения и можем приступить к его объяснению и оправданию, как к православному и крещёному.

Кулиги и *кулижки* — очень известное и весьма употребительное слово по всему лесному северу России, хотя оно, очевидно, не русское, а взято напрокат у тех инородческих племён, которые раньше славянского заняли студёные страны. Они не сладили с ними и мало помалу начали вырождаться и *погибоша аки обри*, говоря словами одного из древнейших, но уже в народе давно и совершенно исчезнувших летописных присловий. Слово *кулига* взято у этих несчастных языческих племён и, по обычаю, приведено и окрещено в русскую веру.³⁴ Вот как это случилось.

Когда дремучий и могучий богатырь студёных стран России — хвойный лес — ослабевает в силах растительных, в нём местами являются прогалины, плешины, поляны. Здесь растёт торопливо, сильно и густо трава с цветами всякого вида и ягодами всякого рода в обилии и на очевидной радости свободы от умерщвляющего гнёта осыпавшейся с деревьев нетленной хвои. Эти лесные острова и есть *кулиги*. Дикие инородцы, у которых все боги злые и немилостивые, за исключением одной керемети, признали такие редкие места за жилища этого добряка.³⁵ А так как и его, тоже что и старшин и всякое начальство, надо умиловать приношениями ценного и приятного, то в таких местах собираются до сего дня приносить керемети жертвы. Колют оленей, овец, тёлков, жеребят; наедаются досыта и напиваются допьяна, поют и скачут. Другого применения этим кулигам дикие звероловы не могли придумать. Пошумят, по-

ломаются, обманут совесть и разойдутся по лесным трущобам, чтобы не сердить и не беспокоить бога. Его это место: оно им зачуровано, и потому для всех свято.

Когда пришёл сюда же русский человек, то он сейчас вспомнил, что от перегноя трав на этих местах самая плодородная почва, которую любят и рожь и ячмень. Тут он и поставил избу и приладил крест. Кереметь испугалась, отступилась и ушла с того места прочь. А так как русские люди тянулись сюда, по своему обычаю и привычке, целыми артелями, лесные же деревья тоже размножались и жили плотными общинами (сосна — так кругом сосна, ель — так всё ель), то переселенцам и пришлось немного призадуматься. Непролазные леса в этих суровых местах на кулиги неохотливы, легче им жить плотной стеной. Полян, то есть травяных островов или безлесных равнин, в них немного, — всё больше сырые болота, где хорошо живётся только одним чертям, да и из них подбираются особенные — водяники: нагие, все укутанные в тину, умелые плавать на колодах, целый день жить в воде и показываться только ночью.

Задумываться, однако, не привелось долго таким людям, которые пришли в дремучие леса с сохой, топором и огнем: начали они рубить деревья топором под самый корень, валить вершинами в одну кучу и в одно место и жечь. Стали выходить искусственные поляны, как места для жильёв и пахоты: звали их назади, когда врубались в покинутые леса, *лядами, лядинами, огнищами*. Это в западных лесах. В северных лесах, когда начали валить их, углубляясь в чащи с речных и озёрных побережий, прозвали такие новые места и *валками*, и *новьями*, и *новинами*, и *гарями*, и *росчистями*, и *пожогоми*, и *подсеками*, и *починками*. Чем дальше заходили вглубь, тем больше растеривали и забывали старые слова, и все такие *чищобы* под пожню (для травы) и под пашню (для хлебов) стали звать чужим и готовым словом *кулиги*. Так и осталось оно за ними на всём огромном Востоке России, и выражение *кулижное хозяйство* принято теперь учёными людьми для пользования в книгах и пущено в ход в их сочинениях. Для хлебопашца в лесах это единственный выход и исключительный способ, отчего, как убеждается читатель, и такое множество синонимов на одно и то же слово.³⁶

Когда и на искусственных кулигах становилось жить тесно, а почва начала утрачивать силу плодородия, уходили от отцов взрослые и старшие сыновья, от дядей племянники и т. п. При полной свободе переходов, с помощью людей богатых, которые давали от себя даром и соху, и топор, и рабочую лошадь, уходили с насиженных и родимых мест так далеко, что и вести достигать переставали. Да и как и через кого перекинуться словом, когда стали жить у чёрта на кулижках? Когда припугнули трусливых и диких народцев огненным боем, который вспыхивал внезапно, гремел гулко и разил наповал и насмерть, — кулиги стали подвигаться ещё дальше. Забрались, в конце концов, русские люди к самому дальнему чёрту и очутились у него, конечно, на таких же кулижках в Камчатке. Там уже и небо заколочено досками, и колокольчик не звонит.³⁷

В наши времена, когда истребились и поредели леса (и, конечно, гораздо меньше всего в Сибири), в строгом и серьёзном безлесье придумано слово *кулижник* и поворочено на бранное всякому тому, кто ворует дорогой лес или вырубает и выжигает заповедный и запрещённый. Теперь стали там говорить, что эта привычка стара — её бросить пора. На самом же деле, *лядинное* или, что то же, *подсечное хозяйство* нашего крайнего севера и Сибири представляет систему, веками обдуманную, проверенную опытом, поддерживаемую непреодолимыми естественными условиями и, наконец, обусловленную силой экономических влияний.

О ЛЫСОМ БЕСЕ

К слову, после лесного чёрта (в ответ на запрос, поставленный сомнением), которого, действительно, обещают тому, кто ничем не доволен, желает большего, а, пожалуй, не прочь потребовать птичьего молока.³⁸ Ему сулят именно то, чего не бывает: русский чёрт, в отличие от немецкого (Мефистофеля) весь в шерсти, а у домового чёрта она даже очень мягкая. Разрешается быть голым только водяному чёрту, но и он прикрывается осокой и является в публичные места только ночью, и может подавать человеческий голос (о чём и сказано выше). Голова

у нашего острая, клином и даже с густым клоком, стоящим торчком между короткими, но острыми, как шилья, рогами. Он складной и переменчивый: по лугам и полям ходит ровень с травой, по лесам в рост самых высоких деревьев. А затем у него всё то налицо, что у наших недругов худо: чёртова голова, чёртова образина. Когда бес на работе и в деле, то нет его ловчей и находчивей: у него научились пронырливые и лстивые люди добиваться цели ловкими подходами, умильными взглядами и гибкими изворотами поклончивого тела. Они *рассыпаются мелким бесом* именно подобно тому, как настоящие черти, если им пригрозить *аминем*, прикрикнуть на них молитвой, да вовремя догадаться сложить из трёх правых пальцев крест. *Беса же тешат* не только одни те старики, которые молодятся: мудрено ли им устоять, когда он вцепится в ребро (в одно время с сединой в бороду), — бес силён горами качать. Беса *тешат*, между прочим, и те, которые усвоили дурную привычку, сидя и во время оживлённых и серьёзных разговоров, равнодушно качать ногой, положив её на колено. По народному поверью, чёрт это сейчас заметит, вспрыгнет на ту ногу, усядется прочно, оскалит от удовольствия зубы и с наслаждением качается.

СЕМЬЮ ПРИКИНЬ — ОДНОВА́ ОТРЕЖЬ

Выставляя в первобытной старинной форме эту древнюю, ясную по смыслу и столь вразумительную для руководства в жизни пословицу, останавливаем внимание собственно на цифре, которая рекомендуется её.

Цифра семь никогда не служила народу единицей измерений, если не считать семисотных вёрст, которые, однако, в начале нынешнего столетия покинуты и законная мера версты определена в пятьсот сажен.³⁹

У народа свой счёт: обходя десяток, он предпочитает вести счёт дюжинами, обходя две и три дюжины, начинает считать дробные вещи и более мелкие предметы сорока́ми. В старину, не признавая десятков, не ввели в обычай сотен и, не доходя до них, вели счёт девяностами, а потому и выходило тогда «Всё равно, что девять сороков, что четыре девяноста», а девять со-

роков с девяностом — пять девяноста; полпята сорока — два девяноста. Отсюда и *сороки* московских старых церквей и нынешних церковных благочиний, и *сорочки* шкурок пушных сибирских зверей: куниц и соболей, вложенных в чехол и рассчитанных ровно на полную шубу, а *полсорок* — на женскую шубку. Сорок недель каждый человек сидит в темнице (по народной загадке), то есть в утробе матери, и, стало быть, в самом деле, как часто говорится: «Сорок недель хоть кого на чистую воду выведут». Через сорок дней или шесть недель надо брать роженице очистительную молитву и столько же дней молиться об усопшем или справлять так называемый сорокоуст. В последний раз покойник пообедает в сороковой день с оставшимися в живых домашними из той чашки и той ложкой, которые обычно выставляются и кладутся на стол. Вообще, *сороковой* — *роковой* не только в медвежьей охоте, но и в домашней забаве с нынешними *сороковками* зелёного вина, которое, по забавной случайности, разливается и продаётся из бочек мерою в сорок вёдер.⁴⁰ На *девяносто* мы уже имели случай натолкнуться, а на *дюжинах* боимся заговориться, хотя не можем не вспомнить, что торговля в некоторых местах требовала считать, в видах личной корысти и расчёта на деревенскую простоту, единиц в дюжине тринадцать.

Между тем, цифра семь является в счёте так часто, что нельзя на ней не остановиться, и представляется такой подозрительной, туманной и необъяснимой, что невольно хочется признавать этот счёт не народным, а чужим и приносным. К нему довелось прилаживаться, как прилаживались и пришлые обычаи к установившимся, крепким и коренным народным порядкам. Христианская вера принесла семь таинств, даров Св. Духа, вселенских соборов, смертных грехов, звёзд в венце, мудрецов на свете, свечей в светильнике алтарном и запрестольном. Седьмой день в неделе указано отдавать Богу, и т. д.

Последний факт указал не только на важное значение цифры семь в старину, но и на влияние её на судьбы научных мировых истин. Когда Галилей открыл спутников великана-Юпитера и по целым ночам, не отрываясь, любовался системой этой планеты, противники его не только не верили открытиям, но утверждали, что они невозможны. Учёное невежество говори-

ло: «Как в неделе семь дней, так и на небе семь планет (Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн) и больше быть не может. Соединение малого мира, представляемого человеком, с безграничным миром вселенной происходит при помощи наших органов чувств, расположенных в семи отверстиях головы, а именно: два глаза, два уха, две ноздри и рот. Как нет более таких отверстий в голове, так точно не может быть и на небе более семи планет». За такую еретическую веру в систему Коперника, бывшую тогда в гонении, Галилея преследовали инквизиция и римский двор. В 1633 году совет из семи кардиналов осудил его на заточение. Профессор три года должен был прочитывать еженедельно псалмы покаяния и на коленях, держа руки на Св. Писании, объявлять, что мнение о вращательном движении земли есть ересь; но четыре спутника Юпитера движутся вокруг него и в настоящее время также точно и непрестанно.

Впоследствии оказалось, что у семи нянек дитя всегда без глазу, как и у этих семи совершенно слепых мудрецов мировая истина. Оказалось также, что у семи пастухов не стадо, и сами праведники (настоящие, а не эти самозванные словесные пастухи), осудившие гениального изобретателя телескопа, стали семь раз в день согрешать.

На Святой Руси пригодился и семик — старый языческий праздник, — как дозволенный церковью весёлый весенний праздник на седьмой неделе по Пасхе, в четверг, и не перестала широкая *масляница звать его к себе в гости*. У обманщика и неверного в слове человека, также и у бражника, объявились на одной неделе семь пятниц: *ни одного срока* — для исполнения обещаний для отдачи взятого займа, и *семь праздников* — все про себя, на прогул и полное забвение обязательств.

Наконец, облюбилась народу и узаконилась в его живой речи эта цифра так, что, например, человека, находящегося в самом отдалённом свойстве или родстве, начали называть *седьмой водой на киселе*, хотя уже и пятой воде не даёт промываемая мука для киселя ни запаха, ни сору, ни пыли того зерна, из которого заквашивается это любимое народное кушанье. Да, к тому же, *седьмая водина на квасине* даёт уже такое жидкое пойло, что его и в рот не возьмёшь. Положено законом *семерым одного не*

ждать, ни на пир, ни к работе, ни к обеду. Бойкие и смелые, не дающиеся в обиду люди и сами склонные обижать, стали *отгрызаться на распутьи* ровно *от семи собак*, — ни меньше, ни больше. Начали считать *семь пяденей во лбу* умного человека; дружескую услугу, сопряжённую с неудобствами, в несвободное время, признали пустяком, не стоящим никакого внимания: «Для друга семь вёрст не околица». Однако, убедились, что кому не удастся взять что-либо добром, убедительным уговором и ласкательным словом, тот возьмёт *сам-сём и силком*. Так и случилось это раз в Москве, в памятную годину государственной разрухи и *семибоярищины*, когда семеро бояр насильственно захватили власть. Тогда, точно, в самом деле, по заказу оказалось у *одной овечки семь пастухов*, и говорили всем народом про Москву: «Невелик городок, да семь воевод» (а полагалось на каждый не больше двух). Понадобилось для неё семь холмов, когда, возвеличивая свой город по общечеловеческому тщеславию, стали цари почитать и называть Москву вторым Римом; *а третьему не быть*. Всегда удивлялись бывалым и опытным, и выражались про них так, что как будто они, в самом деле, *из семи печей хлеб едали*, и над вернувшимися домой ни с чем, без всякой науки, прибýtка и успеха — подсмеивались: «Он за семь вёрст ходил есть киселя», этого самого дешёвого кушанья, которым, однако, по пословичной же примете, никто, кроме баб, досыта не наедается. Сильный человек обязан ходить на семерых, а иначе его и богатырём не назовут. Не назовут виноватого преступником, а зовут несчастным, признавая в нём жертву обстоятельств падшего брата, и преступление его называют бедой. Поэтому всякий мелкий проступок относится к беде и называется этим именем; *бедниться* значит *жаловаться в обиду*. Отсюда и распространённая поговорка, снова понуждавшаяся в цифре семь: «Семь бед — один ответ». Ханжам советует высокая народная мудрость, в согласие с Христовым учением: «Не строй семь церквей — пристрой семь детей», когда такие явные суеверы намереваются фарисейски тщеславно замаливать тяжкие старые грехи сооружением храмов с золочёными иконостасами и громкими колокольными звонами, и т. д. Впрочем, если подводить полный счёт всем случаям, где придаётся мистическое значение цифре *седьмь*, можно и конца не найти.

СЕМЬ ПЯТНИЦ

Роковое, мистическое число семь, применённое к одному из дней недели, обращается в справедливый упрёк тем общественным деятелям, на которых ни в каком случае нельзя полагаться и им доверять. Эти люди, давая обещания твёрдые и надёжные, по-видимому, не исполняют их: либо не платят долгов в указанные сроки, либо не исполняют обещанных просьб; виляют и обманывают, отлагая со дня на день на все семь дней недели, на все пятьдесят две недели круглого трудового года. Эти люди, у которых всегда *живёт и такой год, что на день семь погод*, а это всё одно и то же, что *приходи завтра*, объявляемое просителям и кредиторам. Не иной какой-нибудь день недели из семи взят в упрёк другим и в поучение себе по очень давним историческим причинам, и выбран обетным по экономическим, бытовым условиям нашей народной жизни.

Некогда, ещё в древние языческие времена, этот день недели считался свободным от работ, то есть праздничным, заменявшим воскресные нынешних христианских времён. В эти дни собирались общественные сходки соседей для торга, то есть обмена своими произведениями и всякими избытками хозяйства. Не привёз кто нужного в этот день, или получил на это новое требование, обыкновенно назначал срок исполнения заказа и обязательство на установленный еженедельный торг и сборище, — на базар и ярмарку. Обычай этот сохранился до наших дней не только в мелочных заказах, но и в таких крупных предприятиях, как многотысячные платежи по вновь придуманным векселям. От Макарья до Макарья, то есть от времени закупки товаров на Нижегородской ярмарке до спуска флагов на ней же в следующем году, или от Макарья до Ирбита — для сибиряков, от Макарья до Коренной или иной срочной ярмарки устанавливаются денежные платежи по вековечному русскому обычному торговому праву.⁴¹ От базара до торжка; от последнего до ближайшей ярмарки — это значит одно и то же, что от пятницы до пятницы, но так, чтобы каждая из них не нарушала в исполнении обета дружбы и взаимного кредита, — было бы слово твёрдо — по старине. Особенно это было важно в те далёкие времена, когда не развито было бумажное производство с

вексельным правом, и работали на честное слово в промыслах и торговле.

Что пятница была праздником (в подтверждение указанию «Толкового словаря» Даля и в опровержение предполагаемого им объяснения), и что она, по этому самому случаю, издревле была на Руси обетным срочным днём для исполнения много-различных и неуловимых обязательств, представляем вкратце собранные нами доказательства.

Они собраны нашими личными наблюдениями и подкрепляются надлежащими ссылками из разных источников живых (бытовых) и мёртвых (письменных).

Девятая пятница, как девятый вал в разбушевавшемся море, не чета другим дням в году и, как исключительная, пользуется в нашем народе и русском быту особенным почётом. Не обходят этого дня, считая его от дня Св. Пасхи, ни Малая, ни Белая, ни Великая Русь: вся святорусская земля с доисторических времён помнит и до сего дня чтит эту почтенную *девятуху*.

Не установлено в честь её особых обрядов и игрищ, какие вообще полагаются для всякого большого праздника, уцелевшего от древнейших исторических времён. На неё не загадывают в канунную ночь, не ворожат и не колдуют, не поют в эту самую пятницу сложенных на её имя песен, что также, при всяком праздничном случае, обязательно. Непригодна она и попам, как такая, которая не устанавливает ни поминок по усопшим, ни обетной мольбы в воспоминание минувших бедствий и для от-вращения грядущих, и ни в каком случае не разрешает свадеб, так как всегда бывает первой после крапивного, или всесвятско-го, заговенья на строгий голодный Петровский пост. Приметна и памятна эта пятница суеверным да торговым людям.

Если изъездим всю северную Россию вдоль и поперёк, при-смотревшись к тем дням, в которые собирается народ для вы-мена и покупки необходимых товаров, то неизбежно убедимся в том, что пятницам для маленьких торжков или базаров принад-лежит самое видное место.

Когда же товарный обмен производится в обширных разме-рах и вызывает людные торговые сходбища, устаиваемые на-звания ярмарок — девятой пятнице отдаётся особенное перед всеми другими преимущество. Если мы сделаем справку, даже

самую лёгкую, например, по сподручным справочным книжкам и возьмём даже самую толстую и более общедоступную, каков «Всеобщий календарь» Гоппе, то и здесь из спутанного перечня «Важнейших ярмарок в России» узнаём, что так называемым *девятым* отведено больше строк и места, чем соседним с нею по времени вознесенским, троицким и ивановским. Тем не менее, говорим это про всю Великороссию, а, принимая в соображение исключительно её северную лесную половину, увидим, что большую часть *девятых* с двумя-тремя днями подторжъя и самих ярмарок приходится производить в грязи по колёсную ступицу и в слякоти по колена. Мы имеем полное право удивляться такому неудобному выбору ярмарочных сроков и, по усвоенной всеми дурной привычке, пуститься даже в обличения, насмешки и гражданские сетования, но на этот раз удержимся. Примем в соображение то, что девятые ярмарки, несмотря на бездорожицу и распутицу, всё-таки везде бывают многолюдны, что все эти торговые съезды превращаются в ярмарки в тех преимущественных случаях, когда входят в сближение и вступают в деловые торговые сделки разные местности, исключительно удалённые друг от друга и не похожие по роду занятий и промыслов. На девятых, как на международных промышленных выставках, собирается самый разнородный товар, именно такой, какого ни за какие деньги нельзя приобрести в тех местах, где заусловлены один раз в год на этот самый день эти самые большие годовые съезды. Довольно указать на Коренную в Курске (убитую на нашей лишь памяти бойкой и ловко рассчитанной железной дорогой), которая именно тем и была знаменита, что на девятую пятницу по Пасхе обе России, северная промышленная и южная земледельческая, здесь обменивали взаимно свои изделия.

Умудрившиеся на тяжких уроках в борьбе с суровой природой, практические северяне привычным способом подвергают себя неудобствам бездорожицы весеннего времени, именно с тем, чтобы воспользоваться удобствами самой весны. К концу её в наших деревнях выдаётся время некоторого досуга. Тогда обеспечиваются на предстоящее страдное время полевых работ необходимыми предметами и орудиями, да кстати и лёгким отдыхом с приятными развлечениями на народе: либо в большом селе, либо в городе.

Какой бы ранней ни была Пасха, к девятой неделе после неё, ко второй по пятидесятнице, посевы обыкновенно бывают окончены, а по положению даже и все поздние. Тянется то самое скучное время, когда при деле не у дел, в ожидании чего-то важного и ответственного, надо бы дело делать, а взяться не за что. Между тем теперь рабочие руки все налицо и дома. Все собрались на полевую страду, как бы далеко, ради подспорья и денег, ни уходили они на отхожие промыслы. Даже фабричные баловни вылезли из-за ткацких станков и побросали челноки и шпульки, и все ткацкие светёлки в девяти средних губерниях заперты на замок до глубокой осени. Мужская сила явилась на выручку женской и теперь (обыкновенно с последних дней великого поста) все крестьянские земледельческие семьи домой принесли с заработков деньги. Починные весенние работы заделаны, но затем под руками не осталось ничего подходящего и неотложного. Велят ждать. Желаящие могут приправляться и охорашиваться, но беспощадное и неустанное колесо ещё не вертится, ещё не захватывает всеми петлями и спицами, ещё не закручивает до обморока и оцепенения, и сорвавшийся с одной петли ещё не попадает и не крутится в другой. Девятая и десятая пятницы с задними и передними соименными соседками совпадают именно с этим временем гаданья и страхов (всего чаще за яровые всходы), которое называется в деревнях *межипарьем*. Эта пора от посевов до начала сенокоса, продолжающаяся иногда до четырёх недель, позывает только на лёгкие работы и обязывает лишь самыми грязными, на какие охотливее посылаются девки да ребята. В самом затрапезном платье, подоткнувши высоко подолы, возят они в одноколках навоз со дворов на поля под озимые хлеба, сваливают на полосах кучами и потом, не торопясь и полегоньку, разбрасывают и запахивают. По этой-то причине самая пора называется также *навозницей*. Исконные и коренные пахари запасаются силой и предпочитают, во всём лучшем и чистом наряде, потолкаться и погалдеть на том и на другом торжке в ближнем соседстве. Девятая пятница здесь — указчица, вопреки известной пословице, и, кроме торгу подходящим товаром, бывает ещё тем хороша, что, собирая народ во многолюдстве, облегчает достаточным хозяевам наймы рабочих. После девятой и десятой, и без осо-

бого напряжения слуха, достаточно ясной становится близость одной из тяжёлых крестьянских работ. Стук по дворам и избам даёт себя знать и подсказывает, что отбивают косы, купленные на пятницких торгах вместе и кстати с серпами и другим необходимым железным товаром. Косы острят теперь, оттягивая лезвие молотком, вроде тупой кирки, на маленькой наковальне и потом подтачивают на бруске и правят деревянной лопаткой, усыпанной песком по смоле. После Петрова дня начинается законное и обязательное для всей северной Руси время сенокоса (в более благодатных странах позападнее и поужнее первый покос начинается неделей и более раньше, чаще с Иванова дня, то есть 24-го июня).

Я, впрочем, далеко забежал вперёд: весенние пятницы велят остановиться и задают серьёзный вопрос о себе самих, о девятой и десятой в особенности. В самом деле, подозревается за ними что-то таинственное и символическое и при таковой исключительности их, в силу множества однородных заведомых народных обычаев, предполагаются признаки языческих верований не совсем ясные по сравнению, например, с семиком, колядой, купалой и т. п., как очевидно изношенные, а потому в особенности любопытные.

За справками всего благонадёжнее отправиться туда, где старинная народная жизнь сохранилась цельнее, и языческие верования мало поколебались и отлично сбереглись, благодаря изумительному домоседству жителей и разъединяющему географическому положению. Около года мне привелось там производить наблюдения, видеть эти самые пятницы лично и слышать про них довольно много, чтобы быть в ответе и рассказать об одной пятнице, которая преследует всякого, изучающего нравы белорусов.

Буквально на первых шагах, когда привелось удалиться от городов и отдаться наблюдениям в белорусских деревнях, заветным днём недели оказался не тяжёлый день — понедельник и даже не воскресенье, называемое здесь по-старинному и по-славянски *недзелей* (неделя). Выделяется пятница, или, по-тамошнему, *пяценка* и *петка*, тем, что по всей этой лесистой, болотистой и исключительно земледельческой стране этот день полагается днём нерабочим: нельзя шить, нельзя купать ребят,

мыть и золить бельё. Начатую работу, обойдя запретный день, кончают в субботу и с тем, чтобы тогда же непременно начать новую, предназначенную на следующую неделю. До изумления старательный, терпеливый и трудолюбивый белорус семи русских губерний в этот день старается не работать на себя, не пашет полос пашни своим семейством. Он искушается на такой тяжкий грех лишь по найму, трудится в людях и на чужих с глубокой верой, что эти уже примут на свою душу грех и ответят за него, кому следует и, между прочим, самой Пятнице. Когда в Великороссии остались в народной памяти и в чести только три пятницы (девятая, десятая и в особенности Ильинская), в Белоруссии, таким образом, опасны и страшны все пятьдесят две, и между ними требуют особенного себе почёта и чествования все весенние, до десятухи (десятой). На них выпали все праздники и игрища с дудой и песнями, так называемые *весенины*. Понятно, что, пользуясь таким благоприятным обстоятельством свободных от работ дней, на них основались и те сроки торжков, белорусских *кормашей*⁴² и *красного торга*, которые особенно дороги и умеют удачно подслужиться перед страдой. Точно так же все работы в больших хозяйствах, когда своими силами не управиться и надобится великорусская *помочь* или белорусская *толока* за приличное угощение, везде, по всему русскому западу, производятся в эти дни, как бы в воскресные или праздничные. Принося хозяйству значительную помощь, пятницы, как и прочие обетные дни (заказанные по случаю градобитий, сильных наводнений и других народных бедствий), являются одним из основных краеугольных камней нынешних хозяйств. В то же самое время для неимущей братии эти дни — великое спасение и утешение, и потому она здесь является на глазах у всех первой и последней, выманивает и благодарит, непрестанно распевая за поящих, за кормящих, за весь мир православный.

В Белоруссии вышло естественным путем также и то, что торговые дни разбросаны по всем пятницам, а более удачным и счастливым местечкам досталось на долю по несколько таких разом. Так, в Могилёвской губернии, близь самого губернского города, в одном из самых древних местечек, расположенном по подолу Днепра, в Полыковичах (в старину — Отмут) чествуются три пятницы: десятая, одиннадцатая и двенадцатая;

в городе Быхове и местечке Кричеве — десятуха, в местечках Шклове и Журавичах — девятница, да ещё сверх того, сама по себе, осенью Параскевьевская перед днём 14-го октября, когда празднуется память мученицы Параскевы, наречённой Пятницы, пострадавшей при Деоклитиане в Иконии и, в первые времена христианства на Руси, сменившей древнее божество кривичей. Уже потому оно было важно и почиталось сильным, что потребовало такой замены, и боготворение его, несомненно, было повсеместным, так как понадобилось при этом религиозном перевороте изображение святой греческой не иначе, как в виде *изваяний из дерева*.

В местечке Лукомле (в Сенненском уезде Могилёвской губернии) таковое изваяние *Пятенки* собирает в одиннадцатую пятницу после Великодня (Св. Пасхи) до трёх тысяч человек богомольцев из трёх соседних губерний (Могилёвской, Витебской и Смоленской). При местном храме сохраняется камень, называемый *стопа*, с изображением креста и славянской надписи, которую, по причине давнего, в течение нескольких столетий, усердия богомольцев, выражаемого прикладыванием губ, в настоящее время прочесть нет никакой возможности. Почитается камень, как святыня, но, по какой причине и с какого повода, нельзя было дознаться о том даже из тёмных преданий. Таковую же чудотворную икону заведомо чтут ещё в местечке Дивине (Гродненской губернии) и в последнее время ещё с усиленным рвением с той поры, когда, во время пожара, хотели её вынести, но не могли сдвинуть с места. Везде, конечно, пристраивается также шумный и живой торжок с той неизменной особенностью его, что количеством народа он, во всяком случае, уступает осенним пятничным торгам, когда свободны все руки и покойно сердце. Полевые работы все кончены и начинается время отдыха; для всяких праздников (если имеется на что) — широкий досуг. Тогда выбираются сроками для сходов последние пятницы перед колядами (Рождеством Христовым) и носят общее название *красных торгов*. Впрочем, как бы ни путалась в годовых неделях удобная для торгов обетная пора, она старательно выбирает преимущественно пятницы.

Всматриваясь в списки ярмарочных сроков, невольно убеждаешься в том, что если обойдён где-нибудь занимающий нас

день, то, наверное, потому, что по соседству в другом ближнем месте воздано ему обязательное внимание. Точно так же кажется, что если весенние и осенние ярмарки приурочены к другим выдающимся праздникам, ежегодно сменяющим дни, то устроилось это лишь за недостатком требуемого числа пятниц, то есть спрос совершенно превысил на этот раз предложение. Из пятничных торгов в этом древнейшем русском крае составляется поразительно длинный список: достаточно сказать, что на одну Могилёвскую губернию приходится семнадцать пятничных ярмарок, и в четырнадцати городах и местечках происходят базары, обязательно в каждый пятый день христианской недели, несомненно бывший главным праздничным и первым в неделе у языческих кривичей. Соображаясь же с тем обстоятельством, что и у западных славян (у сербов в бадний день, у босняков, галичан и т. д.) почитается *святая Пятка* (и её поминают во всех молитвах по поводу хлебного урожая рядом с Пресвятой Девой) — в Белоруссии пятничные торги, часовни на подолах рек и при них игрища, церкви во имя Св. Параскевы служат признаками и прямыми указаниями на древнейшие славянские поселения в крае, совершившиеся во времена дохристианские.

В самом деле, при учёте пятничных храмов во всей обширной белорусской стране сравнительно большое число их резко бросается в глаза и притом часто сопровождается следующими обстоятельствами. Первый христианский князь в земле кривичей (Брячислав, а по другим — Вячеслав) строит в стольном городе Полоцке три храма: Софии, Бориса и Пятницу в 1203 году. Первая православная церковь в Вильне (и притом каменная и, конечно, весьма небольшая, недавно возобновлённая), та самая, в которой Пётр Великий крестил предка нашего бессмертного поэта А. С. Пушкина — любимого арапа Ибрагима (Ганибала), построена женой литовского князя Ольгерда, княжной витебской Марией, на месте языческого капища около 1330 года. Здесь она и погребена.⁴³

Из других исторических памятников выводится именно то прямое заключение, что славянская Пятница, как божество, была покровительницей усопших душ. Монастыри её все — кладбищенские, или, как называли в старину, *божедомки*. В таком смысле верование это перешло и в Великую Россию, на

Восток и Север, где изваяниям Пятниц принадлежит такое же исключительное право и почтенное место, где пятницкие церкви богаты синодиками, так как богатые люди предпочитали творить молитвы за своих умерших именно здесь. Поэтому Пятница явилась покровительницей убогих и нищих во всей древней Руси, и около этих церквей (обычно выстроенных на подоле, то есть у рек и самой воды) во всех местах селилась нищая братия своими хатами и логовищами.⁴⁴ Где не было воды, там непременно рыли колодцы и пруды. До сих пор белорусские женщины не перестают молиться святой Пятенке о дождях для урожаев, поступая при этом так: когда наступает время жатвы, одна из деревенских старух, лёгкая на руку и этим достоинством всем известная, отправляется в поле ночью и сжинает первый сноп. Связав его, ставит она на землю и три раза молится в это время Прасковье-Пятнице, чтобы помогла рабам Божиим (помянет всех женщин своей деревни, на которых, по белорусскому хозяйскому обычаю, лежит обязанность жнитва). Просит старуха об окончании без скорбей и болезней тяжёлой работы и быть заступницей от лихих людей, особенно тех, которые умеют делать *заломы*. Затем берёт она свой сноп и, крадучись ото всех, несёт его в свою избу. Всякая встреча при этом — недобрый знак.

Для окончательного подкрепления представленных здесь наблюдений и убеждения в древнейшем значении пятого дня всех годовичных недель, в той же Белоруссии поступают так: осенью, в урочный день поминок по родителям, в так называемый праздник *дзядов* (дедов), непременно вечером, с пятницы на субботу, каждый дом для своего семейного покровителя — духа-деда — печёт блины, режет кабана (свинью), и варит борщ с салом, которых бывает четыре сорта. Все эти кушанья в горшках и на латках расставляются по лавкам. Выступает живой дед, самый старший старик, берёт черепеньку с угольями вроде церковного кадила, кладёт в неё смолу и машет, чтобы охватило дымом кушанья. Сядет он затем за стол, положит на него плетёнку и зачитает самодельные молитвы без склада и смысла — и беда тому, кто осмелится усмехнуться: под руками лежит и орудие расправы. А бессмысленные и смешные молитвы читает старик перед всяким блюдом, после чего следует лёгкий загул. Меня уверял этот самый живой образ и религиозное

лицо кривского культа, старейшина Несторовой летописи, заблудившийся в белорусских пущах до наших дней, что маленькая семья в этот вечер выпивает не меньше четверти водки.

После всего сказанного нам уже незачем переходить в Великороссию, потому что если и попробуем поступить так, то неизбежно встретимся с тем же языческим обликом пятницы, несколько потускнелым (сравнительно с белорусским) и с христианскими образами Параскевы, совершенно потемневшими от времени. Великоруссы на большую часть вовсе забыли в чествуемых пятницах соименное им женское божество. Но изваяния святой мученицы Параскевы в очень многих местах по северной лесной России (в особенности по Олонецкой губернии, вплоть до села Шуи, Архангельской, лежащего уже на берегу Белого моря) почитаются либо явленными, либо чудотворными. Они занимают видные места (в красивых и богатых киотах), либо в церквах, либо в нарочно сооружённых часовнях, при обязательных родниках и копаных колодцах. Затем, кто же по всей России не благоговееет в страхе перед Ильинской Пятницей? ⁴⁵

СЕРЕДА НИЖЕ ПЯТНИЦЫ

Ильинская Пятница, всем пятницам мать и на́большая: все пятницы в году — тяжёлые дни, но эта — опаснее всех прочих и считается таковой с тех самых тёмных времён, как зачались на земле русская жизнь и народная вера. Как ни напрягали свои усилия христианские учителя, чтобы ослабить это суеверие, все попытки их оказались втуне. Заменяли они пятницу мученицей греческой церкви Параскевой — народ слил оба имени вместе и счёл заодно. Снисходя слабости душ и сердец и уважая твёрдость убеждений и прочность верований, проповедники отделили двенадцать особенных, обязавши их постом, но народ отстоял все пятьдесят две, окружил каждую почтением и суеверными страхами и давал в том даже формальные записи. Известна, между прочим, заповедная крестьян Тавренской волости, писанная в 1590 году: «А в пятницу ни толчи, ни молотити, ни камня не жечи, проводить с чистотою и любовью». ⁴⁶ Выкидывали пятницу из списка или «Сказания, каким святым

каковые благодати от Бога даны и в каковые дни им подобает возносить молитвы» — народ всё-таки продолжал чтить в ней богиню: *водяную и земляную матушку* и чествовал праздником по соседству и в равенстве с Ильёй — бывшим громовником. Когда исторические судьбы назначили русскому народу новые встречи, пятница у мусульманских народов оказалась еженедельным праздничным днём, а у самого многочисленного и сильного из языческих инородческих племён, *мордвы*, — таким же исключительным и заветным: вот, стало быть, и новые веские поводы укрепиться в прадедовском веровании. В молодой России, где православие сильно мутится новыми толками в духе рационализма или обезличивается равнодушием к делам и обрядам веры, языческая пятница всё-таки не перестаёт смущать. В купянском уезде, Харьковской губернии, в 1872 году пронёсся слух, что один крестьянин встретил Пятницу, за которой гнался чёрный чёрт — и теперь все крестьяне празднуют этот день, как воскресенье.⁴⁷ У казаков на Дону (или, лучше, у казачек) едва ли и теперь не живёт живая Пятница недалеко от Старочеркасска, девка лет семидесяти, под названием Ельчихи. Старочеркасские староверы от мала до велика в известное время, по утренним и вечерним зорям, ходят к ней на всеобщее богомолье. Святоша эта, имеющая обыкновение при входах во двор не притрагиваться руками к воротам и заборам, почитаемым ею погаными, сообщает изуверам какие-то тайны, причащает их и т. п. Пробовали в апокрифических писаниях, в списках, распространённых в народе в громадном количестве (разнообразных и несходных) умалить и само значение поста в Ильинскую Пятницу; писали, что «тот человек сохранён будет всего только от плача и рыдания»⁴⁸ — и этому не вняли верующие. До сих пор в этот заповедный день ни пашут, ни боронуют. Уверяли, что в награду за этот пост поведутся в благочестивом хозяйстве хорошие крепкие лошади, а у матерей семейств будут лёгкие роды,⁴⁹ народ твердит своё: «Если зародится в тот день чадо, то оно будет либо глухое, либо немое, либо выродится из него вор, разбойник, пьяница, чародей или вообще всем злым делам начальник». Девицы-невесты, обучившиеся молиться (28-го октября, в день святой мученицы Параскевы, наречённой Пятницы) так: «Матушка-Прасковья, пошли женишка по-

скорее!» — на Ильинскую пятницу о таком желании своём помалчивают. В Белоруссии они даже в открытую распевают так: «Породзила меня матушка у несчастный день у пятницу, не велела мне матушка белиться и румяниться».

А где таким образом поют и молятся, там, когда сладится свадьба, перины и всё невестино имущество отпускают в дом жениха не иначе, как в пятницу, вечером. В Малороссии обрядовый свадебный хлебец *лежень* кладётся на стол невесты в пятницу же и лежит до венца под двумя ложечками, связанными красной ленточкой, и т. д.

В столице Белоруссии, в Смоленске, духовенство достигло, однако, того, что отбило пятницы первых четырёх недель святой четырёхдесятницы. Там приучили народ (впрочем, лишь только с половины прошлого века) ходить в Авраамиев-Спасский монастырь (один из древнейших в России, как основанный ещё в XII веке) и выстаивать особые службы в воспоминание страстей Господних, известные в Смоленске под католическим именем *пассий*.⁵⁰ На повечерях читались, среди церкви, евангелия страстей, пелись две песни: «Тебе, одеющегося светом яко ризою» и «Приидите ублажим Иосифа приснопамятнаго» и читалось поучение с очевидным намерением службой величайшей в христианстве пятницы Страстной недели сокрушить неодолимую мощь и силу языческих пятниц.

В свою очередь, в разных местах Великороссии слышится одна и та же легенда о девушке, которой госпожа приказала в этот день работать. Она, конечно, послушалась. Пришла к ней Пятница и в наказание велела, под страхом смерти (и смерть стояла при ней в живую), спрясть сорок мычек и занять ими сорок веретён. Испуганная до лихорадки девушка, не зная, что думать и делать, пошла посоветоваться с опытной и умной старухой. Эта велела напрямсть ей на каждое веретено по одной лишь нитке. Когда Пятница пришла за работой, то сказала девушке: «Догадалась!» — и сама скрылась, и сошла беда на этот раз с рук. Во всех других случаях бывает хуже, именно потому, что Пятница, ходя по земле, сама за всеми наблюдает (а хождение Пятницы — повсеместно распространённое верование). Ходит она всюду вместе со смертью, а потому немедля и наказует ею: обычно делает так, что скрючит на руках пальцы, а мужчинам

вложит в спину стрелы и ломоту. Пятницу все могут видеть, и кто видел — тот хорошо распознал, что это ещё молодая женщина. Иногда она очень милует и награждает, а в иную пору жестоко наказывает. У одной женщины, не почтившей её и работавшей, она просто-напросто содрала с тела кожу и повесила на том же стану, на котором та ткала холст. Попался ей раз навстречу по дороге работник, который отошёл от хозяина. Сел этот прохожий закусить, а к нему и напрашивается неведомая красавица, чтобы разделить с нею хлеб-соль. Поели они: «Вот тебе за то награда: иди в это село, найди там богатую девушку-сиротку, бери её за себя замуж. А я даю тебе сто лет веку». Он так и сделал. Жил он ровно сто лет, и пришла к нему Пятница с тем сказом, что пора-де умирать. Умирать не хочется: «Прибавь ещё одну сотню!» Прибавила. Когда исполнился последний день этой второй сотни лет, она опять пришла. — «Ещё прибавь сотнягу!» — Прибавила. Жил-жил человек и самому даже надоело, и такой он стал старый, что по всему телу мох вырос. Приходит святая Пятница и смерть с собой привела: «Ну, теперь пойдём: и вот тебе хорошо местечко здесь остаться». Место очень понравилось, но она повела на другое, которое ветхому старику ещё больше полюбилось. Когда привела его на третье, то отворила дверь и пихнула его прямо в ад и промолвила: «Когда бы ты помер на первой сотне своих лет, то жил бы в первом месте, на второй — на другом месте, а то в триста-то лет ты столько нагрешил, что где же тебе и жить, как не у чертей в когтях?»

Этой легендой даётся, между прочим, объяснение тому повсюдному на Руси обстоятельству, что пятничным церквам отводятся места на кладбищах (как Св. Власию на выгонах) и *девятничают* и *пятничают*, то есть по-старинному старухи весь день проводят в строгом посте, воздерживаясь даже от рыбы, и по нынешним обычаям — пьянствуют в память умерших родителей, именно в Ильинскую Пятницу особо и сверх прочих поминальных и панихидных дней. Понятным делается и название в древнейших городах пятничных концов, приходившихся за окраинами города, как было то, например, в древнем Торжке и в самом древнем Новгороде, а равно и учреждение на *божедомках* скудельниц. Сюда в старину свозились и сваливались в кучу умершие насильственной или неестественной смертью,

погибшие на поединках и самоубийцы. Их тела, без отпевания, оставлялись непреданными земле до Ильинской Пятницы (в иных местах до Семика), когда благочестивые люди обыкновенно рыли для несчастных могилы, погребали их и, за свой страх, пели по ним панихиды.

В Ильинскую Пятницу исстари, как и во все прочие годовые, по сёлам и городам собирались земледельцы и купцы для торгова, но Ильинская отличалась от прочих тем, что тогда производился суд, расправа и казни, конечно, наводившие ещё больший страх и запечатлевшиеся в народной памяти. С преклонённой головой, с согнутой в кольцо спиной ползает под образами мученицы Параскевы вся женская деревенская Русь. На коленках до жгучей боли и до крови оползают они бесчисленные часовни при родниках, посвящённых её же имени. Любопытные, не утруждая себя слишком и не ходя далеко, могут отчасти видеть это всего лишь за Охтами, на казённых пороховых заводах, — и в поразительных размерах и с изумительными подробностями с небольшим в ста верстах отсюда, в селении Ильешах Ямбургского уезда.⁵¹ Сюда в течение многих недель общество Балтийской железной дороги зазывает богомольцев объявлениями об экстренных поездках по три раза в день, сверх трёх обычных. Поезда довозят до станции Молосковичи, от которой до заветного места всего четырнадцать вёрст. Железнодорожное правление догадалось прислужиться богомольным людям даже и уменьшенной ценой обратных билетов третьего класса.

Народное религиозное усердие к ильешовской церкви оправдывается ещё тем усугубляющим обстоятельством, что при двух придельных алтарях (пророка Илии и великомученицы Пятницы⁵²), главный посвящён Николе, издревле заветному для русского народа в такой степени, что все разноплемённые инородцы считают мирликийского святителя русским богом и уже давно чтут его, в свою очередь, наравне со своими богами, столь древними, как белый свет. Ильешовская же Пятница для поклонения своего указала богомольцам два места: *явления* в неизвестные отдалённые времена, в полутора верстах от церкви, в поле (где теперь часовня) и *поставления*, то есть саму икону в храме погоста. Погост этот в XVI веке носил название Григоровского Лешского (то есть лесного), несмотря на то, что

церковь звалась Великий Никола. Старый погост успел слиться с позднейшей деревней в нынешнее село.

Образ изваян из дерева и, как все такого рода иконы, наглядно свидетельствует о древнейшем своём происхождении и чрезвычайном народном почитании. Последнее обстоятельство подтверждается именно тем, что образ устоял на месте в числе немногих в России даже в те строгие времена, когда энергически и решительно изгонялись из русских храмов этого вида и характера иконы. Значительное число их было свезено в Новгород и свалено под софийской звонницей. Какая судьба постигла их впоследствии — неизвестно. Значительную часть, конечно, сожгли.

Вообще, надо сказать, мало кто интересовался таким в своём роде замечательным историческим музеем, хотя, по многим данным, в некоторых изваяниях могли чувствоваться истуканы языческой эпохи. В них плоская резьба грубого, детских рук, дела лишь при условных намёках подобия чертам человеческих лиц, прямо свидетельствует о том, что изваяния рублены в пределах новгородской земли в те времена, когда новгородцы не заслуживали ещё известных летописных упрёков от южан, за известное искусство своё, *яко плотницы*. Едва ли интересовались софийским иконным складом и староверы: для них всего важнее тонкости живописных пошибов и различные отмены в письме против правил изографов: рублёвского от корсунского, афонского и цареградского от строгановского и т. п., а не фигуры, не выдавшие ни долота, ни скобеля, но один лишь топор и то, может быть, ещё каменный.

Перед столь же древним и замечательным изваянием в Ильешах шумно и открыто проявляются, в согласном и дружном сочетании, силы двоеверия, несомненные также и по историческому и этнографическому значению самой местности. Напомню ещё раз, что здесь, на этом самом пункте, кончилась свободная, необузданная в стремлениях новгородская колонизация, не знавшая пределов и отдыха отсюда вплоть до Камчатки и американского берега. Здесь же ладно поселилась и мирно ужилась новгородская вера и народность при взаимных одолжениях и обязательном обмене всем с той инородческой, которая в летописях путалась под названием *Ижоры* и *Веси*. Когда освящали

в недавнее время в Ильешах новую каменную церковь, собравшийся народ проявил такой религиозный экстаз и обставил его такими необычными видами, что удивлялись даже приглядевшиеся к диковинкам. Не отказывается толпа пооткровенничать здесь запоздалыми выходками тёмного суеверия и теперь, в более спокойное время, не вдохновляющее какой-либо чрезвычайностью события, хотя бы вроде освящения нового храма. Благоговейно припадают теперь толпы народа под образ, высоко поднимаемый над головами преклонённых богомольцев и несомый на особых носилках в киоте во время крестных ходов с места поставления на место явления и обратно. Затем, по обычаю всех подобных сборищ, после церковных утренних торжеств, с полудня начинается ярмарка с шумом и гамом не одной тысячи празднично настроенного люда. Часовенное место в Ильешах в особенности знаменательно: в то время, когда около иконы сосредоточиваются обряды христианского характера, на месте явления её обнаруживаются другие виды.

Подле самой часовни растёт развилистая берёза, почитаемая священной за то, что на ней спаслась Пятница от преследования соблазнителя в виде чёрта. Он с досады начал бросать в убегающую камни и завалил ими всю окрестность. Один булыжник попал на берёзу и там врос в кору так, что теперь его едва видно. И дерево это, и камень на нём удостоиваются особого народного благоговения, но главным образом почитается другой камень, который лежит близ корня. По одной из множества легенд, существующих в народе об этой местности, на этот камень ступила преследуемая злым духом Пятница и с него прыгнула на берёзу, оставив след ступни. Последняя ясно обозначается большим углублением, достаточно глубоким для того, чтобы просунуть туда руку. В нём скопляется и тщательно сберегается дождевая вода, конечно, грязноватая и сорная. Вода эта целебная: это — слёзы праведницы, плакавшей о людских прегрешениях. Вода врачует от всяких болезней и преимущественно от глазных. Впрочем, исцеляет здесь и сельский колокол, под который во время благовеста и звона становятся все глухие. Врачует и песок, и всё прочее на этом святом месте, которое привлекает всех болящих разнообразными недугами. Характер последних в особенности разнообразен: это не только окрестные

простолюдины, но и та столичная интеллигенция, на которую рассчитывает Балтийская железная дорога, настойчиво напоминающая о близости Ильинской Пятницы. Для наблюдателя на месте в особенности может быть интересна именно эта категория наезжих и их классификация. Здесь все действуют в открытую, не стесняясь. То, что, под известным давлением в столице, таится или скрывается, в Ильешах, как у себя дома — как бы в каком-нибудь мёртвом и глухом захолустье — откровенно высказывается в самых разнообразных с трудом услежимых картинах. Они часто обставляются крайними выходками несдержанного фанатизма и, между прочим, обязательно требуют раздирающих душу воплей кликуш.

Главный интерес для наблюдателя, конечно, представляют во всяком случае эти следы древнего почитания дерева и камня, старинного по существу и облечённого лишь в новую форму. В газетных корреспонденциях нередко наталкиваешься на подобные указания, и в особенности на эти следы человеческих ног на камнях. Так, например, кроме знаменитой стопы, показываемой в Почаевской лавре, имеется указание на местечко Лукомль (Могилёвской губернии, Сенненского уезда), где в местной церкви хранится такой же камень со стопой, как уже сказано нами.

Указанием на эти живые урочища и вещественные следы древнего языческого культа мы желаем обратить внимание исследователей и на покинутых славянских богов, и на места их почитания. Сколько известно, изучения в этом направлении не производились до сих пор. О самой Пятнице, как славянском божестве, имеющем близкую и тесную связь с более известным и определённым Перуном, мы имеем одно только исследование профессора Веселовского (напечатанное в «Журнале Министерства народного просвещения»). Однако, не нашлось до сих пор ни одного досужего человека, который составил бы, по готовым материалам, хотя бы краткий перечень сохраняемых, как заветные, деревьев и почитаемых за святыню камней. Те и другие в изумительном множестве рассажены и рассыпаны по лицу земли Русской, оживлённые различными интересными легендами, с достаточной ясностью свидетельствующими о живучести старой народной веры. Вот она въяве с мельчайшими подробностями всего в ста верстах от цивилизующего города

и в четырнадцать от той самой дороги, которая имеет претензию возить прямо на европейский Запад. Мало того: эти доисторические обычаи и верования имели твёрдость уберечься в таком пункте, где кончаются крайние русские поселения, где предполагаются по этому случаю три соединённые усилия: католического ксендза, протестантского пастора и православного священника. Наконец, эта местность — вовсе не трущобное захолустье, а весьма известная всей гвардии, как посещаемая ею в последние дни манёвров; издавна пролегало здесь Нарвское шоссе, и примыкал один из косяков того окна, которое прорубал Пётр Великий.⁵³

СЕМИПУДОВЫЙ ПШИК

Как у портного на ножницах,⁵⁴ у некоторого кузнеца осталось *на клецах* семь пудов железа. Куда с ним деться и на что употребить? Место глухое и бедное, заказов никаких нет. Ездят все на одноколках и не только не обивают шинами колёс, но и в самой телеге не найдёшь ни одного железного гвоздя. Таких местностей на Руси ещё очень много, и для примера можно взять даже целую страну, Белоруссию, которая захватила собой шесть русских губерний. Кто купит топор, или обзаведётся сошником, или запасётся заступом, тот уже показывает их всем и хвастается. Кто это видит, тот завидует. Ждёт кузнец, пока у какого проезжего лопнет шина или потеряется подкова, а скопленное железо тем временем лежит попусту и ест его ржавчина. Надо же его, наконец, к чему-нибудь приспособить.

Выдумал кузнец выковать из него крест:

— Свезу на базар: приглянется какому купцу, захочет порадовать на матушку церкву — купит.

Вскоре в ближнем селе, подле церковной ограды, на свежем навозе и по колена в грязи загалдел базар на сотни крикливых голосов. Громко, во всё горло, заговорила деревенская нужда, не стесняясь и не оглядываясь. Шатаются между возами мужики и бабы: смотрят товары и ощупывают, хлопают по рукам и торгуются, божатся и ругаются, увидят крест — дивуются:

— Какой ты большой крест выковал!

— Одной рукой не поднимешь!

— Кабы поменьше выковал — на нашу бы колокольню годился.

— Наша не выдержит — рассыплется.

— Ты бы свёз его в город: там купят.

— Словно бы он топором его тесал, а рубанком-то и не прошёлся: в городе не понравится.

Подходили к кресту и зубоскалили; поднимали за один край — кричали и отходили прочь.

Базар тем временем стал замирать и, наконец, разъехался. Повёз кузнец своё изделие опять домой непроданным.

— Надо крест поменьше сделать: этакой скорей подойдёт, и купят, — подумал кузнец про себя и начал перековывать.

Выковался крест в пять пудов, опять лежит на возу на базаре и опять ждёт охотника.

— Великонек, друг, великонек: давно присматриваюсь, купил бы да не подходит.

Сделал кузнец поменьше: весил крест три пуда. Кто подговаривался на прошлом базаре, теперь не пришёл. Из новых никто не присматривается: все проходят мимо. Один фабричный привязался, захотел пожалеть, а сам насмеялся:

— Ты бы его надел на себя, да и прошёлся бы по базару-то; базар на всякое диво охотлив; может, кто бы ещё и подал на бедность.

Кузнец был упрям, как бык. Он сказал себе: хоть надорвусь да упрусь, а потому базарной мирской науки не послушался.

Опять и на этом базаре остался товар на руках. А так как у кузнеца рука легка, а шея крепка, то и на этот раз принялся он за ту же работу, и новый крест сделал в пуд. С ним снова набивается. Подошёл к базарному товару поп, постучал по нему пальцами, перевёртывал. На низу посмотрел, чего не написано ли, — сказывал:

— Поставить на церковь — мал; к осенению — не годится; для напрестольного — груб, в воздвизальных — как его таким-то народу покажешь? А хорош: нескоро изотрётся. Ты бы, сын мой, походил по монастырям; не отыщется ли где отшельник. К веригам твой крест ладно прилажен: и неуклюж, и тяжёл.

В монастырях кузнецу везде одно толковали:

— Не те времена. К нам ты припоздал: был один такой, что всё уходил в лес спасаться, а наконец и совсем сокрылся.

— У нас есть спасенники: по кабакам валяются — юродствуют. Сходи к которому — примеряй!

В кабаках кузнеца утешали:

— Хорош был бы твой крест, когда бы его на шею мироеда надеть разрешили тебе, а ему бы приказано было тот крест носить, не снимая во всю жизнь до гроба.

— Большие бы заказы мужик доспел, кабы этак-то!..

— А бывало дело такое: одному такому-то где-то из самого Питера дослали, слышь, не то железную медаль, не то крест, тоже вот в пуд весом: носи на здоровье! Как в люди идти, так и надевает. Дома, если спать ложится, разрешали снимать.

Всё-таки надо было крест переделывать, а в фунтовых крестах кузнеца ещё больше стали путать. Никому он не угодил, да и ставил товар в большую цену; довелось просить и за маленький ту же плату, во что обошлись и большие: ставил в счёт все семь пудов старого железного лома. Не клал и не считал только то, что уходило на угар да на обрезки: всё, что, по обычаю, кузнецу на клещи полагается.

Наконец, порешил он так, что быть кресту тельником: станет его носить сам на груди под рубахой, на доброе здоровье и на спасенье. Незачем в люди ходить срамиться.

Стал он его накаливать да поколачивать. Расстукает в плиточку — обрежет. Раздует мехами уголья — опять крест всунет, и накалит, и опять расколачивает: всё ему великим кажется. Начал калить такой уже крестик, что едва клещами защемливает, чуть он в них держится.

На беду пришла босомыга-девчонка от матери угольков попросить. И нашла, дура, место: просить углей у кузнеца, что у калашника теста, когда их либо у самого нет, либо самому нужны. И сказала ту просьбу под руку, когда переносил кузнец крестик из горна на наковальню. Сорвался он с клещей да прямо в ведро с водой, о которое кузнец ещё на пушью беду спотыкнулся. *Пиик* — зашипело в ведре, и клубочек белого пара взыграл и обозначился. Пришлось кузнецу хлопнуть по бёдрам, расставить ноги, вскинуть руками и вымолвить такие слова, что на всю Русь и теперь ещё всё отдаются эхом, повторяются:

— Вот-те и семипудовый пшик!

Впрочем, толкуют про иного кузнеца и по-другому. Этот был несчастливее: к нему на дом или прямо в кузню принесли работу. Понадобилось мужику наварить лемех для сохи.

— Надо бы вот, друг, поточить: спусти малость!

Пришла, наконец, мужику пора устанавливать эту соху, пришёл он к кузнецу справиться: не готово ли?

— Прости, друг, ради Бога! — маленько перекалил я твоё железо: лемеша у меня теперь не выйдет, а выйдет разве сошник.

— Навари сошник, что делать!

Стал кузнец сошник ладить — не выходит.

— Что же выйдет?

— Топор я тебе выкую, такой топор, что с ним весь свет пройдёшь и мне спасибо назад принесёшь.

Похвастал мастер — не травы покосил: спина не заболела, а топора не выковалось. Посулил сделать косарь — и на нём пережёл железо. Выхвастался потом на нож — и на том погорело железа столько, что обушок вышел таким же острым и тоненьким, как само лёзо.

— Что теперь станешь делать?

— Да гвоздь можно выковать, какой хочешь. Хочешь: хоть двоетёс, чтобы стена затрещала.

Визжал под молотом и ножик, а гвоздь из него вышел такой маленький, что в сапог вбивать его не стоит, и даже в руках держать его стыдно.

— Сделай что-нибудь поладнее: что сможешь?

— Можно теперь сделать один только пшик.

— Делай пшик, сделай милость. Хоть чем-нибудь на счастье с тобой по квитаться!

С КОЛОМЕНСКУЮ ВЕРСТУ

В таком нелестном подобии является в представлении московских людей высокий человек, напрасно и без нужды возвышающийся целой головой над прочими и, стоя, например, в толпе, мешающий задним видеть впереди себя. По большей части такой человек неуклюж, неловок, неповоротлив, что на-

зывается на севере *жердяем* и *долгаем*, а повсеместно *верзилой* и *долговязым*. Для московских жителей такие большерослые люди представляли подобие тех столбов, которые царь Алексей Михайлович расставил от Москвы до своей любимой загородной летней резиденции — села Коломенского. Это был первый опыт обозначения видными знаками верстовых измерений, существовавших издавна в одном лишь призрачном представлении с обязательной неточностью самой меры. Неточность зависела столько же от сметки расстояний на глазомер, сколько и от условной подвижности или изменяемости самой меры, и при этом не одних только вёрст, но и сажений. Древнейшая сажень была короче нынешней и таких требовалось в версту целая тысяча. Впоследствии верста стала составляться из семисот сажень, и такое-то количество их и велел уложить царь Алексей в ту видимую версту, которая ушла в поговорку. Царь Пётр I повелел считать в версте пятьсот сажень, что и намечали впоследствии по всем казённым почтовым дорогам пёстрыми верстовыми столбами, покрашенными в три национальные цвета. За такой-то столб задел в степи хохол, изумлённый невиданной диковинкой — и остался недоволен:

— Ажно проехать стало невозможно: проклятые москали верстов по дороге понаставили — задевать приходится!

От деревни Смотрич до города Пирятина насчитывали восемнадцать вёрст семисотных, а с переменной на пятисотные оказалось двадцать пять. В городе налаживалась средопостная ярмарка, славная более всего невылазной грязью. Едут хохлы гуськом. Шёл дождь. Догоняет кума Грицько. Поравнялся с его возом да и говорит:

— От так воно уси на свити, куме!

— Як так?

— Та так же.

— Эге.

Помолчали.

— А вжеж и ты знаешь, що и диды, и прадида считали от Смотрич до Пирятина висимнадцать верст?

— Так-так.

— От же, бач, панам не сгодно се: нехай, кажут, буде 25.

— Нехай буде и 25.

— Воно що и казать як погода, то нехай буде хоть и тридцать, а в таку негоду потелепайся лишних семь верст, так воно покажетця.

— Яко-вось!

На самом деле, консервативное начало высказалось и в этом нововведении: ещё на нашей памяти в захолустных местах семисотные вёрсты предпочитались пятисотным, взаимно соперничая. Требовался переспрос: по какому счёту принято на просёлках, где не поставлено столбов, разуместь дорожную версту. Конечно, всего чаще случалось получать в ответ всем известное объяснение расстояний в нашей пространной и неоглядной Руси: «Меряла баба клюкой, да и махнула рукой — быть-де так!»

Кроме коломенской версты на святой Руси доводится набегать ещё на *корельский верстень*. Так произносят слово *верста* северные инородцы, да и в самом деле, *верстень* представляет собой весьма характерную особенность и своеобразную единицу меры в тех непроходимых лесистых и болотистых местностях. Не спуста у архангельских поморов сохранилась поговорка: «Корельский верстень — поезжай целый день». «Баба меряла, да оборвала верёвку». Такие вёрсты и называются *корельскими*: тонки да долги. Прямо смотреть, рукой подать, да надо тянуться через такие зыбуны, где и лёгкая лисичья нога не удержится. Обьезды десятками вёрст оставляют то мучительное впечатление, которое не забывается десятками лет, и при воспоминании о корельском верстене у испытавшего такое горе пробегает мороз по коже. Переезжает лесничий с корелом на дырявой лодке через широчайшее Топозеро, чтобы попасть на интересный остров с остатками знаменитого раскольничьего скита Федосеевского толка, — и мучается ожиданием половины пути. От берега до берега насулили двенадцать вёрст; истратили пять часов, а всё ещё далеко до места. По пути оказался маленький болотистый, топкий островок.

— Вот теперь половина будет, — подсказывает корел.

— Вот тут-то, должно быть, и оборвалась у вашей бабы верёвка.

В ответ на это замечание следует точное и откровенное объяснение в утешение измученного проезжего человека:

— Задняя половина больше, передняя половина *горазд поменьше*.

ДВА ДЕВЯНОСТА

Одно девяносто потребовало филологических исследований, два девяноста имеют уже историко-географическое значение. В записках Академии Наук 1878 года (том 31-й) напечатана статья Прусика, директора гимназии в Руднице, в Богемии, в которой доказывается, что это слово неправильно пишется *девяносто*, и на основании сличений с греческим и латинским названием этой цифры, необходимо писать *девеносто*. По следу этой заметки в Филологических Записках 1879 года (выпуск I) другой исследователь, Ф. Ржига, на основании законов русского языка, настойчиво и доказательно опровергает мнение чеха и советует писать *девяносто*, как принято. Он производит это слово от *девять до ста*, что подтверждается и в звуковом отношении в области славянской речи. «Непосредственный, или последний, десяток ко сту, до ста будет = 90. Итак, спросим ещё: что значит *девять до ста*? — или к какому числу можно добавить *до ста*?

$$x + 9 = (100 - 1)$$

$$x + 9 = 99$$

$$x = 90$$

Ответ заключается в самом вопросе — это значит, что число 90 достаточно обозначено славянами: *девять до ста* = (девянноста) = девяносто».

Вполне подчиняемся этому решению и будем вперёд следовать этому указанию, как поступили уже в самом заголовке предлагаемой статьи. Для нас же важны не одно, а именно два девяноста.

Народные несчастья, крутые исторические невзгоды, когда приводилось плохо всей Руси, большее всех городов и областей (даже пограничных) отзывались на срединном городе русской земли, властительном, влиятельном и богатом. Обездолить военным разорением, обессилить грабежом и пожарами, унижить позором набега и надругаться разрушением, — всё это, кстати, было именно здесь, в самом центре Руси. Таковым в данном случае является Москва, не в пример прочим городам, и в строго математическом смысле.

Эта видимая случайность, в самом деле, весьма знаменательна. Первые города от Москвы отстоят на *два девяносто вёрст* (Владимир, Тверь, Тула, Калуга, Рязань). При этом первому из московских соседей, на которого обращены были исключительно поглощающие стремления Москвы, досталась самая печальная участь, выразившаяся в очень горькой насмешке народного приговора: «У Владимира два угоды: от Москвы два девяносто, да из Клязьмы воду пей». Это — первые из старых, которые не успели обессилеть от поглощающего соседства Москвы и удостоились почётного прозвища губернских, когда Петербург, при Екатерине Второй, начал раздавать звания и дипломы всем заслуженным и производить в соответствующие чины и степени городов не всегда того достойные сёла, посады и слободы. При этом замечательно, что промежуточные города, соблюдающие до сих пор то или другое значение и сберегшие прежнюю силу и известность, отстоят от Москвы на *одно девяносто* (Коломна, Клин, Серпухов, Можайск, Переяславль-Залесский), то есть на ту меру, какая из глубокой старины принята была для определения расстояний и, вместе с сорока́ми, составляла общепотребительный способ и любимую форму счёта.

Пройти пешком треть девяносто за единый дух и приём очень трудно: надобен на половине пути отдых. Пройти ещё такую же треть, как от Москвы до Троицы-Сергия, считается уже подвигом, достаточно успокаивающим религиозное настроение москвичей. Чтобы одолеть целое девяносто, надо уже запрягать лошадь. Хода́ лошади стала единицей меры расстояний и невольно выразилась в распределении населённых мест там, где русскому племени пришлось колонизовать страну в междуречьях, где переставали служить плоты и лодки и выручали свои ноги или хода́ благородного животного. На тридцати верстах оно уже уставало само и требовало отдыха и корму. После отдыха оно снова служило на том же пространстве, или перегоне, и, при взаимных сношениях и обменах соседей, помогало тому, что хозяин мог в одни сутки доехать, сделать дело и вернуться назад. Там, где этим тридцативёрстным дорогам, как радиусам в круге, доводилось определять центр, — вырастали торговые сёла. Группа таковых, тянувших друг к другу, определяла центр уже городом, нередко *стольным* в старину и ещё живым в ны-

нешнее время. Города же первого девяноста на втором, по тому же закону строения, соединёнными усилиями и по взаимному согласию, как наиболее сильную и крепкую твердыню для жительства, порождали города уже первопрестольные, царствующие, княжеские. Таковы все пять вышеупомянутых. Как бы то ни было, указываемое нами явление неотразимо и обязательно явилось во всей суздальской и рязанской Руси: пусть прогуляется циркуль от Москвы, как центра, на Владимир до Мурома, на Ярославль за Кострому до водоразделов, и так далее в любую сторону. Этим способом мы отчасти объясняем себе и ту видимую случайность, при которой города с двумя девянностями расстояния могли создать такой громадный город, как Москва, уже не знающий себе на Руси соперников, имели основание признать его срединным и наименовать сердцем и, как своей и личной, интересоваться его судьбами.

«В Москве к заутрене звонят, а на Вологде тот звон слышат». В 1443 году, в церкви Николы на Песках, забыл потушить пономарь свечной огарок, от которого загорелась церковь и, за ближайшей слободой, занялись потом все остальные: сгорел и Белый город, и самый Кремль. Четыреста сорок лет прошло с тех пор, а в устах народа на те случаи, когда от малой причины произойдут большие последствия, от малого зародится большое, как вчера выговоренное, готово пословичное, столь древнее выражение: «От копеечной свечки Москва сгорела». Впрочем, *от искры загорелась Москва* ещё один раз и истребилась сильным пожаром, памятным народу, в 1737 году, и начавшимся с дома Милославского также, по преданию, от свечи. Третий (из памятных) самый сильный пожар 1812 года, окончившийся столь блистательными последствиями для целого государства, сохраняется в памяти в виде насмешливой поговорки над французом, к которому вообще относится народ снисходительно, с добрыми чувствами. Говорится к слову: «наступил да оступился», «отогрелся в Москве да замёрз на Березине», «на француза и вилы ружьё», «голодный француз и вороне рад». И вот почти всё про *замороженного* француза, если не считать ещё малой прибаутки:

— Где шатался? — спрашивают бестолкового человека.

— На базаре. Всё про француза слушал.

— Что ж нового услышал?

— Да далече стоял: не слышать было.

МОСКОВСКИЕ ПРАВДЫ

Первая и вторая: подлинная и подноготная

На свете правда — одна, и другого приличного эпитета ей нельзя придавать. «Ложью, как хошь верти, а правде путь один»; «Всё на свете минётся, опять-таки *одна* только правда останётся», — уверенно и смело говорит наш народ. Умелый в родном языке до поучительного образца и ревнивый к отступлениям и неправильностям обиходной речи, наш народ, несомненно, неспроста и не спуста решился прилаживать к правде странные придатки, поставленные в заголовке нашей статьи. Не назвал бы он правду подлинной на том же основании, как не зовёт на смех всем масло масляным, и потому, что неподлинная правда есть уже просто кривда.⁵⁵ Не учился ещё он у наших грамотеев предпочитать слово *собственный*, когда уже давно выдуманно и приспособляется коротенькое слово *свой*, а тем более не решится выговорить оба слова вместе и поставить рядом, как так же сплошь и рядом делается это и в устных учёных речах, и в печатных книгах. Впрочем, не об этих многочисленных книжных прегрешениях, когда даже союз *но* ставится рядом с *однако* (причём усердные корректоры принимают в таких случаях второй союз за вводное предложение и ставят его в запятых), — не об этих печальных отступлениях и недоразумениях речь наша. Равным образом нам приходится теперь говорить не о той правде, которая есть первая из самых первых основ нравственности и справедливости и то первое же и главное, что необходимо иметь всем и каждому, и которая в нынешнее время, более чем во все предыдущие периоды человеческого развития, является вопиющей необходимостью. Настоящее наше толкование вынуждается той специальной правдой, которая обычно всяческими способами отыскивается на суде и при юридических дознаниях, розысках и следствиях, в прямом расчёте на то, что затаённая правда где-нибудь да отыщется.

В старину до этой правды добирались впотьмах и ощупью такими путями и способами: доносчик и обвиняемый приводились в судную избу вместе, но допрашивались порознь: «Истцу первое слово, а ответчику последнее». Так и в пословицу попало.

Первым ставили перед судейским столом обвинителя, который и повторял донос. Приводили обвиняемого. Он божился и клялся всеми святыми и родителями, отпираясь от поклёпов и оправдываясь. Местами и временами он взругивался, искося и в полуоборот волчьим взглядом посматривая на злодея-доносчика. Приводили снова этого и ставили очи на́ очи. Давалась *очная ставка*.

«Очи на́ очи глядят, очи речи говорят»: доносчик стоит на своём, обвиняемый, конечно, отпирается: «И не видал, и не слышал, и об эту пору на свете не бывал». Тогда, по Уложению царя Алексея Михайловича и по древним судейским обычаям, вводили доносчика в особую пристройку *за стеной* судной избы, или в *застенок*. Там раздевали его до́нага, «оставляли босого и без пояса, в одних гарусных чулочках и без чоботов» — как поётся в одной старинной песне. Затем клали его руки в хомут, а на ноги привязывали ремень или верёвочные путы. На блоке и в хомуте двое вздымали к потолку, двое других придерживали за ноги внизу, оставляя всего человека на весу вытянутым на *дыбе* и не допуская его концами ножных пальцев упираться в пол. Давали висеть полчаса и больше. Если *на подъёме* он не говорил того, что хотели слышать, тогда начинали *пытать* — допытывались правды. Палач, или заплочный мастер, мерно бил по спине *длинником*, хлыстом или прутом (*батогом*), а то и просто палкой или даже кнутом, — словом, что первое подвернётся палачу под руку, или на что укажут ему. С вывернутыми из суставов руками, со жгучей болью в груди, — на виске *под длинниками*, или *под линьками*, говорил пыточный с пытки *подлинные речи*. Поседельный в приказах дьяк придвигал к дыбе в застенке свой столик: перо у него за ухом и пальцы в крюк. Мучительно-медленным почерком, чтобы какой-нибудь на бумаге крюк не выпустить из рук «нижет приказный строку в строку, хоть в ряде слов нет проку». В это время доносчик висит на виске и говорит первые пыточные речи, или изменённые и дополненные пока-

зания, ту *подлинную*, понятие о которой несправедливо и неправильно перенесли потом на всё то, что называется настоящим и имеет вид безобманного и истинного. Часто случалось, что доносчик, под длинниками, то есть батогами, или хлыстами, — гибкими и хлесткими прутьями, на дыбе от своих показаний отказывался и сознавался, что поклепал напрасно или спьяну, или из мести и по злобе. Тогда его опять пытали три раза. И стало так, как говорят пословицы: «На деле прав, а на дыбе виноват»; «Пытают татя на три перемены». Если доносчик с этих трёх пыток подтверждал своё пыточное сознание, обвиняемого отпускали. Он успокаивался на той мысли, что *нескорбно поношение извечника*. В противном случае подвешивали на дыбу и этого: «Оправь Бог правого, выдай виноватого».

«Били доброго молодца на прáвеже в два прутика железные. Он стоит удаленький — не тряхнется, и русы-кудри не шелохнутся, только горючи слёзы из глаз катятся», — выпевают по настоящее время слепые старцы по торгам и ярмаркам. Правится он на правеже — *на жемчужном перекрёстичке*, как добавляется в московской песне с указанием на то урочище, где было место старых казней, правится он, как берёста на огне коробится, и с ущемлёнными в хомуте руками — *хомутит* на кого-нибудь, то есть или клеветает и взводит напраслину на неповинного, или сваливает свою и чужую вину на постороннего. В таком, по крайней мере, смысле и значении убереглось это слово до наших дней вместе с пословицей, обязательно предлагающей *первый кнут доносчику*. Оно, впрочем, справедливо ж со всех сторон, во все времена и во всех местах: старинных и новейших, в школах и артелях, и в общественном быту. Доносчику первый кнут не только от старинного палача, но и от современных товарищей и сожителей за этот самый извет.

Если ни страх дыбы в виду подъёма и пыток первых, ни хомут, ни кнут не вынуждают вымученного сознания, то подозреваемых *ставили на спицы* (объяснения которым в старинных актах не сохранилось, хотя известны спицы в том орудии старинной мучительной казни, когда колесовали, то есть колесом ломали преступнику кости). Затем сажали на цепь и к ножным кандалам, сверх сыта, привязывали тяжести. Кормили солёным — и не давали пить; давали, словом сказать, всякий про-

стор измышлениям средств и способов выпытывания правды, считая их вполне делом законным и справедливым. Ни власти, ни народ нисколько в том не сомневались: пытка была законом, а дыба и заплечные мастера встречались даже в народных волостных избах, не только в казённых городских. Необходимость и законность пытки были укреплены твёрдо в понятиях всех и каждого. Надо лишь изумляться всеобщему равнодушию и той нерешительности, с какой подходили законодатели к уничтожению этого позорного, бесчеловечного, безнравственного и бессмысленного способа отыскания следов преступления и степени виновности. В незлопамятном народе остались воспоминания только о самых мучительных и лютых пытках, хотя, правду сказать, некоторые из старых практиковались и в очень недалёкие от нас времена.

Осталась, между прочим, в народной памяти *подноготная*, та пытка, которой добивалась на суде, в самообманчивой простоте, никому не ведомая и от всех скрытая правда, заветная и задушевная людская тайна. В старину думали, что она, несомненно, явится во всей наготе и простоте, когда палач начнёт забивать под ногти на руках и ногах железные гвозди или деревянные клинушки, когда судья закричит и застрашает подозреваемого возгласом: «Не сказал подлинной — заставлю сказать всю подноготную!» Тогда пыточному закрепляли кисть руки в хомут, а пальцы в клещи, чтобы не могли они сложиться в кулак или не изловчились бы дать наотмашь.

По некоторым сведениям, в числе замысловатых инструментов пыток находились особого вида клещи, которыми нажимали ногти до такой боли, что человек приходил в состояние лгать на себя и, в личное избавление, рассказывать небылицы целыми романами. По внешнему виду, по особому устройству верхней половинки клещей, похожей на столь известную и любимую овощ *brassica napus*, орудие пытки носило название *репки*. Ею выдавливали из ногтей правду, как колют теперь машинкой орехи и сахар. Отсюда и столь известное, и общеупотребительное выражение: *хоть ты матушку репку пой*, а я на то не согласен, по твоему не быть ни за что и ни в каком случае.⁵⁶

Совсем ещё бодрые с виду и словоохотливые старики даже и теперь рассказывают про недавние времена рекрутчины, когда

от суровых тягостей двадцатипятилетней тугой лямки солдатчины бегали не только сами новобранцы, но и семьи их, а из *дезертиров* составлялись в укромных и глухих местах целые артели дешёвых рабочих и целые деревни потайных переселенцев (например, в олонекской Корелии, в Повенецком уезде, близъ границ Финляндии).

В земских домах водились стулья, в ширину аршин, в длину — полтора; забит пробой и железная цепь в сажень. Цепь клали на шею и замыкали замком. Однако, не помогало: бегали удачно, так что лет по пятнадцать и больше не являлись в родные места.

Объявят набор, соберут сходку с каждого двора по человеку, поставят в ширинки по улице. Спрашивает староста у десятиников:

— Дома ли дети у этих отцов?

— Нету, — скажут: — в бегах.

— Искать надо в завтрашний день.

Ищут день, ищут два, ищут три: найти не могут. Спрашивает у домохозяев:

— Где дети?

— Не знаем.

Не находятся рекруты дома — сбёгли. Не знают родители, где они хранятся.

Спросит сам голова у этих отцов и рыкнет:

— Служба — надо.

— Не знаем, где дети — в бегах.

— Ступайте ныне домой, а завтра приходите все в земскую: я с вами распоряжусь.

Приходят эти отцы через ночь.

— Ступайте на улицу и сапоги разувайте, и одежду скидайте с себя до одной рубашки.

И босыми ногами выставят отцов на снег и в мороз.

— Позябни-тко, постойте: скажешь про детей. А если не скажешь, не то ещё будет.

— Не знаем, где дети!..

Пошлют поснимать на домах крыши; велют морить голодом скот на дворах. Через три дня посылали какую-нибудь соседку скот покормить.

— Не знаем, где дети, — в бегах!..⁵⁷

Прорубали на реке пешней прорубь. Отступив сажень пять, прорубали другую. Клали на шею родителям верёвку и перетаскивали за детей из проруби в прорубь, как пронаривают рыболовную сеть в зимние ловли, в *подлёдную* (удочки на поводцах по хребтине с наживками или блёстками, на навагу, сельдь и проч.).

«И родители на убёг. И бегают. И дома стоят пустыми. И скот голодом морят».

Эту пытку можно бы, в отличие от подноготной, назвать *подлёдной*, но, кажется, уже об этом довольно и потому ещё, что в Москве была новая правда у *Петра и Павла*, а далеко потом и вдруг неожиданно очутилась она у *Воскресенья в Кадашах*.

Третья правда: у Петра и Павла

В Москве, где очень многое по-другому и всё своеобразно, потому, собственно, шла правда от церкви Петра и Павла, что вблизи её находился страшный преображенский приказ, особенно памятный народу с тех самых пор, как стрельцы рассердили Петра, вооружили его против Москвы, и он задумал с ней в конец рассориться и навсегда разойтись. Здесь были застенки и дыбы в несчётном количестве, производились бесчисленные пытки и казни, и применялись и получали дальнейшее развитие все разнообразные способы допытывания правды. Собственно же *московская правда* давно уже была во всей тогдашней Руси на худом счету. Она обращена была даже в насмешливое слово и понималась как укор и попрек с тех времён, как Москва стала забирать в свои руки всю Русь и мало-помалу становилась главой государства. Любопытным и сомневающимся советовали искать этой правды *московской* особенно в Пскове, где она сумела выразиться во всём неприглядном безобразии. Псков помог князю московскому под Новгородом; псковичи пожаловались ему на московских послов, обижавших людей по дороге, отнимая у проезжих лошадей и имущества, и грубо требуя поминок не по силе, — великий князь взглянул на жалобу грозно, подивился и гораздо больше поверил своим боярам. После падения Новгорода, Псков объявил полную покорность, а

из Москвы посылались нарочно такие наместники, из которых на каждого приходилось жаловаться. Избранных челобитчиков великий князь принимал, но вскоре велел отдавать под стражу. Они думали покорностью смягнуть Москву, авось там смилятся и сжалятся: вышли за город навстречу князю Василью, прибывшему во Псков, поклонились ему до земли, а он лучших людей велел схватить и увезти в Москву. Триста саней потянулось по московской дороге под стражей! Князь выехал из Пскова, по словам летописи, без крови, с великой победой, но москвичи, оставленные править городом, не разбирали средств увеличивать свои доходы. Они подстрекали ябедников на богатых людей, брали взятки и посулы и разоряли. Добро, нажитое в прежние времена независимости торговлей и промыслами, теперь переходило в руки московских дьяков. Лучшие люди бросали дома и убегали в чужие земли; иногородцы покинули Псков все до единого. Один за все вольные города русские челобитьем к потомству пожаловался на московскую правду псковский летописец такими, полными глубокого смысла, словами: «О, славнейший граде Пскове-Великий! Почто бо сетуеши и плачеша? И отвеща прекрасный град Псков: прилетел бо на мя многокрылый орел исполнь львовых когтей, и взят от мене три кедра ливанова, и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити. И землю пусту сотвориша, и град наш разориша, и люди моя плениша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневым калом замеша, а отец и братии наша разведоша» и т. д.⁵⁸ С этих пор создались и убереглись исторические поговорки, что *Москва слезам не верит*, её не разжалобишь (*не расквелишь*), она *по чужим бедам не плачет*, и прочие живучие поговорки, которые примётываются ко всякому подходящему случаю в обиходной жизни.⁵⁹

После стрелецкого бунта, в 1698 году, дела по полиции и общественной безопасности стали вестись в Преображенской приказной избе. Новые полки, Преображенский, Семёновский и Бутырский, держали постоянные и временные караулы в Кремле, у городских ворот, у кабаков, у церквей, около монастырей, на площадях и проч. С 1702 года все дела из Судного приказа перешли в Преображенский, который из избы переименован был в приказ.

Здесь всеми делами ведал, и правду искал, и суд творил — ни кто иной, как царский любимец и ближний человек, сам князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский, решавший всякие дела и даже самые страшные *о слове и деле* без апелляций. Это был (по словам князя Куракина, современника его) «человек характера партикулярного (то есть своеобразного), собой видом как монстр, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому; пьян по все дни; но его величеству верный так был, что никто другой». Сидя за столом в старом боярском кафтане, отороченном узеньким золотым галуном, с длинными густыми усами, всякое дело выслушивал сам этот страшный человек, перед которым никто не смел садиться и во двор к которому никто не имел права въезжать (даже сам царь Пётр выходил из одноколки у ворот). Словом, судила та исключительная, суровая личность, подобные которой, по русским приметам, нарождаются в целое полустолетие один только раз. Конечно, в эти времена охотливее, чем в другие, советовали не бояться суда, а бояться судьи: суд стоял прямой, да судья сидел кривой. В его руках закон был дышлом: он его куда хотел, туда и воротил. «Зачесали черти затылки от его расправы», и долго сохранялась в народе память о *петропавловской* правде, всё время, пока поддерживалась она робкими, медленными и неудачными попытками к истреблению в корне тех поводов, которые породили саму пословицу. Пётр III в Сенате, 7-го февраля 1762 года, запретил ненавистное *изражение слова и дела*; Екатерина II назвала употребление пытки *противным здравому естественному рассуждению*, но уничтожить её формальным образом не решилась. Счастливая доля приостановить её досталась в 1800 году императору Александру I.

Обнаружилась в Москве правда вместо *Петра и Павла* — у *Воскресенья в Кадашах*, в Замоскворечье, в то время, когда на городских выборах оказались в громадном большинстве голоса за Шестова, имевшего свой дом в этом приходе. Шестов в 1830-х годах выбран был в городские головы.

На этом событии мы остановимся, как на знаменательном, сколько потому, что оно отмечено в пословице, столько же и по той причине, что о нём, несмотря на его значение, мало писано и теперь чуть ли даже вовсе не забыли.

Нравы и обычаи того времени требовали, чтобы в городских головах на Москве сидел такой, который бы всем и всему потрафлял, а если он, сверх того, богат, тароват и хлебосолен, то ещё того лучше. Против таких сговаривались целым обществом, и если они сами не напрашивались, то их выбирали заочно и потом кланялись и неотступно упрашивали. Особенно важных требований, как к хозяину такого огромного и богатого города, тогда не предъявлялось; ни образования, ни убеждений, ни особенной силы воли и характера вовсе не требовалось. Производились сами выборы на добрую половину в шутку. Раз, однако, привелось ошибиться.

Голова Шестов оказался недюжинным. Загадали на простого, а получили прямого; на иную хитрость хватало и его простоты. Практически полагали все, что он будет не лучше и не хуже прежних, и вдруг довелось услышать, что голова начинает чудить по-своему: до всякого пустяка в думе доходит сам и суёт нос во всякие мелочи, не жалея своей головы. Что-то будет?

Стал он, например, доходить, кто пожарных лошадей кормит, почём для них покупают овёс и сено. И, когда дознался до старых цен, — объявил наново, что сам будет кормить, по прямому закону, с вольной цены, какая установится на торгах. Доискался такими же путями и до фонарного масла, которое покупалось вместе с овсом, и до других статей городских расходов, которые шли особняком. Шёл он просто, всё по дороге, просто и доходил — и всё прямо, не жалея себя и словно не ведая того, что на дворе стояло самое ненастное время, хозяйничала голая, как пузырь, голова графа Закревского, топала и кричала, угрожала и исполняла угрозы. Не замечал, да и не хотел слышать и видеть Шестов, что против него собирались враги и предпринимались воинственные походы. На городскую казну смотрел он купеческим оком, и сторожил, и умножал её так, что когда к концу первого года стали её считать, то вышло дивное дело, неслыханное событие: возросла казна до больших размеров от скоплений и сбережений и от умного хозяйства. Сам Шестов вошёл в большую цену и славу, и имя его сделалось известным даже малым ребятам, и — шутка сказать! — перевернул из-за

него наново московский люд старую, уже твёрдо устоявшуюся на ногах, пословицу: «Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла».

В 50-м году вся Москва только и говорила, что о подвигах этого Шестова, и даже лубочная пресса, в те времена столь далёкая от всяких политических вопросов и притом в то суровое цензурное безвременье, вынуждена была обмолвиться о правде *от Воскресенья в Кадашах* полуграмотным лёгким намёком.⁶⁰ В нынешние времена это почтенное имя совсем исчезнет из народной памяти под давлением и влиянием новых выборных земских порядков. Сколько нам известно, заслуги Шестова не почтены толковыми печатными воспоминаниями людей, близко и лично знавших его и, конечно, во множестве ещё обретающихся в живых (припоминается лишь небольшая заметка, видимо, урезанная цензурой, напечатанная в «Современнике»). Никольский *петушок* издания тамошнего книгопродавца И. Г. Кольчугина (который хвалился нам тем, что в его холодной лавке на три створа Виссарион Григорьевич Белинский сбить горячий пил) тоже уже не поёт о Шестове, представляя своего рода библиографическую редкость. А он, сам петушок,⁶¹ робко спрятавшись где-то далеко на насесте, сиплым, простуженным голосом всё-таки дерзал выкрикивать: «Пришла к нам правда не от Петра и Павла, а от Воскресенья в Кадашах, и стала матушка в барышах, а то ведь наша матушка всё беднела да бледнела, всё хромала да головушкой хворала, — перестала наша матушка хворать, перестала наша матушка хромать», и т. д.⁶²

Мимоходом укажем, насколько время способно исказить смысл и значение пословиц, доводя их до видимых нелепиц или, по малой мере, до очевидных бессмыслиц. Вот первая, попавшаяся под руку и притом очень распространённая: «Нужда заставит калачи есть».

Нужда бесхлебных и малохлебных губерний обычно увлекала народ на низовую Волгу, где, за малой населённостью края, очень нуждались в рабочих руках для косьбы роскошных степей и жнитва неоглядных хлебных полей, а также и для лова рыбы в устьях Волги и на Каспийском море. Там все едят хлеб пшеничный, потому что пшеница — господствующий хлебный злак, и ржаного хлеба не допросится верховому бурлаку или

рабочему. Пшеничные хлеба и булки до сих пор называют там калачами. До пароходства эта нужда искать заработков при калачах самым главным образом находила удовлетворение здесь. Десять губерний поступали таким образом. Отсюда идёт и другое тёмное выражение: «Неволя идёт вниз, кабала вверх». По толкованию В. И. Даля, тут речь идёт всё о той же Волге и о разгульном бурлацком промысле, с которым связана кабала: задатки взяты, усланы домой в оброк, а остатки пропиты. «Неволя, то есть нужда, идёт вниз, по воде, искать работы; вверх, против воды, идёт или тянет лямкою кабала», а за нею следом рваная и голодная нищета.

Остановившись в Москве, пока не пойдём из неё дальше по тем важным причинам, которые будут изложены в следующем рассказе.

МОСКВА — ЦАРСТВО

Так обмолвилось одно из присловий, обрисовывающих характер всех городов русских и в наибольшем числе (сравнительно с прочими) сгруппировавшихся около этого города. Его наш народ и очень любит, и нежно ласкает; любя, прибранивает и, лаская, подсмеивается; его боится и остерегается, но им же живёт и хвалится. Назвал народ Москву матерью всем городам и говорит, что кто в ней не бывал, тот и красоты не видал, хотя она и *горбатая старушка*. В ней *хлеба-соли покушать*, *красного звону и её саму послушать*, хотя в ней и *толсто звонят*, и сама она *стоит на болоте и ржи не молотит*. Она тем и любя народному сердцу, что когда её соперник Питер *строился рублями и стоил больших миллионов*, она, белокаменная и золотоголовая, *создалась веками*. Обмолвилось присловье, по обыкновению, не спуста и не спроста́.

Неудивительно, что за долгое время и в силу исторических судеб и русской народной воли, за Москвой признан такой важный и крупный эпитет, который взят нами в заголовок прямо из уст самого народа. Он очень хорошо помнит, что Москва населялась жителями из всех областей земли русской, которые тянули к ней и промыслом, и торгом, и неволей. Он отлично

знает, что Москва собрала всю заветную областную святыню, палладиумы покорившихся княжеств, и до сих пор бережно сохраняет их, главным образом в Кремле в Успенском соборе или в нарочно выстроенных храмах и монастырях. Тем и другим она и привлекла к себе народную любовь и закрепила внутреннюю связь со всей обширной страной русского царства, сделавшись сама, в миниатюрном виде музеума, её подобием и представительницей, со званием и титулом *сердца России*.

Здесь не место перечислять все те святыни, которые взяты были из покорённых городов и свезены в Москву, как победные трофеи, вместе со знатными и богатыми семьями горожан. Нам не время доказывать, что ещё не так давно у московских застав можно было без труда и усилий прислушиваться к разнообразным оттенкам говоров и наблюдать наряды и шляпы, как этнографические признаки пришельцев из тех местностей, откуда вышли к этим заставам шоссейные дороги. Наречия и говоры русского племени были здесь все налицо. Всем хорошо известно, что выселение из дальних городов в Москву не только не прекратилось, но ещё и усиливается. Нам, однако, время и место — не в первый раз и снова — пожалеть о том, что столь глубокое и очевидное значение города Москвы до сих пор не остановило на себе в надлежащей мере внимания: местные исследователи пробегают мимо этих интересных фактов, сильно бьющих в глаза и в ухо. Все говорят, что Москву собирала вся Русь и сама в ней засела во всей целомудренной чистоте и неприкосновенной целости, но подлинных признаков не приводят. Бесспорными доказательствами этот город переполнен.

Между тем, сколько любви и ласки народной, в самом деле, сосредоточивается около этого срединного русского города, который, как цельная государственная область, заручился внутри себя городами, посадами, целыми слободами, классическим, не существующим на самом деле, но действующим, в виде церковных благочиний, *сороком сороков* церквей и двадцатью двумя монастырями (последние, в указанном количестве, полагаются обыкновенно на целую губернию или область).

По одной горе, много по три полагается на хороший город и притом на те, которые стоят при устьях рек, — город же Москву народное поверье поставило, как Рим, на семи холмах, а

народное присловье подговорило, что, значит, *велик она город, что в нём семь воевод*. Намекая этим на смутное время междоусобицы, или *семибоярщины*, или *разнобоярщины*, не забывают при этом, что у города нет околицы, а потому он нигде не сошёлся клином: «Москва широка, как доска».

БЕЙ В ДОСКУ — ПОМИНАЙ МОСКВУ!

Город Москва и богата всем, и таровата: всё найдёшь, кроме птичьего молока да отца родного с матерью. Была бы догадка, а в Москве денег кадка. И диковинная, не в пример всем другим городам и селениям: «В ней каждый день праздник (по необыкновенно великому числу церквей): у Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят», и при этом *грязь не марается, и спать широко*.

Захотят ли похвастаться родным городом, называют его *уголком* Москвы. Она служит меркой для определения величин и расстояния: на свете так много дураков, что их *до Москвы не перевешишь*. Иван Великий — измеритель высот *повыше высокого*; Царь-колокол — тяжестей: *подними-ко!* Пресня хвалится женихами — *все скоморохи*; вся Москва до наших дней и по всей Руси — невестами. Всякий русский город обязательно заручился *московской* заставой, и очень мало таких, где бы не было Московской улицы.

Поминают Москву и в карточной игре: *на пиках*, например, *вся Москва вистует*, и в детских забавах: прихватывают ладонями оба уха, приподнимают с полу, чтобы показать именно Москву пожелавшему её видеть; впрочем, сквозь жидкий чай её всегда видно, а *показать Москву в решето* значит уже наголо обмануть, либо сильно одурачить.⁶³ На Москву загадываются загадки и её именем упрекают богатых, насмеваются над тщеславными и щёголями, и проч.; «А что просишь за Москву?» — спрашивает надменный и хвастливый глупый богач и лезет за пазуху. Быть в Москве и видеть *золотые маковки* считается за большое счастье и полагается первым душевным утешением богомольного люда и всего православного народа. Всё за Москву и всё про неё: «Бей в доску — поминай Москву».

За долгие и многие годы Москва успела выработать свои обычаи и наречие, свои песни, пословицы и поговорки и провела их во всенародное обращение вследствие долговременных связей и неизмеримо обширного знакомства с ближними и дальними русскими областями.

Сюда *нужда из Сызрани пешком* ходила, потому что *сюда идтить только денег добыть*. Это — первое и главное, потому что до сих пор с необыкновенным удобством и лёгкостью можно следить за тем, как на этом центральном русском и азиатском торжище (где каждый день, на круглый год, ярмарка) нарождаются из пришедших пешком и в лапотках именитые купцы и богатые горожане. На этом же бесконечном, также на целый год, празднике, обставленном всевозможным весельем и соблазнами, прожигаются громадные капиталы, испаряются крупные состояния. Живая современная московская летопись полна примерами, как разносчик с *головным* (съестным) *товаром*, бегавший по рядам гостиного двора с загадочным выкриком *эерви!* превращался в купца с кавалерией и почётом, пройдя несколько степеней развития по разнообразным статьям торгового промысла. Не меньше примеров и противоположного характера. Владелец многих домов выпрашивал Христа ради последнюю в своей жизни чарку водки шутками и прибаутками в том самом трактире, который помещался в его промотанном доме. Он был вытолкнут оттуда посетителями с припевом песни: «Выгоняйте вы скотину на широкую долину», и затем на узкой московской улице найден бездыханным трупом. Воспоминания и свежие рассказы о таких героях печального образа составляют одно из самых любимых и распространённых занятий московского купечества. Вероятно, со временем найдётся такой досужий человек, который приложит свой труд к написанию чрезвычайно поучительной, в высшей степени интересной истории именитого и прогоревшего московского купечества. В среде его, в утешение и оправдание, несомненно, здесь, в Москве, народились пословицы, простые, как само течение жизни, и поучительные, как святые заповеди: «Москва — кому мать, кому мачеха; в ней деньгу беречь, себя не стеречь; живучи в Москве, пожить и в тоске»; «Ой, Москва! — она бьёт с носка» и т. п. Всякому своё, а счастье не дворянство: не родом ведётся, да и не палка — в

руки не возьмёшь. «Хотел с Москвы сапоги снести, а теперь рад с Москвы голову унести» и т. д.

ДОРОЖЕ КАМЕННОГО МОСТА

В комедии А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» одно из действующих лиц говорит:

— Какие серебряные подковы? Какие лошади? Двугривенного в доме нет, а он...

— Позвольте! Это верно. Нам теперь с вами какой-нибудь двугривенный *дороже Каменного моста*.

— Какой мост? Квартальный давеча страмил-страмил при людях, что забор не крашен.

Елеса Островского на этот раз говорит общеупотребительное в Москве, но, по вековым тесным связям её, хорошо известное и во всех подмосковных губерниях, выражение о дороговизне, уподобляемой дороговизне перекинутого через Москву-реку Каменного моста. Выражение этого рода приспосаблиется во всех тех случаях, когда может определить и крайнее богатство, и всякую несоразмерную ценность какого-либо имущества или предмета, и т. п. Вот тому основание:

Деревянная Русь очень медленно и неохотно покидала свои брусные избы с горницами — верхними (или горними) комнатами, надстроенными над нижними жилыми хозяйскими покоями для приёма гостей, с повалушами, куда уходили на ночь из топленых изб и холодных горниц спать (повалиться), и прочими хоромами — жилыми и холостыми строениями, принадлежащими к жилищу домовладельца. Богатые заботились лишь о числе этих зданий, и удивлённые самовидцы спешили записывать: «а во дворе хоромов четыре горницы с комнатами, да пять повалуш в подклетьях, да сенники» (холодные горенки против избы через сени, или мост, разделяющий дом на две половины). Церкви каменные строились в первые годы водворения христианства, но каменные жилые здания упоминаются впервые в 1419 году по поводу постройки палат из кирпича московским митрополитом Св. Ионой. Впоследствии сделались исторически известными каменные палаты купца Таракана (1470 год) и боярина Образца

(1485 год). При царе Алексее уже во всю силу действовал указ 1681 года, предписывавший в Белом городе по примеру Кремля строить одни каменные здания. В помощь выдавался уже из приказа Большого дворца кирпич (по полтора рубля за тысячу с рассрочкой на десять лет) тем, кто хотел строиться в Кремле и в соседних с ним городах: Китае и Белом.

Отец этого любителя зодчества и художества царь Михаил задумал построить через Москву-реку постоянный и прочный мост из кирпича. Дóма таких искусных мастеров не нашлось, а потому для него, как и прежде для каменных московских соборов, выписан был мастер палатных дел из Страсбурга Анце Яковсен, прибывший в Москву с родным дядей Кристлером, прозванным Иваном Яковлевым.⁶⁴ Эти мастера принялись строить мост, и не достроили. Сорок лет укладывались кирпичи, и размывалась кладка буйными весенними водами своенравной реки, до сих пор не изменившей своего разрушительного характера и сохраняющей на том месте остатки камней прежнего моста в виде обманчивых естественных порогов. Начали строить через реку эту мост в 1643 году, а окончили и проехали по нему впервые лишь в 1687 году, благодаря участию в деле князя Вас. Вас. Голицына, любимца царевны Софии, украсившего Москву многими памятниками зодчества. Он нашёл (как говорит народное предание) какого-то мастера-монаха неизвестного имени, который и завершил дело, не отступая от плана Кристлера, на полное удивление современников и на насмешливую укоризненную память последующих поколений до наших дней. Каменный мост встал царской казне в большую сумму, которая значительно возросла, между прочим, и оттого, что постройкой руководил именно этот избалованный и расточительный любимец царевны и правительницы государства Софии Алексеевны. В. В. Голицын достаточно известен (по несомненным официальным документам), как стяжатель богатств многими бесчестными путями, без разбора способов. Довольно памятна и народу его непомерная жадность к личному обогащению: дорого стоящий государственной казне его бесплодный пресловутый Крымский поход, за который он всё-таки получил от правительницы чрезвычайные, драгоценные награды, в числе которых одна золотая медаль оказалась стоимостью более трид-

цати тысяч рублей. Позор свой он к тому же старался оправдать тем, что всю вину сложил на гетмана Самойловича, который, по этому случаю, был сослан в Сибирь. Когда князя судили, он, выслушав приговор, произнёс громогласно: «Мне трудно оправдаться перед царём». Когда его сослали в Пинегу, то в погребах его роскошно обставленного дома нашли сто тысяч червонцев и до четырёхсот пудов серебряной посуды. Рассказывали, что он, при заключении мира с Польшей, выговорил себе из контрибуции сто тысяч рублей, а с крымского хана взял две бочки с золотой монетой. Таков был этот *ближний боярин* и при этом носивший самый высокий титул *оберегателя большой царственной печати*. Несомненно, что и с постройки Каменного моста о двенадцати арках немало золотых кирпичей унёс он и сложил у себя в подвалах — в окончательное и бесповоротное объяснение народной поговорки, сбережённой в целости и сохранности, когда награбленное богатство исчезает без следа.

БОБЫ РАЗВОДИТЬ

Теперь это значит *пустяками заниматься, побасенки рассказывать*, с прямым желанием подлаживаться, угодничая находчивым, острым или весёлым словом. «Иной ходит да походя бобы разводит» — как подсмеивается поговорка. Выражение это взято от обычного не только в старину, но и в наши дни способа ворожбы, по которому раскидывали бобы (или разводили) и гадали по условным знакам, как ложились эти продолговатые плоские зёрнышки обыкновенного огородного стручкового боба. Повезло ему счастье избрания с древнейших времён. Искусство разума предсказательной силы в будущем приобреталось наукой, передавалось за особую высокую плату не всякому встречному, но каждому в тайне. Опытных мастеров выписывали, например, в Москву из далёких стран, какова Персия, доискивались их в глухих лесных и болотистых трущобах, какова наша озёрная Карелия. Прятали их самым тщательным образом потому, что уличённых и сознавшихся в колдовстве, по старинным московским законам, предавали лютым казням. В старину науке волхвования — искусству разводить чужую беду

бабами — обучали всяких чинов досужие люди, но больше всего простолюдины. Чаще всех владели тайнами ворожбы и гаданий коновалы, среди которых это искусство уберегается и до сих пор наравне с цыганами. В таких же кожаных сумках хранятся у них бобы, травы и росной ладон. Бобами гадалщик разводит и угадывает; ладоню оберегает на свадьбах женихов и невест от лихих людей, от ведунов. Умея ворожить бобами, умел он на руку людей смотреть и внутренние болезни взрослых и младенцев узнавать и лечить шептами. Траву богородскую даёт пить людям от сердечной болезни без шептов; норичную траву даёт лошадям. И зубную болезнь лечит, и щепоту и ломоту уговаривает, и зуду (кровь) заговаривает, и тому подобное.

Не одного из таких знахарей в строгие времена застенков и пыток сжигали живыми в срубках с сумками и с наколдованными в них травами и бобами всенародно, в Москве на Болоте.

Из «Розыскных дел о Фёдоре Шегловитом и его сообщниках», изданных Археографической комиссией, видно, между прочим, следующее: царица Софья узнала, что постельничий Гавриил Иванович Головкин водил в Верх, в комнату царя Петра Алексеевича, мурзу князя Долоткозина и татарина Кодоралея. Они там ворожили по гадательной книге и на письмах предсказали, что царю Петру быть на царстве одному. За такое предсказание их обоих отвезли в застенки, пытали и в заключение сожгли на их спинах гадательную книгу и письма. Здесь родилась и пословица: «Чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу».

ШИШ НА КОКУЙ!

Долго, почти до наших дней находилось в обороте у москвичей это непонятное и утратившее подлинный смысл выражение, обращавшееся к тем, которым доводилось сказать: «Пошёл прочь, уходи вон» и тому подобное. В сущности, оно в цельном виде представляется ещё большей загадкой, однако, в то же время такой, которая не только облегчает, но и прямо ведёт к объяснению. Говорили с прибавкой: «Фрыга, шыш на Кокуй!» Если остановимся на давней и известной привычке русского челове-

ка перестраивать на свой лад заморские слова и иностранные выражения согласно требованиям языка и уха, то увидим, что *фрыга* есть испорченное до неузнаваемости прозвание всякого иноземца Западной Европы и перестроенное из *фряга* и *фрязина*. Явилось оно, конечно, в то время, когда объявились на Русской земле эти пришельцы, находившиеся под особым покровительством Ивана Грозного, и потребовалось для каждой нации отличительное прозвание. Письменные дьяки стали распознавать немцев, за незнанием русского языка вынужденных отмалчиваться на вопросы и, прибегая к пантомимам, казаться немыми. Оказались *нѣмцы Амбургския земли* ввиду того, что из торговых ганзейских городов (Бремена, Гамбурга, Любека, Данцига и проч.) первыми явились передовые купцы, искавшие в неизвестной стране дел и торговых промыслов и уже издавна успевшие спознаться с Великим Новгородом. Объявились и другие немцы (из нынешней Австрии), которым волей-неволей приходилось приурочить отдельное прозвище: стали их называть *нѣмцами Цесарския земли* (в противоположность азиатским народам, которые назывались общим именем *басурман*). Выходцы из Швеции и Норвегии названы были *свейскими людьми*. Зауряд с итальянцами весьма редкостные французы получили прозвище *фрязинов*. Когда письменные люди ввели эти различия в грамоты и договоры, народ всех немцев окрестил в одно имя *фрягов*, *фрыги* и на том утвердился. Московским людям это звание было не только понятно, но и любезно и, мало того, внушительно. Перед изумлёнными очами их в священном Кремле с 1479 года возвышалось величественное и дивное каменное здание Успенского собора, напоминавшее имя хитреца-зодчего, прозванного *хитрости ради* Аристотелем и записанного в актах *фрязином* (из Венеции).⁶⁵ Да и сами иноземцы в московском государстве в те времена представляли собой редкость и большую диковинку.

Истерзанная и измученная Русь, в самое живое время строения своего, на юге чужеземными и дикими кочевыми народами монгольского племени, на западе и севере остановленная в своём поступательном движении к заселению свободных земель племенами германской расы, — Русь, умудрённая опытом, сделалась опасливой, недоверчивой. Она замкнулась в самой себе и,

когда точно определились её политические границы, последние получили значение крепкой стены, сквозь которую не всякому можно было проникнуть без дозволения и охранных грамот. Получивший таковое разрешение не иначе мог проходить по Русской земле, как с *опасным листом*, под зорким глазом московских приставов, в строго определённом числе лиц, роде занятий и целей прибытия. При этом охотливее давалось единичное разрешение лишь тем *хитрецам*, которые своей наукой и художеством могли быть полезны царственному или царскому двору. Предпочтительной свободой перед немцами пользовались, по издавна установившемуся обычаю, лишь одни византийские и морейские греки, как люди той нации, от которой приняты догматы православного христианского исповедания. Все прочие иноземцы были стеснены и во въезде в нашу страну и во время пребывания в ней. Ограничивал их даже свободолюбивый и своекорыстный Новгород. Он отвёл ганзейским купцам особое место, где и закрепил их стенами и запретительными правилами. Воспретил он на восемь шагов кругом, около немецких дворов, постройку всяких зданий; новгородские молодцы около этого места не смели собираться играть на палках — обычная новгородская игра (перевранная, в свою очередь, в немецком документе в слово *вельнь*). Ворота вечером запирались наглухо и спускались с цепей злые собаки. Русские могли посещать немецкий двор только днём. Новгородцы и иноземцы смотрели одни на других с подозрением и недоброжелательством.

Не внушали русским людям того же самого и греки, несмотря на большую свободу в силу религиозных связей и зависимости русской церкви от греческого патриарха. Милостыня нужна была для греков, а московскому правительству — по временам греческий авторитет. Духовные лица привозили с собой многоцелебные мощи и чудотворные иконы, а богатые люди являлись с товарами: вместо алмазов и других камней привозили подделанные стёкла. Да из этих же купцов многие начали воровать, товары провозить тайно, торговать вином и табаком. Глубоко и тяжко поражено было религиозное чувство богомольного русского люда, когда распознал он плутни заезжих греков, являвшихся с поддельными святынями. Они несли с собой: иорданскую землю, частицы мощей святых угодников, даже часть

страстей Господних, то есть орудий страданий, губы, трости и прочее, даже часть жезла Моисеева.⁶⁶ За деньги продавали святое миро, священные и бесценные реликвии променивали на московское золото, соболей и белок. Немецкие купцы, в свою очередь, подсовывали плохие и короткие сукна, сбывали всякую дрянь, продавали мёд в самых малых бочках, сладкое вино в малых сосудах и дурного качества, и соль в малых мешках, а принимали, например, воск не иначе, как с тугой набивкой, и тому подобное. За всё это впоследствии, чтобы проникнуть грекам в Московское государство через границу в городе Путивле, нужно было явиться в качестве патриаршего посла с грамотой к государю или примкнуть к свите какого-нибудь имени того греческого архиерея. В Москве им стало также не легче: у русских людей уже укоренилось то убеждение, что как немцы, так и греки ищут только денег и средств к жизни. «Голодной их жадности никогда не наполнить, как дырявого мешка. Их очи никогда не насыщаются, но всегда алкают всё больше и больше, и хотели бы высосать кровь из жил наших, мозг из костей наших». Когда цареградский патриарх Иеремия прибыл в Москву, то на подворье, где он жил, нельзя было никому приходиться и видеть патриарха, ни ему самому выходить вон. Только монахи, когда хотели, то выходили с царскими людьми на базар, и под их же охраной возвращались назад. На базар дозволялось и немцам являться не для одних только покупок необходимых вещей и продуктов или для вымена их на собственные немецкие изделия, но и для развлечения среди крикливых и живых площадок. Вся народная городская жизнь собиралась тут нарасспашку в любезном виде, как для привычных к таковым сборищам восточных людей, так и для прочих европейцев, знакомых с площадной жизнью. Для тех и других здесь было много развлечений и приманок. Обжившиеся в Москве немцы сновали в народных толпах с утра до вечера, резко выделяясь своими куцыми камзолами и высокими сапогами среди серого лапотного московского люда.

Немцев в Москве скоплялось мало-помалу довольно число из тех мастеров, которые либо вызваны были из Германии, либо добровольно выехали из Ливонии, Пруссии и западнорусских городов. Уже во времена Ивана III, без всякого сомнения, су-

ществовала значительная немецкая колония, и в её среде, кроме ремесленников, были и лекари, а впоследствии даже и учителя комедийному делу, когда царь Алексей клал основание русскому театру. Нужда во врачах была более личная государева, чем общественная, а потому лекари с помощниками и аптекарями обязательно жили в Москве и получали или готовый двор, или деньги на дворовое строение. Некоторые уходили обратно в своё отечество с обещанием *превозносить царскую милость и в иных государствах распространять*. Многие оставались на постоянное житьё *служить на государево имя*, то есть молиться за царя и оставаться в России навсегда. Если иноземцы объявляли это при въезде, то со вступлением в русские пределы получали они проводников, но платили за подводы и пользовались от казны кормом. Некоторым и по прибытии в Москву давали корм и питьё, как сказано в одном из указов: «для их скорби и иноземства». Дворы отводили где случилось из записанных на государя (конфискованных, например, за корчемство), без разбора среди туземцев и старожилов. Когда же, благодаря усилившемуся покровительству (особенно во времена Грозного), число заезжих иноземцев увеличилось в значительной мере, им предназначено было особое место, отведена отдельная слобода. При этом руководились всё-таки тем отчуждением и нетерпимостью к иноверцам, которая воспитывалась в народе, ревностном в деле православия, под влиянием и внушением духовенства. Впрочем, считая протестантов менее католиков заражёнными духом религиозной пропаганды, наши предки допустили пасторов и кирки в том убеждении, что они, удовлетворяя нуждам природных протестантов, не сделаются оплотом и орудием соращения православных. Начало протестантской церковной общины в России относят к 1559–60 годам, ко времени пребывания в Москве лютеранского пастора Тимана Бракема, который временно и правил богослужение.⁶⁷

Для немцев назначено было то косогорье, которое на краю Москвы спускалось к Яузе и впоследствии получило имя *Кокуя*, может быть, по тому русскому названию дня Ивана-Купалы, который издревле чествовался немецкими людьми с резкими и поразительными оказательствами в виде зажигания костров, прыганья через огонь, танцев, пиров во всю ночь и т. п. Теперь

это название забыто, специальный характер исключительно немецкого селения утратился. Местность эта стала слыть под именем *Немецкой слободы*, и памятник старины сохранился лишь в кирке, очень давней и оригинальной постройки — именно в 70-х годах XVI столетия. Впоследствии Пётр Великий вызвал слободу из ничтожества, возбуждая в народе сильный ропот и нескрываемое негодование москвичей, когда, после каких-либо удачных баталий и вообще по приезде в Москву он не заезжал поклоняться кремлевской святыне, а направлялся прямо на Кокуй. Здесь он веселился и пировал, не разбирая праздничных дней и ночей. Так поступил он в 1702 году, когда возвратился из-за границы без бороды и в немецком платье и проехал прямо в дом виноторговца Монса, где с его дочерью и Лефортом прокутил целую ночь. На другой день он брил уже бояр всех, кроме двух. Через пять дней, когда надо было выходить по случаю новолетия (1-го сентября) на Красную площадь и здравствовать народ — царь пировал у Шейна, много пил и велел шутам резать последние боярские бороды. Бритый царь с бритыми боярами, немецкими жёнами и дочерьми пировал потом у Лефорта. Франц Яковлевич (по словам современника его князя Куракина) «Был прямой французский дебошан и вообще человек забавный (то есть любитель увеселений) и роскошный».

Задолго до Петра и в течение всего предшествовавшего времени двух столетий ни чужеземцам, ни их местожительству не оказывалось особенной чести. Те и другие были лишь терпимы русскими людьми, как неизбежное зло, с мягкой и благодушной снисходительностью *ради их скорби и иноземства*.

Приходилось пришельцам жить среди новых людей иной веры и несхожих обычаев в очень суровой и дикой стране, жить опасно и под постоянным страхом на лучший конец обратной высылки и изгнания. Скажут: «Подите от нас — вы нам засорили землю!» Не только в живой памяти, но и перед глазами происходили случаи жестоких казней тех иноземцев, которые были несчастливы в отправлении ремесла и проявлении своих знаний, как лекарь Леон, как Бомелий:⁶⁸ «Забыли вы страх Божий и великое государево жалованье». Надо было принижаться, казаться смущёнными, льстить для личной безопасности и семейного спокойствия. Вследствие исключительного положения перед мо-

сковским боярином, гордо задравшим назад на дерзкий козырь голову, покрытую высокой горлатной шапкой, и выпятившим толстый, ожиревший сытый живот, сухопарый немец в куцем камзоле и узеньких панталонах, не скрытых полами одежды, мог казаться смешным. В глазах равнодушной черни, на московском базаре, в толпе, он являлся фигурой, возбуждающей жалость, рассчитывающей на покровительство и как бы молящей о защите. Не могло здесь быть места озлоблению, презрению, преследованиям: не станут с ними особенно якшаться, но не удержатся от того, чтобы и милостиво, и снисходительно не потрепать по плечу, не погладить по спине: «Не бойся — мы тебя не обидим». Этим беднякам, скромно зарабатывающим на торгу хлеб, всегда уступчивым и, видимо, угнетённым, указан строгий закон оставаться на рынках только до солнечного заката. Ни один из них не имел права ночевать вне своей оседлости в городе, в Москве. Всякий должен был уходить в свою слободу, брести очень далеко, в самый конец города, на Кокуй. Для напоминания об этом сроке расхаживали особые приставы с внушительным орудием в виде длинной палки. Кто удачно заторговался, да в увлечении барышом замешкался, тому кричали: «Фрыга, шиш на Кокуй!» Ступай, добрый человек, домой под эту добродушную поговорку, и тотчас за этим ласково-насмешливым окриком, каким добрые хозяйки обычно сгоняют на насест шальных куриц, залетевших в избе на стол или лавки.

К слову примолвить сплутную заметку о том, что окрики домашних животных, не столь многочисленные по количеству прирученных и приспособленных к домашнему хозяйству, очень разнообразны по местностям. Живой разговор с бессловесными, конечно, не может быть повсюду однообразным и общим как относительно призыва их, так равно и на те случаи, когда нужно бывает отогнать прочь. Причины такого несходства совершенно необъяснимы.

Тех же кур, которых повсюду в России гоняют с неуказанного им места *ши-шиш*, в Сибири, например, спугивают звуком *куть-куть*. Овец зовут в Сибири *басинька*, *бась-бась*, по Волге *бьяшь-бьяшь*, в Рязанской и Воронежской губерниях *вячь-вячь* или *выть-выть*, а гонят в поле: в Сибири *кыш-кыш*, в Белоруссии *шкырь* (от *шкырать* — *гнать*), а в Астрахани *тря*. Конеч-

но, здесь главную роль играет стремление подражать голосам и природным звукам самих животных, и в этом отношении естественно повсюдное сходство, как, например, для гусей (*тега*, попавшее даже в известную цыганскую песню), для уток (*утю*), свиней (*хрю* и *рюх*). *Кис-кис*, ласкательное уже, конечно, повсюду, на архангельском севере превратилось в понудительный окрик для ездовых оленей. Словом *тпру-туть* на юге (в Херсонской и Таврической губерниях) гонят кошек и кличут телят.

Самое разнообразное и многочисленное число окриков приспособлено к самому смышлёному животному, ближайшему домашнему другу — к собакам. Здесь в особенности ярко выделяется влияние инородцев, с которыми довелось русским людям сесть в соседстве и научиться у них, как вести жизнь в новых природных условиях быта. Замечательно, между прочим, что призывный клич собак за Байкалом (в Нерчинском округе) *нох-нох*, прямо заимствованный от монгольского названия этого животного *нохай*, сделался не только общим для всей Сибири, но и для сопредельных мест (в Тобольской губернии *хно-хно* видоизменилось в Вятской в *ных-ных*). В Камчатке, где езда на собаках является единственным способом передвижений, как сами приёмы при упряжи и путешествиях, так и в разговорах с ездовыми собаками целиком, без изменений, заимствованы от камчадалов. Запрягают в нарты попарно от девяти до пятнадцати собак, а затем увеличивают это число, судя по важности чина проезжающего — и тогда вместо одного каюра или проводника садятся два. Один камчатский начальник ездил в закрытой нарте со стёклами не иначе как на шестидесяти и более собаках, так что на дороге нужно было срубить деревья, готовить для него новый путь. В нарты впрягают собак всегда нечёт — так, что впереди бывает самая смышлёная, которая и ведёт всю компанию. Драгоценная по цене (продают не дешевле пятидесяти рублей), она бесценна по способностям, позволяющим ей смекать не только близость путевых опасностей, но и соблюдать дисциплину и безропотное повиновение проводникам. Она не только понимает все условные окрики, не менее её известные и прочим собакам, но умеет прислушиваться и понимать самые тонкие оттенки в тоне голоса: вести ли товарищей *ках-ках*, то есть направо и побыстрее ввиду покатога и безопасного склона

горы, или круто и слегка забирать *хуга*, то есть налево, ибо с правой стороны, вероятно, зияет бездонная пропасть. Хороший передовик за словом *кей-кей*, снимаясь с места, поведёт уверенно и совершенно прямо и с пути не вернётся назад, чтобы подвести товарищей под плети. Увидя птицу или нанюхав на дороге след куницы или лисицы, не бросится в ту соблазнительную сторону и своим не позволит. У такой натасканной умной собаки другая не позволит себе драки из-за найденного на дороге куска рыбы, обронённого камчадалом, или замёрзшей птицы. Не позволит она также останавливаться, хотя бы пристала естественная нужда, а со словом коюра *ты-а-а!* остановится, как вкопанная, так что не перепутает верёвочной упряжи, не заставит ездока мучиться, проклинать страну и бранить езду, в сущности очень быструю и весёлую.

Излишне говорить об охотничьих собаках, разговор с которыми замечательно разнообразен, когда *улюлюкают* всякого красного зверя, когда *атукают зайцев* и даже когда *уськают* баловливую свинью, забравшуюся в огород. При занятии охотой собаки знают не только русские слова — *утри-усь, тю*, но и понимают по-французски — *пиль, куш* и т. д.

НЕ САМИ — ПО РОДИТЕЛЯМ

В «Новом Времени», 24 мая 1889 года, в № 4753, при разборе нововышедшей книги Н. Лендера «Волга, очерки и картинки» мы встречаем объяснение старого явления и нового крылатого слова.

Рецензент сообщает: «Для обыкновенного читателя особый интерес представляет сжатое изложение наблюдений автора над волжским расколом, и в частности — главы о Хвалынском уезде, как центре раскола, и черемшанских скитах». Известна видная историческая роль Поволжья в русском расколе; но ещё важнее то, что и теперь там раскол продолжает количественно усиливаться, хотя — в молодых поколениях — и утрачивает прежнее изуверство, держится больше по преданию; «Не сами — по родителям» — вот характерная фраза, слышанная автором от молодого поколения волжских раскольников. Выра-

жение это как будто звучит желанием оправдать себя в последовании старой вере, когда внутренний пыл, поддерживавший жизненность сектантства, ослабел. Но на практике от этого несколько не легче. По собственному ли убеждению или по влиянию *родителей* на новые поколения, в массе всё-таки держатся раскола: и теперь раскол и сектантство на Волге «имеют свою правильную общинную организацию, своих влиятельных глав-рей, наставников, свою иерархию лже-попов и лже-епископов, свои места молитвенных собраний, свои школы, своих покровителей». Между прочим, эта организация подразумевает собой помощь со стороны зажиточных раскольников своим беднякам-собратам по вере. Кто принял православие, тот этой помощи лишается. Таким образом, богатые и влиятельные раскольники держат в руках массу последователей отщепенства из числа нуждающихся, которые без этого, быть может, были бы доступнее проповеди православных миссионеров. Утешительным должно признать то, что даже при таких условиях обращение в православие в этих глухих местах всё-таки подвигается вперёд.

КУРАМ НА СМЕХ

Ни одно из домашних животных не представляет наибольших поводов к презрительным насмешкам или унижительным уподоблениям, как куриная порода, с древнейших времён сделавшаяся домашней и очень полезной. Именно женская половина этого вида, наиболее оказывающая куриных услуг людям (некоторые курицы приносят до ста двадцати яиц ежегодно), вызывает самое большее количество насмешек. Петух, гордый султан, поддерживающий семейный порядок в строжайшей дисциплине, шёголь и крикун, сумел отстоять себя во мнении просвещённой и мыслящей публики. Над ним не насмеются. Смеются над теми людьми, кто ему уподобляется, петушится, то есть либо чванится и величается, либо, без особой нужды, по задорному характеру, лезет в спор и драку. Зато на курицу посыпались всякие насмешки, впрочем, не столько заслуженные ею одной, сколько всем куриным родом. И в самом деле, как рак — не рыба, так и курица не птица: например, всем птицам при-

рода даёт перья для полёта — у неё они только для украшения и при этом слабо прикреплены к мягкой коже и часто выпадают и легко выщипываются. Короткие, круглые и тупые крылья тоже не для дальних и повсюдных передвижений: из холодных стран в тёплые и, в своё время, обратно. Несмотря на то, что издали слышен бывает шум куриных перелётов, на самом деле *гора родит мышь*: перелёты, не больше хороших скачков, ничтожны и забавны своими претензиями до смешного. Курицы не делают гнёзд, а высиживают яйца на голой земле, в поразительное отличие от прочих пернатых. Они боятся воды и забавляются только пыльными и песчаными ваннами, пропуская, на солнечном пригреве, пыль и песок между развёрнутыми веером перьями. Они флегматично бродят по двору и, обладая ненасытной прожорливостью, заботливо и хлопотливо ищут зёрна, которых им всегда мало. Кажется, по этой-то самой причине они и пребывают в постоянной задумчивости и меланхолии и, выведенные из такого положения невзначай и особенно тёмной ночью, начинают беспокойно шуметь, кудахтать так, что не скоро затихают. Когда их ментор и патриарх, привыкший сначала всей душой заботиться о семействе и потом уже о самом себе, найдя целую кучу зёрен, расхвастается о том, — ненаходчивые и неизобретательные куры ему верят. Они вдруг схватываются с места, как шальные, начинают суетиться, как будто услышали какую-то чрезвычайную новость и рассчитывают увидеть невиданное чудо. Они спешат вперегонку друг за другом, бегут сломя голову, толкаются, семят ногами, комически повёртываются и зря, на полном доверии, начинают тыкать короткими и крепкими клювами у ног своего повелителя. Петух, однако, пошутил — обманул: рассказывал, что просыпана целая горсть, а на самом деле оказалось, что всех зёрен только щепоточка, да и то сомнительного качества вперемежку с мелкими камушками. Так же флегматически, вперевалку, бредут обманутые куры дальше, ничем не смея выразить своего неудовольствия и очевидной обиды. Довольный испытанным повиновением, общим доверием и вообще всем домашним порядком, хвастливый при всяком случае и со стороны очень смешной своим самодовольством, петух в это время уже успел взлететь на первую попавшуюся кафедру — на забор, на кадку — и воспел самому себе

хвалебную песнь так громко, что она слышна далеко в соседней деревне. Конечно, все эти проделки очень забавны.

Именно эта забавная петушья ревность и эта самая смешная куриная покорность с безответной подчинённостью уронила всю куриную породу во мнении людей. Ничего не может быть обиднее и унизительнее сказать или сделать на смех этим смешным курам (совсем худо, *если курам смех*), как ничего не может быть жалче и, опять-таки, в то же время забавнее *мокрой курицы*.

Вялый в работе, неповоротливый в движениях человек, на которого нечего и рассчитывать, обзывается, с великой досады, этим самым унизительным прозвищем *мокрой курицы*, потому что непригляднее её, попавшей под дождь и не успевшей спрятаться под навес и на насест, трудно уже представить себе что-нибудь другое.

Слепая курица есть тот человек, который бестолково тычется и суетится, разыскивая вещь, лежащую, что называется, у него на носу. Толпа на базаре, горожане на бульваре ходят долго и много, но без всякого толку — это они *как куры бродят*. Утлая избушка сказочной бабы-яги и всякой иной ведьмы стоит не иначе, как на курьих ножках: такая неустроенная и необрядная, что хуже её не бывает. Кто попался в беду безысходную, неожиданно и негаданно, тот попал *как кур во щи* и т. п. Впрочем: «Что о том и говорить, что курица не доит».

ГДЕ КУРЫ НЕ ПОЮТ

Природа из числа куриных пород наделила только весьма немногих приятным голосом и, в числе их, кое-каким однообразным и крикливым нашего домашнего петуха. Вещее пение его и переключка всех его родичей и соседей служат по ночам заменой строго выверенных деревенских часов, а днём — указателем погоды и даже предсказателем грядущего. Запели первые петухи — это полночь: ворочайся на другой бок; вторые поют перед зарёй, третьи на самой заре: вставать пора. Если же днём или ночью они распоеются не вовремя, то либо видят злого духа и гонят его прочь, либо предсказывают покойника, либо новые указы будут, либо начнётся ненастье. Если поют они це-

лую ночь, то напевают всем на голову какую-нибудь непрощенную беду и неминуемую напасть. За это преимущество, предоставленное петуху природой, в исключение перед прочими, за это право петь он получил, взамен коренного и древнего имени *кур* (*куре доброголасне*)⁶⁹ и наиболее употребительного в деревенском быту названия *кочет* прямо определяющее и его право, и способность петь — повсеместное имя *петух*. Оно равнозначуще с церковнославянским *петел*, с древненовгородским *пеун*, или *певун*, с нынешним казацким и белорусским *певень* и с малорусским *пивень*. Всё это он, тот самый (по художественной картинной характеристике одного из зоологов) гордый, поющий посреди своего гарема, султан, украшенный короной, гребнем и хвостом, который великодушно заботится сначала о слабейшем поле и только потом уже о себе самом. Этот патриарх и ментор вполне совмещает в себе смешную, но всё-таки умильную поэзию куриного быта. В упорной кровавой битве, сражаясь шпорами, клювом и крыльями, он прогоняет из своих владений чужих пришлецов, и тогда возвещает с высокого места, далеко разносящейся триумфальной песней об унижении бегущего врага. Поэтому называется он уже в санскритском языке (самом древнем из известных языков) *krikavâka*.⁷⁰

Бывают, однако, такие случаи, что нарушаются уставы естества, и на грех курица свищет, силится спеть петухом, как равным образом случается, что, по пословице, кому поведётся, у того и петух несётся (спорышком — уродливым куриным яичком в твёрдой скорлупе, без белка, с одним желтком, суеверно принимаемым в наших деревнях за петушье). Тот и другой случай предсказывают великие беды. Суеверье обратило это уродливое маленькое яичко — *спорыш*, или *сносок* — в петушье яйцо, из которого высиживается василиск, то есть дракон, или змей. Если же заметят, что курица подарила таким спорышком, то твёрдо убеждаются в том, что она хочет перестать нестись. Большей частью таким заподозренным птицам немедленно рубят головы, а потому сложилось и пословичное убеждение: «Не петь курице петухом, а и спеть, так на свою голову». Впрочем, судя по разным местностям, в этом случае замечается некоторое противоречие: так, например, в южной России таких поющих кур считают плодливymi, называют *носкими* курами и не

режут их. Вообще же наиболее распространено то мнение, что *не к добру курица петухом поёт*.

Вот на этом же самом юге России нашлось такое село, где куры совсем не поют, по особенно важной причине. Такое знаменитое село отыскалось в Волынской губернии, в тридцати верстах к западу от уездного городка Старокопанинского. Зовётся оно Чернелёвка и расположено на реке Случе и при пруде, довольно живописно и удобно: на большой (не почтовой, а торговой) дороге. По ней несколько раз проезжали цари, а потому и прозвана она *царской*. По-видимому, для крестьянского благосостояния есть уже видимая причина в союзе с тем местным условием, что земля в селе чернозёмная, способная достаточно вознаградить крестьянский труд. В прямое и законное последствие того сами жители ничего не знали, кроме земледельческих работ: если кто мало-мальски владел топором, тот уже считался у них и прямо назывался всеми *мастером*. Поэтому же самому поводу в неурожайные годы сельчане, за ненаходчивость и косность в быту своём, — мученики нужды и кабальные рабочие за самую ничтожную заработную плату. На пущее бездолие обрекла их недавно изжитая крепостная зависимость. То было такое время, когда крестьяне от хищных и ненасытных глаз прятали в землю не только деньги, но зарывали в ямах даже сам хлеб, — словом, те времена, когда народ назывался и считался быдлом (скотом), и создалась поговорка: «Плебана для пана, а хопя для хлопа».⁷¹ Тамошний народ до сих пор твёрдо помнит и охотливо рассказывает (оправдывая свою, с трудом поправимую, бедность) про недавние *панские времена* и про *войтову пугу*, или *плеть*, и про *войтову бирку*. На последней безграмотные войты, или сельские старосты, нарезками замечали количество принятого зернового хлеба и прочее. Длинной плетью с толстым кнутовищем (которую всякий войт обязан был носить всегда при себе, как знак власти и достоинства) выгоняли в поле до восхода солнца, а с закатом его распускали по домам без платы. Если во время работы иная мать навевалась к колыбели грудного ребёнка, её наказывали этой самой войтовой плетью. Точно так же ею же поощрялись ленивые к работе. Ходит войт по полосам и похлопывает. Того войта, который забыл по рассеянности свою пугу дома и, не имея её в руках, попадался на

глаза пану, растягивали тут же и наказывали другой такой же плетью, каковая всегда была на глазах. Для пущего вразумления обычно брали эту длинную пугу в середине и били так, чтобы она наказывала обеими концами: тонким и толстым за один раз, но в несколько приёмов. Тогда не смотрели на то, что крестьяне по целым месяцам питались одной бульбой (то есть картофелем), а продолжали крепко их мучить...

По словам самих сельчан: «Волк ягнят так не душит, как душили нас, — не было к нам никакой жалости». В жаркие летние дни косили панское сено в сермягах, надетых прямо на голое тело: ни у кого не было рубах. Дадут лён прясть, но при этом не довесят — надо было добавлять своей пряжей на вес: такова была войтова бирка! Бывало, весной каждой хозяйке в хате раздадут по двадцать яиц и велят осенью доставить двадцать кур: не донесла этого числа — либо прикупай у жидавок в корчме, либо плати по гривеннику за каждую, недостающую до полного счёта, птицу. Приводилось больше расплачиваться не птицами, а деньгами. «Село до такой степени занищало, что, не подойди к тому времени воля, стало бы большое худо: все бы поднялись бунтом».

«Стали говорить соседи и все проезжие с обозами, не то из жалости к нашей куриной подати, не то нá смех, за недостатку всегдашнюю у наших женок кур — называть наше село не настоящим именем, а всегда так-то: *Это то село, что куры не поют*».

Настоящее название села с языка у соседей пропало. Таким и слывет оно в народе до сих пор, изживая прежние невзгоды, но, оставаясь на людских памятях, как ведомые и видимые горемыки-особняки. В Белоруссии так и говорили, в те времена, с полной уверенностью, что «Дере коза лозу, а вовк козу, вовка мужык, мужыка пан, пана юриста, а юриста чортов трыста».⁷²

КАЗАНСКИЕ СИРОТЫ

Казанский сирота, а равно и *нищий* из того же места, как московский *жулик* и петербургский *мазурик* — тип особенный и самостоятельный. Это — не тот сирота, который, оставшись безрод-

ным и круглым, жмётся и прячется по углам, чтобы не заметили, не задели и не обидели. Он робостью и смиренством вызывает сердобольную слезу, и в беспомощном положении всегда находит покровителей. В самых бедных деревушках, которые сами стоят без крыши, эти бедняки с голоду не умирают, потому что *за сиротою сам Бог с калитою* — с тем мешком со сборным подаванием, который стал историческим именем ещё с 1340 года, со смерти первого московского князя Ивана Калиты.⁷³

Казанский сирота — назойлив и докучлив: от него не отвяжешься. От других его всегда можно отличить по особому мундиру и ухваткам. При внешних признаках отмены он притом совсем не сирота и не нищий, а таким лишь прикидывается. Он — плут нагольный и образцовый притворщик: нищенством и попрошайством он простодушно промышляет, как подобные ему пензенские калуны, клепенские (смоленские) мужики и ведомые всему московскому люду и русскому миру воры и сквозные плуты — гуслицкие нищebroды. Разница у казанских с этими лишь только в местностях промысла: казанские *Волгам шатал, базарам гулял*, и все — князя, не без достаточных, однако, на то причин и оснований.

Большей частью они — потомки бывших казанских мурз, *плешь-мурзы-Булатовичи*, живой остаток старинных времен и ходячие исторические документы. Их породило и забаловало московское угодничанье, считавшее своей обязанностью их ласкать и приваживать не только в первые времена по завоевании всех татарских царств, но и в позднейшие, когда совсем уже *отошла татарам пора и честь на Русь ходить*. Ещё царь Алексей Михайлович полагал обязательством и долгом для себя награждать этих плутов и попрошайек свыше всяких мер, особенно если мурзы решались переменить веру. В исторических актах много таких примеров. Вот один из довольно обычных.

В 1640 году задумал креститься Бий мурза, Корель мурзин, сын Исупов. Его сейчас же поспешили назвать *князем Иваном* и наградили царским жалованьем *для крещенья*, как бы в задаток, около двухсот пятидесяти тогдашних рублей. Потом, когда был послан *под начал*, то есть приготовиться к крещению в монастыре у особого старца, ему дали жалованье за подначальство: «28 рублей 32 алтына 2 деньги. Затем он «видел государевы очи

и челом ударил после крещения». А за то даны ему из серебра: кубок, стопа, братина и ковш, «шуба атлас золотной на соболях, пугвицы серебряны золочены, шапка горлатна, атлас золотной, бархат червчат; камка куфтеръ желтая да лазоревая, да кармазин, 40 соболей в сорок рублей, денег 150 рублей; с конюшни жеребец аргамачей сер с конским нарядом: цена жеребцу 60 рублей, конского наряду 91 рубль 18 алтын». Стоил этот крещёный татарин всего 905 рублей и 18 алтын с деньгой. Да сверх того на всю жизнь обеспечен подённым кормом и питьями в достатке, а на последующее потомство поместным окладом 1200 четвертей да деньгами 150 рублей. Через четыре года (в 1644 году) князя Григорья Сунчалеева Черкасского наградили при крещении ещё щедрее, потому что *изволил крестить сам великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея России*. «А купѣль была обита кругомъ сукномъ червчатымъ настрафилнымъ, по краемъ у тое купѣли и въ купѣль впущено того-жь сукна $\frac{1}{4}$ аршина, а около купѣли запонъ атласъ желтъ 4 рубли 2 деньги».

Этот стоил 969 рублей только при одном челобитье на царских очах. Не забудем при этом, что в те времена русский лекарь получал, например, государева жалованья в год 9 рублей да 2 алтына в день столовых, что составляет в год всего до 30 рублей.

Расплодись казанские нищие — завёлся у них и суеверный, но злой обычай, выраженный коротким и непонятным изречением *приткнуть кому грош*. Это значит, по примеру казанских нищих, воткнуть в избу, на зло богачу, эту медную монету с ясным расчётом и прямым желанием, чтобы тот разорился и захудал.

Как исторический продукт, в житье-бытье русской земли крещёные татары предвосхитили милости и щедроты от православных греков, которые столько же до тех самых пор были навязчивы и назойливо лезли в Русь, и также из поваженного попрошайства сделали плутовскую спекуляцию.⁷⁴ Осколки от тех и других сохранились на Руси и до наших дней в виде казанских сирот и иерусалимских сборщиков на гроб Господень, где за *солёного* грека стал сходить настоящий *семисоборный* армянин из Нахичевани, не дальше. С царя же Алексея началось пришествие немцев *Амбурской земли и Цесарской и иных многих*, с Петра Первого — их нашествие, при Анне — их было

густо, а от них тошно. Такова историческая последовательность иностранных нашествий на Русскую землю, несомненно, вызвавших поговорку *Славны бубны за горами*.⁷⁵

Впрочем, ввиду вероятного конца их, поговорка эта давно уже перелицована: «Звонки бубны за горами, а к нам придут, как лукошко». Не здесь ли конец?

ХЛЕБАЙ УХУ

Пословица «Хлебай уху, а рыба вверх» — не нелепица: опять-таки по той же коренной причине, что у народа *неспустя слово молвится*. Оно идёт из тех же мест, о которых я уже имел повод и случай упомянуть, рассказывая о таких же призрачных бессмыслицах пословичных выражений. На Низовой Волге, куда сходится рабочий народ со всех сторон (с преобладанием, однако, пензенских и других чернозёмных), хозяева рыбных ватаг кормят его чёрной, или частиковой, рыбой, которая ловится круглой год, кроме трёх летних месяцев. В такую уху, следовательно, идут в свежем и живом виде: стерлядь, мелкий шип, судак, белорыбица, сазан, лосось. К чёрной же рыбе, хотя и с белым мясом, относятся: лещ, окунь, чехонь, вобла, тарань, жерех, подлещик, шемая, усач, щука, линь, сопа, берш и сом (и этот сорт рыбы весь я переименовал). Вся эта рыба — рабочая снедь. Её не жалко: вари и жарь, и в пирог загибай, и в ухе хлебай, а настоящая рыба *вверх*, то есть идёт в верховые купеческие города и в обе столицы. Настоящей рыбой считается дорогая в цене и выгодная в продаже — красная, то есть хрящевая и бескостная: благородный осётр, любимая нашим купечеством белуга и самая вкусная из всех севрюга. К этому сорту рыб относится ещё шип осетровый и белужий, то есть ублюдок, только никак не стерляжий, которым привычно обманывают малоопытных в обеих столицах, продавая его вместо настоящей кровной и породистой стерляди.

Могу предупредить сомнения и вопрос. К числу таковых же бытовых поговорок в зависимости от промыслов относится следующая: «Пришла честь на свиную шерсть». Это бывает осенью и зимой, когда кулаки — скупщики крестьянского из-

делья — являются менять на горшки и горянщину всякое бабье рукоделье и всё, принадлежащее им одним, по вековечному праву: лён, пеньку, нитки, а на этот раз и свиную шерсть, то есть щетину. Образчиков в этом роде в обращении всенародном, конечно, очень много и писать об этом очень долго.

В созвучии имён при их выборе исключительно ищут, главным образом, склада и лада, доведённых в старинных нецензурных лубочных картинах до крайности и излишеств. Людские имена наичаще служили соблазном и облегчали поползновение на красное слово и усилия на остроты: «Постоянная дама Варвара с поволокою глаза; Василиса — кислый квас; Фитинья — белые белила, Афимья — алые румяна и т.п. Плохо Алёха (а, пожалуй, и Терёха), хило Вавила. Взяло Фоку сзади и сбоку. Потягота на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого.»

Бывает, однако, и так, что по-видимому случайно выбранное имя на самом деле заключает в себе глубокий смысл. *Горюет Фома, что пуста сума* обыкновенно в то время, когда наступают первые зимние праздники, обязывающие угощениями, заставляющие варить пиво и созывать родных в предсвяточное время. Случается это обычно зимой, перед святками (декабря 10 празднуют Св. Фому).

На тех же основаниях лубочные присказки и остроты пошли в народный обиход, и по тому же поводу и на бедного Макара повалились шишки в виде всяких бед и напастей. Стал он на Руси козам рога править и телят гонять в таких отдалённых местах, куда ссылают виновных, и где никому не хочется жить по своей охоте и доброй воле. Однако, к *Варваре на расправу* осталось как исторический след тех времён, когда водили обвинённых в Москве к Варварским воротам, в башне которых существовал один из застенков (об этом уж раньше сказано в своём месте). Опять же *кутить во всю Ивановскую* и орать песни в пьяном состоянии и в задоре *на всю Ивановскую* значит так открыто и громко, чтоб прознала о том вся длинная и большая улица. Укажите такой на Руси город, где не жили бы сотни Иванов, не было бы храмов во имя Предтечи и даже Златоуста, а потому и славных в поговорках и песнях *Ивановских* улиц.

Совсем другое дело — указания на фамилии. Ими прямо бьют по больному месту и оставляют на память потомкам и в

грядущие времена народных мучителей и недоброхотов. «Бог не Мануков и без посулу милует» — намёк на вице-губернатора петербургского при Петре I, бравшего беспощадные взятки.⁷⁶ Кривосуд называется *шемякиным судом* в память Василия Шемяки, князя галицкого, который ослепил двоюродного брата Василия Тёмного, чтобы завладеть Москвой. Отпетого вора, проклятого человека стали звать *Гришкой Отрепьевым*; мучителей и злодеев *Малютами* и *Скуратовыми* (Малюты Скуратого-Бельского), окаянных грабителей — *Ваньками Каинами*; изменников и предателей — *Мазепами* и т. д.

ПОДКУЗЬМИТЬ И ПОДЪЕГОРИТЬ

Отвечая на запрос о значении этих слов, никак не могу согласиться с тем, что они — полная бессмыслица из случайного подбора имён. Неспуста слово молвится — во всяком случае и в особенности, если принять к рассуждению второе слово. Сколь величествен в представлении народном сам мифический образ Св. Егория, столь же знаменателен в народной жизни этот день, то есть не астрономическое число празднования в честь великомученика, а ближайшие, окружающие его дни, вроде осенних Кузьминок, зимней Никольщины и т. п., среди которых указанный представляется лишь починным или срединным, как бы своего рода эрой. Вся группа последующих дней составляет определённый период, на который упадают известные сроки обязательств, вынуждаемых в деревенском быту либо общественными, либо домашними требованиями, а в экономической жизни указуемых временами года и явлениями природы. «У Егорья по локоть руки в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре, а во лбу-то солнце, во тылу месяц, по косицам звёзды перехожие» — поёт былина, подслушанная мной на побережьях Белого моря. Егорий разъезжает в поднебесье на белом коне; в лесах раздаёт наказания зверям, которые все у него в строгом подчинении; на полях спускает он на нивы питательные живоносные росы и, приглашая сюда деревенский домашний скот, обещает ему на всё лето защиту от зверей и кровительство при питании. У белорусов на нём белый плащ, на голо-

ве — венки, в руках колосья; ноги босые. По приказу матери он открывает небесные ворота, и с выездом его на землю начинается настоящая весна. Он начинает красную весну и указывает срок посевам, отчего и называется *Егорий — ленивая сошка*: выезжает запахивать на этот день пашню даже лежебока, если не желает на весь год *подъегорить*, то есть обмануть и обездолжить семью, оставив её на чужом горьком хлебе. К этому сроку весеннего бесклубья все запасы подошли к концу: осталась одна надежда на милость Господню и на святого великомученика, который, по этому обычному явлению в сельской жизни и народном хозяйстве, зовётся повсюду *голодным* (в отличие от Егорья *холодного* — 26-го ноября). С Егорьева дня начинают обычно весенние хороводы, выгоняют вербой, сбережённой от Вербного воскресенья, в первый раз скот в поле и запахивают пашни. Из дальней глубокой старины, ведавшей твёрдо свои права и руководившейся свободой в исторический *Юрьев день*, — в старину (до конца XVI века) этим днём точно определялись сроки всякого рода наймам рабочих, сделкам промышленных и предприимчивых людей и сроки платежей у торговцев. Две недели до осеннего Юрьева дня и одна неделя после него полагались конечным сроком — когда крестьяне садились на новые земли и обязывались отдавать половину или треть жатвы за пользование ими: либо богатому купцу или ловкому промышленнику, либо сильному князю или честному монастырю. Кроме этого срока, ни владелец не мог отказать, ни сам крестьянин отбиться от работ и уходить с земли к другим. Борис Годунов подъегорил весь крестьянский русский люд тем, что отнял у него это право переходов от худых владельцев к хорошим. По старой памяти и по неизменному почтению к старине это обычное правило отчасти убереглось до наших времён во всей неприкосновенности. В самом деле, Егорий починает полевые работы (весной), как он же их и кончает (осенью). Древние сроки наймов на весь этот рабочий период в нынешние времена лишь сократились, ограничившись в иных случаях Семёновым днём, *летоководцем* (1-е сентября) — началом бабьего лета и концом посева озимей, в других — днём Покрова, который кончает уличные хороводы, сменяя их для молодёжи посиделками в натопленных избах. При наймах в другие работы выговариваются более отдалённые

сроки, каковы, например, кузьминки (начало ноября — древние *братчины*), как начало зимы. Это такое время, когда въявь обнаруживаются итоги и плоды летних полевых работ, и можно из своего ячменя, с придачей с женина огорода хмеля, сварить разымчивое пиво. Может *подъегорить* рабочий наёмщика, давши слово или взявши задаток, — не придти в срок на работу; может *подкузьмить*, то есть обмануть, и мироед-хозяин при расчёте с наймитом за потраченный полугодовой труд с весеннего Егорья до осеннего *Кузьмы-Демьяна*. Может и купец в одно и то же время и подкузьмить и подъегорить, не прибывши в заговоренное время с готовыми деньгами для расплаты или с готовым товаром для расчёта. Кстати, можно и самому рабочему вскоре *просавиться* или *проварвариться* (кому как угодно), то есть на своих сладких пивах, а равно и на покупном зелёном вине прогулять все заработки, увлёкшись зимними никольщинами, когда во всяком доме пиво. В деревенском быту никольскую брагу пьют, а за никольское похмелье — бьют: одних раньше — на Варвару (4-го декабря), других — днём попозднее, на день памяти преподобного Саввы Освященного, некогда создавшего известную лавру близ Иерусалима *над юдолию плачевною* (то есть над долом, или долиной, Иосафатовой). Во всяком случае, плачевная юдоль, постигающая бражников, на этот раз является вполне заслуженной. Так и приговаривал сердитый муж, постёгивая плёткой ленивую жену, которая частой гульбой расстроила хозяйство: «Просавилася еси, проварварилася еси».

НАЩЕЛКУ

Немало я был поражён и изумлён, натолкнувшись некогда на курьёзное слово *нащелку*, особенно когда в нём оказался и обширный смысл, и намеренное искажение одного звука, делавшего из слова тёмную загадку, которую без знающего толковника и разрешить было бы невозможно. По проверке оказалось, что так называется целая и довольно обширная местность, состоящая из множества деревень, главным образом, в Богородском уезде Московской губернии, в Покровском уезде и отчасти в Александровском Владимирской губернии. Эта местность, к удивлению

картографов, не имеет установившихся границ, которые можно было бы нанести на карту; они могут суживаться и расширяться, и эта подвижная тягучесть зависит от города Москвы.⁷⁷

Нащелку — это вся та местность, которая занимается тканьем шёлковых материй, получая материал, то есть шёлк, превратившийся на языке фабричных в *щёлк*, от московских фабрикантов.

В особенности известны город Киржач и Филипповская волость, где шёлковое производство и размотка шёлка-сырца свили себе прочное гнездо с давних пор. В Александровский уезд, благодаря ближнему соседству, тот же промысел перебрался около сорока лет тому назад. После франко-прусской войны он начал ещё больше развиваться производством и расширяться географически. В 1877 году он в одном месте почти прекратился; после турецкой войны там же дела пошли великолепно.

Этот фабричный кустарный промысел на общую статью: сначала мотать, а потом уже и ткать шёлк раздают крупные хозяева. Берутся за дело мелкие, которых зовут *карасьниками* (от *карася* — особого прибора для размотки шёлка, по виду похожего на эту рыбу) и *заглодами* — тех, которые занимаются ткачеством.⁷⁸ Мотать шёлк можно в той же избе, где сами живут; для тканья уже требуются позади дворов особые строения, кругом в окнах, прозванные светёлками. Убогий старик, какой-нибудь калека, за полтинник, за восемь гривен в неделю, на хозяйских харчах, вертит карась, женщины мотают шёлк в куклы на четыре сорта: старухи медленнее, но чище, молодки — похуже, потому что любят баловать, рвутся пошалить и часто бросают работу. Ткут в светёлках, принадлежащих заглодам, что закажут хозяева и приказывают вкус и мода, чисто шёлковые и полушёлковые материи: поплин, магер, альпага, барез, атлас, бурсу, фэй и репс. Очень многие дерзают на бархат и плюш, но очень немногие изготавливают на вязальных машинах шёлковые колпаки, которые потом вышиваются на пальцах синелью, канителью и шёлком. Это для головного убора донских казачек и казанских татарок: для первых полегче — рубля в полтора, для татарок на три до шести рублей за колпачок.

Между фабрикантами и рабочими здесь, как и везде, стоят эти посредники-кустари, успевшие или нажить маленький ка-

питалец, или заручиться большим кредитом. Эти уже нанимают настоящих рабочих и с ними вместе иногда работают сами, всей наличной семьёй. Размотка шёлка — женское дело, тканье материй — мужское.

При приёме шёлка залогов не требуется: всё на доверии. Неумелых и нечестных допекают штрафами и недодачей заработанных денег. При этом часто придираются совершенно несправедливо. Вместо денег заставляют забирать товар: крупу, мыло и т. п. с весьма значительной переплатой. Когда рабочие-кустари в конце года сводят свои домашние счёты, оказывается, что они успели только прокормиться: остатков денежных или барышей от промысла никаких. Вот почему ни один не бросает земли и, превращаясь на время в ткача и карасьника, не перестаёт быть земледельцем.

Промысловая работа нелёгкая: рабочие сутки начинаются в четыре часа утра, кончаются в десять часов ночи. При этом, чтобы уметь даже мотать шёлк, надо учиться две зимы, да и выучившись — оглядываться. Один шёлк (как бухара) разматывается легко, другие (как шемаха и катань) — потруднее. Вот здесь и смотри, чтобы не вышло много рвани, чтобы шёлк был разделан умело и хорошо и выгналось бы его больше. Угару, то есть провесу при тканье и размотке хозяин вперёд никогда не говорит, а рвани полагается на пуд только два-три фунта.

В конце концов выходит у всех так, что с одного боку теснит нужда малохлебья, с другого — хозяин с отказом от работы и со штрафами за работу: «Перед глазами на пальцах всегда шёлк, а в брюхе всё-таки щёлк»; «Чужие ковры семи шелков, а своя холщовая рубаха ещё и не прядена».

ЗАБАВАМ НЕТ КОНЦА

Голубей гонять, синиц и чижей ловить, о погоде разговаривать, баклуши бить, балясы точить и так далее — всё одно и то же значит: заниматься пустяками, ничего не делать, пожирая труды делателей. Если же и приспособиться к какому-нибудь занятию, то всё равно из него выйдет либо *семипудовый пишик*, либо *дыра в горсти*. Однако, два первые бездельные занятия

оба таковы, что, по некоторым причинам, останавливают на себе внимание и вынуждают призвать на помощь память и личные наблюдения, а на крайний случай — рассказы приятелей и товарищей.

1. Синиц ловить

В густых кустах, а ещё того чаще — на опушках хвойных рощ, если только они, подобно сосновым, не растут быстро, как грибы, выют себе гнёзда эти птишки-синички, одни из самых маленьких в разнородном пернатом царстве. За это они и преследуются неотвязчиво в народных пословицах; говорят: *если прапорищик не офицер, то и синица не птица*, хотя, в самом деле: «Невеличка-синичка, да та же птичка». Невелик человек чином, званием или заслугами, да, кстати, и ростом невысок, но сметлив и способен к большим делам, может и за себя постоять, от нападок отбиться и нагрубить, и при случае больно уязвить: это благодаря тому, что у него, как у синицы, *ноготок востёр*. Эта же птица собиралась когда-то зажигать море в посмеяние и поучение тем, которые, при своём нравственном ничтожестве или физическом бессилии, хвастливы на дела чрезвычайные. На тонких и слабых синичьих ногах они собираются лезть на крутые горы и брать крепкие города — оступаются и вниз летят.

Не с венцами и не с лаврами,
Но с ушами — ах! — ослиными, —

как некогда благодушно подсмеивался Н. М. Карамзин.

В сказках сказывается: «Полетела птица-синица за тридевять земель, за сине море океан, в тридесято царство, в тридевято государство», — что бывает обыкновенно, на самом деле, ранней осенью. В тёплых странах за морем, хотя бы даже для нас за Аральским и Каспийским, где (опять-таки, по пословице) синица — птица уже просто, по всенародному убеждению, что за морем всё едят, — синица дожидается летнего времени наших стран.⁷⁹ Тогда она, вслед за другими, в своих стаях летит подвесить на ёлке своё тёплое гнёздышко, обыкновенно похожее с виду на вязаный денежный кошелек.

Летом синица из Сокольников, Нескучного сада или Марьиной рощи вылетает в самый город Москву целыми стаями и разгуливает, видимо, беззаботно по песчаным косам и на отмелях несчастных рек счастливого города: на Москве и Яузе. Впрочем, для неё там есть и такая речушка, которая обесславлена именем этой самой невеликой птички.⁸⁰ В синичьих стаях все свои: кровные и ближайшие родные в нисходящем потомстве, потому что у этой птицы особый от других обычай — воспитывать птенцов при себе до позднего возраста.

Прилетают синицы в богатый город и, со своей стороны, пощеголять голубым темечком на весёлой головке при беленьких щёчках, и оживят эти отравленные фабричными отбросами местности весёлыми движениями и беспокойной суетнёй. То, как маленькие стрелки, они перепархивают с лужайки на песок, то бегают по веткам, по брёвнам, по палке, брошенной и забытой уличными ребятами. Синице всё равно: обращена ли на бегу её вертлявая и живая головка, как у всех, кверху, или наверху очутилась спинка, или зобок, или шаловливый хвостик: словно она не ощущает в себе никакой тяжести, как комнатные мухи, которые бродят по оконным стёклам вверх и вниз, сюда и туда и не затрудняются ходить по потолкам.

Утром просыпаются синицы раньше всех — где ещё до воробьёв. Андрей-воробей ещё и не собирается вылетать на реку, поклевать песку, потупить носку, — синицы уже набегались, напорхались, наклевались, когда у них, что ни клевок, то и глоток. Иную личинку или яичко и в микроскоп не разглядишь, а синичка её увидит и съест. Глаз не поспеет следить за каждым ударом её клюва, острого и коротенького, как шило: до того они быстры и часты. Всё это проделывают синицы с полной беззаботностью и очевидной доверчивостью: школьники-де пока ещё спят самым крепким остаточным сном, с которым обыкновенно они расстаются сердито и ворчливо.

Да и домовые, и фабричные сторожа также спят, так как в этих местах на такие их дела будочники совсем не взирают. Куда на ту пору девались столь присущие этим птицам их прирождённая робость и чуткость?

Да вот и они обе⁸¹ вместе: лишь только поднялось повыше солнышко и взиграло разом на кресте Ивана Великого и на орле

Сухаревой башни, синицы не узнать: она позволяла до тех пор свободно наблюдать за всеми своими игривыми проделками — теперь к ней и не подступайся. Даже так, что сама наступит на кончик соломинки, а другой в то же время приподымется — она уж и испугалась до смерти и стрекнула прочь, как искорка. За одной полетели и другие, как пульки: только мы их и видели. Пырк-пырк-пырк — и исчезли.

Ранним утром, когда синица обнаруживает откровенную и любознательную доверчивость, ловят её в сети только неумелые и ленивые птицеловы, или те, которые продают певчих птиц в знаменитом Охотном ряду. Для них с древнейших времён держится в Москве специальный торг певчими птицами и собаками на Собачьей площадке, которая в последнее время стала кочевать по Москве и никак не найдёт себе нового, облюбленного и насиженного места. Торг бывает в сборное воскресенье, то есть первое в Великом посту (неделя православия).

Кочевало торжище сборного воскресенья даже и по самой площади Охотного ряда: было оно сначала на площадке у Мясных рядов, потом перевели его к самой церкви Параскевы-Пятницы, затем — к дому Бронникова, а отсюда, спустя немного времени, к дому Чельшова. Теперь оно не то на Лубянке, не то в Зоологическом саду, но тут и там обезличенное и ослабевшее. Не так давно богачи и даже титулованная знать, а с ними всякие любители и особенно псовые охотники, являлись на этот день обязательно со своими выкормками и воспитанниками: поискать лучших, похвастаться собственными. Эта была настоящая выставка и говорящих скворцов, и умнейших собак. Съезжались очень издалека, а в особенности из Коломны и Тулы. Охотники были здесь все налицо.

2. Голубей гонять

Для иных эта работа — забава и шалость, за которую вообще не хвалят, а городских ребят родители их считают неременной обязанностью награждать волосяной выволочкой. Для других, не только взрослых, но даже старых — лёгкая забава переходит в серьёзное занятие, требует особой науки и доводит до любительской страсти со всеми неудобными последствиями.

Как всякое безотчётное влечение, эта страсть также неудержима, необузданна и заразительна. Ею заболевают целые города и в них такие умные люди, как дедушка Крылов (баснописец),⁸² и такие могущественные, богатые и сильные люди, как братья Орловы Чесменские. Однако, как не дающая никаких практических результатов, она всё-таки у нас не пользуется уважением и вызывает насмешки. Думают даже, что нет позорнее несчастья, как свалиться с голубятни и убиться до смерти в безумном увлечении при напуске и подъёме голубей. Слово же *голубятник* обратилось в презрительное и бранное; «В голубятниках, да в кобылятниках спокон веку пути не бывало» — уверяет народная пословица.

О городских ребятах выговорилось слово неспуста, именно потому, что серьёзно поставленная гоньба голубей, с соперничеством на пари, как игра азартная, укрепилась исключительно в наших городах и преимущественно в торговых. В деревнях такими пустяками заниматься некогда, разве воспитывая голубей лишь на продажу. Однако, и здесь голубей заменяют скворцы. Тем не менее, здесь твёрдо верят, что *сегодня гули, да завтра гули, ан и в лапти обули*.⁸³ Зато невозможно представить себе ни одного мало-мальски порядочного города, в особенности старинного, где бы не было настоящих голубятников-любителей. Правда, что нынешнее строгое время, перевернувшее многое наизнанку, а, главное, потребовавшее строгого и сторожливового взгляда на жизнь, в значительной степени ослабило эту купеческую страсть и городскую забаву. В некоторых городах она достигла до крайних пределов не больше двадцати пяти-тридцати лет тому назад. Город Тула выделялся даже более всех других и почитался столицей всяких забав с певучими и непевучими птицами. Он сделался как бы притчей во языцех и предметом народных насмешек. Москва, совместившая в себе несколько городов разом, конечно, оказалась не в силах отстать от повальной страсти к козырным голубям, говорящим скворцам, драчливым петухам и т. д. Она прославила курских соловьёв и заставила завести для себя заводы канареек в Медынском уезде Калужской губернии, на так называемом Полотняном заводе и прочее. Голуби дались легче прочих птиц, потому что оказались более покладливыми к людям и их жилищам, более забавными и послушными.

В самом деле, найдётся ли на Руси такой город с мучными рядами и лавками, где бы не шумели сильными и громкими взмахами сизяки (одичалые голуби) на длинных заострённых крыльях, помогающих быстрому, грациозному и продолжительному полёту? Они либо нежно целуются, сидя на крышах, и томно, громко и приятно для уха воркуют, то хлопочут и суетятся около налитой дождём лужи или на водопойной колоде и притопывают проворными и нежными лапками, на которых задний палец касается земли. Они в кучке клюют выброшенное из лавки целой горстью зерно, а самчик в густом и красивом мундире, как гусар былых времён на балу, ходит вокруг своих дам, растопырив шейные перья. Такими голубиными проделками можно только любоваться, и вообще не ошиблись люди, признавая эту птичью породу за идеал кротости, целомудрия, невинности и любви (но не ума, которым голуби всех пород вообще не отличаются). Понятна городская любовь к ним, особенно если припомним, что на любителей имеются в природе до двухсот различных видов, и между ними такие занимательные, как воркун, или бормотун (он же зобастый): большой, глинистого цвета, когда воркует, то вздувает зоб пузырьком, за что зовётся ещё дутышем. Трубастый распускает хвост, подобно павлину, колесом или опахалом; плюмажный ерошит свой воротник из перьев. У хохлатого, или козырного — хорошенький чепчик и мохны на ногах, делающие его похожим на одетую по парижской моде богатую городскую девочку; иногда у него этих чепцов нет. Белый *чистяк* с чёрными крыльями носит на них повязки и ходит в кругах. По привычке ходить на кругах — ему особенное предпочтение перед другими породами, а по масти — особая кличка: скобун, если чёрное пятно приходится на спине, одноплечий — с пятном на одном боку; у бородача — на шейке, у стрелуна — в хвосте; бывают ещё лобачи и усачи *со щекой и с бровкой, с ухом и с лысиной*. Огнистый — носит на груди манжеты. Рыжий турман, всегда голоногий и изредка хохлатый, на лету вертится кубарем через голову, через какое-нибудь крыло боком или через хвост ничком. Он так иногда усердствует править своё дело, *катается в разнобой*, что, не рассчитав места, разбивается головой о крышу своей голубятни. Египетский голубь, когда воркует, заливается хохотом, сидя

и покачиваясь на стрехах и на сучьях, — словом, всякий вид голубей очень красив и все чистоплотны, кротки и обходительны (голубчик и голубка обратились в самые нежные и сердечные ласкательные приветствия). Голуби привязаны к своим жилищам, кормят других птиц своим кормом и насчёт времени очень аккуратны. Этими последними свойствами и воспользовались люди, чтобы сделать из этих птиц серьёзную для себя забаву.

Она у солидных людей искала досуга и знала своё время. В праздничный день и во всякое воскресенье, тёплой летней порой, горожанин-любитель поднялся с постели рано, сходил помолиться к заутрене, отстоял обедню. Вернувшись домой, сейчас горячего пирожка поел, щей похлебал, соснул немного, наверставши то время, что израсходовал ранним утром; попил кваску и, как был в халате или в рубаше при жилете, так и полез на голубятню и на крышу. Взял он в руки длинную мочальную верёвку с хвостом, спустил голубей и замахал мочалом в круги; чем дальше, тем больше. Дошло, наконец, дело до подпояски, а у азартного человека — до халатной полы. Тогда трудно бывает представить себе что-либо смешнее этой бородатой фигуры, которая, к тому же, и присвистывает, и хлопает в ладоши, и пристукивает палкой, прикрикивая на голубей: «Кысь-кысь!» пока они ходят в кругах.

Он вскинул сначала ободистого или кладного, которые больше любят летать одиночками и не могут подолгу тешить хозяина в жаркие и тихие дни. Он молодой, на этой голубятне родился и здесь выхолен: теперь ему проба.

Поднялся он хорошо, взлетел весело: то притонет, как будто бы в воду приспустится, то немного подастся на низ, то опять полетит крепко. Стал он спускаться, выкруживать книзу: потягивается, вертит шеей на ту и другую сторону. Хозяин доволен: будет хороший летальщик на всё лето, в жаркие дни станет летать мягко.

Вот и испытанные *повивные*, или *налётные*, выпущенные парами и всем гнездом. Не торопятся; круги словно рисуют на бумаге: выходят гибкие, совершенно круглые. Всем кажется, что стоит там для них в воздухе прямой шест, и они его видят во всей прямизне и стараются выводить около него спиральные круги, точно часовую пружину тянут, чем выше, тем завивистей и проворней. И всё ещё летают на виду. Видит глаз и чувствует люби-

тельское сердце, что там, в воздушных кругах, голуби *сплывутся*, или *вскинутся*, все в кучу и прямо над головой, затем исчезнут.

На это время уже чуть не половина небольшого старинного города наострила глаза и, не спуская их, любитесь и утешается чужой радостью, которая на этот день и раз как будто своя, домашняя и даже отчасти общая городская гордость. Ребятишки, побросав городки и бабки, собрались со всех улиц и сгрудились тесной кучей около того места, где хозяин голубей проверяет число кругов, какое сделали птицы до исчезновения из глаз. Считают с ним вместе и все те, кто любитесь; при этом, конечно, просчитываются, заводят споры, ребята ссорятся и дерутся. Сто кругов полагаются обязательными для лучших повивных; после двадцати исчезают из глаз, *теряются летальщики*, и т. д. В особенности оживляются группы зрителей, когда с двух разных голубятен вскинули по паре и обе, на дальней высоте, сплылись и исчезли. Вопрос о том, в чьей будке очутятся, куда обе пары выкружат, — настолько живой и горячий, что делаются заклады или пари. Спор идёт о том, чья голубка переманит: один продал голубя, другой купил его, посадил к голубке, кормил пшеницей, держал их в одной клетке несколько недель и не выпускал на волю. Голуби свыкались: голубка привязчива, а голубь всегда обходителен и ловок. Придёт пора, что можно на него и понадеяться, спустить его на свидание и для встречи с прежней голубкой. Теперь чья-то возьмёт? Вот они все четыре выкружили; книзу идут твёрдо, всё шибче и резвее, не изменяя взлётов, не ломая кругов. В самом низу кружат очень сильно. Но не в этом дело, а куда повернут. Повернул голубь за старой подругой, а за ним потянула в чужую будку и новая, разом все, как по команде, уселись в ряд на гребне крыши. Побездѣнная пара без ссор и дальних споров остаётся собственностью того, к кому прилетела. Был чужак, теперь стал свояк, *пришатился*.

Хорошо выдержанных в жаркий и тихий день можно смело вскидывать раза четыре — они нимало не ослабнут. Летанье отменное, *сплывка* весѣлая. На Таганке, на Полянке и в Рогожской у Андроникова монастыря это хорошо понимают и высоко ценят, гулом и выкриками делая настоящий базар. На это твёрдо рассчитали и сами владельцы-любители. Голубя любить — надо его и холить и всё предусмотреть.

С осени самых лучших отсаживают. Кормят только один раз в день. С ноября по февраль на десять пар прибавляют две горсти гороху и, когда его подклюют, бросают немного пшеницы и потом вскоре также немного конопляного семени. Впрочем, так сытно кормят только в морозы; от излишка пищи птица наживает типуны.⁸⁴ Настоящий любитель не оставляет им ни зерна на ночь, не даёт пить до корму. Присыпает мелкий толчёный кирпич и землю, смоченную не очень солёной водой. В стене голубятни прорубает два окошка вершка в три, наравне с полом на тот случай, когда при испуге голуби взбесятся: полетят в запертую дверь и начнут убивать друг дружку, делаются косокрылыми, а иные начнут сохнуть.

Сбережённый голубь и на руке сказывается статями: крылья твёрдые, перья широкие, как в хвосте, так и в крыльях, тело сухое, глаза навывкат, брови самые тонкие, шея гордая, как у коня, головка маленькая и ярует так, что в избе сквозь потолок слышно. И притом красавец станом, и мундир голубоватый; каждое пёрышко к краям будто серебряный пятачок, а в серёдке усыпан синим песком, и никогда не жиреет; зимой не заедается, и голубка не тратит сил на частый вывод детёнышей. Яйца от таких продаются не дёшево, и потому смотрят в оба за каждой кладкой, чтобы не появлялись с тонкой скорлупой, иначе птица может скоро *объяишнять*. При покупке яиц цена поднимается, если покупатель приобретает с тем, чтобы посадить под хорошую голубку. Продавец видит и знает, что у него голуби не ведутся: выходят статями не хороши; в плечах долги, глаза малы, темны и закрыты толстыми бровями; толсты телом и простоваты нравом. Отсюда издавна уже выродилась пословица, которая говорит, что деньги прах, а животы (то есть имущество, всякое домашнее хозяйство, рабочий скот и прочее) — что голуби: *где поведутся*.

Твёрдо знают и время, когда можно гонять. Охотники смотрят на небо и замечают форму облаков. Ни за что не пустят птиц с голубятни, если облака вырисовываются на небесной синеве подобием чёт и двигаются кверху: надо ждать крепкого ветра — голубям не сладить, они пропадут. Если идёт дело на заклад, а облака на небе двойные: нижние белые тянут на восход солнца, а верхние тёмные идут поперёк — голуби хотя и пролетают нижние облака, но уже не в силах выкруживать. Зато

когда летит паутина по воздуху, да при этом поднимается вверх — для голубиной прогулки настоящая пора. День жаркий, воздух тихий, вороны и галки играют высоко, частые и белые облака движутся потихоньку: спускай гнездо смело — слетает до трёх раз правильно и легко — и не ослабнет. День такой же жаркий, и в воздухе очень тихо, да брошенное из рук пёрышко упало на́кось: бросай затею, не спускай голубей. Пускай закладчик дразнится и смеётся: птица на полёте против ярких солнечных лучей наживает на глазах сильную восцу — такой упорный лишай, что с ним и не сладить потом. Таковы наши сведения, полученные от настоящих любителей и охотников.

Переманка голубей у охотников почитается делом законным и справедливым; голое воровство наказывается суровым судом, как одно из тяжких преступлений. Молодых ребят поколотят родители само по себе, а сверстники прибавят недополученное.

Один такой-то виновный сознавался через всю улицу, стоя на подмостках своей голубятни и переговариваясь с соседом.

— Ну, ловко же меня вчера отбуцовали: кажись, кровью бы истёк; вся кожа от тела отстала.

Другой его утешал:

— Эка! Гришке Зюкину голову проломили. Кулаками-то ворочали-ворочали, да в мётлы приняли... Ну, тут спокаялся!

Этим *стальным носам*, тульским *казюкам*-оружейникам кулачные бои и волосная расправа — за привычку, а ловля всяких птиц в среде их — старинный обычай. Когда из разных губерний, по указу Петра I, собрали сюда *молодых робят* и учили их оружейному делу, а надсматривал над мастерами стольник Чулков, он сознавался сам: «По твоим, государь, письмам истинно, ей-ей всеусердно радею, как пуще того быть невозможно, что каждого дни человек по десяти бью батоги: приботщиков и замочников зело понуждаю в деле, не только что в день дать отдохнуть, но и ночи спать не даю». Измученные, избитые и озлобленные оставили после себя своим потомкам сердитое прозвище *стальная душа*, а ближние соседи стали поговаривать (да и расславили): «Хорош заяц — да тумак, хорош человек — да туляк». Острые на языке, находчивые на ответ, сорвиголова оружейники, изнемогая около горнов шесть дней в неде-

лю, на досужий час праздничных отдыхов умеют превращаться из оборванцев, пропитанных кузнечным и медяным запахом, в добрых молодцов. Не из одной только корысти на весёлую выпивку облюбили они всякую Божью птицу, гоняются за ней, водятся с ней, холят и воспитывают. Птицелов Перова в картине, всем известной, художественно изображает то состояние духа, каким проникается подобный любитель.

— Присядь, бачка, чижи летят! — упрашивал в ино время проходящего человека тот *казюк*, просьбу которого обратили теперь в насмешливое присловье всем тулякам.

Он на тот, как и на этот раз, приладил западню, а сам, пустив заводного чижа, припал за куст, да там и замер. Старательно он самца выбирал; всё присматривался; задолго до охоты отсаживал, а теперь на него уже вполне понадеялся.

По сучьям берёзы бегают эти зелёненькие чижи, вольные и беззаботные — и чирикают. Заводной, как только выпустили его на точок и услышал он чириканье, так и стал тотчас же *мастерить* — заманивать. Один чиж прилетел на западню — и заморозил охотнику сердце. Хлопнул западок — так, словно из ружья выпалил, и растопил сердце: первый чиж попался.

А заводной всё зазывает: призовёт — обойдётся, да так, что не знаешь: дивиться ли тому, как это умеет оказывать такую ласку такая маленькая пичужка, или своё сердце сдерживать — не мешать заводному обманывать. Иной мастерит на все девять позывов, а вольные самки так колом к нему и бросаются. Начинают чижи драться между собой и пищат. От удовольствия и наслаждения у охотника дыхание спирается в горле — целый день сидел бы да смотрел на птичьи проделки.

На соседней липке тем временем проявился зелёный молодец покрупнее заводного. Привёл этот с собой своих целую стаю и всех при себе держит. Западню видит, а к ней нейдёт. Раз подскочил, да тотчас же приподнял и взъерошил затылок, затрещал — да и прочь. Точок опустел весь, только один верный домашний друг и остался на нём.

— Провалиться бы этому самцу сквозь землю! Не дорог конь — дорог заяц.

Надо теперь новый точок разыскать, опять начинать охоту с начала.

— Тю-пик! — это красноголовый щеглёнок некстати прилетел над охотничьей неудачей подсмеяться. Туляки, впрочем, и щеглятники — их же дразнят: «Щегол щаглует на дубочьку». Не дают они спуску и синицам: одна какая-нибудь махнёт, как колокольчиком, — казюк и замлел. Опять присел, стал прислушиваться, измучился — до того хороша эта синичка: в пении сильна, и полна, и многословна.

— Ти-гю-динь! — и расстановочку сделает необыкновенную.

Завтра и на синичьи стаи напустит казюк заводного. Один такой у него уж отсажен.

ЭЙ, ЗАКУШУ!

Это выражение в виде предупреждающей остратки и лёгкой угрозы народилось в Москве и здесь до сих пор бродит, вращаясь в среде торгового люда. Появление его в обиходной речи относят к началу нынешнего столетия и, приписывая ему историческое и бытовое значение, требуют от нас обстоятельных объяснений.

Покойно, сытно и сладко жилось честным старцам в смиренных кельях святых обителей, а ещё того лучше, беззаботнее в богатых лаврах и ставропигиях. Как пели у них на крытых переходах слепые нищие про Алексея — человека Божьего: «Пили-ели сладко, жили хорошо», — особенно в прошлом столетии, когда монастыри эти владели крестьянами, и Троицко-Сергиева лавра была помещицей более чем ста тысяч душ чудотворцевых.⁸⁵ У её настоятелей и соборных старцев было правилом: не носить иных ряс, кроме бархатных либо шёлковых; каждому рядовому монаху полагалась ежедневно бутылка кагору и штоф пенника, мёду и квасу по целому кувшину. В Киеве было не хуже: там тоже покупались виноградные вина бочками, засаливалась рыба чанами, а лавра одинаково славилась и стоялыми медами и крепкими густыми пивами.

Потрапезовавший инок, грузно опускаясь в смиренные пуховики и утопая в них, ласковым, тихим голосом взывал к прислужнику:

— Гей, хлопче!

Являлся, как шест высокий, послушник.

— А ну, перехрести мене! Да вже-ж я сам започию.

В Соловках монахи обленились до того, что не хотели даже петь на клиросах и предоставляли это дело тем крестьянам, которые работали на монастырь либо по обету, либо по силе крепостного права. Служба по обиходу, знание устава, гласов и напевов всё-таки требовали напряжения памяти и траты времени, а штатные мужики были к тому делу такие охотливые и доточливые! Зато сергиевские монахи этим занятием не брезговали: там были другие обычаи и иные порядки.

По живым преданиям, в московской лавре перед всенощной приносились ведра с квасом, пивом и мёдом прямо в алтарь. «Правый клирос поёт, а левый в алтаре пиво пьёт» — так и говорилось в народе открыто. После благословения хлебов служащим иеромонахам подносилось в алтаре красное вино в чарах серебряных. Выходили они *на величанье* вёселыми ногами, сановито покачиваясь, что называлось острыми и злыми языками завистников *нахвалитех*.⁸⁶

А вот и сами обличители, они же и насмешники: это — заштатные гулящие попы, целый класс людей без средств к жизни и прямых занятий. Тут и запрещённые, и бесприходные, все — гуляки и бражники: шатаются по весёлым местам, валяются по царёвым кабакам с тех самых времён, когда всякие деяния впервые выучились записывать, и с народом стали разговаривать писаными грамотами. Задумают ли удалые казаки поход на татар, или просто добрые молодцы соберутся погулять и пошалить по матушке Волге — безместные попы тащатся за ними. Когда поплыл Ермак забирать Сибирь, в его отряде шли три попа и сверх того старец-бродяга, который «правило правил и каши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал». Бродили попы и за Стенькой Разиным, нашлись таковые готовыми к услугам и у Емельки Пугачёва. Чем больше нарастало лет и приближали они наше бедовое время — число безместных попов сильно увеличивалось. В конце прошлого и в начале нынешнего века оно было изумительно. Указы совсем перестали действовать: попов они вовсе не устраивали, а, стало быть, и не смиряли. Шатались они по кабакам и нагуливали больную печень; бол-

тались по базарам и среди народных скопищ говорили скаредные речи и творили неподобные дела. Дошатались и договорились вконец до того, что на их артель пало сильное подозрение в кровавых событиях московской чумы 1771 года. Московская чернь убила полу-малоросса, полу-молдавана архиерея Амвросия Зертис-Каменского, который любил раздавать, по жестокому нраву, плети и розги направо, налево и вдоль всего белого духовенства: даже священники, приносившие бескровную жертву, были сечены до крови. И сами они убегали от приходов своих, и насильно их отгоняли от церквей. Скопилось таковых *безместных* к началу нынешнего столетия великое множество, почуявшее уже силу и возобладавшее смелостью. Кто не успел пристроиться в раскольничьих скитах поповского согласия, те вышли прямо на московские площади. На перекрёстках они протягивали руку, на людных *крестцах* объявляли всенародно свои рваные вретича и объясняли свои безысходные и неключимые беды. В Москве особенно прославился *Варварский крестец*, что образовался из Большой Лубянки, Солянки и улицы Китая-города, носящей название своё от церкви великомученицы Варвары. Здесь, на дороге из Замоскворечья, собирался торговый люд во всенародном множестве с самым лёгким и плохим товаром, но дешёвым и подходящим всякому на руку. Тут и бесприходные попы приладили своего рода торговлю, чем умели и чего от них могли на рынке требовать.

Этот спрос на попов свободных, гулящих и безместных в особенности усилился в то время как француз спалил Москву, когда погорели все церкви, и стояла мерзость запустения даже в кремлёвских соборах. Опасливое духовенство последовало примеру Августина (Виноградского), правившего епархией за митрополита Платона и удалившегося с чудотворными иконами, Владимирской и Иверской, в Муром. На всё великое множество московских церквей далеко не доставало требоисправителей не только в то время, когда Москва наполнена была пожарным смрадом, на улицах валялась конская падаль, торчали закоптелые каменные фундаменты и печи, и всюду была дорога. Собравшиеся со всех сторон священники получали заказ и находили дело далеко потом, когда кое-какие храмы успели уже обновить или подправить. Кладбищенские же хотя и все остава-

лись целыми, но стояли без причта и без пения. Деревянные поповские дома все пригорели. Ничего не пощадил француз: всех ворон поел, все драгоценности расхитил; над святыней надругался; многое с собой увёз.

На подобном безлюдье и среди такого полного разрушения громадного города безместные попы обрели себе злачное место, чтобы было где править слово истины. Полюбился им пуще всего *Варварский крестец*, и стали все они здесь собираться. Кому их было нужно, так про то все и знали. Походят безместные по толпе, присядут на лавочку — всё поджидают. Волоса, известные на рынках более под именем *зривы*, торчат из-под шляп с широчайшими полями включенными; засели в них пух и сено. Бороды не расчёсаны, нанковые линючие подрясники подпоясаны верёвочкой; на плечах выцветшие на солнышке камлотные рясы еле держатся. Иные обуты в лаптишки, и хоть бейся об заклад, на ком больше заплат.

Все забрались с первым светом, когда чуть ещё начинал он брезжиться. Рыночные торговки по своему сердоболью и по чужому обычаю успели всех попов оделить калачами. Иной, забытый или запоздалый и обделённый, сам припросит:

— Ныне от тебя ещё не было благостыни: давай калач-от!

Калачи попами не поедались, а прятались за пазуху.

Зачем холодному и голодному прятать, лучше съесть: может быть другая калачница новым и свежим облагодетельствует?

А вот мы сейчас увидим, какую с этими калачами безместные попы *Варварского крестца* выкинут штуку.⁸⁷

Идёт к ним купец или иной нуждающийся в попах человек, а они уже его по шапке и по походке издали видят и обступают. Выслушивают, что кому нужно: заупокойную или заздравную обедню?

Первые в то тяжёлое время были в наибольшем требовании.

— Помянуть надо.

Мало ли народу побито под Тарутиным, под Малоярославцем, а того ещё больше под Бородиным? Другому хочется о своём избавлении помолиться, да притом не иначе, как в своей приходской церкви, а духовного отца нет: ещё не приехал. Иному это сейчас хочется сделать, потому что он в тот день именинник.

— Ну, что ж тут толковать — мы это дело справим, мы это можем.

— Цена какая будет?

— Что предъявляешь?

— Чтобы со звоном и пением, и пуще всего не пропускать ничего и не торопиться.

— Имеются ли готовые просфоры в указанном церковными постановлениями количестве?

— Заручились: одна-таки просвиренка уцелела и торгует мягкими.⁸⁸

— В каком количестве и все ли пять, и суть ли, сверх того, запасные?

Оказывались все налицо.

— Полагается поминальная запись: есть ли она?

— Сгорела, затерялась. Потолкаться, чтобы написали, было не к кому.

— Вот и препятствие, труд и болезнь: писать надо. А я сам-то поразучился. Да и веществ тех для рукописания, грех ради наших, ни у кого не промыслишь: здесь на торгу не полагается.

Через плечо другой поп смотрит, лукаво прищулив левый глаз и приклонив ухо. Впрочем, на этот раз он смотрит более из любопытства и отчасти лишь из соглядатайства: на самом деле попы мужичьим базарным обычаем уже метали жребий. Звонили они в шляпе грошами и установили очередь между собой, по порядку вынутых монет. Торгуется умелый и самый бессовестный, а служить пойдёт тот, который последним вынул свой ломаный грош. Умелого и не допускают до жеребья, а высылают его вперёд по общему назначению и полным голосованием: он получает отсталое и свершонок.

Бойкий старается сбивать заказчика на словах. Торгуется, сбавляя цену копейками. Закидывает всякими мудрёными словами, запутывает устрашающими и неожиданными вопросами:

— Касательно полных поминок всех надлежащих имён или только новопреставленных: как читать?

— На всех ли сугубых ектениях совершать полное поминовение или токмо на первой?

Выговаривает и число выходов из алтаря для каждения, называя кутью *коливом*, толкует и о многом неподходящем и, встреча-

ясь с кремнёвым упорством заказчика, выхватывает из-за пазухи даровой и дешёвый калач. Держит его в руке и обсказывает:

— От продолжительных и пустых разговоров я уже и есть восхотел. Эй, закушу!

Между тем, остальные попы все уже отошли прочь и, невидимо для наёмщика, скрылись в рыночной толпе. Все они калачей своих ещё не начинали: по номоканону, следуя священническим правилам, не принимали они ни капли питья, ни крохи пищи со времени вчерашнего солнечного заката. Так, по крайней мере, все думают.

Думает таким же образом и тот заказчик, перед которым, как Мария египетская в Иорданской пустыне, стоит последний поп и, как свеча перед иконой, теплится.

Закусит тот поп калача — уж он не петух: обеден петь на весь день не годится. Прячь-ко, батько, калач-то за пазуху! По чистой совести надо бы тебя изругать в корень, да вот *пришло по-тá, что подай попа*. От вора отобьёшься, от подьячего откупишься — ну, а от попа как и чем теперь отмолишься?

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ

Удельные князья писали обычно в своих договорах друг с другом: «А боярам и детям боярским, и слугам, и крестьянам вольная воля». Вот с каких пор сохранилось до наших времён это выражение, по строгим требованиям нашего языка кажущееся такой же бессмыслицей, как *масляное масло*, *поздно опаздывать* и тому подобные неправильности, допускаемые иногда в обиходной речи. Когда складывалась эта поговорка, и в самом деле волен, то есть, свободен, был каждый крестьянин, носивший в себе умелую и привычную силу, владевший великой тайной из дикой земли создавать плодородную почву и пустую, ничего не стоящую, своим трудом и искусством превращать в ценную. За таковую уже охотно платили деньги. За пользование ею требовали подати и повинности, и их соглашались платить. Земля делалась *тяглом*, и крестьянин с землёй и земля с крестьянином так тесно были связаны, что друг без друга они не имели никакого значения. Земля без крестьянина — мёрт-

вая пустошь, липкая грязь, *дикая пасма*;⁸⁹ крестьянин без земли становился бобылём, бездомным и бесприютным человеком, которого уже никто не жалеет, но все охотно презирают. Ему необходимо было садиться на землю, и если он расчистил новую и ничью, то становился полным хозяином; если занял чужую, то, не переставая быть свободным человеком, жил здесь как наёмщик, платил трудом за пользование, а захотел — отошёл. Если он забирал при этом на чужой земле у владельца скот и орудия, хлеб на прокорм и семена, он всё-таки был только должником: рассчитался по чести и совести — и опять был свободен. У вольного воля, таким образом, была правом, привилегией, означала свободу для действий и поступков, жить на земле доколе проживётся и уходить куда вздумается. Пользовались этой свободой переходов только именно вольные люди, какими почитались в те времена: сыновья при отцах, братья при братьях, племянники при дядях, все, не вступившие в обязательства или свободные, или уволенные от таковых. Всем вольным предоставлялась полная воля, потому что были ещё холопы и рабы. Эти вечно принадлежали господам и, как вещь, могли быть заложены, проданы и даже убиваемы без суда и ответа. Такие кабелили себя сами, продаваясь от крайней бедности или от мучительных притеснений богачей и тому подобного.

Понятным делается теперь и тот придаток, который всегда следует в оборотах живой речи: «Вольному воля — спасённо-му рай», иногда с новыми приставками: «Ходячему — путь, бешеному — поле, чёрту — болото». Старое судебное изречение таким образом превратилось, про наш обиход, в мудрую повсеместную пословицу.

ВЫДАТЬ ГОЛОВОЙ

Этот обычай известен был ещё в XII веке, когда с князя за вину бралась волость, а прочих людей отдавали головой, причём последняя выражала понятие о личности. Отданный головой за долг поступал к заимодавцу с женой и детьми в полное рабство, на работу, которую и отбывал до тех пор, пока не покрывал весь долг. Во время местничества оскорбитель был бит

батогами и потом обязан был просить униженно прощения у обиженного и жалобщика: кланяться в землю и лежать ничком до тех пор, пока оскорблённый не утешится и не поднимет со словами: «Повинную голову и меч не сечёт». Словом, в старину это означало предание суду за преступление с лишением гражданской свободы, а также временное рабство за долги. Тогда *брат брату (шёл) головой в уплату*; теперь — нечаянно, без умысла выговорить в неуказанное время не подлежащему человеку условленную тайну значит то же, что *выдать головой*.

ДОЛГИЙ ЯЩИК

Когда говорят про недобрых дельцов и судей, упрекая их в лени, что они *откладывают дела в долгий ящик*, тем вспоминают про тот длинный ящик, который некогда царь Алексей Михайлович велел прибить у дворца своего в селе Коломенском, в столбе. Он ежедневно прочитывал сам вложенные туда челобитья. До того времени челобитные на имя царя клались на гробницы царских предков в Архангельском соборе. Богомольный царь, ревностный к церковному благолепию, поспешил отменить обычай. Ящик сделан был длинным в соответствие свиткам, на которых писались все документы до Петра, заменившего их листами голландского формата, существующими до сих пор. Из царских теремов выходило решение скорое, но, проходя через руки ближних бояр и дальних дьяков, дело *волочилось*: инде застрянет, инде совсем исчезнет, если не были смазаны колёса скрипучей приказной машины. Недобрые слухи про московскую *волокиту*, или, ещё образнее, про московскую *держь*, в народном представлении остались всё те же, а кремлёвский ящик из длинного превратился в *долгий* про вековечный обиход несчастных просителей и жалобщиков на всём раздолье русского царства. Особенно же это было чувствительно и тягостно для приезжих из областей и дальних мест. В первопрестольном городе им доводилось задерживаться и издерживаться. Это — то же *хождение по передним* нынешних влиятельных лиц, равносильное стоянию на Красном кремлёвском крыльце или у дверей старинных приказов. Насколько тяжело было положение

просителей, свидетельствует святитель Митрофан, епископ воронежский. Отправляясь в Москву, он считал необходимым, для сокращения сроков московской держи, каждый раз запастись достаточным количеством денег. Если в монастырской казне их не было, то он прибегал к займам и издержки аккуратно записывал в тетрадь. Одна из них сохранилась. В ней мы читаем о покупке святейшему патриарху «в почесть 40 алтын на лещей и на 23 алтына и 2 деньги осетрины» в то время, когда на себя лично во всю дорогу издержал святитель всего лишь 17 алтын *за постой и квас*. В Москве он поднёс патриарху калач, дал патриаршим истопникам 40 алтын, патриаршим певчим славленных 62 алтына,⁹⁰ пономарям Успенского собора гривну, подьячему Кириллову на сапоги две гривны и прочие *прóтори и прóести, убытки и волокиты*, как привычно выражались в те времена.

ПРАВДА В НОГАХ

Хотя пословица и укрепляет в том бесспорном убеждении, что в ногах правды нет, однако, в недавнюю старину её там уверенно, упорно и с наслаждением искали наши близорукие судьи, с примера, указанного татарскими баскаками. Сборщики податей, а впоследствии судные приказы, взыскивавшие частные долги и казённые недоимки, ставили виноватых на правёж, то есть истязали. По жалобе займодавца приводили должников босыми. Праведчики, то есть пристава или судебные служители, брали в руки железные прутья и били ими по пятам, по голням и икрам (куда попадёт). Били с того самого времени, когда приходил судья, до того, когда он уходил домой.

Били доброго молодца на правеже
В одних гарусных чулочках,
И без чоботов,

говорит одна старина-былина.⁹¹ Бивали так новгородских попов и дьяконов «на всяк день от утра до вечера нещадно». Чаще всего ограничивали срок битья согласием должника заплатить долг или появлением поручителя. Бирон казённые недоимки, на-

копившиеся от неурожаев, вымогал тем, что в лютую зиму ставил на снег и всё-таки в отмороженных ногах бесплодно искал правды. Стали толковать: «Душа согрешила, а ноги виноваты» и «В семеры гости зовут, а всё на правёж». Истязуемые умоляли безжалостных заимодавцев: «Дай срок — не сбей с ног!» А бессильные и безнадёжные, когда *нечем было платить долгу, бежали на Волгу*. Все эти болезненные вопли и бессильные жалобы ушли в пословицы и, с уничтожением правёжного обычая, приняли более смягчённый смысл. Плачевный вывод из суровой практики старых времён погодился в нынешние времена лишь в шуточный и лёгкий упрёк доброму приятелю. Стали уверять, что *в ногах правды нет*, тех, которые, придя в гости, церемонятся, не садятся. Точно так же *дай срок, не сбей с ног* обращают теперь к тем, кто в личных расчётах торопит на работе, понуждает на лишние усилия сверх ряды и уговора в тяжёлом труде, затеянном либо на срок, либо в самом деле *наспех* и т.д. Над упразднённым правёжом начали уже и подсмеиваться в глаза заимодавцам: «На правёж не поставишь!» (ничто не возьмёшь). Какая же, в сущности, правда в ногах? «В правёже не деньги» (то есть иск по суду мало надёжен) — сознательно говорят и в нынешние тяжёлые времена всеобщего безденежья.

Точно так же из отдалённой старины сохранилось живое изречение — *ложь кривая*.

ЛОЖЬ КРИВАЯ

«Диво варило пиво: слепой увидал, безногий с ковшом побежал, безрукий сливал; ты пил да не *растолковал*?»

Или так: «Безрукий клеть обокрал, голопузому за пазуху накла, слепой подглядывал, глухой подслушивал, немой караул закричал, безногий в погонь погна!»

Таковы, на досужий час зимних вечеров, две из народных загадок, вообще очень скупых на отвлечённые понятия, а вращающихся преимущественно в кругу видимых предметов и обычных вещей. Указание для отгадки в данном случае сделано на то несмываемое пятно, которое уже целые века сберегается целым на роде человеческом и на то, в чём, по писанию, весь мир ле-

жит, что со светом началось и со светом кончится, чем красна всякая человеческая речь, что, по народной пословице, живёт и ходит на тараканьих ножках (того и гляди — подломятся). Его люди терпят, но от него пропадают. С ним весь свет пройдёшь, но назад не воротишься.⁹² Словом, загадка указывает на ложь или, по точному и более употребительному народному выражению, на неправду, столь же древнюю, как мир, и имеющую отцом своим дьявола (*от Бога дождь, от дьявола ложь*), с передачей в наследие всем людям через первую жену. Появление этого порока на земле наш народ объясняет тем, что Бог создал жену из кривого ребра, оттого и пошла *кривая ложь*, или, короче сказать, самым правильным русским словом, *кривда*.

Она крива, по злому насмешливому выражению, как московская оглобля в городских пролётках или санках. Это, по тем же пословицам, либо простая дичь, либо дичь во щах, либо дичинка с начинкой, либо дудки. Она же околёсная и сивый мерин, она кривые моты мотает, гнёт дугу черемховую, и если заговорит, то не иначе, как во всю губу и всегда на ветер. По временам она же самая — и красное словцо, гоголевские сапоги в смятку и его же Андроны, которые едут и Миронов везут, и т. д. «Правда осталась у Бога жить на небесах, а кривда пошла гулять по белому свету».

Мы, однако, не будем останавливаться на истории лжи, не станем повторять избитых и переговоренных истин о том, что привычка ко лжи усваивается нами с детства (у мальчиков лягаются деревянные лошадки, девочки разговаривают с куклами, и каждый ребёнок уверяет, что кукла её поняла). Не будем доказывать, что няньки и матери сами научают лгать набедокуривших детей: «Ведь правда, что не ты это сделал, а гадкая собачонка или блудливая кошка?» — и тому подобное. Детские сказки при этом, как первичная ложь, — наша молочная каша. Всякому известно, что иные лгут по недомыслию, не находя возможности выйти из раз и навсегда усвоенного ими кругозора. Другие лгут, чувствуя себя неправыми, с желанием оправдаться; третьи — по привычке, а четвёртые — намеренно. Словом: «Лжей много, а правда одна; правде путь один, а ложью как хошь верти». На этих основаниях ложь можно подразделить на различные виды и провести их в бесконечность: некоторые делят её, как магию, на белую и чёрную. Один досужий наблюдатель ухитрился по-

догнать её под ясно определившиеся рубрики. У него представлены: ложь хвалебная, деловая и должностная, или служебная, историческая, эстетическая и литературная (рекламы и прочее), галантерейная, беседная, или светская, и вынужденная. Всё зависит от тех требований, какие предъявляет каждому из нас общество. Вся наша теория вежливости основана на лжи из учтивости, на которой зиждется и вся так называемая светскость. Такого сорта ложь получила даже полные права гражданства. При этом, как же можем научиться говорить правду, если другие не научились её выслушивать? А по пословице: «На всякого вруля по семи ахальщиков».

Лгал постник, с желанием оправдаться, когда пойман был на месте, в Великом посту, с яйцом, которое он пёк на свечке: «Сатана меня соблазнил!» Подслушавший его чёрт не вытерпел и закричал: «И сам-то я впервые вижу такую штуку. Вот смотрю да учусь». Врут охотники (которые полагаются первыми лжецами в мире), врут по привычке, как лыки дерут: у них слово за словом, ложь за ложью, как лыко за лыком тянутся. Один из таких добрался до собаки из породы гончих, которая так долго гонялась за зайцем, что истёрла себе лапы и превратилась в коротконогую таксу: на беду её заяц был с восемью лапами (ещё четыре на спине) — устанет одна пара, он перевернётся, упадёт на свежие — и опять бежит. *Намеренно* лжёт цыган на конной ярмарке, выхваляя небывалые достоинства лошади, и божится, а сам себе не верит, и когда кончил и побожился — люди ему не верят. *По легкомыслию* врут люди, заразившиеся этим пороком по наследственности или избаловавшиеся привычкой ко лжи, которая, как всякая болезнь, заразительна. Этого сорта лгуны примолкают лишь в тех случаях, когда успевают их перервать: матрос в трактире уверял за чаем, что где-то он видел реку, обросшую лимонными рощами так густо, что вода превращается в лимонад-газес; буфетчик поспешил ему сообщить о своём сельском колоколе, в который позвонят о Рождестве, а он гудит до самой Пасхи. Один рассказывал, что он с горя поседел в одну ночь, слушатель перехвастал его тем, что противопоставил своего приятеля, у которого по той же самой причине поседел парик, и тому подобное.

Заразительность лжи всего нагляднее выясняется на нашей прислуге и в особенности на бывших крепостных лакеях. Один

подгулявший помещик обещал наградить того из прислуги, который лучше соврёт. Первый сказал: «Я, барин, никогда не врал». Другой: «Я совсем не умею лгать», а третий: «Мы все трое говорим чистую правду». Обещанная награда, по справедливости, была присуждена последнему. *Наследственность лжи* всего прямее объясняется указаниями наблюдателей и историческими примерами, когда обличаются в этом пороке не только отдельные мелкие племена, но и крупные народы. Например, по нашим летописям, греки *лживы суть даже до сего дня*, и в сей день, по народному присловью: «Если грек на правду пошёл, держи ухо востро; его правда, как цыганская, хуже православной кривды; это Сидорова правда и Шемякин суд».

Греки и в древние лучшие свои времена сами по себе не задумались же рассказать и записать в историю, что, идя в битву на Марафонском поле с десятью тысячами войска против шестисот тысяч персов, они потеряли лишь сто девяносто два человека. Хвастливость греков унаследовали французы — изобретатели военных реляций, которые до Наполеона I были сущими пустяками сравнительно с бюллетенями «Монитёра»: во Франции вошло даже в пословицу говорить о лжеце: «Он врёт, как «Монитёр» с переводом на наши обычаи и язык: «Врёт, как Булгарин», или «Врёт, как «Пчела», «Врёт, как по печатному, как живая газета». Поражения свои в России французы приписывали морозам, в Испании — зною, в Германии — измене союзников и маршалов, и т. п. Хотя упомянутый мной выше (неизвестный) автор и оправдывает военное красноречие, именно гиперболические сравнения, как поднимающее дух войска, но, тем не менее, находит возможность острить. Наполеон говорил: «Я видел у ног моих королей, и если бы я был притязателен, то мог бы приобрести пятьдесят миллионов, но я гражданин и генерал великой нации: меня прельщает лишь уважение избранников, мнение потомства, чистота совести и благоденствие моей родины». Наш автор замечает: «В то же время он составлял уже честолубивые планы, и до пятидесяти миллионов, вероятно, хватало немногого».

В хвастливой нации успели, однако, выделиться гасконцы, как давние и опытные и неисправимые лгуны и хвастуны (оба типа, как известно, — родные братья). Гасконец всё знает и всё видел: он даже присутствовал при сотворении мира, но, не-

смотря на это, он всё-таки симпатичнее парижанина. Он лжёт, сам того не ведая, преувеличивает, вовсе того не замечая; выражаться гиперболически сделалось его потребностью. Матрац гасконца набит волосами из бакенбард убитых им неприятелей, и т. п. О них, как и об испанцах, написаны целые трактаты. Один из них в переводе с немецкого издан был Н. Осиповым (в 1818 году пятым изданием) и напечатан, как сказано в заголовке, *сызнова, с прибавками и в лицах*, под титулом «Не люблю, не слушай, а лгать не мешай». Из этих же рассказов добрая доля заимствована неизвестным автором в русскую книгу под тем же названием в 30-х годах нынешнего столетия, книгу, некогда очень распространённую, но теперь почему-то исчезнувшую на книжных рынках. Во мнении русских людей, по хвастливости выделяются поляки, и в их литературе, вместе с анекдотами о знаменитом Пане Коханку (Радзивилле), имеются книжки, также повествующие о подобных хвастунах и лжецах. Знаменитый владелец города Несвижа (где и лежит под костёлом его крупное богатырское тело) любил весёлую беседу и всегда лгал без совести. Для поддержки его в этой слабости неотлучно находился при нём любимец, шляхтич Боровский. Этот обязан был поддакивать. В одну зиму, когда было мало мёду, Карл Радзивилл наловил до двух тысяч медведей, нагрузил их шкурами барку и поплыл в море продавать товар за границей. Поднялась буря: судно того и гляди разобьётся о камни. Радзивилл соскочил в море, схватил барку обеими руками в обхват, оттолкнул от камней — сам поплыл, поддерживая судно плечом, пока не причалил к пристани. И ещё раз проврался Радзивилл на весёлом пиру в своём увеселительном несвижском дворце таким образом:

«— Бежит дикая коза. Я попал в правое ухо, и пуля вышла в копыто задней ноги.

— Как так? — усомнились слушатели.

— Спросите у Боровского...

— А так было! — поддакнул Боровский: Когда пан стрелял, коза задним копытом чесала себе ухо, оттого пуля и прошла сквозь копыто.

После рассказа Радзивилл отошёл к окну, Боровский последовал за ним и говорит:

— Нех ясновельможный вперёд так не лжёт: я насилу задний копыт притянул к уху, — без меня бы козе не достать...» и т. п.

Подобные анекдоты изданы, между прочим, Боричевским под заглавием: «Народные славянские рассказы».

О домашних чудаках этого сорта в русской литературе существуют художественные рассказы, замечательные по своей реальной правде и написанные Алексеем Феофилактовичем Писемским. Замечательно при этом, что самый внимательный обзор русских присловий, пересмеявших все племенные недостатки не только по городам, но и по деревням и сёлам, приводит к тому заключению, что порок лживости и хвастовства представляется в нашем народе слабым. Из инородцев выделяются лишь одни цыгане.

Люди, обладающие живым и пылким воображением и впечатлительностью (не исключая, конечно, прежде всего и детей), никак не могут ограничиться представлением голого факта, а должны непременно его идеализировать. Часто, рассказывая одно и то же, придуманное ими, то есть, распространяя ложь, они доходят, наконец, до того, что сами убеждаются в правдивости личных фантастических образов. С каждым разом, придавая своей лжи художественную законченность и видя, что их ложь действует сильнее правды, они, наконец, доходят до того, что, по пословице, перед ними *леса нагибаются и сыр-бор преклоняется*. Таков, между прочим, тот путешественник, который, рассказывая о том, что он сам видел, как дикие ели воображаемых детей его, всякий раз заливался горячими слезами. Про таких-то и говорят наши пословицы, что «Кто их переверёт — трёх дней не переживёт» и «Один врал — не доврал, другой врал — переврал, третьему ничего не осталось». Один *сморозит*, а другой *плетёт кошели с лаптями*, либо прямо *несёт колёса на турусах* (или наоборот); один *выворачивает дело наизнанку*, другой *лошадь через шлею валит*; иной *так путает, что и сам дороги домой не найдёт*, — и все они, попросту сказать, врут. От иного *вранья уши вянут*, в *глазах зелени*, *святых выноси* и *сам выходи*. Под другое *враньё иглы не подбить*, через третье — *не перелезть*, четвёртого *вранья за пазуху не уберёшь*.

Если, как сказано и доказано, лжей много, то, во всяком случае, правда одна, и та непременно — голая.

ПРАВДА ГОЛАЯ

Александр Невский сказал: «Не в силе Бог, а в правде», а русский народ говорит: «И Мамай правды не съел». Однако, на всём свете, по всенародному убеждению, правду говорят только дети, дураки да пьяные. В самом деле, многие ли ищут истину и любят правду?

К слову: в последних двух словах, при некотором обусловленном сходстве, есть существенная разница. Истина — *всё что есть*, что справедливо, верно и точно является достоянием человеческого разума или, как говорится, *истина от земли*, в смысле правдивости и правоты, а *правда с небес*, как дар благодости. По объяснению В. И. Даля, истина относится к уму и разуму, а добро, или благо, — к любви, нраву и воле. Благо в образе, как в форме, доступной пониманию, есть истина. Свет плоти — солнце, свет духа — истина. Истина же в образе, на деле, во благе и есть правда, как правосудие и сама справедливость, суд по правде. По псалтирю: «Истина от земли воссия, а правда с небесе притече». Истина присуща только богам (её-то и не знал Пилат и громогласно просил объяснения); стремиться к истине — значит желать быть добродетельным. Вот почему она встречается так редко. Да и правда, будучи нагой, не дерзает являться в свет иначе, как прикрытою ложью, чтобы, по русскому выражению, не колоть глаз, то есть не возбуждать ненависти. Правда не так сладка людям, как плоды заблуждения и обманов, да и притом же её трудно проверить, а потому и народный совет: «С нагольной правдой в люди не кажись». Нагая правда, то есть прямая без обиняков, не на миру стоит, а по миру ходит, то есть не властвует людьми, не начальствует над ними, а, истомившись, сама лжи покорилась. Всякий правду хвалит, ищет, любит, знает, да не всякий её рассказывает в том убеждении, что и *хороша святая правда, но в люди не годится*. Между тем отцы церкви, как Св. Августин, не разрешают лгать даже одного раза, хотя бы этим можно было спасти всё человечество и даже на те случаи, когда ложью мы удерживаем человека от преступления или сами спасаемся от вечной гибели. Греческий философ Платон, ненавидевший ложь, разрешал её только врачам. Пробовала правда спорить с этой кривдой, да свидетелей не стало, а случилось так, что у вся-

кого Павла оказалась своя правда, и всё оттого самого, что она живёт у Бога. Если хороша эта правда-матка, так не перед людьми, а всё же только перед одним Богом. И трава перекаати-поле, подхваченная ветром, унесла на себе кровавые следы, которые обнаружили убийцу, и ракитов куст тем же способом за правду постоял,⁹³ но всё-таки правде в людях нигде нет места, и не по той же, в самом деле, причине, что она ходит нагишом. Её уже с древнейших времён, когда настояла надобность изображать в лицах, попросту изображали голой (отсюда и русское выражение *правдолюб — душа нагишом*). Она слишком бедна, чтобы жить в столицах и больших городах, где и сама жизнь очень дорога, а потому её надо искать скорее в деревнях и всего вернее в глухих простеньких и дешёвеньких. А впрочем, зачем искать её в других, когда в самом себе её нет? Как трудно отличать добродетель от порока, так же нелегко в мире, управляемом общественным мнением, добиться правды тому, кто не угоден перед Тем, Кто есть свет и истина. Стало быть, по-видимому, нечего плакать о том, что правда улетела на небеса, а следует обживаться с кривдой, привыкать к ней: *правда свята, а мы — люди грешные*. Ввиду господствующей лжи, современные любители и искатели правды советуют одно утешение в молчании с убеждением и верой, что правда всё-таки есть на свете: «Всё в нём минется, а правда останется». Под прикрытием лжи можно долго изловчаться, однако, до тех только пор, пока не грянет гроза, очищающая и освежающая воздух, и не разразится буря, ломающая всё гнилое и попорченное. «Правда есть, так правда и будет».

СЧАСТЬЕ ОДНОГЛАЗОЕ

Не в котором царстве, а может, и в самом нашем государстве, жила-была женщина и прижила рождённое детище. Окрестила его, помолилась Богу и крепким запретом зачуралась — довольно-таки с неё одного: вышел паренёк такой гладкий, как наливное яблочко, и такой ласковый, как телёнок, и такой разумный, как самый мудрейший в селе человек. Полюбила его мать пуще себя: и целовала-миловала его день и ночь, жалела его всем сердцем, и не отходила от него на малую пядёночку.

Когда уж подросло это детище, стала она его выпускать в чистом поле порезвиться и в лесу погулять. В ино время то детище домой не вернулось — надо искать: видимое дело — пропало. Не медведь ли изломал?

А та женщина называлась Счастьем, и сотворена была как быть живому человеку: всё на своём месте, и всё по людскому. Только в двух местах была видимая поруха: спина не сгибалась и был у неё один глаз, да и тот сидел на самой макушке головы, на темени: кверху видит, а руками хватает зря, что нащупает и что под самые персты попадетсЯ наудачу. С таковой-то силой-помощью пошло то одноглазое Счастье искать пропавшее детище. Заблудилось ли оно и с голоду померло, или на волков набежало, и те его сожрали, а может, и потонуло, либо иное что с ним прилучилось — не знать того дела Счастью: отгадывать ему Бог разума не дал — ищи само, как ты там себе знаешь. Искать же мудрено и не сподручно: видеть не можно, разве по голосу признавать. Так, опять же, ребячьи голоса все на одно. Однако, идёт себе дальше: и, может, оно прислушивается, может, ищет по запаху (бывает так-то у зверья) — я не знаю. В одной толпе потолкается, другую обойдёт мимо, третью околесит, на четвёртой, глядь-поглядь, остановилось. Да как схватит одного такого-то, не совсем ладного, да, пожалуй, и самого ледящего, прахового, сплошь и рядом обхватит что ни на есть самого глупого, который и денег-то считать не умеет. Значит, нашла мать: оно самое и есть — её любимое и потерянное детище. Схватит Счастье его себе на руки и начнёт вздывать, чтобы посмотреть в лицо: оно ли доподлинно? Вздымет полегонечку, нежненько таково, всё выше да выше, не торопится. Вздымет выше головы, взглянет с темени одним своим глазом да и бросит из рук, не жалеючи, прямо оземь: иной изживает, ин зашибается и помирает. Нет! не оно! И опять идёт искать, и опять хватает зря первого поперечного, какой вздумается, опять вздывает его к небесам и опять бросает оземь. И всё по земле ходит и всё то самое ищет. Детище-то её совсем сгубло с бела света, да материнское сердце не хочет тому делу верить. Да и как смочь ухитриться и наладиться. Вот всё так и ходит и хватает, и вздывает, и бросает, и уж сколько годов оно это самое делает — счёту нет, а поискам и конца краю не видать — знать до самого светопреставления

так-то будет! Правду молвят в народе: «Счастье что трястье — на кого захочет, на того и нападёт.»⁹⁴

Таковую притчу слышал я от старика-раскольника на реке Мезени, но после нигде с ней не встречался и ни в каких изданных сборниках не нашёл.

ГДЕ РУКА, ТАМ И ГОЛОВА

Рука согрешит — голова в ответе.

Пословица

Взятая в буквальном смысле, всем известная и повсюду распространённая пословица может показаться ненужной, лишней пустословкой, вызывая прямой и короткий ответ: конечно так, само собой разумеется. В самом же деле пословица заключает в себе глубокий смысл и есть ни что иное, как юридический термин, от старины до наших дней не утративший своего значения. В старину *пóслухи*, или свидетели, при поголовном безграмотстве, ручаясь в данном показании, подавали полуграмотному дьяку правую руку и тем как бы давали собственноручную или, вернее и по-старинному, *заручную* подпись.

Во многих случаях требовалось даже наложение самой руки или обеих вместе на бумагу свитка поручной записи — приём, объясняемый словом позднейшего сочинения — *рукоприкладства*, или (короче и проще по-русски) подписи, вместо составленного на немецкий лад.⁹⁵ В некоторых случаях она заключалась в том, что *пóслухам*, или видокам, обмазывали правую ладонь чёрной краской и делали оттиск на свитках в столбцах, называемых поставами (гербовую бумагу начали употреблять с 1699 года). Во всяком случае, человек ручался за данное показание на суде, становился порукой за другого человека. Всё равно, ограничивался ли он одним лишь голословным показанием, или целовал евангелие, крест, сырую землю, или скреплял все клятвы подписью на бумажном листе. Отсюда и *держать чью руку* значит: стоять за того, быть на его стороне при выборах и клятвенных ручательствах, и *играть в одну руку* — действовать во всём заодно. В старину *порукой* назывался и тот чело-

век, который брал подсудимого себе на руки, ручался ответом за него. Порукой считалась и целая семья купцов, остававшаяся как бы в закладе дома на родине, когда (по Котошихину) торговые люди ездили в чужие земли, чтобы *им в иных государствах не остаться*. Со времён той же старины *поручным* называется всякий задаток, особенно деньги, взятые или данные при битье по голым рукам или по рукавице, при условиях всякого рода: наймах, продажах, куплях, обменах. Точно так же до сих пор отцы жениха и невесты покрывают полами кафтанов руки и ударяют ими в знак окончательного согласия на брак, то есть одновременно этим способом подписывают брачный контракт и свидетельствуют его у нотариуса. То же самое делают барышники при продаже лошадей, хлопая в иных случаях неуладицы по несколько раз до последнего, когда бьют по рукавицам, прихватив на этот раз руками повод продажного коня, и т. д. До сих пор на общинных сходах, при составлении мирских приговоров верители подают грамотеям руки, что и зовут *отбирать руки* и проч. Так велико значение этой верхней конечности человеческого тела в жизни и обычаях русских людей. В то же время столь разнообразны в живой речи применения в иносказательном смысле этого существительного имени женского рода!

Ленивый человек, привыкший ничего не делать и сидеть праздну, *поджал руки*; у таковых, конечно, по этой причине и всякое дело *валится из рук*. Иной городской извозчик или почтовый ящик сумеет запрячь лошадь *под руку*, то есть на пристяжку, да в езде часто не знает *своей руки*», то есть не знает правила держаться *парадной*, то есть узаконенной у нас в России правой стороны при направлении в езде (в Англии и в Японии *парадная* сторона — левая). Иные бестолковые или тупые люди *руки не знают*, то есть не разбирают права или лева, как прежние рекруты, приведённые из глухих мест и требовавшие на ученьях привязки к одной ноге сена, к другой соломы, чтобы уметь разбирать очередь той или другой ноги при маршировке. Человек, от постоянно преследующих его неудач пришедший в отчаяние, растерявшийся до того, что не знает, как поступать дальше, и что ему делать, *опустил руки*. Драчливый и вздорливый человек, посягая на смирного, *поднимает руку*; нападая на податливого, *прибирает его к рукам*, и на худший конец на-

лагает руку, то есть поработает и притесняет. Воры, у которых руки с ящичком, действуя с товарищами, играют с ними в одну руку, и если поживились случайно или нажились окончательно — они нагрели руки. Бывают руки тяжёлые, лёгкие, длинные, как бывают толстые шеи и медные лбы, и т. п. Вообще применений всякого рода так много, что их можно назвать почти бесконечными.

ПРИТЯНУТЬ К ИСУСУ

В 1732 году тайная розыскных дел канцелярия из Москвы переведена была в Петербург, и хотя Пётр Третий уничтожил её, но Екатерина поспешила восстановить. При Екатерине разыскивание правды, как известно, поручено было знаменитому Степану Ивановичу Шешковскому, тайному советнику, получившему особую известность в 80-х годах прошлого столетия, когда он сделался главным распорядителем в делах тайной экспедиции. По сыскной части он был виртуоз ещё в молодых летах и на первых шагах в служебной карьере, но когда стал заведывать политическими розысками, пользуясь полной доверенностью императрицы, он сделался грозой всех по причине грубого и неумолимого личного характера. Шешковский навёл ужас одним своим именем: Радищев, написавший известное сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву», упал в обморок, когда услышал, что дело его поручено Шешковскому. При встречах с последним Потёмкин приветствовал его всегда одним и тем же вопросом:

— Каково кнутобойничаешь, Степан Иванович?

— Помаленьку, ваша светлость, потихоньку! — обычно, потирая руки, отвечал он, и подобострастно кланялась при этом его небольшая мозглявая фигурка, одетая в серый сюртучок, скромно застёгнутый на все пуговицы.

Принимая, по свидетельству поэта Г. Р. Державина, важный, грозный и таинственный тон, с заложенными в карманы руками, он не чинился ни с кем, кто попал в его лапы, не различая знатных дам и ростовского архиерея Арсения Мациевича от Емельяна Пугачёва и от всех прочих, обвиняемых во *враках*, как

привычно выражались в то время. Шешковский пускал в ход и розги, и кнут, и свою толстую палку. Смотрел он спокойно и бесстрастно, считая удары и наслаждаясь, когда работали его палачи, но иногда увлекался до того, что вскакивал с места, выхватывал кнут и бил им сам. Допрос с вынуждением признания он начинал не иначе, как внезапно ударяя своей толстой камышевкой под самый подбородок заподозренных лиц с такой силой, что трещали и выскакивали зубы. Затем следовали всевозможные истязания, включительно до того стула, на который сажал свою жертву самородный отечественный инквизитор и патентованный палач. Стул этот особым механизмом опускался под пол, где скрыты были готовые секуторы, с орудиями пыток. Допросчик был холоден и неумолим — по характеру, звероподобен — по воспитанию; но при этом старался казаться богобоязненным человеком: усердно посещал церкви и каждую обедню вынимал три задравные просфоры. По преданию, та комната тайной экспедиции, где он снимал *пристрастные* допросы с истязаниями, вся изувешена была иконами. Вопросы, обращаемые к жертве, Шешковский уснащал текстами священного писания. Когда раздавались стоны, вопли и мольбы о пощаде, ханжа-пустовер начинал кошунствовать, впадая в гораздо худшую крайность: он начинал читать на то время акафист Божией Матери или «Иисусу Сладчайшему, души утешению, Иисусу многомилостивому...» По догадке господина А. Н. Корсакова («Исторический Вестник», декабрь 1885), в этих оригинальных приёмах Шешковского, *верного пса* (как он сам расписался под своим портретом), следует, по всему вероятно, искать основания этому очень распространённому выражению, поставленному в нашем заголовке. Иначе и объяснить его трудно, ввиду странного состава самой фразы с таким неожиданным сопоставлением в речах глубоко и искренно верующих русских людей.⁹⁶

ПОСЛОВ НЕ РУБЯТ

В давнюю старину подкупленный убийца прокрался тёмной ночью к богатому вельможе, но чем ближе подходил к спальне, тем сильнее одолевал его страх. Когда же увидел он воочию

перед собой намеченную жертву, погружённую в глубокий безмятежный сон, разбойник вдруг почувствовал, что та рука его, которая держала отточенный нож, стала мертвець и отыматься. Приняв это явление за Божье наказание, испуганный злодей начал сам будить обречённого на смерть. С трудом собравши силы и справившись с языком, нанятый разбойник объяснил своей жертве, что злые враги хотят его извести, но Бог выбрал его в посланцы, чтобы сообщить о злодейском умысле и велеть остерегаться.

— Я бросаю нож, но ты вели казнить меня: весь я теперь в твоей воле!

— Послов не секут, не рубят, — ответил князь: — а домой отпускают. Ступай и ты туда, откуда послан, благо темно здесь. Ступай скорей, чтобы я тебя и в лицо не видал. Повинную голову и меч не сечёт!⁹⁷

НЕ В КОЛЬЦО, А В СВАЙКУ

Самым малым деревенским ребятам известно, что без кольца играть в свайку нельзя: нет никакой забавы и невозможно показать ловкости в руках и зоркого прицела глазом. Умеет сковать свайку всякий деревенский кузнец: выберет троетёсный гвоздь, обколотит углы, обровняет их так, чтобы казалось толстым шилом и наварит на толстый конец из обрезков железа (которые, по вековому праву, всегда остаются у кузнеца на клещях, как у портных сукно на ножницах) — толстую и тяжёлую голову (чем она тяжелее, тем лучше). Свайка готова: и на потеху малых ребят, и на похвальбу верных глазом взрослых. Надо попадать в кольцо так, чтобы не только угодить в срединную точку, но чтобы кольцо прискочило и завизжало, и с быстротой вонзилось тотчас же в землю, а того лучше в гнилые брёвна подызбицы. В подобном случае попробуй вытащить эту *редьку* тот, кто проиграл, то есть не попадал в кольцо, а бил его по внешнему краю и вышибал свайкой из намеченного кона, навывлет, или просто забивал кольцо глубоко в землю, ударяя в него головой свайки. За такие неловкие удары приходится долго служить, вытаскивая свайку и часто наклоняться, чтобы передать её счастливо-

му игроку. Этот берёт тонкий конец гвоздя или хвост свайки в кулак и всей пятернёй броском вонзает в землю, причём сама свайка успевает раз перевернуться в воздухе. При верно наменном ударе она обязательно падает на свой хвост, который и вязнет в земле. Наловчившиеся пробуют бросать свайку, придерживаясь за хвост двумя пальцами правой руки поочерёдно. Самый ловкий становится к кольцу спиной в таком расстоянии, что, приложивши острое ко лбу и наклонившись вперёд, бросает через голову свайку так удачно, что она не только попадает в своё место, но и самое кольцо снова бешено взмётывается с земли и снова задорно визжит у самой головки.

Теперь от уличной забавы (как это ни покажется странным) для нас необходим переход к такому важному народному бытовому вопросу, как обычное народное право в применении его к наследованию имуществ. По этим народным законам, издревле установленным и нигде не напечатанным, но, тем не менее, общим и однообразным для всей России, в применении их к женщине, между прочим, заповедано *бабьему добру от бабы не отходить*. Жена — хозяйка своего добра: всё, что принесено ею в мужнин дом, принадлежит ей одной, будет ли то кладка (деньги от жениха в виде платы за невесту), или сундук (то есть приданое в смысле даров от родителей носильным платьем, бельём и нарядами) и так далее. По смерти мужа, если она останется бездетной вдовой, всё это уносит с собой. Вдовой при детях, в значении хозяйки, она остается лишь до совершенных лет ребят, иначе пользуется только какой-нибудь частью имущества (чаще половиной). Во всяком случае, *мать при сыне — не наследница*, точно так же, как *сын наследует отцу, но отец не наследует сыну*. Мать хотя и великий человек (в мучениях родит, грудью кормит), но отец стоит выше матери: он родит, дети — его кровь, он властитель и хозяин, как Бог над всем светом. На этом основании женщина и в семейном быту, и в юридических правах весьма ограничена, сильно обездолена и всегда обижена, особенно при имущественных разделах. Немудрено, но очень долго приводить все многочисленные доказательства тому, что *женский быт — всегда он бит или бей шубу — теплее, бей жену — милее* и т. п. При свекрови сноха — подчинённая безответная работница, с распределением очереди (обычно по неде-

лям) для отправления обязанностей стряпухи. Младшей снохе труднее всех, потому что она всех ниже значением, а старшая сноха, будь она даже вдовой, сохраняет своё почётное положение и её больше слушают. Только в том случае младшая поднимается на одну ступень выше, когда вернётся в семью родная дочь, выданная на сторону замуж и успевшая овдоветь. При деде, по смерти родителей, сёстры при братьях должны довольствоваться тем, что захотят им выделить на справу к свадьбе, если мать при жизни своей не успела исполнить свою главную и священную обязанность — выдать дочь замуж (хлопоты о женитьбе сыновей лежат на отцах). Только в том случае делится имущество на равные части, когда наследницами являются дочери. Во всяком случае, до сих пор нерушим вековечный закон, выраженный пословичной формулой: «Сестра при брате — не вотчинница». Отсюда же становится понятным иносказательное выражение, наше крылатое слово — *не в кольцо, а в свайку* идёт имение, то есть поступает в собственность сына, а не дочери. Это значит, что заготовленное и сбережённое родителями имущество всего чаще не приращается, но проматывается по закону: «Отцы наживают, детки проживают», и по пословице: «Наживной рубль — дорог, даровой рубль — дешёв».⁹⁸

ПО ЗЕМЛЕ И ВОДА

Как живое и живучее слово перестанет считаться непонятным или дешёвого смысла, если взглянуть на него, как на древний юридический термин! Поиски за последними должны составить самостоятельный труд, не входящий в задачу настоящего исследования по многочисленности таких выражений и по трудности собрания воедино всех без исключения. Ясно, что в спорах о владении землёй установилось естественным образом право владеть и водами, протекающими в границах земельного участка. По земле присуждалась и вода. Вся трудность, вызывавшая путаницу отношений и споров, заключалась в точном определении межей, когда живые урочища не помогали резкими особенностями и яркими очертаниями и приметами. В таких спорах обыкновенно являлись решителями дела указания

стариков. Чтобы память старожилы была решающим мнением, малых ребят привычно водили на эти межи и там секли розгами, чтобы *зарубить на память*. На старости им приводилось свидетельствовать о том с соблюдением некоторых таинственных обрядов. В Каргополе сохранился самый старинный: доказывающий своё или чужое право кладёт на голову кусок дёрна, то есть *мать сыру землю*, и с ним обходит по граням. В других местах дёрн успели заменить честной иконой. В древней ростовской земле епископ посылал священника с крестом Св. Леонтия. Крест ставился на спорную землю и свидетели должны были, удостоверясь крестом ростовского первомученика, определять: которой из двух тяжущихся сторон должна принадлежать земля. Таким образом, и в Ростовском княжестве *развод земли* производился также по совести, «а не как в других местах (говорит описатель чуда Св. Леонтия), где обыкновенно суды и тяжбы производились и лилась кровь».⁹⁹ Само же право владения определялось выражением *куда топор и соха ходили* — по ту грань в лесу и на полях надо считать землю собственностью лица, поселившегося и приложившего труд на таких новях.

ПОКАМЕСТ

Здесь, между прочим, следует искать происхождение слова *покамест*, как старинного, оставшегося кое-где в ненарушенной форме; «Ждали по *ка́*, подождём и по *та́*» (то есть, подольше) слышится зачастую. «По *ка* (по какое место) укажут, по *та* и отрубишь» — обычно говорят плотники северных лесных губерний. «*Покамест* живётся, *потамест* и жить стану», а инде уже подсменённое общеупотребительным наречием *пока*, *покудова*; на северо-востоке России *дока*, *докуда*, *поколь*, *поколе*; на юго-западе — *покель*, *поколева*, *покелича*, *покедь*, *поколя*; на юге — *покаме*, *покамест*, *покилича*, а у белорусов и малороссов *по́ки* и *допо́ки*. *По ка место*, как сложное существительное, издревле склоняется в любимой и более употребительной форме множественного числа, например, как в старых актах: «По *кѣхъ мѣсть тѣ* судныя деньги (то есть взятые займы) за ними исполщиками (половинщиками в работах) побудуть (вперёд за

условленную работу), а где ее запись выйдет, тут по ней судь», и проч.

Или так, как поступал Пётр Великий.

Он что-либо прикажет исполнить, да непременно тотчас же и пристращает: «Если в срок не исполните, то велю сковать за ноги и на шею положить цепь и держать в приказе покаместо» — пока выписанное исполнится. Такой, между прочим, указ послал он за своей подписью архангельскому вице-губернатору ближнему стольнику Ладыженскому.

На реке Урале у тамошних казаков и по сей час сохранился таковой старинный яицкий обычай при косьбе лугов. В силу законов общинного владения (особенно бережно и упрямо соблюдаемых этими казаками), все казаки, имеющие право на сенокосение, по тому же правилу, как и при рыбных ловлях, в назначенный день общего покоса — на ногах. Ждут сигнала. Когда же он подан, все бросаются на луг и на те места, кто где захочет. Всякий спешит взапуски обойти косой, захватить желаемое место вокруг — *обкосить* до заката солнца. Обкошенное пространство на этот удалой и удачливый раз считается собственностью казака, и он может с семьёй своей косить тут траву и при этом ни за что не посмеет закашиться в чужой обкос. Паёв здесь не развёрстывают, а предоставляют всё дело силе и расторопности, как и на багрённом, и на плавённом рыболовствах.¹⁰⁰ Сенокосные отводы делаются только тем казакам, которые не могут отлучаться по службе, но в самом ограниченном размере (не более стога на каждую служилую лошадь). С 10 мая начинается ковыльное, которое продолжается на общественных землях *обволечным*¹⁰¹ и кончается третьим сенокосением общим — *валовым*.

ГРЕХ ПОПОЛАМ

С грехом пополам бывает такое дело или даже сама жизнь, что можно выразить также словами *кое-как, так сяк*: с примесью добра и худы, горя и радости, довольным быть нечем, а впрочем, ничего — не жалуемся, а терпеливо сносим: *от греха не уйдёшь*. *Грех пополам* — это уже совершенно другое. Пополам с

водой и молоко рыночное продаётся, пополам делят, по обычаю, и общую находку, а озорники всё рвут пополам да нáдвое. Несогласные семейные наследство делили: пополам перину рубили, не смотрели на то, что давно уже сложилась насмешка на таких людей: «Кувшин пополам — ни людям, ни нам». Пополам также люди торгуют, то есть работают на складочный капитал соединёнными силами находчивого ума и налаженной опытом привычки, да, впрочем, с такими приёмами и воры мошенничают и крадут. В лавке торговец за свой товар запрашивает, покупатель даёт свою цену, конечно, меньшую. Между посулом этим и запросом образуется, таким образом, разность. Она уменьшается по мере того, как соперники борются, слаживаясь каждый на своих резонах. Выходит так, однако, что разность всё ещё такова, что им её не осилить: тому и другому тяжело и невыгодно, а желательна сделка ради знакомства и других добрых чувств. Вот тогда-то эта разность оказывается *грехом*, в смысле помехи, которую и решаются, с обоюдного согласия и по взаимному уговору, рубить на две равные половины, как бы бревно или полено, попавшие под ноги и мешающие ходу.

Таково самое простое, всем известное толкование этого выражения. Нередко каждому из нас доводилось даже применять толкование его на деле, но у нас имеется про запас другой повод, чтобы указать иные применения *греха пополам*. В народной русской жизни здесь важно то, что этот обычай перешёл в судебные разбирательства при исках и тяжбах: суды решают платить ответчику только половину той суммы, которая с него ищется. Так на Дону у казаков и таких же сибирских казаков (яхтышских). Во-вторых, этот обычай упоминается ещё в эпических песнях. Так, например, Илья Муромец говорит своему крёстному отцу:

Батюшка крёстный Самсон Самойлович,
Положи ты половину греха на меня.

У донских казаков в случае гибели скота во время езды, пастьбы или в случае недостатка доказательств для решения спора, станичный суд определяет платить ответчику только половину той суммы, которая с него ищется.

ОСОБ-СТАТЬЯ

Слово вовсе не позднейшего происхождения, как сочинение приказных, шутливо пускаемое в оборот в нынешние времена, а очень старинное и при этом важного юридического смысла. В значении всего опричного и неместного, и как исключительная особенность, оно применялось, например, к земельной собственности. Это было в те далёкие времена, когда все населённые местности вроде деревень тянули к своей волости, и когда сами церкви с их имуществом находились в полном распоряжении мира, избиравшего для заведования церковным имуществом особого приказчика. Таким землям нелегко было выделиться от мира, а надо было во всю силу тянуть заодно с чёрными волостными людьми. Бывали исключения. Старые и богатые церкви и монастыри взятками, подкупами, лестью и разными способами иногда добивались того, что писцы писали все их деревни *особ-статьёй*, то есть отдельно от волости. Тогда они имели уже и свои подушные книги и своих приказчиков. Эти обители и приходы уже *опричь чёрных людей* сами назначали подати земские и государственные, и служили службы. В таких редких и исключительных случаях и монастыри и церкви получали название *особных* (неправильно объяснённое в «Толковом словаре» Даля тем, что *в таких обителях каждый из братий жил на своём издвигении*). Позднейшие подьячие давали совсем другое толкование. Один квартальный не так давно отвечал: «Я не человек, а лицо, а губернатор — особа».¹⁰²

У НАС НЕ В ПОЛЬШЕ

Заданное к объяснению и подслушанное в Великороссии выражение это, кажущееся неясным и в виде загадки, станет понятным с забытым или просто недосказанным придатком. Оно объясняет взаимное отношение супругов — говорят всегда таким образом: «У нас не в Польше, муж жены больше». Говорит это забаловавшийся, увлечённый своим мужниным правом, как бык рогатый, задуривший мужик жене, когда видит, что последняя старается забрать в свои руки значение и власть в семье. «Не в

Польше жена — не больше меня!» — толкуют иные по-другому. В самом же деле говорится это без надлежащих справок, а с ветру, с чужого (солдатского) голоса. Известно, например, что в Подляхиях муж с женой обращается так же деспотически и грубо, как и в наших местах. Он так же готов бить жену за всякие пустяки, а безропотное терпение польской крестьянки выражается и в народных песнях, где жена называет мужа своего *паном*. Польская замужняя женщина, как великорусская (по песням же) *вековечная слуга*, оправдывает мужнину тяжёлую руку тем, что побои его свидетельствуют о силе мужчины и его достоинстве. Если казнит, то, стало быть, может и миловать. Он может всегда защищать жену от посторонних обид. Физическая слабость женщины вызвала потребность в защите со стороны сильного. И этот принцип сохраняется у всех западных славян до черногорцев включительно, как вообще у сербов. Там славянская женщина не протестует против семейного ига даже пороком и преступлением, но в великорусской семье подобное явление представляется уже довольно ясным. У нас имеется на этот случай и объяснительное выражение, и крылатое слово *срывать сердце*, одинаково относящееся к тому и другому лицу, составляющему крестьянскую семью. При этом неизменна и древняя поговорка про жён: «День ворчит, ночь верещит, плюнь да сделай». Только, может быть, в высших сословиях Польши можно найти признаки женского преобладания в семье и несомненное участие в общественных делах и политических убеждениях, породившее начало поговорки, которая потребовала в ответ предлагаемую заметку. Существует в живой речи ещё и такое выражение, обращаемое, как окрик или упрёк, озорнику и своевольнику, призывшему к самоуправству: «У нас не Польша, есть и больше».

КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ

Остался в обращении с тех пор, как, во время пребывания поляков в Москве, в 1610 году, последние хотя и пировали с москвичами, но, соблюдая опасливость и скрывая вражду, буквально держали за пазухой кунтушей про всякий случай булыжные камни. Об этом свидетельствует очевидец, польский лето-

писец Мацевич.¹⁰³ «С москалём дружи, а камень за пазухой держи» — с примера поляков стали поговаривать и малороссы одним из своих присловий в практическое житейское своё руководство и в оценку великороссов.

ВДОВА — МИРСКОЙ ЧЕЛОВЕК

Писатели подслушали верно, но неточно поняли эту юридическую, а не бытовую пословицу, выражающую почёт и уважение вдовам, а вовсе не упрёк или осуждение за подозрительное житьё и недобрые деяния.¹⁰⁴ На мирских сходах теперь, как и древле, женщина не являлась, так как не имела права голоса, пока оставалась в девицах или пока находилась замужем, то есть жила за мужем, за его спиной и под его охраной. Когда же она теряла мужа, то уже не возвращалась в отцовскую семью, а становилась сама себе госпожой и в доме хозяйкой. На самостоятельность указывают: и первая русская княгиня Ольга своим примером, и первый свод законов «Русская Правда», трактующая о вдовематери, «яже сидѣть начнетъ съ дѣтьми». Припомним Марфу Посадницу на Новгородском вече в особенности, и тогда поймём легко и свободно, что вдова должна быть мирским человеком, то есть полноправным и самостоятельным членом разумно организованного общества. Если оно, как в старину, не обязана являться на сходы, так и теперь она имеет право послать туда своего уполномоченного. В старину даже иногда и судебные акты совершались на дому тех женщин, которые не желали являться на сход. Теперь, в иных случаях вдовы приводят на сход своих старших сыновей; в других случаях являются сами не иначе, как надевши на голову мужскую шапку покойного мужа, и т. п.

Точно так же неверно толкуют пословицу *на вдовый двор хоть щепку брось* — не клевету, брань или недоброе слово, а добрую помощь, хотя бы растопками в печь. Вдове при детях предоставляется право полновластной хозяйки: она остаётся на месте, то есть в избе покойного мужа, пока не вышла снова замуж. Вдова старшего брата сохраняет в больших семьях своё почётное положение и её, как старшую сноху, всех больше слушают: большая сноха распоряжается домашними работами.

Говорят: «Овдовеет — поумнеет», то есть более молчаливая, владеющая при муже ограниченными правами, которые расширяются с его смертью, получает возможность предъявить во всю силу весь запас знаний, приобретённых опытом, прежней жизнью, и усилить проявление их на независимом просторе при самостоятельном и ответственном образе действий и т. д. По пословице прямого смысла: «У вдовы обычай не девичий».

О вдовьих правах я имел случай подробно говорить в журнале «Новь», в статье «Честна вдова».

БИТЬ ЧЕЛОМ И БЫТЬ В ОТВЕТЕ

Оба выражения коренные русские — и первое из них с несомненным византийским пошибом — ведут свой род из Москвы и сохранились в языке как остатки московских дворцовых обычаев. Соберутся, бывало, бояре в *передней* Кремлёвского дворца рано утром и после обеда в вечерню — и только одни самые ближние бояре, имевшие право входить в *комнату*, или собственно в кабинет государя. По словам Котошихина, *уждав время*, бояре или входили туда, или на старом месте ждали выхода. Завидев царя, бояре и прочие чины кланялись государю большим обычаем, то есть в землю, прикасаясь лбом полу, а иные и постукивали им так, чтобы было слышно, и ведал бы въяве государь про их любовь и усердие. От таких-то свычаев и обычаев пошло в оборот и до наших дней уцелело выражение *бить челом* в основном смысле *кланяться* и со всеми его разнообразными применениями: на кого — значит жаловаться, в чём — извиняться, на чём — благодарить, чем — подносить подарки, о чём — просить. С просьбами и на честной поклон перед царскими очами большей частью и ходили ежедневно бояре в царские хоромы. Государь выходил к ним, по обыкновению, в тафье (шапочке вроде скуфьи или татарской тюбетейки), иногда в шапке. Ни ту, ни другую он никогда с головы не снимал *против их боярского поклонения*. После приёма царь шёл в церковь, а по выходе от обедни начинал в передней, а иногда в самой комнате *сиденье с бояры*. Это и называлось царской палатой, или думой. При этих думных людях всегда лично при-

существовавший царь слушал судные дела и челобитные. Здесь же он назначал боярам должности и, между прочим, ту ответственную и важную, которая прямо обязывала государственных чинов *быть в ответе*. Это значило вести переговоры с иностранными послами (*переговоры* и *ответ* одно и то же), давать царские ответы или решения посольских дел. Происходили они всегда в особой палате, называвшейся и *ответной*, и *посольской*. «В ней, — по свидетельству И. Е. Забелина, — подобно как и в Грановитой палате, устроен был тайник, тайное окошко, из которого государь слушал иногда посольские совещания». А по Котошихину: «А как им, послам, велят быти у думных людей в ответе и им потомуж велено ездить в ответ учтиво». Затем, по общему закону, *кто первый в совете, тот первый и в ответе*, а по истории и её свидетельству: «Были, были, и бояре волком были», при Грозном — от опричнины и во все другие времена — от стрельцов-молодцов. По старинной поговорке: «Они стреляли, да и мошну не забывали» (то есть обижали и грабили). Вероятно, с тех же пор и приметы: *лоб свербит* (или чешется) — то либо кланяться спесивому, либо челом бить: с правой стороны — мужчине, с левой — женщине; и поговорки: «Богатый-то с рублём, а бедный-то с челом»; «Бей челом на Туле, а ищи на Москве» (намёк на времена самозванщины); «Я тебе челом, а ты уж узнаешь о чём», и т. п.

ЧИН ЧИНОМ

В этом ходячем выражении разговор идёт, конечно, не о том чине, который велят почитать, и о чём ходил по Москве анекдот, относившийся к Н. В. Гоголю. По возвращении его в Россию, после долгого пребывания за границей, один знакомый поинтересовался спросить: что его, свежего человека, отвыкшего от русских обычаев и порядков во время долгого пребывания в Западной Европе, прежде всего поразило в отечестве. Николай Васильевич будто бы отвечал, что на первых же шагах в таможенной самую первую фразу он услышал на китайском языке: «Чин чина почитай». Отвечал он так, сильно ударяя на звук ч.¹⁰⁵ В нашем выражении заключается толкование другого рода, прямо

применительное к тем случаям, когда нужно бывает поступать неторопливо, а исполнять всё по порядку, степенно, как установлено приличием и обычаями — так сказать, по церемониалу. Выражение *чин чином* или *чин по чину* прямо народилось в тех народных приёмах, какими обставлялось самое чинное (в смысле степенного, чопорного, ломливого, требующего изысканной обрядовой вежливости) сватёбное торжество с последующим пиршеством. Самые сватёбные дары и даже сласти носят название *чинов*. За сговором следует веками установленный церемониал. Вот, например, *чин поезда жениха* в дом невесты: 1) дружка или старший боярин с чинами: обувью, притираниями и другими подарками, с пряниками и орехами невестиным подругам; 2) большие бояре или прочие дружки с благословенным образом жениха; 3) сам жених со своим тысяцким, то есть посажёным отцом, каковым бывает обыкновенно крёстный отец; 4) свахи, и 5) лагунные бояре, обыкновенно двое, едущие в конце поезда с лагуном пива или ведром водки, чем и угощают встречных, чтобы не взглянули недобрым глазом или не вынули из-под поезда следов на несчастье новобрачных.¹⁰⁶ А вот и *чин невесты* при выходе из дома в церковь под венец: 1) дружки; 2) бояре с благословенными иконами; 3) жених с тысяцким; 4) особо сваха жениха; 5) невеста со своими свахами (тётками и другими родными); 6) постельные бояре с приданым невесты, и 7) лагунные бояре. После венца из церкви жених садится в сани или телегу рядом с невестой. Тот же порядок соблюдался и на сватёбах московских царей, лишь с бóльшим количеством сватёбных чинов, с бóльшей пышностью и торжественностью, но с соблюдением основного народного чиновного устава. Стало быть, *чин* — не только самый порядок, установленный для определённого торжества, но и лицо, им заведующее и за него ответственное: «Чин (ведётся и устанавливается) чином».

ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ?

По народным приметам, этой завидной способностью знания владеют *хитрые люди*, умеющие отыскивать своё благополучие и устраивать благосостояние такими способами и при

таких условиях, которые заурядным людям вовсе неизвестны. Хотя знатоки этого сорта не пользуются сочувствием прочих и об них отзываются с презрительной досадой, но уму их отдают преимущество, предполагая, что они владеют исключительным знанием и выдающимися способностями. Сведения о местах нахождения рачьих зимовок, по суеверным понятиям, очевидно, предполагаются исключительными, не каждому доступными, а лишь избранныкам. От последних требуется если не полное изучение таинственных сил природы, то, во всяком случае, обладание одним из величайших её секретов. Даже самый вопрос, обращённый в такой форме, в какой стоит он в нашем заголовке, способен поставить *в тупик, что некуда ступить*.

Тупиками, как хорошо знают все городские жители, называются такие улицы, которые, как совершенный мешок, имея вход, не дают сквозного прохода. Эти непроходные улицы теперь называются *глухими переулками*. Наши города, расположившиеся у подножия гор и в распределении жилищ очутившиеся в зависимости от направления косогоров и оврагов, в особенности изобилуют этого сорта улицами. В старинных городах, когда, вопреки нынешним узаконениям, ставили даже в порядок, как вздумалось и как пришлось, вкривь и накось — к тупикам этим оказывается даже как бы намеренная и сосредоточенная страсть. Много возни и хлопот они причинили тем, кто пускался переделывать и перестраивать этот самый *шиворот навыворот*. Не избегнул тупиков и такой вытянутый в струну, аккуратный немец, как регулированный три раза Петербург в своих глухих переулках.

Над дешёвым ответом всякий поспешит как будто задумать-ся даже по той простой причине, что не было случая об этом подумать прежде. Да и стоит ли самый вопрос внимания? И само-то водяное животное, принадлежащее к роду скорлупчатых насекомых (crustacea) и представляющее вид речных раков (astacus fluviatilis), по русскому выражению — *ни рыба, ни мясо*, именно то дрянное среднее, что возбуждает отвращение и брезгливость. В северной лесной России этого *зверя*, который *по ножницам — портной, а по щетине — чеботарь*, в самом деле употребляют в пищу с большим разбором и под сомнением. Потребляет их далеко не вся православная Русь. Раков, как

и зайцев, не едят староверы, бережно уберегающие древние народные обычаи и суеверия и сохраняющие их с особенной любовью и ревностью. Не могут лакомиться раками очень многие из таких людей, у которых этого рода съедомое вызывает болезненные припадки (в виде накожной сыпи или красноты), называемые в медицине диким неудобьсказуемым словом *идиосинкразия*. Мало употребляет их в пищу и Сибирь, в каком бы виде ни подавали и каким бы соусом ни замаскировывали этих животных, которые, по народной загадке, в баню входят чёрными, а выходят из неё красными и которые, в отличие от прочих, только одни в целом свете краснеют от горя. Однако, в то же время московские трактиры прославились раковым супом на целую Россию, а в последние времена и на всю Европу, благодаря частым наездам иноземных гостей на выставки. Не без причины же взяты в пример эти скорлупчатые съедобные насекомые и не без основания около этого класса животных отыскал народный язык довольно-таки всяких иносказательных выражений. Отправляются *ловить раков* утопленники; *краснеют, как рак*, со стыда, уличённые и пойманные в дурных мыслях на слове и в худых делах с поличным на месте. *Пятятся раком* оступелые в предрассудках и изжившиеся на устарелых и вымирающих верованиях и убеждениях ввиду грядущего нового, не стерпя его света и убоясь его силы. Чрезвычайно забавны наши раки именно этой исключительной способностью — ходить не так, как все животные даже одной с ними породы. Иные ходят твёрдым размеренным шагом; омар с быстротой стрелы движется по каменистым рифам и песчаным мелям, и, как хорошо направленная пуля, сильным прыжком бросается на добычу. Наш рак — наоборот: ползает, пятясь назад даже с некоторой виртуозностью. Как тени, бродят раки около углов скал: глаза упорно направлены вперёд, но крючковатые ноги изгибаются в сторону. Эти роющие многочисленные ноги с ножницами и щиплющими клешнями, с недоверчивыми сяжками и щетинами, которые всё чего-то ищут и вздрагивают, силятся сказать что-то таинственное, таращатся, грозно пошевеливая усами, но на самом деле эти движения скорее противны, а рак кажется смешным и комическим до пародии. Немецкие зоологи так обрисовывают их характер и нравы: «Об умственной их жизни

едва ли можно сказать хоть что-нибудь. Эти обитатели тьмы и глубины представляются как бы подвижными образами, живыми представителями и олицетворением сна, но в них нередко проявляется черта хитрости или страсти. Искусством не отличается ни одна порода раков (то есть ни речные, ни крабы, ни шримсы, ни ктырь и гарнат, ни омары); зато они все известны силой своего оружия. При нападении видна ярость в их глазах. Если двое из них встретятся, то бросаются один на другого, щиплют и дёргают. Во всяком их движении видны холодные, впрочем, предусмотрительные флегматики. Скудное развитие чувств указывает на низкую ступень, которую раки занимают в животном царстве. Слух, однако, по-видимому, обладает большой тонкостью; обоняние тоже замечательно развито; даже ощущения вкуса лишены, кажется, не все раки, хотя орган вкуса у них до сих пор верно не установлен. Все эти челюсти и ногочелюсти, усаженные щетинками и щётками, обращённые в пилы, когти, ножи — все они представляют у речного рака искусное вооружение и ненасытную работу этих органов».

Понятно, с какой лёгкостью и искусством и, в то же время, очень глубоко, при таких орудиях, вырывают себе норы наши речные раки, когда внезапные холода с крутым морозцем разом превращают всюду в мелких реках воду в стекло вплоть до самого дна. Немудрено раку войти в первое удобное место под камнем и ещё легче просверлить нору, разрывая ногами целые горсти песка и с помощью других ног откидывая их далеко от норы. Здесь он впадает в оцепенение и оставляет его тотчас, как только животворная теплота восстановит отправления тела. В норах раки и дожидаются весны, но видали их и между полярными глетчерами. Хотя и дознано, что несколько поколений могут размножаться без оплодотворения, и раки отличаются плодородием (у самки омаров насчитали до двенадцати тысяч яиц), но и старые умеют зимовать. Неспуста слово молвилось и потому ещё, что рак растёт во всю жизнь, которая продолжается до двадцати лет. В глубине норы скрывается самка, самец насто-роже у входа держит свою боевую клешню поперёк отверстия. В конце весны они только перелиняют, то есть сбросят кожу, которая лопается подобно коре на дереве. В безопасном убежище они выждут отвердения новой кожи и опять живут, когда так

называемые *жерновки*, или *камни*, или *глаза* раchy — два угловатые каменистые сростка, содержащие углекислую известь и животную студень, — растворятся в желудочном соке. В новом мундире, при старых орудиях, которые вполне обеспечивают раков, как паразитов, для присасывания к другим живым телам, эти животные, перезимовавшие и перелинявшие, остаются всё теми же хищниками. Таковы наши раки и по природе, и по своему внешнему виду. Даже коротенькие и маленькие из их породы смеют запускать ничтожный коготь в самую большую и сильную рыбу. Напрасно она увёртывается и вывёртывается: коготь паразита неотразимо вцепляется в тело, и, измученная болью, рыба сама прыгает рыбаку прямо в лодку. Раки, точно так же как муравьи на суше, неподражаемым образом препарируют в воде трупы утопленников, собираясь изо всех нор, из-под каждого камня, грозными и жадными толпами.

СОБАКУ СЪЕЛ

Таких выражений, не имеющих определённого смысла и не допускающих объяснений, в нашем богатом обиходном языке очень много. Вот и ещё раз из известных всем пример. Всё, на что иные не обращают внимания, к чему другие не питают уважения, считая то пустяком, называется очень часто *трын-травой*. В какой же ботанике мы разыщем ту траву, которая называется *трыном* и которая при этом всякому нипочём, ни для кого не имеет цены? Точно так же с трудом поддаётся объяснению весьма распространённое выражение *собаку съел*.¹⁰⁷ Это — тот, кто изучил до тонкости или искусства какую-нибудь науку, ремесло, торговый промысел, мастерство и тому подобное, тогда как настоящую *собачину* едят только небрезгливые китайцы и притом считают её лакомым блюдом при исключительных условиях их поваренного искусства, имеющего дело со всякими слизняками и даже птичьими гнёздами, приправляемыми столь прославившейся китайской голодовкой. У нас на Руси петрозаводцы попробовали нечаянно поесть собачины, так с той самой поры им от насмешек прохода нет. Всякий встречный их дразнит: «Боску съел!» Или так: «Боска, боска, на тебе костку!»

Произошёл этот несчастный случай с олончанами в Шелтозерском обществе Петрозаводского уезда таким образом:

В одной деревушке приготовились справлять свадьбу. В жениховой избе, по обычаю, шла накануне большая стряпня до поздней ночи. Северный человек, вследствие климатических влияний, вообще ест много, обязательно четыре раза в день — на четыре выти, как говорят там (завтрак, обед, паужин и ужин). Олончане же сами про себя давно когда-то выговорили: «Наши молодцы не дерутся, не борются, а кто больше съест, тот и молодец». На весёлых свадьбах съестное угощение изготавливается в особом изобилии. Олончане в таких делах не отстают, по силе обычаев, от прочих. Мать жениха на этот раз надумала угостить *богоданную* новую родню, между прочим, щами с убоинкой, то есть с мясом свиным и коровьим. Чтобы капуста упрела, она поставила щи на шесток на ночь, чтобы на другой день опять уварить их и подать с пылу — горячими. Затем печь skutала и сама легла спать. В ту же ночь надумала ощениться собака, которых в тех местах предпочитают называть корельским словом *боска*, но ценят едва ли не больше, чем в других местах. Где она забава, шут, почтальон, комедиант и игрок в домино, спутник и оберегатель дома и стад — здесь она помощник в борьбе, товарищ на охоте и проводник и, сверх всего, в то же время, упряжное животное: возит воду, а при случае и воеводу. По этой причине везде на севере для такой суки заботливо отводят особую щенковую закуту, а в данном случае шелтозёрка положила суку на горячую печь. Щенята жары не стерпели и расползлись, а слепа попадали с печи прямо на печную загнетку и в щи. Собрались свадебные гости, подали *шти* — показались собачьи морды, уши и лапы: все разбежались и всем рассказали; дошло и до нас.¹⁰⁸

Впрочем, про тамошних первобытно простых людей нельзя сказать в иносказательном и отвлечённом смысле, чтобы они в чем-нибудь, кроме охоты на зверя и птицу, *съели собаку*. Однако, в утешение себе они могут ссылаться на пример вологжан, которые также, по преданию, опростоволосились до того, что съели где-то и когда-то телёнка даже с подковой. Телятина вообще, с древних времен Руси — кушанье запретное, так же, как заяц: истые староверы её также не едят в том расчёте, что из малого телёнка может выйти молочная корова или бык большой.

Зайца, несмотря на его вкусное и невинное мясо, не едят по той причине, что он родится слепым и с головы брезгливым людям кажется похожим на котёнка. Даже и те, кому он нравится жареным в сметане, употребляют в пищу только заднюю часть этого трусливого зверька из чрезвычайно плодовитой породы грызунов, гнушаясь передом на том же суеверном основании. В сущности же в тощей передней части нечего есть и, стало быть, стряпухам не о чем хлопотать и напрасно расходовать сметану.

Олончане могут ещё ссылаться на старорусских новгородцев, которые съели целую лошадь, *да в Новгород писали, чтоб ещё прислали*. В Пермской губернии, в Красноуфимском уезде, есть Сылвинский завод, жителей которого обзывают *векшеедами* не без основания, как и крестьян Никольского уезда Вологодской губернии. В полуголодных местах они выучились употреблять в пищу мясо этих животных, именем которых по всему русскому северу называют обыкновенных белок — игривых и забавных зверьков, заменивших в наших холодных лесах обезьян лесов жарких, тропических. Крайних северных лесовиков той же Пермской губернии, каковы чердынцы, прозвали даже *щепоедами* (больше за то, что между ними очень много плотников).

СОБАК ГОНЯТЬ

Ничем не заниматься, шатаясь без дела и избегая работы, чтобы сделать из себя ни к чему не способного и для всех неприятного и противного человека — значит, между прочим, *собак гонять*, или, что одно и то же, на них же *шерсть бить*. Сверх таких выражений про бездельников этого рода и звания придумана объяснительная *прибаутка*, что называется, сверх сыта, коротенький анекдот, или смешной рассказ:

— Пора бы обедать, — вспоминает один такой-то художник, позёвывая и потягиваясь.

Ему отвечают:

— Хлеба нет!

— А кнут есть?

— Есть...

— Пойдём собак гонять.

ГОЛ, КАК СОКОЛ

К кому только не приравняли совсем бедного, бездомного, не одетого и необутого человека? Говорят: «Гол, как осиновый кол, как перст или бубен, как сосенка». Такие уподобления, взятые для примера, наглядны и весьма понятны и в пальце, скудно прикрытом волосами, и в бубне, обечка которого нарочно обтягивается сухой кожей, тщательно очищенной от шерсти; «Тяжбу завёл — сам стал, как бубен, гол». Если всем хвойным деревьям судила природа смотреть вершинами только в высокое небо, то сосне заказано это строже других. Исполняя такое назначение, сосна стремится охотнее ели занимать самые возвышенные места, обрастает все горы своей семьёй, борами и не любит соседей. Она глубоко, как редька, пустила свой корень в сухую, большей частью песчанистую землю, но затем растеряла все ветви почти вплоть до вершины и густо скопила их только здесь в виде шапки. Большая часть ствола этих высочайших деревьев во всём свете является совершенно голой и такой же стройной, как все столь прославленные южные пальмы. На просторе, который сосна очень любит, древесный ствол высоко очищается от сучьев, потому что сосна сбрасывает отмирающие сучья и в молодом возрасте даёт самые длинные, крепкие и голые жерди. Словом, все эти, принятые в разговорном языке сравнения и уподобления с полным правом пользуются общим кредитом. Их довольно бы, но почему-то понадобился ещё сокол — хищная птица, один из известнейших тиранов воздушного царства?

Природа снабдила сокола грозными орудиями, настолько надёжными, чтобы быть ему сытым и не линять от недостатка пищи. Серый глаз с острым, холодным и жёстким взором, угрожающий погиб клюва, расставленные люто когти — всё это признаки могучего силача. Он по природе опытный воин: неподвижно покоясь на прозрачном воздухе, он пронзительным взором видит пернатое царство. С быстротой молнии, как всякий хищник, он падает на жертву, и, как гастроном, медленно, наслаждаясь, высасывает её тёплую кровь. Сокол ещё, сверх того, обучается бить на лету особым, любимым охотниками приёмом: он сперва подтекает под намеченную жертву, взгоняет её, испуганную, ввысь, потом сам выныривает сзади и, взмахнувши крыльями, взлета-

ет вверх и тотчас опускается в то самое время, когда испуганная птица падает как бы с последней надеждой на спасение. Он, как живой нож, быстро распарывает ее, перерезая горло, и пьёт кровь не так, как ястреб, который щиплет куда ни попало.

Этот-то своеобразный полёт и оправдывает ту ходячую поговорку, что *видно сокола по полёту, как доброго молодца по ухваткам*. На длинных и широких крыльях, подобно орлам, сокол показывает всю силу величавого стремления и поразительную красоту парения. Как рыба в воде, он парит в воздухе, как бы покаясь на незримом облачном столбе, и сам воздух как бы стремится к нему навстречу целыми потоками, ищет и окружает его, проникает в него, подымает и носит. Можно сказать, что и эта птица есть ни что иное, как сам окрылённый воздух.

Оперён сокол так же, как и все летающие птицы, представляя в воздухе непроницаемое целое из переплетённых между собой боронок перьев. При этом он свободно и красиво плавает в воздушном пространстве, и вся фигура его отличается теми же мягкими контурами, которые при ярких цветах, вообще предназначенных всем хищным птицам, делают из сокола такого красавца, которого восхваляют и в песнях, и в пословицах, и в поговорках. Для русского доброго молодца нет лучшего уподобления и наибольшей похвалы. Зачем же этой красивой птице придаётся такая несчастная, унижительная прибавка, какая указана нами в заголовке? Если случилось так по набалованной привычке к приятному для уха созвучию — то отлично выручает и заменяет кстати подслужившийся и успешно выполняющий свою службу осиновый кол.¹⁰⁹

Действительно, мертвенно гол и гладок другой сокол — одно из старинных стенобитных орудий, которое обыкновенно выливали из чугуна, подвешивали на железных цепях и ломились им во всякую стену, каменную и деревянную, с большим успехом. Если изловчались придвинуть сокола к воротам, то и от железных створов летели только осколки да щепы. Это — то же тяжёлое бревно, окованное на одном конце и называвшееся также тараном или, ещё проще, бараном. Под именем *сокола* идут и большие ручные ломы, которыми обычно ломают и гранитные камни, и каменную соль; ручная баба, или трамбовка, вроде песта — тоже *сокол*, в работе и от неё не только голый, но и ясный сокол.¹¹⁰

ПЕЧКИ И ЛАВОЧКИ

К слову о крестьянской избе, где печь занимает целую треть всего помещения, а лавки наглухо приделываются к трём стенам обычно четырёхстенного, рубленого бревенчатого жилого сруба. Всего-то счётом сто брёвен, каждое не больше восьми вершков в толщину, обеспечивают любую крестьянскую семью и на сырое осеннее, и на холодное зимнее время. Затем, в тесноте да не в обиде, имеется в избе всё то, для чего господам купцам и дворянам надобится целый десяток комнат.

Вглядимся, в самом деле, и вдумаемся именно мы, обязанные платить для помещения своих семей в здешней столице до тысячи рублей ежегодно.

До первого деревенского пожара русский крестьянин уладился в своём тесном жилище таким образом:

В левом углу, первом от входа, поставлена либо битая из глины, либо кладеная из кирпичей печь — *мать наша* в самом широком значении. Около неё — многое добро и всякая благодать, что выражается великим словом *семейный очаг*, понятным всему человеческому роду и драгоценным каждому мыслящему существу. Всё пространство между печью и стеной с волоковым окном, ¹¹¹ выходящей на улицу, принадлежит женщинам и носит название *бабьего кута*. Это и кухня, и рабочая женская комната, и будуар. Угол этого отделения избы так и зовётся *жёрнов угол*, где стоит жёрнов и ставятся прялки. Если это место и не отделяется от прочей избы перегородкой или ситцевой занавеской, то подвешенная к потолку зыбка показывает, что тут уже детская. Затем следует *красный*, или *большой почётный угол* с иконами на тябле и с обеденным столом — всё вместе: моленная, столовая и гостиная. Отсюда к задней стене и в угол *кóник*, или *хозяйский кут* — рабочий кабинет и спальня хозяина с разными пожитками, орудиями и сбруей под лавкой в ларе. Над этим кутом насланные полаты — общая спальня и гардеробная — одним краем упираются на пристройку к печи из досок. Это — *гóлбец*, или чулан для поклажи провизии и для схода в подызбицу — подручную холодную кладовую. Он пристроился к печи, и на нём всегда сидит дед, которому, вместе с бабушкой, отдаётся во владение вся тёплая печь. Здесь они, как в

богадельне, и доживают свой век, получая тут и спальную, и, на случай, рабочую комнату. В подпёчке — место для котят, в запёчке для щенят. Подле печки приделывается шкапчик, удобно заменяющий целую буфетную комнату. Под лавку печного бабьего кута, или *стряпного угла*, обыкновенно сметается весь сор избы веником, чтобы был под рукой: его, по завету предков, обязательно сжигают в печи, а не выбрасывают вон. Там может попасть сор на ветер, а с ним вместе, и по его следу, злой колдун легко может напустить недобрую порчу. В этом суеверном обычае находят основание к прямому объяснению пословицы, не советующей *выносить сор из избы*, что, собственно, значит: не носи домашних счётов в люди, семейные дразги обсуждай дома — впутаешь чужих, тогда и сам не разберёшься; а сор через трубу домашней печи выносится дымом.

Начав с печи, так как она первая встречает всякого входящего с улицы в избу, и кончив ею, мы обошли по лавкам всё крестьянское жильё, известное целому свету своим гостеприимством. Для гостя — за столом самое почётное место в красном углу, под образами, на столе — всё, что есть в печи; для спанья на ночь — та лавка, которая идёт от коника под самые святые образа. Если же гость очень измок и зазяб, ему предлагается место на самой печи, вообще без всякого стеснения и при полной готовности и радушии. Полежать на печи да крепко выспаться, за стол залезть, да из печи сытно поесть, на лавке посидеть, покалякать, да хоть и опять на печь и снова за стол. Это ли не житьё, не блаженство? Это ли не дружба, что водой не разольёшь, когда всё вместе: и эти самые печки, и все лавочки? «Кто сидел на печи, тот не гость, а свой» — говорит прямо другая пословица.

ДЫМ КОРОМЫСЛОМ

Та же печка или, собственно, дым из её широкого жерла или трубы дал повод к разным общеупотребительным выражениям и поговоркам. В так называемых курных избах, которые ставятся без труб, дым из устья печи валит прямо в избу и выволакивается *волоковым* окном, открытыми дверями либо дымоволоком,

выведенным в сени. Говорят: «Тепло любить, и дым терпеть», «И курна изба, да печь тепла». Выходит дым из труб над крышей, судя по состоянию погоды или так называемым восходящим потоком, либо *столбом* — прямо вверх, либо *волоком* — стелется книзу, либо *коромыслом* — выбивается клубом и потом переваливается дугой. По этому гадают на ведро или ненастье, на дождь или ветер и говорят *дым столбом, коромыслом* про всякую сутолоку: многолюдную ссору со свалкой и суетнёй, где ничего не разберёшь, где *такой содом, что пыль столбом, дым коромыслом* — не то от таски, не то от пляски.

Когда подымала пыль столбом московская рать Ивана Третьего, шедшая громить Новгород в сухое лето 1471 года, тогда и дым коромыслом буквально и успешно сыграл свою историческую роль на всех трёх дорогах, которые вели от Москвы. Тогда немилосердно жгли сёла и пригороды, убивали без разбора и сострадания и малых и старых, и *клали пугу всю землю*. Между прочим, осаждали Вышгород и стали сильно теснить огненными *примётами*.¹¹² Вышгородцы защищались храбро, стреляли метко и убили одного из предводителей, а камнями ловко раздробляли головы. Да не было у осаждённых воды — их начала мучить жажда. Дым, переваливаясь через стену и застревая в забралах (наличниках шлемов), слепил глаза и сильно беспокоил. Осаждённые не выдержали: вышли со крестами, и воевода их кричал: «Учините над нами милосердие; мы же вам животворящий крест целуем».

БРАТАТЬСЯ

С древнейших времён Руси побратимство умело выражаться в особом слове и оригинальном обычае *крестового брата*. Совершенно чужие люди обменивались тельными крестами и обязывались на всю жизнь взаимной помощью и дружбой, более крепкими узами, чем те, которые существуют между кровными родными. Обменявшись, крестились и обнимались, называясь потом *побратимами* и *посёстрами*. Не так давно, в бурлацких артелях, заболевший рабочий, которого обычно бросают на дороге на произвол судьбы, если имел крестового брата, был обе-

спечен. Побратим, несмотря на все тяжёлые невыгоды остановки, хлопотал о больном, пока тот не поправится и не удастся его пристроить к какому-нибудь делу. Этот же обычай приладили русские люди к инородцам, наиболее оказавшим способности и заявившим стремления к обрусению (в особенности вотякам). Однако, похвальным обычаем злоупотребляли, пользуясь беззаветной искренностью и простотой полудикарей, то есть делались побратимами на те случаи, где предполагался перевес выгод и услуг, и переставали держаться обычая, когда он начинал стеснять. На этот случай сохраняется много забавных анекдотов. Однако, в этом христианском обычае чисто русского происхождения (теперь, кажется, совершенно исчезнувшем) нельзя не видеть одного из действительных средств к тесным сближениям с аборигенами дремучих лесов на всём пространстве колонизационного движения русского племени. Братались — и плотнее садились на новых землях.

КАША САМА СЕБЯ ХВАЛИТ

Какая ни уварись: изю ржи — оржаная, из ячменя — яшная, из гречи — грешневая, всякая каша хороша и каждая сама за себя ответит. Нечего её хвалить и попусту слова терять, когда налицо само дело в незатейливом и скромном виде, с наглядными и ощутительными достоинствами. Никто не мудрил, не ломал головы: налил в горшок воды, насыпал крупы, присолил, поставил на огонь — она и уварилась. Не зевай только, чтобы каша не перекипела, когда вода забьёт ключом, и не ушла бы из горшка — это очень худо, и всегда не к добру. А вскипит в меру и уварится густо — нет для русского человека вкуснее и слаще этого кушанья, и потому ещё, что оно непременно требует масла: «Овсяная каша тем и хвалилась, что с коровьим маслом родилась». Замечают даже так, что русского мужика без каши и не накормишь. Да она, в самом деле, везде с ним, выручая его даже и там, где нет ничего: и в лесу, где лишь одни пеня да коренья, и на реках, где песок да камень. Мало крупы для неё, можно её повернуть на кашницу и всё-таки остаться довольным: спорое кушанье — из малого выходит большое. Оржаная каша

даже благодарнее пшённой, а с грешневой всегда такое дело, что и *есть не хочется, а отстать не сможется*.

В самом деле, это заветное, можно сказать, даже ежедневное народное кушанье: точно какое святое, добрый друг и охранитель, обрядовое приношение, как бы осколок старой языческой веры наших предков. Вероятно, вся эта честь за то доброе свойство каши, что она встречает и умеет с честью поддержать человека на первом и на последнем пороге его жизни. Ей главное, красное место и на крестинах, и на свадьбах, как заветному праздничному блюду, вроде блинов на маслянице, яиц на пасху, и т. д. Крестильную кашу даже покупать надо, то есть платить повитухе деньги с приговором: «Кашу на ложки, а молодец (новорождённый) на ножки». Для каши уряжен издревле особый праздник (на Рождество Христово *бабьи каши*). На неё и гадают: летом румянится она в печи к дождю, зимой к снегу, вылезла в печь — к добру, из печи ушла — к худу. На ней расчёт у рабочих, и достоинство самой работы: «Ела коса кашу — ниже бери, не ела её — ходи выше». У плотников при постройках новых крестьянских изб издавна вёлся такой обряд. Когда строение было готово вчерне, ладились *подымать и обсевать матицу*, то есть тот поперечный брус, на который настиляется потолок. Когда она поднята и укреплена в последнем венце — варят кашу, кутают горшок в полшубок и подвешивают на верёвке к матице. Плотник лезет на потолок, обходит настланный накат этот, рассыпая рожь и хмель на счастливое житьё в новом доме. Проходя по матице, он рубит топором верёвку, на которой висит горшок с кашей, и садится с товарищами есть это сладкое и масляное кушанье. Едят они с приличным угощением водкой и пивом от хозяина — сверх ряды за сруб избы. Затем опять следуют в живом языке выражения и уподобления, заимствованные от этого всенародного кушанья — значит, *сыт пострел, коли каши не ел*, потому что всякому брюху должно быть любо, *если глаза видят кашу* во всей её простоте и скромности. Зачем выхваляться хорошему человеку теми доблестями, которые и без того всем видны? Что хорошо, того нечего хвалить — иначе выходит самохвальство, то есть докучливый и оскорбительный порок, выродившийся из тщеславия. За это он и осмеивается с лёгкого сердца, а погрешивший и уличённый хвастун приравнивается к каше: то к оржаной, то к грешневой.¹¹³

И ЗВЕРЮ СЛАВА

Животное царство дало много подобий, пригодных для пословичных выражений и крылатых слов. Так, между прочим, наблюдения над животным царством из пернатых привели к уподоблению галкам людей, ненаходчивых в трудные минуты жизни и в виду неожиданных препятствий. Всё у них идёт хорошо, ведётся по привычным приёмам, и вдруг остановка такого рода и свойства, что иные имеют дурное обыкновение при этом широко раскрывать свой рот. Чтобы достигнуть такому человеку намеченной цели, надо начинать дело сначала. Полоротые дикари захолустных мест получили и такое насмешливое прозвище, заслуженное ими явно показанным изумлением при виде невиданных и незнакомых диковинок (таковы костромские галичане, которые в Москве свою деревенскую ворону узнали; таковы же ярославские пошехонцы и многие другие). Причина заключается в добытых наблюдением данных из жизни галочьей породы вороньего рода. Строит галка гнездо — и всё идёт у неё хорошо, умно, даже очень остроумно: отыскала прутик, подняла, подбросила и повертела — значит, взвешивала, делала выбор и примеряла подходящую ветку: не всякая годится. Иную не унесёшь, другую стащишь да не уложишь. Выбрала птица ветку, взяла её клювом поперёк за середину и установила для облегчения полёта полное равновесие. Летит умная и смышлёная птица к гнезду — и вдруг поглупела: ветка, взятая поперёк, не идёт в маленькое отверстие гнезда. Стоило бы ухватить ветку или прутик за один конец и свободно просунуть, а между тем птица бьётся изо всех сил, стараясь просунуть, хлопает крыльями, вертит головой и хвостом, и не попадает. Выбившись из сил, она бросает ветку и летит за новой, с которой начинается такая же возня, как в сказке про белого бычка. Кто всматривался в галочки гнёзда, тот видал, как много под ними разбросано сухих прутиков и веток: всё это собранные материалы, но, без ватерпаса, топора и скобля, не приложенные к сооружению в должную меру. Выходит, по пословице: «Галка не прытка и палка коротка», «Разбросались палки на чужие галки».¹¹⁴

Лентяй, вечный соня и неповоротливый лежебока обзывается именем хомяка, неисправимого хищника зёрен, который и

больно кусается, и терпеливо сидит в своих норах и проходах. Таким понят он у нас (у немцев хомяк превратился в поговорку, рисующую образчик скупости, соединённой с гневной яростью).

Кто работает суетливо, но без пользы и добрых последствий, кто всю жизнь хлопочет, состоя при одном и том же деле или ремесле, мучительно перебиваясь в нужде, тот работает, что белка в колесе.

Болтливую, неугомонную бабу — рыночную торговку, свах и прочих разносчиц вестей и сплетен зовут сороками, с сорочьим языком, сравнивая их с долгохвостой птицей, которая непоседливо прыгает, пляшет вприсядку на задворках и неугомонно стрекочет, сокочит — гостей пророчит, на хвосте вести приносит. Она скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу. *Сорока пустая* — это всякий пустомеля, любящий много болтать: наскажет он тебе даже и то, *на чьей сороке изба сидела*. Вообще эта птица, совершенная лисица между пернатыми, народом не любима. Её считают проклятой трижды: одни говорят, что она склонная воровать чужое добро, утащила у великого постника и подвижника не то просвиру, не то лепёшку с окна кельи. В Москве толкуют, что она навела врагов на боярина Кучку, владевшего той землёй, где стоит теперь белокаменная русская столица. В этом же городе обернулась сорокой-птицей и улетела Марина Мнишек, когда супруг её, самозванец, был убит московскими людьми. Всякий раз эту птицу проклинали, и она спешила оставлять такие места с тем, чтобы в них никогда уже больше не появляться. Все тому рады, потому что сороке заказано предсказывать всякие беды и напасти. К тому же, она — воровка, или, как говорят в народе, *охоча до находки*, — в сущности же она наделена страстью к блестящим вещам, которые таскает и прячет.

С другой стороны, о вороне, родной сестре белобокой сороки, не установилось одинакового мнения: кто считает её воровкой, кто приписывает ей похвальные добродетели, кто находит в ней комические стороны, применимые к людским свойствам. Большой рот её пригодился в укор тому, кто имеет дурную привычку, слушая, разевать рот. Дураковатый ходит, постоянно держа его незакрытым; рассеянный, несметливый умеет прозе-

вать подходящее дело и полезное начинание. Полоротая ворона, одетая в павлиньи перья, понадобилась для укора и насмешки над тем, кто не по заслугам хвалится и гордится и, чувствуемый не по достоинству, даже наружно старается показать себя вороньей гордой выступкой. Коренастая неуклюжая ворона, мерно расхаживая по двору, распутив на груди перья, важно кивает головой при каждом шаге: не столь величественно, сколь смешно; «Ворон соколом не бывает», по словам пословицы. И за море летала, а вороной вернулась. Плох сокол, если ворона с места сбила, и частенько бывает в жизни и службе, что: «Сокол (снимается) с места, ворона (садится) на место».

Настойчивый до докучливости человек уподобляется у нас дятлу, той птице пурпурового цвета, которая на верхушке дуба или сосны откалывает куски коры и щепки от ствола длинным, сильно сжатым клювом. Последний служит и ударным молотом, пробуящим крепость дерева и отыскивающим гниющее, наполненное червячками и насекомыми для пищи, и буравом, высверливающим из-под коры добычу. Долбит он неустанно (и как у него голова не разболится — острит народная поговорка): его странное стучанье раздаётся в лесу даже и в ночную пору. Настойчиво он долбит кору в то время, когда его сильные ноги и чёрные, глубоко вонзающиеся когти, вместе с хвостом, на который дятел упирается, как на палку, помогают ему целые сутки не оставлять дерева и по несколько часов держаться перпендикулярно на стволе, как на намеченной жертве. Со скоростью ящерицы обегает птица кругом дерева и всё лезет вверх, потому что вниз она лазить не умеет.

Бестолковый, туго смекающий и плохо вникающий в чужие речи и мысли человек, сидя, хлопает глазами, как *сыч* (не сова или филин, а совушка). Особенно удачно это уподобление по тому видимому признаку, который делает глаза птицы подобными человеческим. Значительно увеличивает это сходство кружок из перьев, окаймляющий эти огромные глаза, от которых не ускользает ни малейшее движение жертвы. Днём меланхолически неподвижная и молчаливая птица, поводящая из стороны в сторону плохо видящими глазами, действительно даёт лёгкую возможность к составлению укоризненного сравнения, пригодного для смешных и досадных людей.

Глухой человек и по свойствам, в нём замеченным и приравненным к лесной птице глухарю или тетереву-косачу, в самом деле обнаруживает характерное наружное сходство. Сидит в архангельских лесах в тайболах этот глухарь на дереве и равнодушно-смело глядит (не шелохнувшись и покачиваясь с боку на бок) на прохожих и проезжих людей. Словно он никогда их не видывал и про их хищные наклонности не слыхивал, а сам впервые старается ознакомиться. Куда направляются шаги охотников, туда и птица смотрит (за это почитают их и зовут глухарями). Когда же птица на току надувает горло, распускает крылья, семенит ногами и, как пьяная, ворочает глазами, тогда охотник может смело подойти к ней и удачно застрелить: птица страстно увлеклась и никого теперь не способна заметить. Их, при завоевании Амура, солдаты просто убивали палками.

Орлиный и соколиный взгляд, ястребиный взор в смысле уподобления известного выражения глаз человека, как немой, но высшей речи его — выражения, весьма всем известные не по одним поэтическим произведениям. Выбор именно этих птиц, а не иных, можно назвать самым счастливым: хищные птицы в особенности наделены от природы остротой зрения. Она обеспечивает им жизнь, облегчая добычу продовольствия разбойным способом, на чужой счёт. Современные орнитологи давно отказались от старого преувеличенного понятия о чувстве обоняния, более соответствующем низшим беспозвоночным животным, например, насекомым. Пернатое царство, в отличие от прочих животных, почти всё одарено завидным преимуществом острого зрения.

В жаркий летний день у завалинки избы, в пыльной ямке, беззаботно и с очевидным наслаждением купается курица, распустив крылья и перья хвоста. Она совершенно забыла о своих цыплятах, и вдруг всполохнулась: вытянув шею, начинает она повёртывать то тот, то другой глаз, направляя зрение в небесную глубь и лазурь. При этом издаёт она необычные тоскливые звуки, подобно умоляющему стону. Она горбится и надувается и делается спокойнее лишь тогда, как все цыплята сбежались к ней, и она успела прибрать их под себя и прикрыть крыльями. Она заметила врага, очень высоко плавающего в воздухе, и самому зоркому человеку кажущегося несколько не подозритель-

ной маленькой точкой. То плавает ястреб, умеющий намечать жертву с такой выси, где сам совершенно скрыт от людских взоров. Оттуда же взвившийся почтовый голубь превосходно видит свою голубятню и падает прямо на неё. Глазной хрусталик всех этих птиц наделён способностью делаться более или менее плоским или слабо выпуклым для наибольшей дальнозоркости. У голубя, например, глазной хрусталик может значительно изменять свою кривизну из плоской в выпуклую и наоборот. Сверх того природа озаботилась снабдить птиц лишним против нас веком — третьим, внутренним, прозрачным и тонким. Оно непосредственно прикрывает собой глазное яблоко: при каждом движении наружных век внутреннее, быстро вращаясь, обтирает и прочищает зрачок, освежает его и непрерывно придаёт зрению новую энергию и силу.

ШИВОРОТ НАВЫВОРОТ

Шиворот *навыворот*, как и *зад наперёд* — однородное несчастье и прямая неудача: сделать вовсе не так, как бы следовало, истолковать превратно, разъяснить извращённо, сказать и поступить совсем наоборот, *думать затылком*, как говорят попросту крепкие задним умом деревенские русские люди. Шиворот в обиходном употреблении разгуливает по свету и в смысле ворота, и в значении затылка, одинаково в народной жизни имеющих большое значение. Для пущего позора обычно *бьют по шеям*, сгоняя прочь с занятого места и отказывая от дела, в расчёте, что у русского человека шея крепка: многое на ней висит тяготой и бременем — и ничего, выносит себе. Блажен и счастлив тот, кто *сваливает с шеи* — отделяется от докучного дела и освобождается для отдыха; но не завидует никто тому человеку, который *берёт на свою шею*, то есть на свой ответ, конечно, обязываясь при этом разнообразными хлопотами и многочисленными заботами. За тот же шиворот хватают тех, которых ловят на месте преступления или ведут на суд и к ответу. Равным образом бывает обязательно для всех, как непреложный закон: «По шее и ворот». И самый ворот также имеет большое значение и получает разнообразный перенос-

ный и прямой смысл. В последнем значении он служит даже важным племенным этнографическим признаком, по которому легко различаются северные русские люди, пристрастные к косому вороту на верхнем (армяках и полушубках) и на нижнем одеянии (рубках) от южных жителей (малороссов и белорусов). Эти последние искони предпочитают прямой ворот — с разрезом посередине шеи на гортани — косому, застёгнутому на правом боку для пущей защиты груди от холода. В старорусских обычаях этот ворот играл даже более значительную роль: он отличал боярина от простолюдина тем козырем, который на торжества и царские выходы прикреплялся, весь вышитый золотом, серебром и жемчугом, сзади шеи, на затылке к вороту парадного кафтана (зимой к нему пришивался ожерелок, то есть меховой воротник). Расшитый козырь торчал так внушительно, придавая осанке прямое и гордое положение, что до сих пор сохранилось выражение *ходить козырем* — надменно, высоко и прямо держа голову и не сгибая спины, с полнейшим сохранением важного достоинства и вида и с видимым презрением ко всем прочим. С тех пор всё, что резко выдаётся вперёд, как бы наступает и грозит, зовётся козырем, начиная с кожного зонтика, пришитого к картузу или шапке, и кончая передком саней, дерзко загнутых кверху. Оказалась козырем та игральная карта, которая бьёт остальные масти, и *козырь-девка*, которая выделяется от подруг находчивостью, весёлым духом, видным ростом и бойкими ухватками и тому подобным.

Ни один боярин ни разу не надевал своего ворота наизнанку и навыворот не по одному лишь тому, чтобы не стать в глазах других посмешищем. С последней целью выворачивали наизнанку, на исподнюю, выворотную сторону всё носильное верхнее платье, чем особенно любил забавляться грозный царь Иван Васильевич, а за ним и московская чернь. Обречённые на такой позор отягощались ещё тем, что их сажали на лошадь лицом к хвосту. И сейчас случайно и второпях загнувшийся ворот с невольной улыбкой спешат поправить, и теперь также точно надеть платье наизнанку значит не к добру: *биту быть* — спроста говорят мужики. К добру выворачивают намеренно они же овчинные шубы и полушубки только на сватбах, как родители жениха, при встрече молодых из-под венца. В старину чаще

всего практиковался этот способ выворачиванья одежды наизнанку (или, по деревенскому, *наизворотъ*)¹¹⁵ в самосуде над пойманными на месте и уличёнными в грязном деле. Однако, этот приём не исключителен для русских людей, а, по всему вероятию, сохраняется с древнейших времён. Он, между прочим, употреблялся среди евреев.

ЗАДАТЬ КАРАЧУНА

И прииде къ Новугороду архіепископъ Акимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, и повелѣ wreщи въ Волховъ. Онъ же, плаваша всквозѣ великій мость, вверже палицу свою на мость, и рѣче: «на семъ мя поминають новгородскыя дѣти»; ею же и нынѣ, безумнѣ упивающесе, утѣху творять бѣсомъ.

(Новгор. 2 летопись, под 988 годом, стр. 1 и 2)¹¹⁶

Всякий знает, что *задать карачуна* значит то же, что пришибить, убить или злодейски замучить кого-либо, уничтожить что-либо в корень. Это слово, при случае, заменяет слова *мат*, и *капут* (как говорят просвещённые горожане по-немецки), и *извод* (как понимают крестьяне наши по-русски). Картёжники условились обозначать в игре этим словом тот удачный случай, когда партнёру не дадут ни одной взятки. Всё это каждый из нас знает, но не всякому известно существование старинного русского слова, означающего определённое в году время. В последнем издании 1888 года новгородской летописи (по синодальному харатейному списку), под 1143 годом, записано: «стояше вся осенина дождева, отъ Госпожина дни до Корочюна, тепло, дѣжть (дождь) и бы вода велика вельми в Волховѣ и всюдѣ, сено и дръва разнесе». Уже по одному этому летописному указанию, записанному новгородским грамотеем в столь древние времена, легко догадаться, что слово *карачун* происхождения очень старинного и притом славянского корня, а не татарского, как вообще склонны думать наши торопливые отгадчики, и в чём, однако, не менее повинны и наши присяжные учёные исследо-

ватели. Увлечения последних достаточно известны и доказаны. Весьма нередко многим из них зачастую доводилось попадать прямо-таки впросак. Так и относительно этого слова один из известных старых археологов (Ст. Руссов в «Отечественных записках», изд. Свиньина, в № 91 1828 год) пытался искать объяснения в греческом слове *Kalais* и легкомысленно отыгрывался оговоркой, что *славяне название это принесли в Россию, попортив оное несколько от дороги*. «Российско-латинский словарь» (стр. 29) силится сопоставить его с названием *калачунов* и ищет в Молдавии. Там-де один только раз в год собирались шайками особенные плясуны, которые ходили по городам и местечкам между праздниками Воскресенья и Св. Троицы в течение десяти дней. Это были не только плясуны, но даже ворожеи и колдуны. Одевались в женское платье; головы украшали венками из полыни; говорили по-женски. Каждый, держа в руках обнажённую шпагу, имел право заколоть ею на том же месте всякого, кто бы осмелился открыть его лицо, завешенное белым платком. Если одна толпа *калачунов* встречалась с такой же другой, тогда они должны были между собой драться, и побежденная обязывалась признавать себя победителям подчинённой. «Суеверная чернь ещё приписывала калачунам силу исцелять застарелые болезни. Калачуны, положив больного на землю, начинали кричать и, при некоторых местах своих песен, топтали лежавшего, начиная с головы до ног, ворчали ему на ухо нарочно составленные речи, которыми приказывали болезням удалиться» и т. д. В конце подобного произвольного толкования тот же Руссов, очевидно увлекавшийся созвучием слов, снова попался впросак. Привожу буквально конец заметки: «Что же принадлежит до слова *чур*, то оно значит то же, что *juro* и *чур то-то не делать* (курсив подлинника) значило: «*Заклинаю тебя от того удержаться — и больше ничего*».

Да, кажется, что только и всего, что ничего!

В сущности оба слова представляют собой имена старых славянских богов. О *чуре* я дал особое объяснение. Теперь очередь за Корочуном — подлинным, а не тем фантастическим знаменитым боярином, который жил близко города Славянска наверху крутой горы, и о котором заставил петь теноров, со слов Загоскина, Верстовский в опере «Аскольдова могила».¹¹⁷

Слово *корочун* — несомненно славянское, и корень его заключается в глаголе *коротать*. До сих пор во многих местах Восточной России именем Корочуна зовётся день Спиридона-поворота, то есть 12-го декабря, или *Солноворот*. Тогда наступает конец нарастанья тёмных ночей и, по народному календарному выражению, солнце идёт на лето, а зима на мороз. Столь важное время с обычными молитвенными гаданьями и практическими предсказаниями из опытных наблюдений начинается хозяйственный период, который кончается на днях равноденствия. На срок мучеников, 9-го марта, кончается зима, начинается весна, знаменуясь прилётом жаворонков на проталины. Всё время, когда длятся самые короткие дни, старинные новгородцы, до принятия христианства, называли корочуном, ограничивая последним из них, когда начинают убывать ночи. Имя этого дня придано всему длинному предыдущему периоду времени. Когда христианство, вступив в борьбу с язычеством, между прочим, сменяло имена богов именами святых, на месте *Корочуна* стал *Поворот-Спиридон*, и всё предшествовавшее время с канунным заговеньем, 14-го ноября, стало позднее называться филиповками (от дня Св. апостола Филиппа) и рождественским постом, как предшествующим дню Рождества Христова (у карпатских славян также до сих пор *корочуном* называются святки).¹¹⁸ Понятным становится изумление новгородского летописца столь продолжительной дождливой погодой и странному физическому явлению запоздалой зимы, непонятному и чудесному в глазах современника, когда и климат был суровее, и погода устойчивее. Очевидно одно, что кто-то борется с той злой силой, которая умерщвляет жизнь природы, напускает леденящие лютые морозы. Ведьмы-вьюги заслепляют глаза, злые метели засыпают все пути и тропы — ни входу, ни выходу, ни света в очах. При этом, видимо, происходит и борьба света со тьмой, добра со злом, с преобладанием последних над первыми. Царствовал, хозяйничая над землёй в это время, этот самый Корочун — подземный бог, повелевающий морозами. Он воевал со светлым богом Перуном и, зная, что родится *божич* (красное солнышко), оборачивался в медведя, набирал стаи волков (метели) и гонялся за женой Перуна (громовницей, или калядой, или пятницей), которая пряталась между ивняками и на деревьях, и там родила

сына Дажбога. Этот-то и сокрушал лютого врага, сменяя долгие ночи такими же светлыми днями на тепло.

В силу этих представлений, среди пустынных болот и в дремучих лесах, при вое голодных волков, щелкающих железными зубами, сохранилось имя покинутого бога и живое о нём представление. До сих пор верят, что в самый день святителя Спиридона тримикийского медведь поворачивается в берлоге с одного бока на другой. До сих пор во время святок непременно стараются сами люди наряжаться медведями. Словом, старый бог Корочун жив, и за справками о его существовании стоит лишь отправиться к белорусам, чтобы убедиться в том воочию. Этот источник доказанно благонадёжен: белорусы известны как самые усердные и ревнивые хранители древнейших славянских верований и преданий. У них Корочун в живой речи и до сего дня — злой дух, сокращающий жизнь, а в переносном смысле — нечаянная и преждевременная, в молодых летах, смерть; «Корочун его возьми!» — до сих пор там побраниваются со зла. Там ещё не свыклись с *Поворотом*, как великоруссы, но Корочуна хорошо помнят. Это *старый дзед* (дед) — *сива борода*. Он носит эту седую бороду длинною; сам ходит в белой шубе, но всегда босоногим и без шапки. В руках он держит тугой лук и железную булаву, и когда рассердится, то ударяет ею в пень, вызывает вихри и рассылает их по земле, а самым стуком производит трескучие морозы. За то и зовут его кое-где *марозом* и *зюзей*. Молитва ему такая: «Хадзи куцью есь: на чугунную бороду железным кнутом». Это тёмное мифическое выражение значит так: не мешай уродиться хлебу и всему тому, что можно положить сковородником (железным кнутом) в чугунок или на сковородку (железную борону). При этом и священнодействие в полной форме: в самый вечер каляды за ужином, или куцьёй, бросают первую ложку праздничной кутьи за окно для умилоствления сердитого бога с вышеупомянутым ласкательным приговором. А затем во время колядок чествуют его обязательно и безбоязненно тем, что водят живого медведя с козой, благодаря местечку Сморгоням, где князь Радзивилл научил обучать этих неповоротливых, но понятливых зверей затейным пляскам. Нет под боком цыгана с живым медведем — сами наряжаются зверем, выворачивая кожухи наизнанку.

Вовсе не с той целью, чтобы поставить читателя в тупик и затруднить разгадкой, я придумал и выставил такой, по-видимому, странный заголовок. Пользуясь известным грамматическим правилом, позволяющим всякой части речи быть подлежащим, принимаю за таковое всем знакомое и общеупотребительное наречие. Ставлю же его в заглавие своей статьи по той причине, что оно даёт тему для беседы. Эта тема может показаться и новой, и любопытной, лишь только мы зададим себе самый простой вопрос: что значит это русское слово, и откуда оно произошло?

Применение загадочного слова *чересчур*¹¹⁹ в обиходной речи для каждого совершенно понятно. Неясно лишь его происхождение, так сказать, колыбель и место его родины. *Слишком*, то есть с ненужной прибавкой: *с излишком* поел жирного, сырого, сладкого, проще, объелся — и заболел. *Не в меру* или *чрезмерно*, то есть свыше предела и границ, определяемых заслугами и достоинством каждого человека, одного жалуют, возвышают и балуют, а на другого, более достойного, чересчур нападают и унижают его — обоих равным образом делают *чересчур* против нужного и должного несчастными. Иные чересчур весело живут, и при этом большей частью чрезмерно тратят денежные средства и чрезвычайно быстро проживают состояния — *чрезвычайно* в том смысле, что поступают таким образом больше и дальше, чем предписывает общий свычай и указывает мера расчёта и благоразумия. Среди этих сложных слов занимающее нас отличается, между прочим, тем, что оно по значению почтеннее, а по происхождению древнее. Первые — более книжные, сочинённые позднее учёными людьми, другое — совершенно обиходное и коренное народное слово. Если мы расчленим (говоря учебным выражением) слово *чересчур*, то есть, разделим на обе составные части наше наречие, то получим предлог *через* и существительное *чур*.

Чур у наших предков, у язычников славян, был божеством не особенно высокого ранга, скорее полубогом, мифическим существом, однако, таким, что имя его повсюду знали и особенно чествовали. В Белоруссии, например, *чур* до сих пор не забыт (как случилось в Великороссии), но пользуется особенным уважени-

ем. Он почитается покровителем и оберегателем границ поземельных владений, и ещё живёт на земле, как существо, которое может награждать и наказывать, любить и ненавидеть, и т. п.

Всё славянское племя, и в том числе русская ветвь его — преимущественно хлебопашцы. Вот, например, старорусский богатырь Чурило Плёнкович, не помнивший ни отца, ни матери, идёт от короля в Литве в свою сторонушку на свою родину, а всё дойти не может. Идёт он дорогой широкой да осмотрится, а всё видит, что пахарь попахивает. День идёт до него — дойти не может, а прислушается: всё пахарь лошадку понукивает. И на третий день всё одно и то же: и видит и слышит, как у пахаря соха поскрипывает. Насилу он дошёл, словно в образное предсказание исторических судеб земледельческой Руси, которую после Киева и Волхова надо было искать на Клязьме, на Печоре, за Камой, на Иртыше и далее до самой Камчатки. Всем понятно и известно, до какой степени любит и ценит, холит и удабривает всякий земледелец свой участок. Ту почву, которая родит хлеб и питает семьи, он зовёт не иначе, как *матерью* (сырой землёй). Проще сказать, крестьянин боготворит землю: плодотворную силу её почитает за божество, чествует приношениями и жертвами, и устанавливает особые праздники с песнями и плясками. Так было и у всех народов на земле, а у нашего языческие верования и суеверное обоготворение земли, как питательной почвы, соблюдается до сих пор в такой мере, что можно их наблюдать и ясно видеть. В особенности это удобно делать в тех местах, где вся жизнь зависит от земледелия, как в Малороссии и Белороссии, там, где языческие верования ещё борются с христианскими, как в указанных странах и в глухих отдалённых местностях Великороссии.

Везде и всякому дорог тот участок земли, от которого он питается, который с величайшим трудом отбил от леса и болота, удобрил, возделал и буквально полил своим потом. Всякий строго следит за своей полосой земли и старается не запахивать чужой соседней, но есть лихие, дерзкие и бессовестные люди, которые любят жить чужим добром и трудом. Существуют в природе такие могучие и неожиданные явления, в виде ураганов с лютыми дождями и губительными наводнениями и пр., что смывают и разрушают определённые межи так, что потом

бывает трудно разобраться в своём и чужом. Надобится посредник, который разобрал бы споры и прекратил ссору; желательна такая сила, которая сберегала бы межи от разрушения и истребления. Но где найти и то и другое, когда и самые межи невозможно определить с точностью, и пределы поземельных граней выяснить на почве, точно так же, как делается это пером и циркулем на бумаге?

В старину да и теперь там, где земли много и лежит она в диком состоянии, будто никому не принадлежащую, поневоле прибегали к случайным и неточным межам. В старинных актах мы то и дело наталкиваемся на такие обозначения границ: «С камня на вяз, да с берёзы дóлом прямо через поперёк бору к грановитой сосне, а на ней граница крест».

Налетала на ту сторону огненная стрела молнии, и сгорало столетнее дерево, как свечка; вырывал ураган развесистый вяз с корнем и замывал песком и илом бешеный ливень вместе с тем и все другие грани и знаки. Наконец, размножалось население в такой степени, что валил топор весь дремучий бор, соха и борона превращали лес в пашню и пожню. Затем размывало овраги и буераки, высыхали ручьи и колдобины, и все те приметные урочища, вообще называемые живыми, которые служат более надёжными признаками поземельных граней. У кого же искать защиты и к кому обращаться за управой? Приходилось надеяться не на усталую и неверную память старожиллов, а на сверхъестественную силу, на случайности и неизменное народное *авось*. В старину, привыкшую верить в чудесное, так и поступали в подобных случаях, что искали помощи в той же матери — сырой земле. Нашли, или лучше, заподозрили в ней такую новую силу, которая оберегала межи, удерживала дерзких и своевольных нарушителей чужих владений, останавливала зазевавшуюся или разгулявшуюся соху, тупила, запутывала и ломала размахавшуюся косу, расхोdivшийся топор. Этой силой и был *чур* — справедливое существо, как помощник матери-земли, в той правде, которую искали при земельных спорах, в запутанных чересполосных владениях.

Бога *чура*, как всякую живую и действующую силу, олицетворяли, представляли его в видимом образе, в деревянном изображении, имевшем форму круглыша, короткого обрубка

толщиной в руку. На нём вырезались сначала кремнем, а потом железным ножом условные знаки, обозначающие имя семьи и владельцев. Такие обрубки сохранили древнее название своё в известных словах, уцелевших до нашего времени, каковы: чурбак, чурка, чурбан, чурбашка, чурак, чурок, чушка.¹²⁰ Они ставились в давнюю старину по межам на тех местах, куда *топор и соха ходили*, как привычно выражались в старинных владенных актах. Несмотря на грубость работы и ничтожность того материала, из которого вырубались, эти *чуры*, стоящие на границах, почитались предметами священными и неприкосновенными. Безнаказанно их нельзя было уничтожать; вырванные случайно должны быть заменены новыми тотчас же, чтобы не свела неосторожных рук судорога, чтобы не высохли они на том же самом месте. На нём уже предполагалась невидимо поселившаяся сила, которую следовало бояться, так как ей предоставлено право наказывать, насылать беды и наделять болезнями до пожизненной слепоты и преждевременной смерти включительно. В Белоруссии до сих пор можно видеть, с какими стараниями и опаской опахивают эти *чуры*, боясь того духа, который поселился в них. Там это — небольшие курганчики или бугры, нарочно насыпанные на межах и очень нередко огороженные частоколом, состоящим именно из толстых и коротеньких чурок. Ни один белорус ещё не осмелился разрыть хотя бы одну такую земляную кучку. Этими покровителями пограничных примет и знаков и защитниками прав собственности в Белоруссии ещё до сих пор не отвыкли клясться. Там часто говорят таким образом: «Чурóчками клянусь, што гэтаго не буду дзелаць».

В Великороссии *чур*, как божество, совершенно забыт — осталось в памяти только его имя, да в глухих лесных местах кое-какие обычаи из далёких времён язычества. По всей Великороссии слово *чур* перенесли прямо на поземельные границы и этим именем зовут всякую межу, грань, рубеж и т. п.

Говорят: *не ступай за чур* (за черту); *не лей через чур* (через край), *наше по чур* (то есть по эту грань) и т. д. Затем по всей обширной России чураются и зачуровываются, делают себя и разные вещи заговорёнными, неприкосновенными, заповедными; словом, не забыли выражения, старого, как русский белый свет и родная мать сыра-земля: «Чур меня!»

ЧУР МЕНЯ

Идут или едут несколько человек в товарищах по одной дороге. Зазевавшийся и неосторожный путник, ранее проходивший тут, обронил какую-нибудь вещь. Вещь эта валяется забытой, и кто-нибудь другой её непременно подымет. Хозяин обронённой вещи, видимо, не спохватился о своей потере и не возвращался её отыскать и взять. Взять чужое, конечно, всё равно, что украсть: от такого греха избави Бог всякого человека. Все так и думают: «Нашёл, да не сказал — всё равно, что украл». Чужую, однако ж, вещь, которая валяется на проходном пути, велят считать за находку: не искал, а набрёл на неё неожиданно. Это бывает так редко, что всякому приятно зачесть за особое своё счастье: «Бог послал». Если бы вернулся хозяин, объявил, представил доказательства — бесспорно, чужую вещь отдать надо. Отдать её следует и в том случае, когда бы можно было разыскать владельца; да где же его уследить в незнакомом месте, в целой толпе неизвестных прохожих людей, между которыми всегда можно рассчитывать на обманщика? Он вклепнется, назвав чужую вещь своей. Всего же чаще случается так, что лежит чужая потеря среди чистого поля, в бесследном перелеске и на проезжей дороге.

Хотя находке и не велят радоваться, как и об утрате горевать, однако, кому же её взять, когда шло несколько человек? Из глухой старины установлено так, что если спутников двое, находку надо делить пополам с товарищем. Не всегда это бывает легко и возможно (смотря по вещи).

А если шли втроём, впятером и разделить никак нельзя, да и из делёного каждому почти ничего не достанется, и вещь может быть дележом испорчена, тогда как в целом виде кому-нибудь очень бы погодилась. Как поступить? На этот-то раз выручает одно только слово, этот самый *чур*.

— Чур, одному! — спешит выговорить тот, который первым заметил находку.

Этим запретным словом он бесспорно и бесповоротно заручил её за собой, как нераздельную собственность. «Чур одному — не давать никому». И чтобы вконец было верно слово на

деле, к находке притрагиваются рукой. «Чур чуров и чурочков моих!» — говорят при этом в Белоруссии.

У белорусов это слово во множественном числе относится ко всем тем вещам и предметам, которые, будучи приговорены словом *чур*, как присвоенная находка, становятся для всех запретными, являются собственностью единоличной, а не общественной. Клады, например, спрятанные в земле, считаются общим достоянием всех ищущих, но остаются собственностью того, кто умеет *чуроваць* (по белорусскому выговору), то есть словом *чур* прекращать, разрушая, волшебную силу наложенного запрета или очарования. «Чурую землю, воды и гроши» — говорится в местных сказках. Например, тамошний рыбак из тверских осташей, ведомых и искусных истребителей озёрной рыбы, никогда не возвращается домой с пустыми руками. С белорусом случается противное, потому что бородатый осташ в кожаном фартуке зачурал на всей стране для себя все рыбные места, все подводные тайники. Как *чаровник*, он видит даже, где подо льдом кучатся лещи, спят щуки и проч. Осенней порой, когда небо покрывается чёрными облаками, осташ уверенно бросает в озеро сети. Буря вздымает волны, покрытые пеной, а он, как нырок: то появится на ребре самой большой волны, то низвергнется в кипящую бездну; только и видно, как крутятся над ним крикливые птицы — рыбалки. Он знает, что иные породы рыб ловятся только в непогоду, другие, когда тихо и ясно, а потому зовёт ветры на озеро, волнует воду, поднимает и беспокоит рыбу, а когда этого не нужно ему — он гонит ветры прочь и возвращает на землю день ясный. Такова сила чарования, ведомая практическим великороссам, — по понятию суеврных белорусов.

— Чур, пополам, чур, вместе, — торопятся выговорить все товарищи, если все увидали находку разом, или когда ранее усмотревший её не успел или не догадался её *зачурать*, то есть заповедать. По этой причине скорее чурают её, доколе кто не увидал, — вся тайна и все права в этом. Обыкновенно же поступают так, что, по взаимному соглашению, обязывают платить соответственную долю товарищам того, кто возьмёт себе находку.

Зачурованные, то есть чуром приговорённые, присвоенные находки, на этом основании, называются также *чурами*. А тех людей, которым находками случайно посчастливилось в жизни, зовут *чураками*.

По народному поверью, помогало слово *чур* с неизвестных времён тем, кто находил клады, то есть зарытые в земле сокровища. Зарывались клады с зароками, например, на три головы молодецкие, на сто голов воробьиных и т. п. Три головы должны погибнуть при попытке овладеть кладом — следующему по счёту, четвёртому, он обязательно достанется.

Надо зарок знать и при том помнить, что клад стережёт злая сила — нечисть. Когда клад *присумнится*, то есть выйдет наружу и покажется блуждающим огоньком, и выговоришь зарок, черти начнут страшать, отбивать клад. Тут слово *чур* и очерченный круг только одни и выручают, спасая от смерти и мучений.

По народному верованию, на архангельском севере, клады достаются только тем, которые *не обманывают Бога*, то есть тем, кто, заприметя клад, скажет три раза: «Чур, мой клад с Богом пополам». Это значит, что дан твёрдый обет половину из открытого отдать на доброе дело или в пользу церкви.

Не вывелись ещё, кроме того, на свете и в деревенском быту такие люди, которые на всю жизнь помешались на отыскивании кладов. А так как клад даётся на счастливого и на клад надобиться знахарь, то и выходит всего чаще пословичный: «Чурило — свиное рыло: по лесу ходит, дров не находит».

«Чур меня!» говорят (и вслед за тем спешат положить на себя крестное знамение) те люди, которых поражает какое-нибудь неожиданное явление.

Каждый из нас с ранних детских лет хорошо помнит, насколько важно было в товарищеских играх оставить за собой занятое место, хотя бы в игре в медведя, или оставить себя безопасным от ударов и от *ожогов*, например, в игре мячом (в лапту, на рюхах, в городки). Кому надо отойти по какому-либо частному поводу в сторону, вне порядка игры, тот обязан оговориться: «Чур моя ямка, чур моё место, чур меня!» Зачуровавшийся, равно как и заговорённое место, становятся священными и неприкосно-

венными, как бы и впрямь какая-нибудь важная пограничная собственность.

Путник в дороге, догнавший другого пешехода, добрым приветом *мир дорогой* зачуровывает, заговаривает его в свою пользу, вместе идёт, коротает время, чтобы не было скучно: сокращаются расстояния, меньше чувствуется усталость и проч.

Деревенские колдуны-обманщики и знахари-лекари, действуя на воображение, опутанное в туманную существенность, вызывают или нечистых духов, или тёмные врачебные силы такими заговорами и мольбами, в которых неверующий человек не найдёт никакого смысла. Эта бессмыслица в суеверных людях даже увеличивает и страх и веру. Когда ловкие и опытные колдуны видят, что воображение верующих достаточно напугано, они выговаривают страшное слово: «Чур меня, чур!» Этим они желают показать, что нечистая сила уже явилась, невидимо присутствует тут, у него за плечами, и готова творить всякое зло. Но колдун, сильный человек, её обуздывает, останавливает одним этим могучим словом *чур меня, чур*, то есть *не тронь меня, не смей тронуть*, в то самое время, когда она готова кинуться на людей и натворить разных бед и напастей. За проговорённым же словом все стали безопасны и неприкосновенны, как за каменной стеной, потому что заручены вызванным добрым духом, всегда готовым на помощь, чуром: они — *зачурованы*, то есть заговорены от нечистой силы. Для пущей уверенности в том, колдуны обратившихся к ним за помощью очерчивают кругом, за который уже не посмеет заскочить самый бойкий и дерзкий чертёнок. Велика сила этого слова и им пользуются все суеверные люди с древнейших времён и повсеместно. Народ твёрдо убеждён в том, что от нападения вражьей силы только тем и избавиться можно, если поспешить очертить вокруг себя круг, хотя бы перстом или палкой, и заручиться заговором, и оградиться криком: «Чур меня!»

Таким образом, немудрёное слово неважного бога живёт на русском белом свете заведомо вторую тысячу лет. Всякому делается известным оно с младенчества и пришедшему в зрелый возраст напоминает дорогое и золотое время детства, весну человеческой жизни.

НАКАНУНЕ

Таково свойство всех чисто народных праздников, доставшихся в наследство от предков и целно сохранившихся со времён славянского язычества, что они начинаются с вечера того дня, который посвящён тому или другому богу. Так начинают с вечера и прыгают через огни во всю ночь на Ивана Купалу, перед днём перелома лета. Точно так же в святой вечер, начинающий двенадцатидневные коляды и совпадающий с рождественским сочельником христианских времён (перелом зимы), стелют на обыкновенный стол солому и, покрывая скатертью, ставят обетные кушанья: разварные зёрна, насычённые медовым или маковым соком, овсяный кисель, блины, толокно и т. п. Это — первая кутья *постная* и первая коляда.

В Малороссии и Белоруссии, где в особенности убереглись старинные языческие верования и доисторические обычаи, вторая кутья (исчезнувшая в Великой России) поедается с вечера, накануне городского нового года, в деревенский Васильев вечер, в языческую *щёдровку*. Эта кутья — самая важная; эта коляда — настоящая: ласая, мясная, товстая (толстая), щедрая, жирная, богатая, а потому и любимая. Она почтена многими прозвищами за то, что требует непременно мясных кушаньев и, по мере возможности, в роскошном обилии. Здесь первое место принадлежит колбасам разных сортов, ветчине, студню — всё из свинины, всё жирное и всё мясное. С колбасой лезет старший в семье на печной столб в чёрной рубахе и съедает всю колбасу, в расчёте на урожай всякого жита. Сама кутья поедается теперь с коровьим молоком или топлёным скоромным (а уже не постным) маслом. Девушки хватают со сковородок первые блины и из горшков первые ложки кутьи и бегут с ними на перекрёстки гадать — прислушиваться. Молодые ребята выбирают из среды своей самого рослого и красивого парня, одевают его стариком в парик из кудели и в рваное вретисце. Это — щедрец, который водит по домам ватагу товарищей, распевающих для подачек особые песни, называемые *щедровками*. Молодёжь также теперь *щедрует* (гадает), тогда как накануне Рождества она *колядует*, славит Христа и коляду. Существенная разница здесь заключается в том, что песен колядок очень много, и они весь-

ма разнообразны, а щедровки от древнейших времён остались в виде маленьких осколков, и при том в замечательно ничтожном числе (меньше десятка), и с однообразным содержанием. Великоруссы — псковичи поют: «Щедрин-ведрин, дайте вареник, грудочку каши, шматок колбаски», а коренные белорусы: «Дарите, не баріте, коротки свитки — померзли лытки, коротки кожушки — померзли петушки, матка казала, штоб кусок сала» и т. п.¹²¹

Третья кутья бывает в крещенский сочевник (неправильно *сочельник*, ибо слово происходит от *сочива*, именем которого называется всякий сок из семян: маку, льна, конопли и проч.). Такая кутья (последняя в году) носит прозвание *голодной*, потому что она опять постная и от того, что на этот раз все запасы уже съедены. Во время первой кутьи первой ложкой чествуют мороз и зовут его есть кутью зимой, а летом просят жаловать мимо, лежать под гнилой колодой, не губить посевов. Тогда же обязываются домовые хозяева подарками и приношениями духовным лицам. Отдаривались здесь, откупались подарками и в Великороссии, за грехи, преследуемые этими самыми служителями веры.

В Архангельской губернии под *кануном* разумеют те *богомольные дни*, когда чествуется заветный праздник особо в каждом селении всей общиной, в одном из домов поочередно. Складчина требует, чтобы все участники приносили съестные припасы *по силе-помочи*. В складчину же варят пиво, кое-где освящаемое духовенством. Оттого само празднество называется *пивá*, а напиток самый, с вечера заправленный хмелем, именуется *кануном*, *канунным пивом*. Начнут молитвой в сельской церкви за обедней, а кончат попойкой и играми. Чтобы не смешивать таких канунов, справляемых в известные дни (например, на Ивана Богослова 8-го мая, на Илью, на Петра и Павла, и проч.), для прочих праздников имеются свои названия: *богомолья*, *пóварки*; иные *николют*. Я видел одно торжество, которое мне называли *борода*. То было окончание уборки сена (или, всё равно, хлеба). Зовут на *бороду*, когда дожнут и свяжут последний сноп (белорусские *дожинки*, великорусские *обжинки*). Одну кучу стеблей оставят на ниве с колосьями горсти на три; солому разогнут, присыплют туда горсть земли и начнут зави-

вать бороду. Девушки соберут по меже цветы, подовьют их к бороде и разбросают по ниве около того места. Тогда уже идут в избу хозяина угощаться, затем водить хороводы, петь песни, играть во всякие игры. Из кушаньев здесь играет общественную роль *отжсинная каша*.

Христианская церковь уступила народным привычкам и вековым обычаям и, в свою очередь, начинает чествовать наступающий праздник также с вечера, совершает *правила*. А это последнее слово перевод с греческого *канон*, превратившееся на русском языке в *канун* и выражающееся церковными песнопениями в похвалу святого или чествуемого праздника. Эти стихиры, или похвальные тропари, эти ирмосы, или вступительные стихи, выражающие содержание прочих стихов канона, и других, иногда читаются, иногда поются на заутренях и вечернях. На таких канунах, как начале отправления праздника, по известным правилам, или, проще, в вечер наступающего знаменательного дня, готовятся и праздничные столы с символическими кушаньями, то есть *справляют канун*. Оттого и все такие дни — *кануны*, и всякое совершившееся событие, всякое законченное дело к известному дню, но, во всяком случае, в этот, который предшествует срочному или видному празднику, за день, с вечера, породил прямое и ясное выражение *накануне*, то есть случилось на тот день и в тот раз, в самый канун. Таким образом, а не иначе, мы вправе понимать слово, поставленное в заголовке, в его расчленённой форме.

Канун, сделавшись самостоятельным словом, выражающим определённый день, в свою очередь, допустил в языке новое и законное выражение: *канун кануна*, то есть день до кануна, вечер перед кануном. Говорят и *накануне третьего года*, то есть в четвёртом году. В самом деле, и священник ездит и собирает кануны — всякие приношения; и по усопшим совершают кануны, то есть поминки; и в начале, и по окончании полевых работ заказывают кануны, то есть молебны; и варят канунцы, то есть заготавливают домашние пиво и питейный мёд. С успехом читают кануны по усопшим на дому приглашённые начётчики. Пошло даже и на то, как откровенно высказывает поговорка, что *хоть сусек снести, только канун свести*, лишь бы изловчиться совершить поминки по усопшим родителям. Зато водятся и такие

люди, которые за чужими канунами своих покойников поминают; а иные, руководясь таким правилом, совсем забывают про то, что: «Если все кануны справлять, ин без хлеба стать».

ПОКАМЕСТ¹²²

Кому рассказывают про такое дело, которое он отлично знает и помнит, видел его очень ясно, своими глазами, а не усвоил по слухам, тот обыкновенно (в лесной Северной России) отвечает:

— Не рассказывай: я на межевой яме сечён.

Хотя это и не требует дальнейших разъяснений ввиду того, что межи или границы земельных угодий обыкновенно обозначаются *гранными ямами*, тем не менее, такое выражение обязывает остановиться на весьма важном народном обычае. Гранные ямы — такие места, которые не только представляют собой жизненный глубокий интерес для деревенских соседей в вопросе владения землёй, водой и лесом, но и представляют собой историческое явление в народной жизни, требующее изучения, как самобытное.

Гранные ямы, прежде всего, замечательны тем, что практический смысл прорывших эти ямы первыми, на пользование будущих поколений, научил зарывать сюда для признака угля. Чтобы зарубить на память и закрепить такую надёжную примету, что называется сверх сыта и окончательно, прикидывали сюда черепки горшков, как не гниющие (успевшие сохраниться в курганах до наших времён цельными даже от каменного века). Рассчитывали на долговечную прочность также и углей, так как хорошо выжженный древесный уголь не гниёт. «Уголь — такой же негной, как нетленен и чёрт» (по пословице), особенно если первый, будучи положен в виде дров в ямах, истлеет без пламени, не сгорая, а медленно тлея под костром земли, окладенной дёрном. Уголь там, как говорят лесовики, тает, то есть поспекает от одного жара: дерево изникает на месте, как бы воск или олово. Тогда и вторые, то есть черти, по народному поверью, сумеют оценить достоинство такого вещества. «На межевом бугре, на угольях, да на черепочках, чёрти в свайку играют», —

думают суеверы и пословично говорят: «Когда нечем чёрту играть, так угольем».

В те времена, когда руководили людьми прадедовские обычаи, межевые границы подчинялись особым правилам и определялись совершенно иными способами.

До времени изобретения мензул и астролябий оставались ещё целые века впереди, а для измерения земельных имуществ не существовало никакой определённой единицы. Говорили и писали в актах: «По туль и владѣніе, куда топоръ и соха ходили», или по другому: «По ка мѣста плугъ и соха ходили». Каждый брал на свою долю столько земли, насколько хватало у него сил для обработки её. Стало быть, земля, никем не занятая в ту пору, измерялась личными трудами и силами первых насельников. На общинных землях, где каждый владелец участка ежегодно сменялся, способ определения границ временного владения сопровождался особенными оригинальными приёмами, в обеспечение общего права и в подкрепление коренного народного неписаного закона. Такой приём ещё можно наблюдать в особенно яркой картине на землях Уральского казачьего войска, живущего до сих пор строгим общинным строем, как и указано было в первой статье. Туман, застилавший грани владений, давно уже рассеялся перед планшетом съёмщика, перед вехой и цепью межевщика-землемера. Теперь положен конец прежним захватам сильных и возникшей неугомонной борьбе между куренями рядовых казаков и хуторами влиятельных или богатых чиновников. Прекратились неурядицы, жалобы и иски — это неизбежное зло между *соседями* нынешними и *шабрами* старинными.

Конечно, в те стародавние времена эти споры и тяжбы, доходившие на полевых рубежах до драк, увечий и даже убийств, возбуждались неясностью межевых знаков. Это продолжалось даже и в то время, когда появились записи в актах, принявших народные термины на корне их происхождения в живом языке: *рубежей* — от *рубить* (резы на деревьях) и *граней* — от *гранить* (насекать) знаки на камнях и других твёрдых предметах. Ни в одном из актов нет ни одной черты, по которой можно было бы теперь выразить в цифрах величину чьего-либо владения. Немного также поправили дело и попытки правительственной

власти, учреждавшей *меженины* (размежевания), которая сочинила так называемые разводные или разъезжие грамоты и писцовые книги, в величайшем множестве сохранившиеся в наших архивах. Принимались за признаки границ такие урочища, которые истреблялись временем: сгнивала берёза и иное зарубленное межевым знаком дерево, рассыпался курган, размывался дождями вал, засорялись и самые русла рек переменили направление, исчезали ямы и рвы, и т. д. Межи *западали*, как выражались и в давнюю старину, как говорят и в настоящее трудное время. Алчность поземельного соседа всегда стояла на стороже и, при оплошке и ослаблении бдительности соперников, являлась во всеоружии захватов, готовая и на насилие, и на открытый бой. Вековая поговорка оправдывалась в лицах: «Межи да грани, ссоры да брани». Обозначалась беспокойная чересполосица.

Где земля представляла особые удобства жизни, там межевые споры были бесконечны: потребность в земле вынуждала одних жителей входить в те участки, которые сосед отвёл для своих занятий, признавал своей принадлежностью и засчитывал давность пользования и владения. Соседи, работавшие рядом межа об межу, грани свои перепахивали и, впахавшись в чужое, обыкновенно защищались тем, что *межи де запали*, то есть изгладились. Те и другие хозяева доказывали своё право на спорный участок, опираясь на живое фактическое обладание им, обеспеченное приложением личного труда или затратой денежного капитала. Чем пособляли спорным делам?

Полюбовно устраивались такими способами: оба соперника выходили на спорный участок и предъявляли доказательства давнего владения. Чтобы спокойно владеть дальше вперёд на неопределённое время, ставили метки, зарубали условные знаки на деревьях, отмечали особенно приметные и выдающиеся места и т. д. Выходило так, что межа шла *с камня на вяз, а на вязу граница* (резь) *крест; да со логу долом прямо через поперёк бору к грановитой сосне*, то есть порезанной знаками крестика, очка, угла, квадрата и т. п.

Когда колебалась в доказательствах одна сторона и осиливала её противная более вескими данными, а сладу и мировой всё-таки не было, отыскивали, приводили на межи знахаря, вполне

доверяясь его свидетельству и решению. Этот *знахорь* (назывался так старинными актами) не был, по нынешнему нашему распространённому понятию, колдуном, умеющим портить и править людей, шептать и заговаривать. Старинный *знахорь* актов являлся просто знающим, опытным лицом, убеждённым седи́нами, отягчённым обилием лет и пользующимся всеобщим уважением, как человек, сведущий и опытный во всяких деревенских делах и задачах и, наверно, в детских годах сечённый вместе с товарищами вблизи или на этих самых межах. Доверие к ним народа выразилось в одном акте в такой общепринятой формуле: «Доселѣ была моею пожнѣ межа по та мѣста, а нынѣ по та мѣста, по ка мѣста отведуть, какъ отвести подыметь думу знахорей». Отводили земельные уго́дья знахори. Обе спорящие стороны оставались довольными, а велось таким образом, несомненно, исстари, с тех времён, когда существовало между нашими предками нетронутое язычество и первобытная форма отношений. Вот она какова в цельном и образном виде по старинному юридическому акту.

Встал судья из митропольчих посланцев на пожне, на наволоке реки Шексны, в лугах, и говорил ответчику:

— Ты, Левонтей, перекошил государя моего митрополита пожню ту, на коей стоишь. Отвечай!

— Я ту пожню косил, а меж не ведаю. Её заложил у меня в деньгах Сысой, а указал, господине, её косити по та местá, чего на мне ищут, — говорил Левонтей.

Отвечал Сысой:

— То, господине, пожня моя, а йно вели повести знахорем, а у меня той пожне разводных (мировых) знахорей нет.

Спрашивает судья:

— Кто у вас знахорей есть на разводные межи?

— Есть у меня старожильцы — люди добрые. Те знахори стоят перед тобою, — оправдывался Сысой.

Этим свидетелям говорил судья:

— Скажите, братья, нам право: знаете ли, куды той пожне митрополиче с Сысоевой пожнею межа? Поведите нас по меже!

Знахори отвечали:

— Знаем, господине: пойдите за нами, а мы тебя по меже поведём.

И под леса повели они судью от берёзы к трём дубкам, стоявшим середь пожни, а отсюда по берегам к виловатой (развилистой) ветле, по самые рассохи (разрезы, где слились под острым углом две речки, по подобию развилин матушки-сохи Андреевны).

— Вот здесь межа митрополичья с Сысоевой.

Сысой сказал последнее слово:

— Знахорей у меня нет: дума этих свидетелей подымет (то есть, полагаясь на их совесть, верю им и вполне соглашаюсь с их указанием и вашим решением).

Во времена христианства в спорах о межах прибегали к образу *Пречистыя*. Когда соглашались на такой способ, один старожил брал образ Богоматери, ставил его себе на голову и, в сопровождении прочих знахорей, шёл по меже от дуба, на котором намечен был знак. Пошёл немного до стопняка, повернул направо, а когда вышел к паренине,¹²³ за перелеском, то прямо указал гранные копанные ямы. От них, возле паренины, шёл позже на горелый липовый пенёк и здесь предъявил свидетелям ямы. Дальше он указал на дубок и на резанные на нём грани и опять шёл вперёд до речки, где стоит дуб со ссечённым (срубленным) верхом, что тоже означало границу и служило приметой, и т. д.

Такой стык или рубеж, казавшийся знахорю верным и справедливым, становился бесспорным на будущее время для обоих соседей. Когда со временем полюбовное размежевание таким способом объявилось недостаточным, начали прибегать к содействию государственной власти, у которой имелась на такие случаи особая должность *межевщиков*.

Размежевальщик, он же и судья, или писец, являлся на спорную землю, призывал тяжущихся и свидетелей, учинял разъезд, то есть делал пропашкой борозду, устраивал межу, клал грани (то есть зарубки на стоячих деревьях), копал ямы и т. д. Добродушные старики и потехи ради, и чтобы не отстать от обычаев старины, собирали ребятишек, клали их на эти, взрытые сохой, борозды (на которых любят ложиться зайцы), и секли их с наказом и приговорами, для забавы и утехи скучавшего и сердитого, заезжего в дальнюю сторону межевщика.¹²⁴ Затем судья этот писал на бумаге разъезжую, или разводную, грамоту по общепринятой форме. Тогда уже, вместо старинного сырого дёрна на го-

лову, прикладывалась горячая восковая или сургучная печать на бумагу, а на неё клались руки свидетелей, совершалось воочию людьми, неумелыми грамоте, то действие, которое сохранилось до наших дней уже в отвлечённом и переносном значении *рукоприкладства*. К нему присоединились потом: присяга с поднятой правой рукой, сложенной в молитвенный крест, чтение или повторение за священником клятвенного акта, заключительное целование креста и слов Спасителя, то есть Евангелия, и, наконец, своеручная подпись на присяжном листе.

ОПРИЧЬ

Подобно двум наречиям, потребовавшим наших объяснений, каковы *чересчур*, *покамест* и *накануне*, третье наречие (которое, однако, может быть и предлогом) — именно *опричь*, *опрочь*, старинное *опроче* — замечательно тем, что в своё время послужило основой к составлению грозного смыслом и значением существительного имени *опричина*. В прямом смысле употреблялось слово исстари славянщины для означения всего отдельного, обособленного в правах, в значении исключённой из общего счёта единиц, поставленной вне правил, *что-либо на кроме*. Например, по старинным актам, от крестьян отписывали деревни и починки *опроче*; архиереям указывали: «Опричь святительского суда не вступатися ни во что же». В духовных завещаниях писали прямо: «Даю я моей княгине два села в опришнину», то есть отдельно от детей, как прибавку к её родовому наследству. Этим словом (с таким же прозрачным смыслом) подозрительный московский царь Иван Грозный назвал особое войско своих телохранителей и боярских карателей. В число их, как известно, он отобрал шесть тысяч молодых людей всякого звания и сословия и взял с них присягу в том, что они отказываются от отца и матери и что будут знать только его одного и доносить ему на изменников. Царь наделил их за такие клятвы поместьями и домами, отнятыми у опальных бояр, и отличил сверх того особыми наружными значками: собачьими головами и мётлами. Эти знаки отличия должны были понимать так, что верные царские слуги грызут его лиходеев и выметают измену

из государства. Мало того, Грозный всё государство поделил на две части: земство и опричнину. Последняя подчинена была дворцовому правлению и пользовалась особыми правами. Сюда приписаны были, сверх богатых и населённых городов, ближних к Москве, те далёкие залесские города, которые уберегли ещё гордый дух и вековую вольность свободной и строптивой новгородчины. Всем этим непосредственно ведал сам царь, а земщиной управляли бояре. Опричники, выметая измену и накидываясь на заподозренных, вели своё дело с таким усердием, озлоблением и дерзостью, что стали всем в тягость и возбудили к себе всеобщую ненависть. Измученный народ вынужден был прибегнуть к злому сарказму и в однозначном наречии, в слове, теперь совершенно заменившем его, — *кроме, окромя*, подыскал своё приватное прозвище, приличное по деяниям телохранителей, и высказался бранным словом *кромешники*. Оно оказалось кстати именно в смысле исчадий ада — особенно-го, выделившегося из видимого мира царства сатаны, внешнего места — во тьме кромешной, иде же есть плач и скрежет зубов.¹²⁵ Грозный понял это ругательство по-своему, отнеся его к боярскому и народному нелюбью опричников за их преданность к нему. На самом деле прозванием этим, отнесённым именно к ратникам служилой опричины, народ сумел различать *опричинцев*, то есть жителей областей, вошедших в царскую собственность, и придумал тогда, и до сих пор сохранил в памяти (теперь в шутиливом смысле) поговорку: «Просим к нам всем двором опричь хóром», что значит: иди сам угощаться и всех своих тащи — всем будет место. В те варварские времена, сидя на борзых конях с привязанными к сёдлам мётлами, удалые опричники могли своевольничать, разъезжая по улицам, но не входить в дома. Сюда прятались все, кому попадались навстречу эти буйные ватаги, из опасения не только иметь с ними какое-нибудь дело, но даже и встречаться. Что же и делать? — надо покоряться: опричь худого, ничего хорошего не жди: «вот тут бери, а опричного нашего ничего не тронь», — тех ищите, кто лучше нас — думали и говорили русские люди. Сам царь поставил тоже правило отчуждения и для самих опричников, освобождённых им от суда и управы, и брал с них присягу в том, чтобы они не дружили с земскими людьми. И, в свою очередь,

это новое государственное учреждение сам старался скрывать и прятать от сведения иноземных государей. В наказах гонцам, отправляемым к польскому королю Сигизмунду, давалось ясное наставление: «Когда у вас спросят, что такое опричина, скажите: мы не знаем опричины». Разрешая торговлю англичанам, Грозный оставался последовательным: он освободил иноземных гостей от суда этих опричников. Семь лет было грозно это звание и страшно название: в 1572 году земщина получила прежнее имя *Россия*, а опричники стали именоваться *дворовыми*, и то же название присвоено было городам и волостям, приписанным к царскому двору.

НИ КОЛА — НИ ДВОРА

Несмотря на то, что кол, в виде и смысле короткого шеста, с одного края заострённого, очень пригоден к употреблению для обрисовки крайней бедности: «гол как кол» — так и пословица говорит, — в указанном нашим заголовком крылатом слове он употреблён не в этом общепринятом значении, а в другом. На одно из очень оригинальных и неожиданных случайно натолкнулся г. Александр Борзенко. Он пишет в «Московских Ведомостях» (1877 г., № 273): «Привелось мне летом нынешнего года идти вверх по течению небольшого ручья, впадающего в Волгу (в Ярославской губернии). Скоро очутился я среди местности, поросшей высокой бурьяноватой травой и мелким кустарником, изрезанной небольшими впадинами с болотистым дном. Вдали, на пригорке, чернелись крестьянские избы, за ними желтела нива, ещё выше раскинулся лес, венцом зелени охватив склоны холма. С трудом выбрался я к деревне, постучался в первую попавшуюся избу, ища проводника. Вызвался крестьянин по имени Иван Матвеевич. Вышли мы на пахотное поле.

— Вот мои два *кола*, — сказал Иван Матвеевич.

— Где? — спросил я.

Иван шагнул с тропинки к пашне.

— Вот полоска, два сажня ширины — это один *кол*, а вот другая такая же полоска — это другой *кол*. В деревне у нас шесть дворов и на каждый двор два кола, — продолжал он.

— Стало быть, все живущие у вас в деревне имеют двор и кол?

— Все, кроме одного. Отставной солдат к нам вернулся, так у него нет *ни кола, ни двора*, а кормится он сапожным мастерством.»

Поговорка стала понятна. Кол — это полоса пахотной земли шириной в две сажени. Следовательно, не иметь кола — значит не иметь пашни; не иметь двора — значит жить у других. Итак, *ни кола — ни двора* употребляется в крестьянском быту для означения человека, не имеющего недвижимого имущества и живущего личным трудом, а вовсе не в смысле дурного хозяина, как предполагает Даль.¹²⁶ О дурном хозяине говорится вернее и прямее: «Сокól хоть на кóл, да гол что мосóл». О голом соколе я уже имел случай говорить, но за *мосол*, по объяснению господина Борзенки, принять не решаюсь (как он советует) скупщика по ярославским деревням холстов и полотен, который всё-таки бегаёт с деньгами, да и зовётся чаще *маяком* (известны там *заозерские* молодцы, ловкие на эту руку, из села Заозерья Углицкого уезда). Настоящий мосол, в прямом и общеупотребительном смысле, как толстая и большая — одна из округлых — кость в том оглоданном виде, в каком бросают её собакам, действительно голая до такой степени, что и собака её *хоть глодай, хоть лижи, хоть вперёд положи*.

ГОРОХ ПРИ ДОРОГЕ

Незавидна участь людей богатых, но тароватых и тех смиренных бедняков и бедовиков, которых всякий готов обидеть, подобно участи всем известного, а русским людям любимого стручкового растения и плода (*pisum*), называемого горохом, когда он посеян подле проезжей дороги: «Кто ни пройдёт, тот скубнёт (ущипнёт)». Тогда, ввиду очевидного соблазна, зачем же и сеять его на видном месте (он и так оттеняется в поле своей весёлой и густой зеленью); зачем и оперять его, утыкая хвостом? Пройдёт мимо один зоркий и приглядливый, нащиплет целую кишину (охапку),¹²⁷ прижмёт левой рукой под мышкой, правой начнёт пощипывать и шелушить. И другие пройдут —

тоже сделают: горох да репа завидное дело, а горох при том всякому ворог, всякий его щиплет. Могут и до того дощипаться, что потом нечего будет и *крючить* (горох, как известно, не жнут и не косят).

Для разрешения этого вопроса приходится идти в давнюю старину, когда расселялся православный русский народ по лицу родной земли своей. С готовым запасом, на шитых плотах и в долблёных комягах, плыл он по рекам, но попадал в межиречьях на волока. По таким надо уже было тянуться сухопутьем, подвергаться опасностям долговременного безлюдья, испытывать тяжёлые беды от захватов в пути неожиданно нагрянувшими холодами и видеть ежечасно впереди самую жестокую и тяжкую смерть от голода. Она, впрочем, и не медлила там, где сами на неё шли и доброй волей напрашивалась. Сколько же смертей постигло русских людей на то время, когда они клали тропы по непролазным северным лесам, торили пути по диким и совершенно безлюдным и обширным пустыням холодных стран, и проложили такую длинную неизмеримую дорогу, как та, которая увела в Сибирь и помогла от домашнего бесхлебья родины расселиться по тамошним девственным местам и на благодарной почве? Конечно, по людской молве, а в иных случаях на крик бирючей по базарам и торжкам, расхваливавших новые места и суливших всякую на них благодать, снимались охотники с родных насиженных гнёзд семьями, артелями. В горячее время переселений (в начале XVII века), когда достигли обратные хвалебные зазывные слухи испытавших приволье вновь открытых мест, шёл народ толпами, одна за другой. Передним рядам было худо, задним стало лучше: все приловчились, заручившись мудрёным опытом и испытанной наукой. Стало так, как говорится в пословице: «Передний заднему мост». Испытавший беды на самом себе сделался не только опасливым, но и жалостливым для других, вольно и невольно оставляя по дороге следы, приметы и разного рода памятки для руководства.

Указателем пути и вожакom в дороге, прежде всего, служит звёздное небо, а на нём в особенности та звезда, которая раньше всех появляется и позднее других скрывается в той именно стороне, где лежат самые холодные места. О них же можно наводить точные справки и на древесных стволах, которые с север-

ной стороны всегда обрастают мохом, кутаясь в него, как в шубу. Помогают: и направление течения струй в попутной речонке; и следы ветра, намеченные на снежных сугробах, и множество других признаков, добытых долговременным опытом скитанья по лесам и указанных, и доказанных и передовыми пришельцами из русских и давними насельниками тех стран, то есть разных названий инородцами. Выручило же, главным образом, доброе христианское чувство памятования о задних, несомненно, неопытных и обязательно страждущих. А это памятование выразилось во многих, из веков установленных, обычаях, как бы законно утверждённых правилах, могучих и равносильных, как в северных русских, так и в сибирских лесах.

В Архангельской и Вологодской губернии лесные избушки, названные образным славянским словом *ку́шня* (от *ку́ща*), в Сибири переименованные в *заимки*, — великие, но мало оценённые пособницы при народных переселениях (особенно первые). Никому они не принадлежат и неизвестно, кто и когда их срубил, а по заплатам на щелях видно, что их чинил тот, у кого нашёлся досуг и топор. Изба стоит без хозяина, заброшенной в лесу, значит, она мирская: забредшего в неё некому выгнать; к тому же она и не заперта. Вместо окон в ней — щели, вместо двери — лазейка; печь заменяется каменкой; пазы прогрело солнышко и вытрусил ветер; углы обглоданы и расшатаны. Чтобы вконец не обездолили лютые бури, она приникла к земле: на потолки (крыш нет) накинаны камни и густо навален дёрн, даже весёлая травка там выросла, и завязались небольшие берёзки. В такой избушке на курьих ножках, пожалуй, и не выпаришься, хотя она и очень похожа на деревенские баньки, и тепло она держит кое-какое. Нехороша она видом и складом, но зато хороша обычаем. Про бездомного случайного человека в ней всегда оставляется какой-либо припас: кадочка солёной трески, ведёрко с солёными сельдями, голая соль в берестяной коробочке, сетка с поплавами половить свежей рыбы в соседнем озёрке или речонке; вместо стакана выдолбленная чурочка, и т. п. Вот и низенькие лавки, где посидеть можно, и усталому человеку сладко выспаться. Вот в углу и полочка со старенькой иконой — Богу помолиться. Отсиделся здесь некто из передних, ушёл — и владей избушкой, кому надобно. Дай, Господи, повладеть тому,

кому доведётся отсиживать от лютых морозов, злых вьюг и проливных дождей. Кто отсиделся, тот поблагодарил тем, что оставил здесь из своих припасов, какие оказались у него излишними и какими не жаль было поделиться. Кому снова довелось испытать подобное, поступай таким же образом по вековым примерам и по правилу, нигде не записанному, но всем известному по наслуху.

В Сибири эта забота об участии отсталых и задних до сих пор, как остаток старины, очевидно сохранилась в полках, приделанных снаружи домов, под кухонным окном. Сюда домовитые хозяйки ставят остатки из съестных припасов для нищей братии и для прохожего человека. В последнее время этим воспользовались беглые с каторги и мест поселения, и добрый обычай оказался вдвойне милосердным и полезным: голодным бродягам нет нужды прибегать к воровству и грабительским насилиям: поешь и проходи мимо. Времена изменяют обычаи, из которых многие стали уходить в предание. Между прочими и горох сеют теперь подальше, особенно на больших и проезжих дорогах, но в глухих местах этот старозаветный приём не покинут. Его ещё можно видеть воочию, во свидетельство старинной загадки (на церковных богомольцев): «Рассыпался горох на четырнадцать дорог». Там ещё поступают даже так, что к посеянному гороху присевают рядом репу, что называется *сверх сята*. Пословица вопрошает прямо: «За репу кто хвалится?» — и сама же отвечает ясно: «Репой да брюквой люди не хвалятся». Да и что же, в самом деле, бывает на свете дешевле пареной репы?

ЧУЖОЙ КОНЬ

Понятие об этом и само имя составилось так же из юридических обычаев, на этот раз самых древних. Источник находим в первом письменном памятнике русского законодательства, замечательного небольшим количеством статей и мягким тоном при наложении взысканий за преступления. Они ограничивались по большей части денежными пенями (продажами) и вирами, определяемыми взносом ходячей монеты — гривны. Этот драгоценный памятник, известный под именем «Русской Правды»,

составленный киевским князем Ярославом (Мудрым), относится к 1016 году. В нём-то и заключается буквальное объяснение пословицы, всем известной на словах и на деле: «С чужого коня среди грязи долой».¹²⁸ В «Правде» написано: «Аще кто всядетъ на чужъ конь, не прошавъ, ино ему три гривны» (то есть платить за конокрадство). Мимоходом скажем, что при разборе юридических терминов требуется чрезвычайная осторожность, не всегда соблюдаемая нашими исследованиями. Встречаются ошибки при различении, например, таких двух общеупотребительных до сего дня выражений: *бить челом* — это значит просить о чём-либо, а *ударить челом* — поднести какой-либо подарок, и т. п.

СПЕЛА И СВИНКА ВОЛКУ ПЕСЕНКУ

Ходит в объяснение такая притча. Пришёл волк резать свинью не столько для щетины, сколько для мяса. Пробовал было раньше его чёрт стричь её, так получил не столько шерсти, сколько визгу. Волк сослался свинье на Егория, сказавши, что этот звериный бог велел её съесть. Взмолилась несчастная:

— Дай старину вспомнить — спеть любимую мою и заветную песенку. Ею я с белым светом попрощаюсь.

Получивши согласие, свинья запела. Её услышали кабаны, сбежались и приняли на клыки доверчивого злодея.

СВИН-ГОЛОС

Говорят обычно: «кричать в свин голос» (по объяснению Даля) — кричать не вовремя, некстати, до поры или спустя пору, заранее, а особенно запоздно.¹²⁹ Повод к этому выражению дали те грязные и глупые домашние животные, которые в летнюю пору, гуляя без пастуха, бегут с поля домой всегда поздно (когда уже подоили коров и загнали овец), нередко даже ночью с рёвом и хрюканьем. В отчаянии, что замешкались и загулялись по рассеянности и несмышлённости и нашли ворота крепко запертыми, свиньи разводят хрюканье до самого утра и

визжат, как зарезанные. Кто помнит деревню, тот не забыл этих ежедневно и в разных местах повторяющихся сцен отчаяния и жалоб, где своя вина валится на чужую голову. Не соображает глупая свинья того, что вот и ворота крепко заперты, и хозяева сладко спят — нечего больше делать, как ложиться спать на том самом месте, где стоишь. К чему же вопли и отчаяние? — когда перед глазами пример: собака-жучка свернулась кольцом у завалинки и спит себе молча и крепко. Отсюда — по настойчивости применения и точности живых наблюдений — имеется в языке ещё выражение *в свинѣ полдни*, то есть тоже *поздно*, и при этом настолько поздно, как это могут делать люди совершенно ленивые, рассеянные, непривычные не только ценить золотое время, но и соблюдать часы. К ним-то и обращается этот злой и насмешливый, но справедливый упрёк, известный, однако, не только великороссам, но и белорусам: «Свиння полудня не знает».

ПОСТРИГСЯ И ПОСХИМИЛСЯ

Замечено, что лукавый человек, желая достигнуть цели, изменяет свой обычный вид, принимая другой, обманчивый и льстивый. Скроет свои мысли и чувства, припрячет налаженные замыслы, начнёт говорить совсем не то, что думает, противореча себе самому и всеми мерами стараясь обольстить и обмануть противника так, чтобы он растерялся, поддался лести, расположился в пользу и исполнил желание льстивого и угодливого человека. Этих мастеров, в противоположность предыдущим, очень любят другие люди, но опытные от них остерегаются. Уподобляя их лукавым животным кошачьей породы и настоящего хищного рода, говорят пословицей: «Постригся кот, посхимился кот, а всё тот же кот», и картинно поясняют подобной же прибауткой:

— Кот Евстафий, ты постригся? — вопросительно удивляются коту в то самое время, когда он, почистив свою лукавую мордочку, спокойно свернулся клубком на солнышке и замурлыкал свою усыпляющую песенку, которая всегда отзывается полным добродушием.

Недоверчивый вопрос, обращённый к нему, основан на том, что всем известен характер этого до невозможности лстивого, лукавого и вороватого животного. Хотя его осторожные движения и чистоплотность сделали его любимцем податливых на лесть и удобных на обман женщин, тем не менее, не забывают, что он близкая родня самым ярим истребителям животного царства. Вкрадчивая хитрость и изворотливость доведены у этой породы, при редкой остроте чувств, до ужасающих размеров. Они неутомимы в бегу, непобедимы в прыжках, ненасытны в кровожадности. Неслышные ноги с мягкой поступью скрывают смертоносные, быстро высовывающиеся когти, разнообразные пёстрые цвета шерсти (либо в кольцах, либо пятнами) напоминают змею. Длинный, извивающийся хвост усиливает впечатление дикой красоты, но светящиеся глаза и сторожливые маленькие уши показывают, что эти животные опасны ночью, когда все, усталые и беззащитные, беззаботно спят. В это-то время они замышляют происки и обдумывают нападение на добычу, и даже когда спят, как будто держат на уме одно только зло. Оттого и народная русская прибаутка допрашивает и переспрашивает:

— Когда ты, кот Евстафий, решился постричься, то, может быть, и посхимился?

— И посхимился.

— А пройти мимо тебя можно?

— Можно.

Доверчивая мышка побежала, а лукавый кот её цап-царап, да и за горлышко.

— Кот Евстафий, ты оскоромишься!

— Кому скромно, а нам — на здоровье.

ПОПРОСТУ — БЕЗ КОКЛЮШ

Сидит человек на лавочке, весело ухмыляется, перебирает ногами, болтает всякий вздор, что и понять невозможно, — это он *коклюшки перебирает*. Другой подошёл, нахмурил брови, придал лицу не только серьёзное, но и строгое выражение, старается говорить низкими нотами; временами урывками подсме-

ётся, не говорит прямо, а как бы прячась и крадучись, говорит одними намёками, что называется обиняками — этот человек *коклюшки плетёт*. Говорил бы лучше всего прямо и просто — *без коклюш!* А иной придумал хитрость, подставил приятелю ногу, товарища обманул — *коклюшку подпустил*. Малое слово, смешное для уха, не всякому понятное, — и в самом деле означает ничтожную маленькую и простую вещицу: точёную палочку, утолщённую на одном конце и с пуговкой на другом; под пуговкой на ней обязательная шейка. Это и есть *коклюха*, или *коклюшка*, — название, обязанное своим корневым происхождением *коке*, то есть *яйцу*. Целыми десятками повисли они на нитках бумажных, шёлковых и золотых, ниспускаясь с мягкой подушки, как в старинные времена на лоб и виски русских круглолицых красавиц свисали бисерные и жемчужные наче-лья. На одной подушке, называемой кутузом, именем, давшим, между прочим, прозвище родоначальникам героя Отечественной войны, — висит этих коклюшек так много, что не приглядевшемуся глазу невозможно разобраться: совсем лабиринт. Когда шевелит ими мастерица и издают они тупой деревянный звук, щелкая друг о друга, — в глазах уже положительно рябит. Перебрасывает она теми, которые висят под носом; затем быстро перекидывает руку на другую, на третью сторону кутуза и коклюшки оттуда подбрасывает к себе и опять кидает их вбок или снова назад. Понять невозможно здесь ни системы, ни плана и даже нельзя поверить наглазно результаты этой суетни рук и перекидывания коклюшек туда и сюда, вперёд и вбок. Там на кутузе лежит невидимый сколотый узор, и мастерица следует ему слепо и послушно, а за то и суетня рук, и порча глаз: выходит у ней кружево, годное и на воротник, и на чепчик. Это — очень хитрое и мудрёное дело, а в умелых и привычных руках доводимое до изумительной виртуозности, совсем это — не просто и прямо, как ткут, например, полотна, вяжут чулки или как, например, плетут лапти или женскую косу попросту в три пряди, а по-учёному и больше. Во всяком случае, работы наших кружевниц замечательны отчётливостью и беззастенчивыми продавцами выдаются (не без основания) за иностранные. Самые лучшие кружева плетутся во Мценске (Орловской губернии) тамошними мещанскими девицами; похуже в слободе Ку-

карке (Вятской губернии), но более известны и распространены кружева балахнинские (из города Балахны Нижегородской губернии). Так и говорится: «Куруз да коклюшки — балахнинские игрушки», а также: «Балахонские мастерицы плести мастерицы» столько же (по двоякому смыслу присловья) кружева, как и сплетни. К последним особенно располагает совместная работа: чистая, тихая, молчаливая и очень скучная. Она опасна для глаз, плохо вознаграждается. Все мастерицы — в руках плутоватых и бойких скупщиц, которые дают достаточно благоприятный повод, чтобы перемыть их косточки и на их счёт, и на очистку своей совести, позлословить. При таких занятиях и самая работа спорится.

ПО-РУССКИ

Объяснить это слово с полнейшей ясностью и обязательной точностью очень трудно и почти невозможно. Разобрать по частям — немудрено и каждой дать толкование дозволительно, но слишком вдаваться и в частные объяснения будет весьма утомительно. Жить и поступать, говорить и думать, одеваться и даже обуваться, причёсываться и наряжаться, петь и плясать, браниться и бороться и т. д. обязательно делать русскому человеку по-своему, и совсем не так, как принято другими народами чужих земель. Но и в своей земле не всё из упомянутого делается так по Волге, как на Волхове, хотя тоже по-русски, в том, и другом, и десятом случае. А по-московски, например, совсем уже не так, как по петербургскому. На это можно собрать целую кучу доказательств, а чтобы не легла она тяжёлым камнем, коснусь здесь слегка и возьму на этот раз лишь подходящее.

Несмотря на строгую заповедь, нелегко человеку познать самого себя,¹³⁰ то есть изучить нрав и сердце, а спознавши кое-что из прирождённого и приобретённого, ещё труднее сознаться в недостатках. Не только из людей, но из целых народов не видим мы откровенных, знаем больше замкнутых в себе или гордых, или хвастливых собой. Тем не менее, народ наш пытался сделать над собой поверку и, по привычной откровенности и прямоте характера, покался в кое-каких случайных пословицах.

Их, конечно, немного, как и быть должно. Сам в своём деле никто не судья: пусть лает собака чужая, а не своя. По такой причине за справками к соседям мы не пойдём (мало ли что люди болтают: всех не переслушаешь), но, ограничившись сделанными попытками домашней оценки, из этого живого источника наудачу возьмём более ходячие выражения.

1. Русские сваи

Их три, и кто их не знает, и кто ими не тычет, вопреки буквальному евангельскому изречению о брёвнах, прямо в глаза, да и так часто, что пора бы и перестать. Ведь, в самом деле, наше *авось* не с дуба же сорвалось. В стране, где могучие силы природы свыше меры влиятельны и властительны, и в тысячелетней борьбе с ними мы ещё далеко не смирили леса, не обсушили почву, не смягчили климат (как удалось это сделать, например, в тацитовской Германии).¹³¹ Поневоле приходится на авось и хлеб сеять. По зависимости от этого, на многие ли другие дела можно ходить спокойно, с верным расчётом на удачный исход и несомненный успех? Где нельзя бить наверняка, а работать всё-таки надо, там поневоле приходится поступать очертя голову, закрывши глаза, стиснув зубы и закусив бороду, как дельвали наши кубанские и иные казаки, бросаясь в бой с нестройными отрядами горцев, ввиду дикой и беспощадной их силы. Кто горьким опытом жизни беспрестанно убеждался в том, что заказной труд его непременно худо оплатится, а из десяти в девятое рабочий совсем не получит расчёта, тот обязательно исполнит заказ *как-нибудь*, как тверские кимряки, которые шьют сапоги, пригодные лишь от субботы до субботы (их еженедельного базарного дня). И в личных интересах он поступит также точно с прямым убеждением, что на его век хватит. Работу, где не вознаграждается труд, а иногда ещё требуют сдачи, то есть производят вычеты и штрафы, он сделает небрежно, чтобы поскорее подыскать другую и на ней наверстать испытанные и рассчитанные потери. Если со стороны скупщика и заказчика — стремление донельзя понизить цену, иногда прямые злоупотребления, то со стороны кустаря-мастера — тоже желание сбыть товар похуже. В погоне за каждой копейкой, которых

выручается так мало, о тщательной работе немного заботятся. Здесь, при крайней дешевизне изделий, *авосем* служит огромный навык в работе, а *небосем* — экономическая теория разделения труда. С голоду да с холоду приходится и на незнакомый, и на непривычный труд ходить по вере, что смелыми владеет Бог, а смелостью берут города. Одному любителю в Калужской губернии удалось развести канареек, а теперь там целые заводы и при них новое производство — клеточное. Приходится набрасываться на работу с отчаянным криком *небось*, то есть чего бояться, выступай смелей, не трусь! Принимайся, благословясь! Что-нибудь да выйдет: будет с них. Да и что бы ни придумать сделать, на всякое изделие найдётся охотник.

Не для чего, стало быть, удивляться, если такие обычные выражения обратились в пословицы и поговорки: «Небось, дождь будет?» «А ты, небось, этому рад.» «А ты, небось, был там?» (Нечто ты признаёшься, хотя, несомненно, и был там, и даже бока тебе намяли).

Может быть, и все эти три сваи, на которых стоит русский человек, оттого глубоко вбиваются в землю, что сама русская почва мягкая, свежая, девственная и, стало быть, податливая.

Так пускай себе авоська вьёт верёвки, а небоська петлю закидывает. Пускай досужие люди в городах, в тёплых и светлых покоех, при обеспеченной жизни умозаключают о том, что эти три сваи суть живые силы, действующие будто бы даже как самостоятельные существа. Пускай охотливые люди, стоя в беззаботной сторонке и с безопасного края, строят на этом явлении свои отчаянные теории — с них за это податей не берут, а ещё самим за такой труд платят деньги. Обвиняемым самим видно яснее других, что эти три родные *набитые* братья всегда вместе, всегда друг другу помогают и живут в вековых и близких соседях — никак с ними не развязаться и не разделиться: помогайте, пожалуйста, вы, умные люди!¹³² Самим никак не сладить, когда русаку и возрастать приходится на авось, а придя в полный возраст и принявшись за свой ум, ежедневно видеть и убеждаться, что: «Авосевы города всегда стоят негорожены, авоськины дети бывают нерожены» и «Авось да небось к добру не доводят». Идите на подмогу с наукой и искусствами, а не с напрасным обвинением и насмешками. Сам народ давно

сказал, что «Немудрено жить издеваясь, мудрено жить измогаясь». Привычно винят больше и чаще всего в наглядном и доказанном несчастье и, пожалуй, пороке русского человека его *задний ум*.

2. Задний ум

По объяснению довольно известной пословицы — это то, что у немца наперед: разум, как высшая познавательная способность, помогающая изобретать и приводить то в исполнение, развитая наукой нравственная сила, довольно очевидная в мастерствах и художествах. Конечно, за немца в народном представлении сходит тут всякий иноземец без разбора: механик англичанин, француз парикмахер, итальянец с шарманкой и обезьяной и настоящие германцы: «Штуки-шпеки немецки человеки». Отсюда поголовно исключаются все азиаты, но укрепилось убеждение, что: «У немца на всё струмент есть, и он без штуки и с лавки не свалится», конечно, без рассуждения о том, что иноземный мастер приладился производить одну только известную работу, которую, не скучая и с постоянством, исполняет целую жизнь, оттого в ней силён и отчётлив. Русскому, за скудостью специальных знаний, за неразвитием экономической теории разделения труда, когда одному рабочему всю жизнь приходится вытачивать одни только часовые зубчатые колёсики, а другому пружины, — русскому велела судьба поспевать всюду, на всякую работу, о которой до того он и не помышлял. Особенно доставалось круто в походной жизни солдату и офицерскому денщику, которым доводится подвергаться ежедневным экзаменам по всем видам немецких ремесленных цехов. При таких условиях нечего удивляться тому, что развивалась низшая познавательная душевная способность: догадливость или находчивость, — то, что привычно называется смёткой. И впрямь выходит так, как образно подсказывает поговорка, основательно убеждающая в том, что до чего доходит немец разумом, до того русский вынужден доходить глазами: первый изобретает, второй перенимает. Зато уже эта переимчивость, от долгого и частого употребления, в свою очередь доведена до изумительных и поражающих размеров. Она же, в ожидании чу-

жих образцов и готовых примеров, и обленила. Выродился тот задний ум, в котором откровенно сознаются и говорят, что если бы он, как у немца, стал у русака наперед, то с ним бы тогда и не сладить. Без того только одни крупные утраты. Задний ум всегда рассчитывает на память и в её запасах и приобретениях ищет уроков и руководства. При виде успехов новых изобретений, он труслив и недоверчив, становится в тупик и, придя в себя, начинает разбираться в прошлом и глубоко задумается в то время, когда требуется немедленный ответ. Дело не ждёт, а задний ум всё медлил, копался, осматривался — и упустил время. Не воспользовавшись благоприятным моментом, он многое потерял. Этот-то роковой случай и засчитывается в упрёк, и задний ум подвергся насмешке, когда, по усвоенной привычке, ввиду неудачи и осязательных потерь, остаётся хозяину его развести руками, приклонить голову и всю пятерню запустить в волосы и почесать ею затылок. Сюда именно и поместило воображение наблюдателей этот задний ум, и за дурную привычку, усваиваемую с детства, нарекли ему такое характерное и остроумное имя.

Прожитым опытом, как оставленным богатым наследством, действительно обеспечен русский человек. Хотя он и утешается, и оправдывается тем, что *заднее* (то есть прошлое) — *божье*, но говорят сторонние люди, более наблюдательные и знающие: «Бей русского — часы сделает»; пора отставать от старых замашек замыкаться в правилах изжившей свой век прадедовской науки и браться за ум. «Мужик хоть и сер, да ум его не чёрт съел». Он только медленно работает, потому что мало упражнялся в отвлечениях, а под лежащий камень вода не течёт. На что мы мастера и большие искусники, это — ругаться и драться.

3. Ругаться и драться

Не в исключительный упрёк нашим газетам и загульным вечеринкам, а в полную откровенность следует признавать эту дурную привычку за наше родовое и племенное свойство. Привычка эта доведена до сквернословия, в искоренении которого бессильны всякие меры, включительно до попыток современ-

ного благотворительного общества распространения духовно-нравственных книг и брошюр.

Сотнями тысяч разносится и раздаётся даром, расклеивается и десятками тысяч покупается за семитку печатное на листе и за трёшник в виде брошюры не говорённое Златоустом поучение,¹³³ а русский человек, тем не менее, что раз выговорил, на том и упёрся. Он говорит: не выругавшись — и дела не сделаешь; не обругавшись, и замка в клетки не отопрёшь. В первом случае не жаль бранных слов для других, во втором — нет пощады и самому себе. В обоих же, как и во всех прочих, на брань слово очень легко, но дёшево покупается. Ввиду опасностей, при горячке в спешных работах, лучше затыкать уши тем, у кого они нежно устроены, и проваливаться сквозь землю. Иноземный моряк в бедовое время плавания становится смиренным, молчаливым и сумрачным, как те самые тёмные тучи, которые знаменуют опасность — в нашем старинном флоте на то же время нарождались такие в ругательствах искусники, что следует зачесть им это мастерство в богатырство.

Везде чувствуется накипевшее на сердце недовольство, которое обуздано как будто лишь одними случайными обстоятельствами, но выжидает, однако, повода и пользуется им для срывания с сердца. Затем опять терпение в молчании, мотанье на ус, видимое равнодушие и обманчивое безучастие к совершающимся событиям, то меланхолическое *себе на уме*, которое также обращают в упрёк и осуждение, но которого всё-таки побаиваются и испытывавшие его на деле, очень серьёзно и основательно, и уважают в то же время, зная, что это исторический продукт и законный способ действий. *Себе на уме* учится у решительных и умелых, выслушивает опытных и откровенных, выжидая своего времени, держит ухо востро и, выходя на дело, редко уже ошибается. В значении самозащиты и образа действий в жизни, это — одна из самых характерных черт русского народного характера.

В старину (как свидетельствуют о том народные былины) соберутся, бывало, могучие богатыри к ласковому князю за почётный стол. Рассказывают о своих удалых подвигах, высчитывают, сколько побили злых поганых татар, сколько душ христианских из полону вывели, испивают чары зелена вина, ис-

тово ведут речи по-учёному, чинно чествуют гостеприимство, величают хлебосольство, пируют-проклажаются. И сидеть бы так до полуночи и до бела света. Да один через край выхвастался, не по-русски и не богатырским обычаем повыступил — как стерпеть?

У нас на Руси прежде всякого дела не хвастают,
Когда дело сделают, тогда и хвастают.

Хвастуны — не в наших нравах среди смиренного житья и молчаливых подвигов.¹³⁴ Таково у нас вековечное правило: собой не хвастай, дай наперёд похвалить себя людям. Разрешается хвастать только при сватаньях, а смирение — всегда душе спасенье, Богу угожденье, уму просвещение. Этой добродетелью русский человек многое выслужил и ещё больше того получил на свой пай, в наследие и про обиход.

Не спускали богатыри вины виноватому, попрекали его насмешками, наказывали ругательствами, не смотрели на то, что княгиня Апраксеевна сама на пиру сидит. При этом не разбирали и старых заслуг и великих богатырских подвигов. На что были славны богатыри Алёша Попович и Чурила Плёнкович, а ни тому, ни другому, ни третьему не было ни прощенья, ни снисхожденья. Говорили Алёше Поповичу:

— Ты хвастунишка, поповский сын!
А живи во Киеве со бабами,
А не езд с нами по чисту полю!

Упрекали Хотена Блудовича:

— Отца-то у тя звали блудищем,
А тебя теперь называем уродищем.

Даже Настасья Романовна не утерпела, при женской скромности и смирении, чтобы не выбрать даже братца родимого, почтенного старца Никиту Романовича:

— Ай же ты, старая собака, седатый пёс!

И даже богатырскому коню, безответному существу, нет прощения. Едет Добрыня на подвиги, а конь спотыкается не у места и не вовремя. Добрыня ругается:

— Ах, ты, волчья снесь! Ты, медвежья шерсть!

Чужих, пришлых хвастунов старые богатыри не только обрывали и обругивали, но и жестоко наказывали. Попробовал было татарский богатырь на пиру поневежничать: есть по-звериному, пить по-лошадиному и притом ещё похвалиться и хвастаться, а у него косая сажень в плечах.¹³⁵ На него за то напустили не какого-нибудь храброго богатыря, а мужичонку плохонького, ростом маленького, горбатенького, худенького, хромоноженького, в полное посмеяние и надругательство. Однако, тот татарина из тела вышиб, по двору нагим пустил. Бились они и боролись всякий своим способом — какая же ругань без драки? А русская борьба отличается:

На ножку перепадает,
Из-под ручки выглядит.
Бьёт правой рукой во белую грудь,
А левой ногой пинает позади.

Русская борьба — на два манера, по условию и по обычаям: в обхват руками крест накрест: левой рукой через плечо, правой под мышки, или под силки, а затем как усноровятся. Либо, припадая на колено, мечут через себя, либо подламывают под себя, либо швыряют на сторону и кладут на бок и на спину через ногу. По другому приёму, с носка, в прихватку, берут друг друга одной рукой за ворот, а другой не хватать. Лежачего не бьют — лежачий в драку не ходит; ма́зку (у кого кровь показала) также не бьют. Рукавички долой с рук. В сцеплянке, то есть в одиночной схватке, бой бывает самый жестокий, потому что ведётся в рассыпную, а не стена на стену, где не выходили из рядов. В единоборстве иногда просто пытаются силу: *тянутся*, садясь наземь и, упёршись подошвами ног, хватаются руками за поперечную палку и тянут друг друга на себя.

Иногда палку сменяют крючком указательного пальца. Татарская и вообще степная борьба ведётся также по-своему: татары хватаются за кушаки и левыми плечами упираются друг о друга; перехватывать руками и подставлять носки не разрешается. Другой способ (у калмык) совсем дикий: сходятся в одних портах без рубашек, кружатся, словно петухи, друг около друга; затем, как ни попало, вцепляются и ломают один другого, совсем по-звериному, даже как будто бы и по-медвежьи.

Иной и крепок, собака, не ломится,
А и жиловат татарин — не изорвется.

С дикими ордами старинные русские люди иначе и не начинали, как единоборствами, и не кончали споров без драк в рукопашную, стена на стену, когда ещё не знали огненного боя, а ведались только лучным боем (стрелами из луков). Также стена на стену, на общую свалку хаживали предки наши, когда не устанавливалось ладов и мира между своими, как бывало у новгородцев с суздальцами, у южной Руси с северной, у черниговцев с суздальцами, у новгородцев с чудью и немцами, как теперь бывает на кулачных боях. И нынешние бои, как наследие старины, представляют расчёты по поводу накопившихся недоумений и неудовольствий двух противных лагерей. Они и бывают трудно искоренимыми исключительно в старинных городах, где борются два направления: жители, например, одной стороны реки, разделяющей город, мелкие торговцы или пахари, живущие же по другую сторону — фабричные. Или правая выёт канаты, а левая торгует хлебом и фабрикует сукна, холст; в Казани одна стена — суконщики, другая — мыловары, и т. п.

Если не удавалось в старину отсидеться за деревянными стенами в городках, и надо было выходить в чистое поле, выбирали для этого реку и становились ратями друг против друга. Суздальцы против черниговцев стояли в 1181 году на реке Влене таким образом две недели, смотря друг на друга с противоположного берега, и переругивались. Припоминали старые неправды и притеснения, укоряли взаимно друг друга племенными отличиями, обращая их в насмешку и раззадоривая. Доставалось и самим князьям-предводителям. Южане обругали

новгородцев *плотниками* и, похваляясь аристократическим своим промыслом — земледелием, выхвастывались силой, боевым искусством и богатством своим: «Заставим-де мы вас себе дома́ строить», а по пути обозвали и новгородского князя *хромцем*. Не оставались в долгу и эти. Собираясь на брань, они послали сказать врагам, также попутно посмеявшись над их князем: «Да то-ти прободем трескою (жердью) череву твою толстую», и т. п. Точно так же и под Любечем долго стояли новгородцы противу киевлян и не решались переправиться через реку Днепр, пока первые не выведены были из терпения обидами и грубыми насмешками. Киевский князь Ярослав точно так же в ссоре с тмутараканским Игорем счёл необходимым бросить в него бранное и оскорбительное слово: «Молчи ты, сверчок!» Начали биться. Битва кончилась победой Игоря, а народ стал с той поры в посрамление бранчивого, подсмеиваться над ним: «Сверчок тмутаракан победил».¹³⁶

Так поступил и Мстислав тмутараканский, сын Святого Владимира, ещё в 1022 году, согласившийся побороться с Редёдей, косожским князем, по свидетельству «Слова о полку Игореве». — «Для чего губишь дружину? — говорил Редедя: — лучше сами сойдёмся бороться, будем биться не оружием, а борьбою». Боролись крепко, боролись долго. Мстислав стал изнемогать: Редедя был велик ростом и силен. Взмолился *храбрый* Мстислав к Пречистой Богородице, обещая построить во имя её церковь, собрал все свои силы и ударил врага об землю. Потом вынул свой нож и «зарёза Редедю предъ полкы косожскими».

С тех давних первобытных времён перекоры и всякого рода переругиванья, в дешёвой форме вызова и задоров, или собственно *брань* стала употребляться, подобно слову *битва* в переносном значении, для замены слов *война* и *сражение*. На самом деле существовал издревле особый порядок. За бранью следовала или *свалка* в рукопашную, или *сшибка* на кулачки, или даже и прямо потасовка, как схватка за святые волосы¹³⁷ и в этом удобном виде поволочка, лёжа на земле или стоя на ногах из стороны в сторону, с боку на бок, пока кто-либо не ослабнет первым. Брань одна или окончательно решала спор, или разжигала страсти других враждующих до драки, когда они вступали в дело, принимая участие и сражаясь всем множеством.

Частные и отдельные схватки переходили во всеобщую свалку, *завязывалось сражение*, то есть сильное поражение насмерть ударами или оружием. Таковое, несомненно, должно, с разгаром страстей и общим одушевлением до самозабвения, перейти в подлинный *бой*. Побоище делается повсюдным, раздражающим зверские инстинкты при виде пролитой крови и увечий. В конце концов, настоящая *битва* объемлет всё поле сражения. Здесь уже принимают участие не только отдельные полки и отряды, но целые армии, *пóлчища*¹³⁸ со всеми современными приёмами баталий включительно до батального огня, то есть такого, когда ружейная и пушечная пальба производится без команды, непрерывно, пока не прогремит барабанный отбой, либо не расстреляются из сумок все запасные патроны, а за сим и неизбежные последствия, то есть либо победа Петра Великого на Полтавском поле и побой Карла XII, которые вспоминаются до сих пор церковным празднеством — благодарственным молебном со звоном — 27-го июня, в день Сампсона странноприимца. Точно так же — либо *Бородинское побоище*, не указавшее с точностью перевеса сил сразившихся, русских с французами, на этом поле в Можайском уезде Московской губернии; либо *Мамаево побоище*, которое ввергло всю Русь в продолжительное рабство и оскорбительную зависимость от диких орд. Надо было пройти долгому времени, чтобы последнее великое несчастье народа могло благодушно превратиться в насмешливое выражение и шуточный укор. Они обращаются в таком виде к тем людям, которые беспутно ведут в доме хозяйство и, производя ненужные перевороты, достигают страшной неурядицы и даже полного имущественного разгрома со ссорами, драками и следами боевых знаков в виде синяков, желваков, колотых ран с рассечкой, и ушибных подкожных и лёгких царапин ногтями, и т. п. Где вам с нами «битися-ратитися, мужики вы лапотники, деревенщина-засельщина, воры-собаки, голь кабацкая!» А тем временем по полям ходит ветер, всё подметает и разносит: брань на вороту не виснет и в боку не болит, а бранят — не в мешок валят. Пьяный мужик и за рекой бранится, да ради его не утопиться; не кидаться же, в самом деле, в воду от лихого озорничества: вон, собака и на свой хвост брехает. Бывало так, что соседи досыта наругаются, отведут душу, да на том и покончат

и разойдутся: так нередко случалось у новгородцев с суздальцами. Затевать долгие и большие бои было невыгодно: одни без других жить не могли, потому что жили частыми обмёнами и вели живую торговлю. У новгородцев водились товары на всякую руку, вывезенные даже из-за моря, у суздальцев на зяблую и мокрую новгородскую страну заготовлялся хлеб-батюшко. Закинутся новгородцы — суздальцы захватят их торговый город и складочное место Торжок, и запросят купцы у пахарей мира по старине, с крестным целованием. Тогда обходилось дело и без драки, без рукопашных схваток, без лучного боя. Заломается суздальская земля — новгородцы наймут рати, накупят оружия, вызовут недругов с очей на очи, поругаются — отведут душу. Да надо же и подраться — *сердце повытрясти*. Ругательствами подбодрились, охочих витязей на борьбу выпустили — ещё больше разожгли сердца. Когда попятили богатырей на стену, дрогнула вся стена, как один человек, и закричала свой *ясак* — обычное заветное слово: новгородское за *Святую Софию*, псковское за *Троицу* и т. п., и пошла стена на стену. Произошёл бой *съёмный*: войска сошлись вплоть и сразились в *рукопашную*. Всякий здесь борется не силой, а сноровкой и ловкостью: схватясь с противником, старается свалить его наземь и побоями кулаками и ударами дубинами или холодным оружием довести его до того, чтобы он уже не вставал на ноги.

И не слышно было в бухтаньи да охканья!

И взял он шалыгой поколачивать,

Зачал татарин поворачиваться,

С боку на бок перевёртываться.

Прибил он всю силушку поганую —

Не оставил силушку неверную на семена.

В Липецкой битве, на берегах ручья Липицы, новгородцы не согласились биться с суздальцами на конях, спешили и разгорячились до того, что сбросили с себя порты (шубы, рубахи) и сапоги; стали сражаться налегке, врассыпную. Суздальцы побежали. Вопль и стоны изломанных, избитых и раненых слышны были за несколько вёрст. В другой раз, когда Александр Невский наказывал немцев за дерзкую выходку, тоже за похвальбу

покорить себе славянский народ, новгородцы смяли их с берега на лёд, жестоко бились на нём врукопашную, поразили врагов наголову и потом гнали их по льду на расстоянии семи вёрст. Когда тот же Александр Невский бился со шведами на берегах Невы, витязи его так разгорячились в битве, что совершили богатырские подвиги. Один новгородец, преследуя неприятелей, спасавшихся на корабль, вскочил на доску, был сброшен с неё в воду вместе с конём; но вышел из воды невредим и снова ринулся в битву. Другой пробился к златоверхому шатру шведского предводителя, и подрубил его столб: шатёр рухнул, что обрадовало русских и навело уныние на врагов.

Из этих взаимных бранных перекоров, разжигавших на битву или собственно бой (от того они часто в старину назывались *бранью*: «Броня на брань, ендова на мир»), остались многочисленные следы в так называемых присловьях, где одна местность подсмеивается над недостатками или пороками другой. Иные из этих насмешливых прозвищ до того метки и злы, что немедленно вызывают на ссору и драку современных невинных потомков за грехи или недостатки виновных предков. Обоюдные перекоры эти так в то же время разнообразны, что для изучения и объяснений требуют очень большого самостоятельного труда, который мной и представлен в газете «Новое Время» под заглавием: «Как наш народ себя понимает».

Впрочем, собственно *браниться*, то есть в ссоре перекороваться бранными словами, по народным понятиям, не так худо и зазорно, как ругаться, то есть бесчестить на словах, подвергать полному поруганию, смеяться над беззащитным, попирать его ногами. С умным браниться даже хорошо, потому что в перекорах с ним ума набираешься (а с дураком и мириться, так свой растеряешь). Зато, кто ругается, под тем конь спотыкается.

Хотя лучше всякой брани: «Никола с нами!» — тем не менее, забалованная привычка часто и говорить, и делать с сердцѡв, и даже, не сердясь, ругаться и без всяких поводов браниться — привычка, как видим, вековая, досталась нам от предков и укрепилась так, что теперь с ней никак уже и не развязаться. Ещё в глубокую старину народ убедился в том, что брань на вороту не виснет, и это укрепил в своём убеждении так твёрдо, что уже и не сбивается. В позднейшие времена он ещё больше

утвердился на том, когда по указу государеву (Екатерины II) и заглазная брань отнесена к тому же разряду. Сказано, что она виснет на вороту того человека, который её произнёс. Затем известно, что не помутясь море не уставится, без шуму и брага не закисает, стало быть, без брани, когда далеко ещё не всё у нас уряжено, скроено и сшито, и приходится всё перекраивать, а сшитое распарывать, без брани — не житьё: как ни колотись, сколько ни мучайся. Соблюдай лишь при этом одно святое, неизблемое правило: «Языком и щёлкай и шипи, а руку за пазухой держи»; хотя, однако, одной бранью и не будешь прав.

4. Говорить

По-русски говорить — это не одно только умение изъясняться на своём родном языке, что не очень легко, на таком богатом и поэтому очень трудном. Обыкновенно удивляются, откровенно сетуют и наивно высказывают жалобы наши матросы, например, когда, во время плаваний, при обращениях с туземцами, требований их те не понимают и желаний не исполняют.

— А ведь я ему русским языком говорил!

Несмотря на глубочайший комизм подобных жалоб и, по-видимому, необычайное простодушие тёмных людей, здесь, в сущности, заключается нечто более серьёзное, оправдывающее призрачную наивность. Кругосветный матрос, сибирский казак, закавказский солдат глубоко убеждены в том, что, сказавши по-русски, они выразились точно. Это — не по сомнению, что только на русском языке можно выражаться таким образом, а по привычке, сделанной с малых лет — говорить прямо, решительно и коротко. Этот способ непривычным посторонним людям кажется грубоватым и неприятным, именно потому, что простые деревенские люди говорят мало, не привыкли даром пускать слова на ветер. Не прибегают они к иносказаниям и не знают лстивых подходов, обходных приёмов и подслащённых слов, предоставляя это городским людям. К словоохотливым из заезжих они прислужливы, но опасаются им вполне доверяться. Болтуны из соседей и своих не пользуются никаким уважением, считаются пустыми и бездельными людьми, зачастую подвергаясь насмешкам и обидному презрению. Во всяком случае,

по деревенским понятиям, болтуны с неизбежной примесью хвастливости и рисовки собою, *бахвалы* по коренному народному выражению — люди неумные, дураки: «Язык болтает, а голова не знает». Языком молоть спуста одно и то же, что день-деньской по базарам болтаться без всякого дела и в то же время другим мешать дело делать. Пословичные приметы ведут даже к таким решительным и смелым заключениям: «Коли болтун, так и врун; врун, так и обманщик; обманщик, так и плут; плут, так и мошенник, а мошенник, так и вор». Между тем, иначе как просто, ясно и коротко, по народному убеждению, и говорить по-русски нельзя. Образный язык роскошно снабжён для того всеми данными: старайся лишь ими пользоваться. В противном случае, в глазах русского человека и, по выражению тех же матросов и солдат, будет уже *на манер французский* и, может быть, даже немножко и *погипшанистей*.

Впрочем, не одни деревенские люди о родном языке такого строгого понятия.

«Кажется, по-русски я тебе сказал; кажется, русским языком я тебе говорю!» — с сердцем и сильным упрёком сплошь и рядом и ежедневно обращаются образованные люди к бестолковому или лентяю, не пожелавшему или позабывшему исполнить поручение или приказание. Чего уж хуже: стоит ли после того с таким человеком язык понапрасну трепать? Очевидно, что с ним нельзя вести никакого дела.

Отсюда же и *отрезать по-русски* значит сказать решительное и окончательное, прямое и бесповоротное слово, напрямки, начистоту, по всей голой правде. По правде русак хочет жить, но мало её видит, про неё только слышит, и целый свой век тужит о ней. Один из самых честных и умных князей сказал своему народу, что *не в силе Бог, а в правде*. Ему охотно поверили. Потом, немного осмотревшись, узнали правду Сидорову да Шемякин суд, затем познакомились с той, которую в Москве у Петра и Павла выбивали длинными прутьями из пяток, когда человек был подвешен за руки на дыбу. Мимоходом в то же время русские люди узнали правду *цыганскую*, которая оказалась хуже всякой православной кривды, да *греческую* — ещё страшнее: «Коли грек на правду пошёл, держи ухо остро!» А с тех пор, как стали заводиться новые порядки, русак решил, что теперь

вся правда — в вине, и по-прежнему слёзно горюет: «И твоя правда, и моя правда, и везде правда, а нигде её нет». Он охотно её ищет и стал, однако, очень недавно находить — в суде. Последнее приобретение русское пришлось теперь кстати и, что называется, ко двору, тем более, что давно уже откровенно говорилось: «За правду не судись: скинь шапку, да поклонись». Недаром же и первый свод законных постановлений носит название «Русской Правды» ещё с 1016 года.

5. Принять и угостить

Вот здесь наша слава, честь и хвала безраздельные и беспримерные. Если обойти весь свет и потолкаться у всех народов, даже между азиатскими, которые в особенности отличаются гостеприимством, и у которых оно не только народный обычай, но и религиозный закон, — подобной русской готовности и умения обласкать заезжего и захожего гостя положительно нигде найти нельзя. Широко раскрыты наши ворота для званных и незванных, как бы подчас ни были неудобны последствия, и как бы ни разнообразились причины, породившие подобное явление. Русское радушие оттого велико и сильно, что, народившись среди бесприветной природы и в бесприютной стране, выучилось ценить чужую нужду в посторонней помощи и понимать опасности тех, кто стучит в окно и просит приюта. Начало этому доброму и высокому чувству лежит во мраке тех далёких времён, когда заселялась русская земля и передние переселенцы, испытавшие суровую школу передвижения по дремучим необитаемым лесам, выучились помнить о задних. Десятки похвальных обычаев, обращённых на пользу бесприютных и заблудившихся, сохранились во всей целостности до наших дней, несмотря на то, что круто изменяется образ нашей великой земли. Житейские невзгоды в первобытной суровой стране, смирившие человека и научившие его одновременно общинному быту, артельному труду и круговой поруке, положили в основание характера беспредельное добродушие. С последним же, как известно, непосредственно соединяется великая христианская заповедь любви, проявляющаяся участием, состраданием и готовностью помощи не только тем, которые

открыто просят, но и тем, которые неслышно страдают и гордо молчат. Так называемая тайная милостыня тёмною ночью, неслышной походкой, осторожно спрятанной рукой так же деятельна и распространена, как и подача на выходах из церквей, на базарных и ярмарочных площадках, и ранним утром из домашнего окна, при дневном свете, громко вымаливающим и выстукивающим просьбу в подоконья. Из-под них, как известно, ни один и ни разу не отходил ещё без святой Христовой милостыньки. Если мы, между прочим, обратим внимание на то разнообразие приветов, ласковых встречных слов, из которых, говоря по-книжному, составляется целый словарь, — мы наглазно убедимся, сколь богато русское сердце и как роскошно разлито в нём, во всём своём разнообразии, благородное сочувствие и участие приветливым словом и делом ввиду бессилия и страданий соседа. Не одному тяжёлому, но и всякому малому труду посылаются встречным и мимоходным свидетелем добрые пожелания успехов и Бога на помощь. Опасные моменты в жизни и все преткновения предусмотрены и взыскиваются словом живительным и подкрепляющим упавшую энергию. Вовремя сказанное слово умеет и плечам придать новую силу и уменьшить боль в ноющей ране. Заявление тёплого сострадания совершает великие чудеса там, где были потеряны всякие надежды, и наступало время рокового отчаяния.

Складные и необычайно разнообразные приветствия становятся бесконечными в те времена, когда русский человек, вообще *гульливый* (по тому же пословичному признанию), распахнёт душу и выставит праздничную хлеб-соль. Собственно праздничных пиров у русака меньше трёх дней не бывает, словно и впрямь в честь святой Троицы. *Добро жаловать* и *милости просим* получают такое разнообразие и оказываются в таком широком применении, что нет возможности уследить до конца. Русский человек вообще терпелив до зачина и всегда ждёт задора, но лишь дождался помощи в товарищах — «Ни с мечом, ни с калачом не шутит». Каков он в бою, таков и на пиру, где, по пословице: «Пьют по-русски, но врут по-немецки». В таком случае выражение *принять по-русски* распадается на двоякий смысл: в бою и в недоброе время это значит принять и прямо, и грубо расправиться, пробрать, угостить так, что покажется со-

лоно. В мирное время и на счастливой час это значит принять с душой нараспашку и с сердцем за поясом, и угостить до положения риз¹³⁹ (по семинарскому выражению) и по крестьянскому: «Что было, всё спустил; что будет — и на то угостил!»

6. Божиться

Призыванием имени Божьего во свидетельство сказанной правды и самой клятвой как поличным доказательством у нас на Руси зачастую злоупотребляют так, что божба потеряла подобающую ей силу. Тем не менее, на неё предъявляют требования изверившиеся люди и в ней ищут успокоения совести и подкрепления своего убеждения, когда другие пред ними рóтятся и клянутся. Делается так или по дурной привычке, или из личных корыстных видов, но во всех случаях, вопреки евангельской заповеди, повелевающей говорить только *да* или *нет*, и в полном согласии с древними, далеко не покинутыми приёмами и обычаями языческих времён. Проповедники слова Божия запрещали употреблять в клятве имя Бога, а у нас *ей-богу* стало равносильно евангельскому *ей-ей*, простому *да*, и идёт оно мимо ушей и не вменяется уже ни во что. Не больше верят и таким тяжким заклинаньям, как *лопни мои глаза, развались утроба на десять частей, как с места не встать — света белого (креста на себе) не видать*, как ссылка на телесную сухотку: *отсохни руки и ноги; всему высохнуть; иссуши меня, Господи, до макова зёрнушка*; как базарное перед большими праздниками: *праздника честного не дожидаться, разговеться бы Бог не привел и куском бы мне подавиться*. Не больше веры и тому, кто скажет: *вот Бог видит* и при этом наклонится и сделает такое движение правой рукой, как будто берёт горсть земли и затем подносит руку ко рту, как будто бы ест эту мать-сырую землю (а иные даже и на самом деле едят её). Бывают, однако, и такие клятвы, которые не признаются *малыми*, но настоящими *тяжкими*, судя по условным понятиям и местным вкусам. Иному верят, если он просто удостоверяет, что у него сегодня *ни пито, ни едено*, что у него *крохи во рту не бывало*, что у него *только вода на лице была* и т. п. Клятва своими детьми почитается везде одной из самых убедительных и строгих. Её не вменяют

в правду только в устах цыган, над которыми за то и подсмеиваются зло, говоря: «Цыган божится, на своих детей слыгается» или «Шлётся цыган на своих детей».

Усердно божится и клянётся купец за добротность товара, в котором он знает толк, перед тем бестолковым и слепым покупателем, которому понравился товар по внешности, но неизвестен по внутренним качествам. Тем охотнее божится продавец, чем больше покупатель обнаруживает готовности купить, не умея разобраться в добротности неотложно необходимой вещи. В торговле столько обманов в подделке, столько казовых концов, а стало быть, обширное поле для ошибок и промахов, что недоверие невольно ищет себе поддержки и оправданий в божбе и тяжких клятвах. Некоторые продажные вещи до того обманчивы и так подделаны, что на них может *обмишулиться* самый опытный глаз и привычная ошупь. Затем, чем темнее продаваемая вещь, тем больше недоверия покупателей и больше клятв от продавцов, которые *поневоле клянутся, коли врут*. Так, например, нет ничего труднее купить хорошую лошадь (у цыган даже совсем не советуют их покупать). Не покупают коня деньгами, покупают всего чаще удачей. Кто бывал на конных торжках и ярмарках, тот легко вспомнит и вполне согласится с тем, что нет больше шума, отчаянной божбы и бессовестных клятв, как именно на этих местах, где действуют наглые и дерзкие на словах барышники. Они и язык особенный выдумали для своих плутней, и по конюшням держат целые аптеки и химические лаборатории. Вот почему случилось так, как подсказывает верно сложенная поговорка: если барышник «не божится, то и сам себе не верит, а если божится, то люди ему не верят». В старину будто бы купцы имели обыкновение божиться вслух, а про себя отречься от выговоренной клятвы. Теперь замечают, что совсем вывелась из употребления эта старинная *отводная* клятва, задняя мысль, с отводом от себя по такому способу: *лопни глаза* (например, бараньи), *дня не пережить* (собаке), *отсохни* (вместо *руки*) *рукав* и т. п. Теперь говорят: «Люди праведно живут: с нищего дерут, да на церковь кладут». Теперь стоит лишь пройти мимо мест продажи и купли, чтобы услышать самую разнообразную и беззастенчивую божбу на всякие лады, перемешанную с грубыми переборами и сильной руганью.

Ввиду такой несостоятельности божбы и клятвы при неверном расчёте на то, когда правда себя очистит, придуманы разные способы острастки, чтобы добиться уверенности в зачурываемой голой истине. Самоед никогда не согласится соврать, стоя на шкуре белого медведя и держа его голову в руках: он убежден ещё, что за показную ложь съест его этот зверь при первой же встрече на Новой Земле. Старинные казаки боялись целовать дуло заряженного ружья, и теперь присяга на ружьице у донских казаков употребительна во многих станицах. Она считается вполне убедительной и страшной, если у ружья со взведённым курком поставлена будет святая икона. То же снятие со стены иконы и целование её при свидетелях почитается ещё клятвенным доказательством там, где ружьё не играет такой большой роли, как у казаков, и где думают, что снимать для клятвы икону значит *потянуть руки на Бога*. Икона на голове, а кое-где вместо неё кусок свежего дёрна, также иногда служит бесспорным доказательством настоящей правды, как самая тяжкая божба (о чём я уже имел случай говорить в другом месте). У белорусов до сих пор живо выражение *землю есць*, то есть клясться землёй — и не исчез обычай, в доказательство истины, класть в рот щепотку земли и жевать ее. Тверда и неизменна только та клятва, которую несут миром, когда идут круговой порукой, то есть стоят все за одно и каждый за всех.

7. Одеваться

В наглядное доказательство того, насколько изменяется даже на нашей памяти не только внутренний смысл народной жизни, но и внешние, отличительные этнографические признаки русского человека, достаточно остановиться на одежде и здесь, не уходя в дальнейшие скучные подробности, ограничиться, например, лишь одним головным убором. Не говоря об исчезнувших уже женских киках, кокошниках, повойниках и сороках,¹⁴⁰ более устойчивые мужские шляпы становятся теперь также большой редкостью.

До освобождения крестьян на глазах у всех были больше десятка сортов этой головной покрывки, носивших отличный покрой и соответственные названия. По ним опы-

ный, приглядевшийся глаз мог уверенно различать принадлежность владельцев их известной местности: шляпы, как наречие и говор, служили верными этнографическими признаками и точными показателями. Весьма многие, несомненно, помнят классические *грешневики* на головах московских извозчиков из подмосковных деревень, разъезжавших в зимних санках и на отчаянных клячах. Помнят и базарную общеизвестную *ровную* шляпу, где тулья была одинаково равна около дна или верха и около полей на низу. Солидные старички и до сих пор её не покидают, дорожа её удобствами именно потому, что *дело в шляпе* — в буквальном смысле поговорки: хранится синий ситцевый платок с завёрнутыми в нём деньгами, личным паспортом, нужными бумажонками, со счетами и расписками, с письмом от баламута-сына из Питера, и проч. Молодёжь требовала на эту ровную шляпу цветную ленточку с оловянной раскрашенной пряжкой. Из неё же выродилась *череповка* для всей новгородчины — не слишком высокая, а серёдкой на половине: стопочкой и коробóчком. Некоторые местности у семёновских и макарьевских мастеров-кустарей требовали ломать эти ровные шляпы по самой середине, другие делать перехваты ближе ко дну для украшения их в этих местах лентами и пряжками. В первом случае выходили шляпы *с переломом*, во втором *с перехватом*, где ленточка, пришитая ближе кверху, спускалась к полю наискось, как у рязанцев. Для Поволжья валяли из овечьей же шерсти, заваривали в кипятке и сушили на солнце, вместе с тёплыми валяными сапогами, шляпы *верховки* и шляпы *срезки* (пониже и пошире). Сваляют покрепче, чтобы войлок стоял лубом, наведут поля пошире (у верховки узенькие), подошьют лакированную кожу и, вместо ленты, кожаный ремешок, наведут пушок или ворсу — выходит шляпа *прямая*, или *кучерская*, на потребу этим важным и гордым городским людям. Изготавливалась в семёновских валяльных избах и ублюдок среди шляп, называвшийся полуименем *шляпок*, и настоящие уроды по форме и покрою: *ровный шпилёк* (ибо был ещё *шпилёк московский*), *кашник* и *буфетка*. Ровный шпилёк похож был на опрокинутый кувшин, в каких до сих пор продают в Москве молоко, а кашник имел поразительное сходство с опрокинутым горшком, в каких обычно варят щи и кашу. Для поволжских инородцев изготавли-

ются особые шляпы *чувашки*, всегда чёрного цвета, и *татарки*, всегда белые и некрасивые: либо грибом, либо первозданным колпаком, наподобие скифских (или тоже белорусских) магерок. Как под шляпами городского фабричного дела с широчайшими полями, или крыльями, всегда легко и просто можно было видеть священников, так из-под *бриля* глядит серьёзное, усатое и мужественное лицо малоросса. Одним словом — во всех этих и других не упомянутых случаях воочию подтвердилась истина изречений: «По Сеньке и шапка» или «По Ерёме колпак, по Малашке шлык».

В настоящее время за этими и иными разновидностями народного наряда нашим учёным обществам, для пополнения музеев, приходится гоняться с трудом. Многое уже, как выражается сам народ, и прозевали, а что ещё остаётся на виду, на всё то надо, что называется, смотреть в оба. Всякие преобразования и улучшения последних десятилетий, в самом деле, всколебали коренную народную жизнь до самого дна, доведя её даже до таких видимых мелочей. На смену старинных заветных шляп вышел даже в глухие деревни городской щёголь-картуз с лакированным светлым ремешком и шёлковой ленточкой. Вместе с ним появилась, вместо балалайки, гармоника в руках франта при жилетке, дождевом зонтике, серебряной цепочке красносельского изделия и в смазных скрипучих сапогах. Вспомнилась мужичья шляпа как раз в то самое время, когда *Спирьки* и *Стрелочки* выступили на смену смолкающей не вовремя, но, по-видимому, в очередь, бесподобной народной песни.¹⁴¹

К изумлению уберегается ещё в обычаях прародительская стрижка волос *в скобку* наподобие буквы *П*, когда ножницы обрубают волосы в середине лба, а затем опять, прямо по затылку кругом всей головы, обойдя уши для того, чтобы они были закрыты волосами. Надо ушам быть прикрытыми, чтобы не зябли, если больше полугода стоит холодное время, точно так же как по той же причине выгоднее на рубахах и полушубках запахивать грудь косым воротом, чем распашным прямым (усвоенным малороссами и белорусами). Впрочем, коренные русские люди, более дорожающие старинными обычаями и обрядами и придерживающиеся старой веры, стригутся все ещё *под дубинку* в отличие от господской стрижки *по-польски* или

по-немецки, то есть с косым пробором и висками, и от солдатской *под гребёнку* (гладко, насколько захватят казённые ножницы). Староверский способ требует обруба волос ровного кругом всей головы. При этом простригают макушку, то есть *гуменце*, что делалось встарь на *пóстригах*, когда отрокам княжеским наступал возраст возмужалости, и что производится до сих пор при посвящении священно и церковнослужителей. Староверы упорно веруют, что такой приём облегчает достижение благодати свыше при молитвенных возношениях и земных поклонах, через открытое темя прямо в голову.

8. Привечать

Насколько придаётся народом цена и важность обычаю приветов, и в какой мере они обязательны и требовательны во всём множестве подходящих неожиданных и обязательных случаев, может служить резким доказательством обращение среди грамотных в народе особых записей в виде образцов и руководств. Их можно встречать отдельными статьями в различных письмовниках, издаваемых московскими книгопродавцами и обучающих вежливости и хорошему тону. Некоторые записи представляют собой любопытные кодексы старинных нравов, и в этом смысле они имеют большую этнографическую и историческую ценность. Жители городов, конечно, в особенности понуждались в этих указаниях для изъявления доброжелательства и ласковых слов, столь драгоценных для доброго соседства и дружелюбных отношений. На это досужая городская жизнь даёт множество поводов и открывает широкий простор в различных бытовых случаях.

Один из таких сборников, как памятка про себя и заметки про свой домашний и общежительный обиход, написан был жителем ярославского города Мышкина ещё в 1779 году и случайно отыскан Павлом Николаевичем Тихоновым. Он напечатал этот сборник в Ярославских Губернских Ведомостях 1888 года, и в нём четыре страницы принадлежат именно этому отделу *приветствий*. Пользуясь отдельно изданной брошюрой, подаренной мне издателем, представляю несколько более характерных выписок с сохранением целостности записей и их порядка:

«Женщина родит: *Слава Богу! Бог душу простил, а другую на свет пустил.*»

Младенец некрещёный чхнёт: крестись!

Младенец чхнёт (значит уже окрещённый): *Здравствуй, велик расти да будь счастлив.*

Младенец упадёт с высокого: *Не плачь, Бог подушечку подложит.*

Ежели говорят нечто соблазняющее, а притом есть ребёнок, то ему говорят: *Не слушай, где куры поют, а слушай, где Богу молятся!* — Он или она итить должен вон.

Учащийся грамоте входит к своему учителю и, стоя у дверей, говорит: *Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!* — Учитель говорит: *Аминь.* В старину ученик, войдя, кланялся: *Спасибо на аминь, на Исусовой молитве.*»

Именинника Мышкинский сборник советует приветствовать: «Здравствуй в новый год». Священника привечать: «Батюшка, священствуй»; а этому отвечать: «Сын духовный, здравствуй!»

Когда у церкви благовест, надо вымолвить: «Глас Царя Небесного!» Кто вышел из церкви после исповеди, того обязательно приветствовать: «Поздравляю, избавясь от греховного бремени», — а ему ответно благодарить: «Грешник я, опять принимаюсь грешить. О, невоздержность!»

Русский человек сказался в собирателе советов для тех, кто принимается есть новую новинку — *первый поспевший плод*: должен перекреститься: «Господи благослови; новая новинка — старая брюшинка.» Потом есть. Церемонный и почтительный или городской житель выразился, между прочим, и в таком наставлении: «С получением чина. Поздравляю вас с таким-то чином, получа высокомонаршую милость, и желаю степень до степени выше дойти, и даруй Бог достойному достойное получить!» — «Благодарствую и желаю вам всякого благополучия. За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает.»

Записаны, между прочим, такие практические наставления — приветы: «У рыбаков не спрашивай: нет ли рыбы? Хотя и множество рыбы, а откажут: нет. А всегда спрашивай: есть ли рыба? — Есть. Или: продай рыбы! — Купи.»

Живущим на Волге гражданином предусмотрены и такие случаи, которые нам кажутся уже странными, но в то время имели всю силу исторического и бытового значения. Он записал себе на память и, видимо, другим в предостережение и живое поучение:

«Плывущее судно по реке, плывущему с судна люди говорят громко: *Мир. Бог на помощь вам. — Бог на помощь, —* отвечают. — А если разбойники, то отвечают: *Нам Бог на помощь!* (Или молчат, не отвечают). Разбойники, по овладении судном, или, вступя только на судно: *Сарынь на кичку!* По оному слову всего судна бурлаки ложатся ниц на судне, или, не слушая, сражаются с разбойниками. Разбойничье ретирадное (когда разбегаются) слово: *Вода, вода.*»

Записал автор и такую заметку кстати: Приезжая к запорожцам, не входя в дом: «*Пугу!* — Пугу услыша ответственное, поди смело в дом, а без того не ходи.»

Иностранцам бросался в глаза этот обычай взаимных приветов и добрых пожеланий при встречах. Так, например, уже при Петре I живописец Бруэн, посетивший Москву, свидетельствует: «Русский, входя в дом другого, не переступит порога, не перекрестившись раз пять перед иконою и не прошептав: *Господи, помилуй меня* или иногда: *Даруй Господи, мир и здравие живущим в сем доме.* После сего обряда начинаются обоюдные поклоны, а наконец и разговор». И далее: «Когда они потчуют своих друзей, то таковое начинается обыкновенно с десяти часов утра и продолжается до часу пополудни, когда все расходятся для отдыха по домам», и т. д. Этот же иноземец своеобразно засвидетельствовал и о русском гостеприимстве и хлебосольстве, которое равно было свято и в убогих хижинах, как и в царских палатах. «Чистосердечно думаю, — пишет этот Бруэн, — что в целой вселенной нет двора, особенно столь пышного, как российский, где бы частный человек мог найти такой хороший приём, о коем воспоминание глубоко врезалось в моём сердце».

Пётр поручил Меншикову этого редкого художника представить вдовствующей царице Прасковье и трём своим племянницам, дочерям царя Фёдора, с которых просил написать портреты. Вот каков был приём: «Когда я подошёл к царице, то она меня спросила, знаю ли я по-русски? — на что князь Александр

ответил отрицательно. Потом государыня велела наполнить маленькую чарочку водкою и предложила оную собственноручно сему вельможе, который, опорожнив, отдал в руки прислужнице, а сия, наполнив ещё водкою, подала царице, которая предложила её мне. Она также поднесла нам по рюмке виноградного вина, что повторено было и тремя малолетними княжнами. После сего большой бокал был наполнен пивом, который царица сама подала князю Александру, а сей последний, отведав несколько, отдал его прислужнице. Та же самая церемония была и со мною, и я также, поднеся сосуд к губам, отдал его назад: ибо при сем дворе, как я узнал после, нашли бы весьма неучтивым, если бы кто осмелился опорожнить последний стакан пива, предлагаемый хозяином или хозяйкою».

Впоследствии, когда художник начал работу, ему пришлось убедиться в полном радушии: «Каждое утро с усиленными просьбами мне предлагали различные напитки и закуски, а нередко оставляли обедать, угощая даже мясом, хотя это было во время поста. В продолжение дня несколько раз потчивали меня вином и пивом», и т. д.

В Мышкинском сборнике указаны и такие приветы, которые не требуют ответа, таков тем, кто ест новую новинку (зелёную кашу или новый хлеб): «Илье-пророку злат венец, а хозяину здравствовать!» — ответ не требуется: *промолчит*. При этом следует заметить, что молитвенные возгласы, призывание имени Божия нигде не применяется столь часто, как ввиду вероятных опасностей, при плаваниях по водам. Доказательство тому во многочисленном разнообразии, соответственно каждой местности. Не всегда одно и то же. Например, при подъёме якоря для плавания судна по Белому морю в Соловецкий монастырь кормщик говорит: «Благословите путь». Ему отвечают одни: «Святые отцы благословляют» и другие: «Праведные Бога молят». На Мсте, в начале опасных и грозных боровицких порогов, лоцман, сняв шапку и перекрестясь, кричит: «Бог на помощь». — Ему вторят: «Никола в путь». Когда барка остановится у Потерпелиц, в конце порогов, говорят: «Бог на помощь!» — откликаются: «Никола на стану» и т. д.

Я принялся было в одно время собирать эти приветствия, как настоящие мимолётные крылатые слова, и всматриваться во

всё их разнообразие, но в том и другом случае и счёт потерял, утомившись в поисках и погоне. Впрочем, большую часть этого сборника я успел разъяснить и напечатать в десяти номерах детского журнала «Задушевное Слово».

Вот, например, какие возможны сцены, когда употчиванные гости прощаются с хлебосольными хозяевами:

— На хлебе — на соли, да на добром здоровье! — заводит один.

Ему отвечают хозяева:

— Дал Бог с нами пожить да хлеб-соль поводить.

Бойкий гость подхватывает:

— Что в Москве в торгу, то бы вам в дому.

Находчивый хозяин спешит отблагодарить:

— В долгий век и добрый час (то есть и вам-де то же).

— Дай тебе Господи с нашей руки да куль муки!

— Ваши бы речи да Богу в уши!

— Прощения просим!

— На свиданье прощаемся. Живите Божьими милостями, а мы вашими.

— Путь вам чистый!

— Счастливо оставаться!

Затем хлопнула дверь, и хозяева остались одни в доме, а гости разъехались.

В самом деле, подобное явление в народном обиходе и в живой речи чрезвычайно знаменательно как неизменный вековой обычай, не имеющий подобия ни у одного из других народов белого света. Начинаясь в глубокой древности, добрые приветы встречают простого русского человека со дня его рождения. Забывались старые, перерабатывались на новые и придумывались свежие, сообразно новейшим обычаям, но не покидались вовсе, не ослабевали. К былинному привету, обросшему, так сказать, мохом: «Бог тебе помочь, оратаюшко, с края в край бороздки помётывати, пенье-коренья вывёртывати, пахать, да орать, да крестьянствовати!» — присоседилось: «Чай да сахар милости вашей!» Сказавши себе, что *ласковое слово лучше мягкого пирога*, наш народ сумел разнообразить и подменять самое любимое и наиболее прочих распространённое, известное на всём лице православной земли русской приветствие *Бог на помощь*.

Ещё в самом раннем возрасте грудному младенцу сказываются эти ласковые приветы и добрые пожелания. Когда ребёнок, освободившись от пелёнок, потягивается и улыбается, ему спешат пожелать и сказать:

— На шута потягуши, на тебя поростуши.

Когда моют ребёнка в бане, обязательно приговаривают:

— Вода б книзу, а сам бы ты кверху.

Надевая рубашку, прищёпывают:

— Сорочке бы тонеть, а тебе бы добреть.

И заговаривают заученным зарокотом, полученным от ворожей, когда спрыскивают водой от лихого взгляда, от сглаза:

— С гуся вода, с лебедя вода, а с тебя, моё дитятко, вся худоба на пустой лес, на большую воду.

На ком видят обнову, тому говорят:

— Платьице б тонело, хозяйюшка б добрела.

Или:

— Дай Бог износить, да лучше нажить!

Исходя из того простого практического убеждения, что добрый привет покоряет сердца, наш народ нашёлся в ласкательных пожеланиях на всякий случай, где только видит труд и, точно предчувствуя его неудачу, поощряет работающего намёком на то, откуда следует ожидать удачу. На починный добрый привет возвращается такой же благодарственный ответ. На то и другое требуется смётка, подготовка обучением не всегда по книжкам или писаным тетрадкам, а по общепринятому навыку, со слов и мимолётных образчиков. Про деревенский обиход из числа пожилых женщин и особенно из бойких вдов вырабатываются истинные профессора по находчивости в приветех, кажется, даже до настоящих импровизаций. Обрядовая нужда (крестильная, сватевная, похоронная и т. д. в бесконечность) предъявляет сильное и неизбежное требование на мастериц этого рода, которые и являются в форме свах для весёлых и бойких приговоров, и в форме повитух для руководства сложными приёмами, обязательными для ребёнка и роженицы, и в виде плачей или плакальщиц для горьких причитаний и воплей, по найму, на могилах по погостам.

Иная из таких, опытная, находчивая и, что называется, присяжная, выйдет на деревенскую или сельскую улицу и начнёт

ласкаться, показывать своё досужество и доказывать мягкое, доброжелательное сердце даже до излишеств болтливости языка. Встретилась с соседкой: «Легки ли, девушка, твои встречи?» — и ответа не ждёт, не нуждается (бывают и такие приветы и не для одних ненаходчивых и неприготовленных). Идёт дальше. Тешет домохозяин сосновое бревно, ухнет, ударит топором и отрубит щепу: «Сила тебе в плечи!» — Ответа также не требуется или довольно и *спасибо*; «Спаси Бог и тебя», а «Слава Богу» лучше всего. Иному: «Бог на помощь!» Другому: «Весело работатъ!» Навстречу гонят корову с поля: «Сто тебе быков, пятьдесят мерингов: на речку бы шли да помыкивали, а с речки шли — побрыкивали». На реке бьёт вальком прополосканное бельё младшая невестка из соседней избы; «Беленько!» — услышит и она короткое приветствие. Детки её тут же подле ловят рыбу на удочку: «Клёв на уду!» и в ответ от них: «Увар на ушицу». Набежала досужая мастерица на лёгкое слово и на такую, которая шла бельё полоскать. «Свеженько тебе!» — Забежала в ближайшую избу присесть на лавочке и на ходу покалякать, рассказать про то, что сейчас видела и слышала: старшая невестка сидит за ткацким станом и щёлкает бердами и челноком: «Спех за стан» или «Шёлк да бумага». — Ответ: «Что застала на утёк, то тебе на платок!» В другой избе хозяйка печёт овсяные или яшные блины и стряпает яичницу-глазунью (она же *исправница* и *верещага*), и эту заласкивают пожеланием: «Скачки на сковороду!» Иная наелась блинов до икоты, ей: «Добром — так вспомни, а злом, так полно!» Хозяин вернулся из бани, помылся-попарился: «С лёгким паром!» — и ответ от находчивого: «Здоровье в голову!»

Стали собираться и остальные домашние туда же: «Смыть с себя художества, намыть хорошества!» — и на это благодарный отзыв: «Пар в баню — чад за баню!» За неё благодарят: «На мыльце — белильце, на шёлковом веничке, малиновом паре». Один наливает воду в чан: «Наливанье тебе!» — Ответ: «Гулянье тебе! Сиденье к нам!»

Деревенский откормленный торговец стоит у створов своей лавки с дёгтем, солью, верёвками и солёными судаками (твёрдыми, как берёзовые полснья); человек нужный (верит в долг) — как его не оприветить: «Бог за товаром!» или: «С прибылью

торговать!» В ответ на первый случай: «В святой час да в архангельский!» На второй: «Дай Бог в честь да в радость!» Особенно много сказывается ласковых слов у хлеба-соли, при полевых работах, и бесконечно-неуловимы они при сватебных торжествах, где бывают и ласкательные, и бранные, и шутливые.

Шутливые приветы бывают такие, как, например, отдыхающему после работы: «Вашему сиденью наше почтенье!» Чихнувшему говорят: «Сто рублей на мелкие расходы!» или: «Спица в нос — невелика, с перст». На чох, впрочем, чаще всего говорят: «Будь здоров». На чох здравствуют и лошадей, но, по суеверной примете, стараются при этом её обругать, например, так: «Будь здорова, волк тебя ешь».

Бывают и шутливые ответы: «Хлеб да соль!» Ответ: «Ешь да свой!» Привет охотнику: «Талан на майдан!» — Ответ: «Шайтан на гайтан!» (чёрт на подпояску). — «Каково Бог вас перевёртывает?» Ответ: «Да перекладываемся из кулька в рогожку». Шутят и такими приветствиями: «Поздравляю с плешью». И заывают шутивно: «Милости прошу к нашему грошу со своим пятаком!» Везде, по пословице: «Привет за привет и любовь за любовь, а завистливому хрену да перцу — и то не с нашего стола».

Умелый замечать свои слабости и шутивно над ними острить и подсмеиваться, русский человек и в данном случае не воздержался от этой привычки. Он сложил целую песенку про *Дурня-Вальня*, которого учила мать поклонам и ласковым словам на дорожные встречи. Он всё говорил невпопад, а за то *его били, били-колотили*. Сказочка эта в стихах известна всем воспитавшимся в деревне с детства и, судя по множеству разноречий, весьма распространена и многим известна.

Ходит по свету и такая пословица: «На всякий чих не здоровствуешься», а потому, не гоняясь за прочими народными приветами, на этот раз кончим на тех, которые живут со строгим или шутливым ответом.

Так как на всякие случаи жизни сложились у народа свои особые приветы, и кто хорошо знает их, тот зачастую может по словам приветов узнать, из какой губернии прохожий доброжелатель и даже из какой более или менее обширной местности. Иначе приветствует встречного русский человек из северных

губерний, иначе — из южных, но везде и у всех одно сходство: поминать Бога и желать добра. «Не помолившись Богу — не ездить в дорогу», а святым именем Его желать добра всякому трудящемуся — встречному и поперечному. Так, например, и у белорусов: «Богдай!» «Бодай!» (чтобы) «тобе Бог отдал!» «Поздоров, Боже!» «Добра́ночь!» «Добры́вечер!» «Добрыдзень!» «Добры́вечер вам, ци рады вы нам?» — шутливо приветчают пословицей. Угощая, просят кушать ещё больше на здоровье: «Силяйся!» то есть подкрепляйся. «Силися, кумок, на дорогу!» Или: «Вы тут силкуйцесь (посилкуйцесь), покуль я зворочуся!» «Ци мацуишься?» (здоров ли) — приветствуют друг друга при встречах. «Дай Боже з дробными дзетками на жицце, на богацце, на довгий век и добрый совет!» и т. п.

Той, которая доит корову, в Холмогорах говорят: «Море под бурёнушку!» — Доильщица благодарно отвечает: «Река молока!» Таковым по Волге желают короче: «Ведром тебе!» а под Москвой нежнее и лучше: «Маслом цедить, сметаной доить!» Входя в лавку, приветчают купца: «Бог за товаром!» — на севере; «С прибылью торговать!» — по всем другим местам подмосковным, и «Сто рублей в мошну!» — в Поволжье. «Клёв на уду!» — архангельскому рыбаку; «Увар на ушицу!» — поволжскому, и т. д. По всей России отъезжающему: «Счастливый путь!» а на севере: «Никола в путь, Христос подорожник!» — по тому исконному верованию, что Никола помогает и спасает не только в море и на реках, но и на сухом пути. В Сибири кое-что по-своему, а многое и по старой русской привычке.

В одно из путешествий моих по Тобольской губернии я попал с дороги в жарко натопленную избу, когда в ней собрались так называемые посиделки. Хозяйка избы, по сибирскому обычаю, созвала своих родственниц, старух и молодых, из своей деревни и из соседних — погостить к себе, посидеть и побеседовать. Ходила сами, просила:

— Всем двором, oprичь хором! Хлеба-соли покушать, лебедя порушать, пирогов отведасть.

Пришла каждая с прялкой (гребней в Сибири нет) и со своим рукодельем. Работают здесь на себя, по сибирскому обычаю, а не на хозяйку — по великорусскому. Когда все собрались, у хозяйки уже истопилась печь. Когда гости немного поработали —

накрыли стол и поставили кушанье всё разом, что было в печи. Отошла хозяйка от печи, отвесила длинный поклон в пояс, во всю спину, да и спела речисто и звонко с переливами в голосе:

— Гостыюшки-голубушки! Покидайте-ко прялочки, умойте-ко рученьки! Не всякого по имени, а всякому челом. Бью хлебом да солью, да третьей любовью.

Кушаньев подали вдоволь. Тут были неизменные сибирские пельмени, которыми там заговляются и разговляются. Были пшеничные блины и оладьи, одни на яичных желтках, другие — на яичных белках, блины гороховые, оладьи варёные, лапша с бараниной, пирог с осердием (или лёгким), пирог репной, пирог морковный, российская драчёна, которая в Сибири называется каржовником, молоко горячее, каша яшная и просыная (гречневой в Сибири нет), репные паренки, грибы с квасом.

Угостивши *на доброе здоровье*, меня проводили обычным всей Святой Руси и вековечным напутствием:

— Счастливого пути!

— Добрых встреч! — подговорил кто-то с боку.

Неровен час — на грунтовых дорогах всякая беда может случиться: настукает бёдра и спину на глубоких ухабах, которые в Сибири называются нырками; в ином месте выбросит из саней; в лесу нахлещет лицо сосновыми ветками. Летом колесо сломается, а починить негде; лошади пристанут середи дороги, а сменить их нечем; мост провалится: они все такие непрочные, и т. п. Я сел в кошеву́. Ямщик оглянулся: всё ли-де готово, ладно ли уселся, не забыл ли чего?

— С Богом! — отвечаю я ему.

— С Богом — со Христом! — проговорил он и ударил по лошадям.

— Скатертью дорога! — подговорил кто-то со стороны.

— Буераком путь! — подшутила разбитная девушка из гостивших и угощавшихся прях.

9. Русский дух

Нянина сказка «О Царь Девице» восстаёт теперь в памяти, как вчера сказанная, а из походов Ивана Царевича припоминаются такие картины:

Выехал он из дремучих лесов на зелёные луга и увидел избушку и в ней старуху. Сидит она на лавке: шелкóв кудель точит, через грядку прóсни мечет; в поле глазами гусей пасет, а носом в печи поваруёт.

Говорит она Ивану Царевичу:

— Доселе русского духу слýхом не слыхано, в́идом не вида-но, а ныне русский дух вóчью является, сам нá дом ладом.

Вторая старуха на другом конце в новой избушке говорит по-новому:

— Фу, фу, фу! Досель чёрный ворон кости расейской не занашивал, а ноне кость в глаза копает (в очи вержет)!

Отвечает добрый мóлодец не очень вежливо, но зато прямо по-русски:

— Дам тебе поу́шину, будет в спине отдушина; дам в ви-сок — посыплется песок! Ты бы, старушка, не училась много богатыря спрашивать — училась бы кормить да поить, на постелю спать уложить.

Если мы этого доброго молодца сказки приравняем к Илье Муромцу былин, станет ясен нам образ русского колонизатора, ведущего дело с недобрыми лесными силами. Вот смело пришёл он и открыто заявил старинным языком о заветном обычае — всё то, что, между прочим, составляет народный характер и дух в переносном значении этого последнего слова. Не погрешим нисколько, если примем слово это и в том значении, которое придаёт ему одна поговорка. Она тоже в свою очередь выражает иносказание, говоря, что *от мужика всегда пахнет ветром, а от бабы дымом*. Не только внешняя обстановка, но и потребляемая известным народом пища имеет влияние на его животный специфический запах. Поражают обоняние свежего человека все азиатские народы, пристрастные к употреблению чеснока и черемши, но между ними резко выделяются евреи от цыган, и всякий носит свой особый запах: китайцы и персияне, киргизы и самоеды, в особенности те, которые усвоили ношение шерстяного и мехового платья. В равной степени влияют и ароматические приправы к блюдам, и пахучесть господствующих растений страны, и т. п.

Со своей верой и при своём языке, мы храним ещё в себе тот дух и в том широком и отвлечённом смысле, разумение которо-

го даётся туго и, в исключение, только счастливым и лишь по частям и в частностях. Сами частности настолько сложны, что сами по себе составляют целую науку, в которой приходится разбираться с усиленным вниманием, и всё-таки не видеть изучению конца и пределов. Познание живого сокровенного духа народа во всей его цельности всё ещё не поддаётся, и мы продолжаем бродить вокруг и около. В быстро мелькающих тенях силится уяснить живые образы, и за таковые принимаем зачастую туманные, обманчивые призраки, и вместо ликов пишем силуэты. Счастливы мы лишь энергией в усилиях и неустанным исканием той правды, которая, однако, составляет лучшее украшение художественных созданий текущего гоголевского периода литературы.

Если мы пойдём дальше в объяснении того, что значит *по-русски*, то лишь с великим трудом можем свести концы: до того своеобразна и самобытна наша родина! И одеваемся мы не так, как другие, и едим не то, что прочие, и даже носим причёску, кланяемся встречному по-своему, а русская печь, в прямом и переносном смысле, печёт совсем уже не так, как до сих пор говорят и пишут. Не забудем при этом, что переживаем трудное время именно теперь, когда освежается и изменяется весь налаженный строй нашей жизни. Изменяется не один внутренний быт, но и внешний облик. Та самая прирождённая и коренная старина, которая совсем недавно, едва не вчера, была у нас перед глазами, стала бесповоротно уходить в предание. Даже самое консервативное явление, как народный костюм, сделался игрушкой прихотливой моды. Мы стоим теперь как раз на том круговороте и пучине, где встретились два противоположных течения, и очутились мы на том рубеже, где старая изъезженная дорога начала уже затягиваться мхом и зарастать травой, а взрытая новая ещё не укатана. Такие места, обещаая обилие материала для наблюдений, интересны, но само время переломов и переверотов, увлекающее новизной явлений, нельзя считать особенно удобным. Ещё не видать ничего определившегося и законченного. Лишь кое-где по стрежу реки рябят сильные струи, текущие в упор и навстречу, а на полотне дороги засветлели местами уже накатанные, но свежие колеи.

НЕТОЛЧЁНАЯ ТРУБА

Вместе с трубами, из которых выходит дым столбом и ко-
ромыслом, припоминается ещё какая-то необычная *труба не-
толчёная*, когда в самом деле бывают только: деревянные до-
щатые, битые глиняные да кладеные кирпичные трубы. Между
тем упомянутое выражение довольно употребительно. Где мно-
го народу, говорят: «Народу — нетолчёная труба!» и хотя го-
ворят так все, но, тем не менее, неправильно, скрадывая одну
гласную букву и обезличивая ходячее выражение в повальную
бессмыслицу.¹⁴² Впрочем, в живом разговоре такой приём —
дело нередкое и бывалое. Говорят же вместо *без вымени* — *без
имени* овца баран; *не до обедни, коли много бредни* (вместо *об-
редни* — от *обряжаться, наряжаться*: и к шапочному разбору
не попадёшь, если начнёшь притираться да румяниться, перео-
деваться да охорашиваться, и проч.). Говорят: «Вот тебе, Боже,
что нам негоже», перетолковывая по-своему коренную мало-
русскую поговорку: «От тоби, небоже (убогий, нищий), що
нам негоже» и т. п. Таких примеров злоупотребления извращён-
ным словом можно насчитать десятки.

Если мы в указанном слове восстановим скраденный ско-
роговоркой гласный звук, поставив его на подобающее место
между двумя согласными, то выйдет труба *нетолоченая*. С этим
словом уже можно примириться и его объяснить.

В народном языке *толочить* значит то же, что *торить* путь
и дорогу, проход и проезд одинаково в людской тесноте и в су-
гробном или непроездном месте. Если, по обычаю и закону ста-
рины, узка в коренных русских городах улица, то с подручного
и наглазного образца почему таковая не труба? Если кровь бе-
жит ручьём, а привычно говорят, что она бьёт из жилы трубой,
то почему же, когда на улице праздник, народу, запрудившему
её так, что и конца-края не видно, не валить навстречу той же
трубой, шумной толпой? Сквозь неё не только не протискаться,
да и не пробить её, что называется, пушкой. Надо много тру-
да и ловкости, чтобы проторить или протолочить себе сквозь
народную стену путь. А затем уже конечно: «Где торно, там и
просторно».

СВИНЬЯ В АПЕЛЬСИНАХ

Я взял эту поговорку интеллигентного общества, среди которого она обращается в укор людям, не имеющим ни малейшего толка или вкуса в чём-либо изящном и неизящном — собственно, взял её в доказательство неудачного вымысла и не совсем счастливого сопоставления видимых резких крайностей. Когда покойный Иннокентий (Вениаминов), бывший московский митрополит, ещё в сане камчатского иерея, однако, довольно искусившегося в миссионерских подвигах, ехал из Сибири в Петербург кругом света, то, по обычаю, вёл дневник и записывал, а равно замечал всё, интересовавшее его практический и наблюдательный ум. Плыл он на корабле «Николай», принадлежавшем Северо-американской компании. Судно зашло на прелестные, как библейский рай, острова Отаити,¹⁴³ про которые сказал Дарвин, что он лучше их не видал ничего во всех своих путешествиях. Иннокентий (тогда ещё Иван), после вечно туманных островов Охотского и Камчатского морей на этих южных от восторга не чувствовал земли под собой. Однако, практический сибиряк заметил и запомнил, и после рассказывал в своих записках: «Сколько мне пришлось наблюдать за свиньями острова Таити — так как их там довольно, то они, при множестве там фруктов, всегда отдавали преимущество апельсинам».

Эта поговорка, с весьма многими другими, могла бы пойти в доказательство того, насколько несостоятельны в вымыслах и применениях пословичных выражений интеллигентные люди и городские жители, привыкшие брать их из иностранных книжек и из новейших европейских языков.¹⁴⁴ Попадая в обиходный русский язык в виде переводных, эти пословицы — без оборота на себя стоящей в заголовке (мало того, что ясно и сразу обнаруживают свою иноземную подкладку) — в большинстве неудачны и нейдут ни в какое сравнение с тонкой гранью и красивой насечкой домашних пословиц. О чужих крылатых словах расскажу отдельно, в своём месте.

Из шести значений этого слова *мир* в русском языке, указанное ругательное относится не к крестьянскому обществу, не к сельской общине, а прямо к деревенским сходам и при том исключительно к тем из них, которые ведутся неправильно, где допускаются злоупотребления и нарушение прав личных и общественных. На таких-то мирских сходах и родился этот бранный придаток, как решительное и резкое обвинение. Говорится обычно так: «Мужик умён, да мир дурак».

Так, например, при выборе должностных лиц и, в особенности, старшин, всякий особняком и каждый про себя решил тем, что такой-то совсем достойный и подходящий человек, — и не ошибались:

— Ума не занимать ему в людях. Пожил и поколотился по белу свету; везде побывал и многое спознал в полную меру. На добрые советы не скуп.

— Живёт в достатках (своим разумом нажил), не потеснит свою волю, если захочет мир, чтобы послужил на него разумом и досужеством.

— Семью во сколько сыновей и во столько снох так урядил, что ни споров, ни ссор не слыхали и драк не видывали. Хоть под окнами у него подслушивай: мир там в избе и тишина небесная.

— И начальство его уважает: к нему прямо на постой заезжает, руку берёт, картуз снимает: самый настоящий и подходящий человек для нашего мира.

С такими мнениями и на сельский сход пошли, и на волостной собирались степенно, со смирением. Кое-кто принарядился. Богу помолились, чтобы дал Господь крепкого совета и просветления разума. Всё шло по-хорошему, как по маслу ползло. Кому довелось пешком идти, тот шёл ходко, весёлыми шагами поторапливался. У ездových и лошади бежали бойко.

Вот уже видно, как и сход собрался и стоит тихо и смирно. Он совсем примолк, когда начали обсказывать, для чего собирали и какого решения желают. Опытные люди, бывалые не один

десяток лет на мирских сблищах, готовы такому началу радоваться, признавая в мирской тишине добрую примету.

Вдруг заговорили все разом. Поднялся страшный шум, в котором ничего нельзя разобрать, словно вода прорвала мельничную плотину и пошла журчать и рвать. Все, старые и молодые, забыли про то, что каждому следует говорить в очередь. Опытным и бывалым людям не приходилось уже догадываться, что этот шум, поднятый, что называется, прямо с места, не обещает уже ничего хорошего, и за добрую примету признать его никак нельзя. Выиграла на миру чья-то проклятая смута: редкий старик такие дела умеет остановить на пути и наладить на прямую дорогу.

Стали было унимать старики: их не только не слушают по-старому, с почтением, а ещё и поругивают. Посмотрели старики, послушали, да и отошли в сторонку. Их переднее на сходе место заняла та молодежь, что не привыкла других слушать, а любит мешать чужим речам. В самом переду орут и руками машут те из молодых, у кого горло, что ткацкое бердо. А по пословице: «Коли мир орёт, так Бог молчит.» Вышло на то, что сельский сход стал хуже волостного (на том, по крайней мере, народу собирается не в пример больше, а горланов там, пожалуй, и не сосчитать). Иная такая крикливая сходка кончается тем, что у стариков разбаливаются головы, а сами ораторы совсем теряют голос и надолго остаются потом осиплыми. Противники их из молодёжи уходят с помятыми боками, из стариков — оскорблёнными и обруганными.

Отовсюду теперь слышатся бесконечные жалобы и на внешнее безобразие сходок и на неправильность решений, и на полное отсутствие правды ввиду тех причин, что объявились в народных обычаях новые порядки и пущены в ход до сих пор незнакомые приёмы, взятые напрокат в самом Питере и немного переиначенные. Таково, например, изгнание со схода нелюбых: позволили им говорить, и стали было кое-как слушать, да узнали, что обсказывают не то, чтобы хотелось им, — может быть, и правду (там ещё разбирай её). К тому же слышат, что говорит супротивник складно, того и гляди повернёт в другую сторону, а когда доскажет до конца — с ним все согласятся. Нет! — так не рука, эдак допустить не можно. Такому крикнет один «До-

лой со схода!» и ударит этим словом, как обухом стукнет по лбу, на речах как на ногах пошатнёт: остановил дерзкий и грубый человек и дело, и слово. Надо собираться с новым духом, а там смотришь, стоило хоть одному из толпы повторить такое же требование, и ближний сосед тотчас схватит оратора за руку и насильно потащит вон из круга. Тогда не речь следует оканчивать, а доводится сердиться, предъявлять свои права и, насколько хватит сил, отругиваться и отмахиваться.

Сход теперь решит всё дело неправильно, совсем криво; скажет об нём *гнилое слово*. Крестьянский мир сегодня одурачен и останется в дураках по простому поводу: пущена в него дерзко и ходит нахально волчком злая сила, невидимая, но понятная. Это — сила подкупа мироедами всяких мастей и званий. Являются они сюда в разных видах, всем достаточно приглядевшихся и коротко известных: либо с лоснящимся от жиру лицом кабатчика, либо с чужеядным отвислым из-под кушака пузом богателя, желающих воспользоваться незаконными правами сверх прошлогодней меры, чтобы поплотнее насесть на весь мир-народ и сосать его кровь и соки. Горланов мироеды уже давно заласкивали, приглашали в гости, потчивали; самых бойких и надёжных из них подкупали деньгами. Нанимали и рассылали подручных по разным местам; расставляли их у дверей кабаков. Всякого мимо идущего они зазывали. С поклонами в пояс приглашали выпить за здоровье такого-то. Угощения не жалели: всякий мог требовать, что хочет. Кабаки стонут от пенья и плясок. Имеющие право голоса на сходах совершенно согласны теперь идти на помощь тароватого просителя.

Тем временем другой такой же завидует — просит и ему пособить. И он находит помощников, бывалых и умелых, которые просят самых сущих пустяков — денег вперёд на расходы. Идут молодцы по кабакам, подговаривают слабеньких и отсталых из согласных; потчуют их, и собирают таким образом новую воинственную и враждебную стенку. Была бы дана на первый раз хотя бы только красненькая, да придана записочка к целовальнику: неровно подойдёт случай — отпустил бы ещё лишних ведёрка два. Да не мешало бы написать и трактирщику: иной, может, закуски запросит, заломается чёртова голова. По новой пословице теперь *ведро вина перед миром правит*.

Настоящий правдивый крестьянский мир совсем не таков, как поставленный в заголовке этого объяснения. Несудимый русский мир не просит и не принимает подаяний в доказательство очень давней пословицы и, не смотря на то, что и прежде покушались её перевернуть на обратную сторону, сказано и запечатано: «Миру в окно не подашь». Прежде и начальство дорожило крестьянским миром и уважало его решение, а потому и говорилось в народе откровенно и с полной верой, что *на мир никого не сменяют*. Он умел стоять за себя: его не переспоривали и не перетягивали ни с простоты, ни со злого умысла, ни хитростью, *он столбом стоял*, и не было на нём виноватого; с ним и беда была не в убыток. Бывало, мир заревёт, так леса клонятся и стонут, по пословице: «Мир зинет — камень треснет», потому что *где у него была рука, там у каждого* (входившего в состав члена) *была голова*. По старому опыту прежние люди твёрдо веровали, видя перед глазами многочисленные примеры, подведённые под краткий пословичный вывод, сильный внутренним смыслом и подкреплённый бесчисленными внешними доказательствами, что никем не судимый, только одним Богом судимый мир, когда, бывало, *вздóхнет — и временичик издóхнет*.

СЛОВО И ДЕЛО

Моя настоящая речь не о делах и поступках коварных и лживых или ленивых и рассеянных людей, у которых слово расходится с делом, и выходит из того или злонамеренный обман или досадная неудача. Вспомнилось это *крылатое слово*, некогда грозное в слитной грамматической форме, страшное своими последствиями, а теперь превратившееся в лёгкую и невинную шутку. В смысле юридического термина оно упразднено почерком августейшего пера. Ненавистное слово перестали говорить, хотя *дело* ещё долгое время оставалось в полной силе. Оно из рук страшного, жестокого и могущественного князя *папы Ромадановского* (при Петре) тайком передано было в надёжные руки *ничтожного, низменного человека* — мстительного и злого Шешковского. Лишь в самом конце прошлого столетия начали забывать это крылатое слово, и самые документы о нём

заброшены на полки и валяются в углах государственного архива. Крылья подрезаны, хвост выщипан, острый и наносивший смертельные удары клюв сгнил и отвалился — но, тем не менее, оно господствовало в православной Руси около ста лет. Стало быть, о нём можно теперь к слову вспомнить и кое-что сполупутно рассказать.

Вылетало грозное *крылатое слово* как бы и в самом деле мелкая птичка воробей — там, где ему доводилось свободнее или казалось привольнее, но обычно предпочитало оно городские площадки, бойкие торговые места, людные улицы — вообще, всякие места народных сходбищ. Это во всяком случае выходило по той причине, что слову необходимо было на полете оглядываться и зорко высматривать: имеются ли налицо неглухие люди, лишние свидетели и притом в *достодолжном количестве*.

Упадало *крылатое слово* на чью-нибудь бедную головушку, вцеплялось крепкими когтями, долбило стальным клювом, распускало из-под крыльев мелких пташек — милых детушек оперёнными и наострёнными. Знали они, куда сесть и кого клевать не с такой силой, однако так, что и эти жертвы валились на землю истерзанными трупами, изуродованными до неузнаваемости в человеческом теле образа и подобия Божьего. Валялись трупы подолгу неприбранными: им самим предоставлялось гнить и заражать воздух невыносимым смрадом.

В самом деле, это немудрёное с виду *крылатое слово*, как какая-нибудь сказочная чудовищная хищная птица, разносило повсюду страдание, муки и смерть. Хотя оно и казалось в своё время убитым, но на самом деле было лишь подстрелено и, в предсмертных судорогах, успевало ещё находить новые жертвы, первые попавшиеся на глаза, и зачастую совершенно невинные.

До того это слово прижилось на Руси и приладилось к нравам, что смолкнувшее здесь, по сю сторону Уральского хребта, оно продолжало орать во всё широкое горло по площадям и бойким местам в Сибири. Тут и там оно выговаривалось озлобленными или непутёвыми людьми, такими, кому нечем было поступаться и нечего жалеть — прямо сдуру и спяна, нередко от праздности и скуки, зачастую под влиянием личных неудо-

вольствий, в виде мщений или вследствие безвыходно тяжёлого житья, для развлечения и новых впечатлений.

Слово и дело до Петра проявлялось весьма редко и всегда по убеждению из любви к царю, государству и вере. Когда укреплялись разные нововведения и порождали собою недовольных, сказывались страшные слова на сочинителей и распространителей в народе подмётных тетрадок, сочиняемых монахами и староверами, вроде посланий и толкований протопопа Аввакума с товарищами. Петровские преобразования увеличили число недовольных и усилили количество виновных, особенно к концу царствования Петра, когда возрастала и сама правительственная подозрительность, свидетельствуя о великих опасностях, мнимых и действительных. В народе воспиталась и окрепла страсть к доносам до такой степени, что указ 1714 года принуждён был ограничить значение *слова и дела*, определяя их делами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и измены. Сказавшие или написавшие роковое выражение, обрекавшиеся до того на смертную казнь, застрачивались великим наказанием, разорением имущественным и ссылкой в Сибирь, на каторгу. В следующем году указ облегчал доносчикам подход: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а этот обязан был представлять челобитную самому царю. Однако, доносчики продолжали во множестве докучать царю, *не давая покою везде, во всех местах*, несмотря на страх жестоких наказаний. В 1722 году обязали священников объявлять об открытых им на исповедях преднамеренных злодействах, а челобитчиков с *государственными великими делами* дозволено принимать и во время божественного пения и чтения. С годами значение нашего *крылатого слова* возросло до тех крайних пределов, какие видим при Анне Ивановне, руководимой Бироном. В Сибири для ссыльных и каторжных оно явилось соблазном: выпустивших его с уст на вольной ветер освобождали на время от тяжёлых каторжных работ.

Объявившего за собой *государево слово* немедленно отдавали сержанту и вели пешком за четырёста-шестьсот вёрст в Иркутск; держали крепко и только в случае изнеможения сажали на подводу. Многие болтали из желания получить награду; иные рассчитывали во время пути на утечку в лес и неизвестность,

иные прямо спекулировали с тех самых пор, как завелись первые и настоящие тюрьмы. Один солдат выкричал такое: «В бытность мою за окианом-морем нашёл я место рождения крупного жемчуга и три места тумпазные». Монах говорит за собой такое великих государей и святительское дело: «Поставлена церковь без святительского благословения и в ней убится человек; промышленный человек привёз с моря руду серебряную, и тое руду плавил и из той руды родилось серебро». На суде оказалось, что руда не серебряная, а старца побили шелепами, чтобы «впредь не повадно было иным такие затейные слова говорить и никаких великих государей дел не заводить». Один каторжный сказывал товарищам: «Неприятель идёт на Россию: у китайцев войска собираются, мунгалы ружья приготавливают» (а монголы облаву делали на лосей). Другой каторжный болтает в кухне: «Поднимается на нашего государя иноземец; у того иноземца силы до 600 тысяч, а у нашего до 250-ти тысяч». Глупые речи праздных болтунов у каторжной печи приняты за *государево слово* и потребовали *дела*: допросов, пытки, суда и осуждения.

Наступил новый век, и повелись иные порядки.

В 1817 году крестьянин Ермолаев за непристойные речи приговорён был к наказанию плетью. Решено было вырвать ему ноздри, поставить повеленные знаки и сослать на каторгу. Император Александр I вырывание ноздрей отменил для всех, а приговорённого простил, объявляя ему приговор. Ссылный на работе при казённом зимовье, придя в избу, бросил топор, рукавицы и шапку, и изругался. Будучи спрошен «Кого ругает?» отвечал: «Тех, кто безвинных ссылает». Государь решил оставить этого ссылного *в нынешнем положении, но без наказания*. Третий ссылный забыл в руднике лопату, товарищ стал помогать разыскивать её, приставник заметил: «Ты исправь прежде государеву работу, а потом ищи мужичью лопату». У оговорённого сорвалась с языка брань, за которую его посадили под строгий караул в оковах и стали ждать приговора из сената. Государь Александр I повелеть соизволил: «Освободить от законного наказания, подтвердя ему, чтобы впредь постарался исправиться» и т. д.

Не того было смысла и не такими последствиями сопровождалось старинное *крылатое слово* — самое строгое, важное и

главное из всех наших русских крылатых слов, сколько бы их ни привелось нам насчитывать и объяснять.

На кого было сказано *слово и дело*, то есть, сделан гласный донос, тому приходилось *быть в слове*, то есть подпадал он вине и оказывался под ответом: его немедленно искали и сажали под караул. Равным образом тотчас же запирали в тюрьму и выговорившего страшное слово. Оба сидели затем, в ожидании допроса, и, как выражено в одной из старинных тюремных песен, каждый

Перекреп ли — перезяб добрый молодец,
Гляючи на город на Катаевский (Китай-город).
У города ворота крепко заперты,
Они крепко заперты ворота, запечатаны.

И в другой песне:

У ворот стоят грозны сторожи,
Грозны сторожи — бравые солдатушки.
Никуда нам, добрым молодцам, ни входу, ни выпуску —
Ни входу нам, ни выпуску из крепкой тюрьмы.

Вспоминается и «тёмная темница, где ни дверей нет, ни окошек, нет и красного крылечка: есть одна только труба дымовая, да печка муровая». И в третьей песне:

По двору-то всё, двору тюремному
Ходит злодей-староста:
Он в руках-то ли несёт,
Несёт он больши ключи.
Отпирает он, злодей-староста,
Он двери тюремные —
И выводит нас, добрых молодцев,
Он нас к наказаньицу.

Выводили сначала на *правёж* (на допрос) с истязанием, как говорит поговорка: «В семеры гости зовут, а всё на правеж», который обрисован в такой же старой и полузабытой песне:

Среди торгу-базару, середь площади,
У того было колодечка глубокова,
У того было ключа-та подземельнова,
У того было крылечка у перильчата:
Уж как бьют-то добра молодца на правеже,
Что нагова бьют, босова и без пояса.

Иная песня продолжает изображать и самый процесс допроса добра молодца на правеже:

Ты скажи — скажи, детина, правду-истину:
Ещё с кем ты воровал, с кем разбой держал?
Если правду скажешь — я пожалую,
Если ложно скажешь — я скорó сказню,
Я пожалую тя, молодец, в чистом поле
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Уж как третьей перекладиной кленовою,
А четвёртой тебя петелкой шелковою.

Рассказывая про бывалое и виденное, песня, конечно, под ворами разумела не тех преступников, каких знаем мы, и для которых в старину имелось особое название *татей*. За воров шли всякие недобрые люди: были ли то государевы изменники, литовские люди, пустошившие землю русскую в смутное время государственной *порухи*, или все замешанные и прикосновенные к ответу по выговоренному слову и делу. Ворами слыли все обманщики и так называемые нагольные плуты и сыщики, изменники отечеству и нарушители служебных обязанностей, взяточники. На этом последнем основании попали сюда, покрытые одной шапкой: Гришка Отрепьев, Ванька Каин, Мазепа, сибирский губернатор князь Гагарин, казнённый Петром, расстриги из раскольников и оскорбители царского величества, как архиереи: Арсений Мацеевич, Феодосий Яновский и т. д.

Всех, обречённых на допрос по доносам, немедленно спешили заковывать в ручные и ножные кандалы и вели в съезжую избу. Во всякой из них имелся *застенок* — особенно отгороженный покой, объясняемый самим названием. В нём находились наготове все орудия, какими добивались сознания: свежие голи-

ки, из которых связывались розги. В особенном шкафе, в ящике, хранился ременный сыромятный кнут жёлобом на коротком кнутовище, чтобы удар руки был сильнее, и простые нагайки, какими погоняют лошадей, и кистень на звеньях с увесистым набалдашником или рогулькой на ремне, просто насаженный или прикованный иногда на коротком кистенище. Валялись в углу застенка и простые гибкие палки хворостин. Все эти три последние орудия носили общее имя *шелепов*. Для них в особой караулке, за висячим замком и под крепким надзором, жил тот мастер, который, остроумия ради, назывался в официальных бумагах *заплетным*, а в народе в старину слыл под именем *ката*, а теперь — *палача*. Жил он отщепенцем, презренным человеком, которого люди боялись, задабривали во время прохода его по базару, где награждал каждый своим товаром или копейками (*давали кату плату*), но в то же время глубоко презирали, как поганого: «Водиться с палачами — не торговать калачами». Одним прикосновением руки он делал всякую вещь негодной к употреблению. Покинувший позорное ремесло и вышедший в ссылку нигде и никогда не находил себе невесты, и т. д. «Не дай Бог никому в палачах быть», — толковал народ, добавляя роковое утешение: «А без него нельзя».

ПЕСНИ ИГРАТЬ

Не везде песни *поют*, то есть не везде говорят так, как привыкли выражаться горожане, и как пишут все грамотные люди, не подозревая в том некоторого плеоназма. Конечно, не из боязни ненужного *повторения* лишнего слова, в интересах эстетики и в смысле эпитета в громадном большинстве русских местностей стараются избегать такого выражения. Происходит это от простого и дешёвого соображения: что же в деревнях и петь можно и что иное запоешь, как не песни во всех видах и под разными наименованиями? Ведь в деревенских избах твёрдо знают о том, что масло всегда бывает масляное.

Ходил я за этими песнями по Малоархангельскому уезду Орловской губернии и попал в Тульскую (Новосильского уезда), в деревню Скородное, которая так называется исстари, когда это

дикое лесное место очищено было от пней и корней и *проскоржено*, то есть, пройдено бороной и приготовлено под пашню и для жительства. Жителей этой очень большой деревни зовут *казаками*, хотя они и переродились в настоящих орловских степных пахарей, неловких, неповоротливых и небожких на словах и на работе. Должно быть, в те времена, когда искусственно заселялась эта новосильская и ливенская пограничная черта, здесь в самом деле поселенцы были казаки. Казацкого в них ничего не осталось. Попал я к этим казакам, потому что указали на знатка песен и мастера петь — крестьянина Семёна. Ожидания на этот раз не оправдались: он был лишь охотник петь на трезвое, а под хмельком оказался даже совсем несостоятельным. В этом он и сам сознался:

— А у нас есть и такие, что хорошо песни *кажут*.

Сам он всё пробовал, срывался, забывал слова, хлопал по бёдрам и нетерпеливо крутил головой, причмокивая и приговаривая:

— Забыл я песню-то: вот мимо роту мычется, а никак её не вспомню.

Снова расставлял он ноги, избоченивался, прихватывал правое ухо рукой, затягивал резким и крикливым фальцетом. Семён всё-таки ни до чего не достигал, кроме невыносимо фальшивых тонов и путаных стихов. Я пробовал записывать — и у меня выходила галиматья.

— Песня-то отличная! — оправдывался Семён, — только я её на голос-то никак не подниму. — А есть у нас такие (повторял он), что важно песни *кажут*.

Когда в другой раз бродил я во Владимирской губернии в Вязниковском уезде, по офенским деревням, для изучения быта и для составления искусственного словаря этих бродячих торговцев, пришлось мне недели две прожить в селе Хóлуе, где пишут иконы яичными красками. Меня начала там одолевать скука. Я повадился ходить на мельницу на реке Тезе, где молодой парень мельник, проторговавшийся на мелком товаре, охотливо за штоф пива сказывал офенские слова новые и исправлял прежде пойманные и записанные. Раз он пожалел меня:

— Ты что в кабаке не зайдёшь? Скучно тебе! А там чудесно песни *играют*. Теперь офени, перед Нижегородской ярмаркой,

домой поплелись: каких только песен они из разных-то местов не натаскают! Друг дружку перебивают, друг перед дружкой хвастаются. Расчёт получили — им весело. Сходи в кабак!

На этот раз, помнится, впервые остановилось моё внимание на странном выражении *играть песни*, когда они в самом деле поются. Слышалось это выражение и прежде, но, по обычаю, бессознательно пропускалось мимо ушей, хотя в этой упорно-неизменной форме оно настойчиво повторялось всюду в иных местах. Песня поётся всего чаще на голос. Подыгрывает балалайка, гармоника, скрипка и т. п. не всегда. Зачем же *играют песни*?

Хороводы и сватевые обряды разрешают недоумение и проясняют смысл выражения. Сватевы также играют, но это уже полное сценическое представление с начала до конца, со сговора до венца. Здесь одними песнями и объясняется символическое значение многочисленных обрядов, как бы в оперном представлении.

Чтобы петь известную всему русскому миру и даже излюбленную петербургским людом, подгулявшим дома и катающимся по Неве, волжскую разбойничью песню «Вниз по матушке по Волге» — надо всему хору сесть на пол в два ряда, друг против друга. Надо, покачиваясь с боку на бок, прихлопывать в такт в ладоши. Это значит бить по воде вёслами и плыть. Между рядами, со сложенными на груди руками по-наполеоновски, ходит, нахмутив брови как возможно страшнее, сам разбойник-атаман. Временами песня прерывается, и он начинает разговор со своим есаулом. Последний, по приказанию атамана, повёртывается во все стороны и, приставив кулак к глазу, высматривает косную купеческую лодку. Поговорят, и опять поплывут, то есть продолжают песню и хлопанье в ладоши с покачиванием из стороны в сторону. В таком виде песня, в форме театрального представления, играется на святках ряжеными в красные рубахи и плисовые шаровары, и за это *действие*, в вознаграждение за сценическое удовольствие, полагается угощение. В хороводном *Воробушке* один в кругу показывает, как девицы ходят: «Они эдак и вот так, они так и вот этак...» Показывает, кстати, воробушек и горбатых, и хромых, и бояр, и купцов, и т. д. В старинных хороводах (отчасти теперь полузабытых и даже

изуродованных) можно было видеть представление полной деревенской сватьбы, с выбором невесты и отдельно жениха, с последующими семейными раздорами и расчётами. В святочных песнях изображалась в келье молодая черничка и строгий игумен. *Сеять просо* — тоже играть песню, то есть разыгрывать заключительную сцену похищения невест, драматический бытовой эпизод. На перечислении большинства таких хороводных песен можно самому устать и утомить читателя. Безуспешно истомились на том же деле и благочестивые ревнители веры, искоренители языческих обрядов — проповедники живого слова и составители Кормчей книги, воспрещая *дьявольские* песни с *бесовскими* игрищами.

Таково положение песенного дела в Великороссии. В Белоруссии то же самое: есть *женитьба Терёшки*, и старец с молодой женой, и выдача девицы за немилого, и мак на горе — и опять много таких песен, которые требуют сценического представления, того, что в той стране называется *танок* (пляска, танец). Когда зажинают и когда отжинают, совершаются полные священнодействия, сопровождаемые целым циклом песен, которые и приурочиваются к обычному времени и играют только тогда, и ни за что ни в какое другое время года. Даже записи их со слов знающих затруднены именно тем, что как же можно ска- зывать и записывать на слова сухую и непонятную песню, когда её нельзя изобразить или сыграть, то есть объяснить известного рода представлением при участии более или менее значительной труппы действующих лиц. Когда пир, тогда и песни — самое лёгкое и к тому же весёлое и приятное занятие: давно изведено и поведено, что *песни играть — не поле орать*.

С ХОЗЯИНА НАЧИНАТЬ

Таков обычай при угощениях водкой и всякими крепкими напитками на всём бесконечном протяжении Православной Руси — похвальный обычай, требуемый вежливостью и приличием. Русская подлинность его и вообще древность происхождения сомнительны, как и обычай чокаться, заимствованный у европейцев. В старину на Руси пили круговую: из одной чаши мёд,

из одной чарки зелено вино, причём как будто даже вежливо было доказывать небрезгливость и побратимство, подобное *из одной печи хлеб есть, из одной чашки щи хлебать* и т. п. Чокались, то есть постукивали, тихо поколачивая хрупкими вещами, чокались кружками с давней старины, а с введения христианства чокались пасхальными красными яичками. Начали постукивать рюмками, стаканами и бокалами, когда принимались пить за здоровье друг друга, за присутствующих и отсутствующих, за умерших и имеющих родиться, за всех и *за вся православныя христианы*. При этом чокнутся и поцелуются, а стало быть, и побратаются, то есть подружатся братски навек. По этим поводам и та большая стопа, и та ендова, из которых поочерёдно пили, называлась *братиной* и *побратиной*.

Побратимство в старину, и в нашем народе, делалось не шутя и обставлялось важными обрядами: обыкновенно молились — в избе перед иконой, в чистом поле (как сказывают былины про богатырей) — на восход солнца, либо на тельник (шейный крест). Затем обнимались и давали друг другу: зарок на вечную дружбу и клятву на взаимную помощь во всех подходящих случаях жизни. Затем менялись крестами и делались *крестовыми*, как бы родными братьями. Обычай этот твёрдо держался — не так давно и был свят и нерушим, как мы уже имели случай доказать и рассказать.

Обычай чокаться, между прочим, объясняют тем желанием, чтобы все пять чувств принимали участие при дружеской выпивке и пожелании здоровья и всяких успехов. Четыре чувства обязательно участвует, как зрение, обоняние, вкус и осязание. Недостает места для участия с товарищами пятому живому чувству — слуху. Чок в бочок его выручает, примиряет с прочими и оправдывает перед ними.

Удобно чокаться и побратимить в тех случаях, когда каждый свою чарку держит, из своей чашки пьёт (как староверы-федосеевцы). Как же поступать, когда на всех одна чарка, и наливает её сам хозяин, и подносит первому гостю? Всегда этот упирается, зная обряд и порядок и охотно чванится, и притворно ломается, отстраняя наружной стороной кулака правой руки налитый сосуд, кланяясь и прося *начинать с хозяина*. Только старинные остряки улавливали тот момент, когда уламывался

спесивый и протягивал уже руку: неожиданно и быстро опрокидывали они на лоб себе *стыдливую рюмку*, рассчитывая на скрытное, но несомненное лёгкое неудовольствие от шутиwego обмана. Конечно, при этом всякий счёл бы себе в обиду и, в лучшем случае, нашёл бы неприличным, если хозяин наливал и потчивал его *через руку*, то есть оборотя кулак пальцами кверху.

Хотя *чокаться* и коренное русское (по звукоподобию) слово, но есть основание предполагать, что обычай *начинать с хозяина* — не старинный русский, а произошёл в более поздние времена — по крайней мере, в народе подслушана нижеследующая историческая легенда.

Пётр Великий сидел раз в одной незнакомой компании и спросил соседа справа:

— Ты кто такой?

— Я — дворянин такой.

— А ты? — спросил он соседа слева.

Тот оказался таким же дворянином. А как спросил он третьего, то и получил в ответ, что тот не только не дворянин, а даже вор. Царь Пётр отозвал того вора и сказал ему:

— Будь ты моим братом и пойдём вместе.

— Куда же нам ехать?

— Поедем в государев дом: тут казны неведомо что. На возах её не увезёшь.

Вор рассердился и сказал:

— Как же ты, брат, Бога не боишься? Кто нас поит и кормит, и за кем мы слывём, и хочешь ты на него посягнуть. Я знаю, куда лучше ехать — поедем к большому боярину. Лучше взять у него, а не у государя.

Пришли они к *большому боярину*, богатому и спесивому.

— Постой, — говорит вор, — я пойду во двор и послушаю, что там говорят.

Вернулся он, и рассказывает:

— Нет, брат, дурно говорят: хотят звать завтра царя кушать, и хотят водку дурную и злую подносить. Не хочу никуда ехать, домой пойдём.

Царь и спрашивает:

— Где же, братец, нам с тобой видаться?

— Увидимся завтра в соборе.

Как они пришли в собор, так и увидал вор, что царя просят кушать, и услышал, что он велел просить и того человека-побратима своего. Его стали просить, и неспесивый поехал со всеми вместе.

Говорит вор царю:

— Первую чарку станут подносить, ты её без меня не пей.

Когда стали подносить, то царь и сказал:

— Поднеси брату: я прежде брата пить не стану.

Когда стали подносить брату, он отвечал:

— Я прежде хозяина умирать не хочу: пушай прежде хозяин сам попробует — выпьет.

Как только хозяин выпил, то его и разорвало.

«Знать, с этого-то первыя-ты чарки прежде хозяина и не пьют.»

Таким образом попробовал заключить свой рассказ воронежского гарнизона Елецкого полка бывший сержант Михайло Первов, в 1744 году, на тему «Первой чарки прежде хозяина никогда не пьют: какову чашу нальёшь и выпьешь, такову и гости». Слыхал он от старых людей то (что мы сейчас также услышали), а самого Первова, за такие предерзостные слова, били кнутом и, с вырезанием ноздрей, послали в Сибирь на житьё вечное. Не слушай народных легенд, а тем паче не пересказывай их. Сказалось крылатое горячее *слово*, и совершилось мучительное кровавое *дело*.

Когда оба слова неосторожные люди произносили вслух, оба вместе и оба рядом, тогда всем свидетелям становилось тяжело и страшно. Слова эти или, как в своё время их книжно называли *изражения*, вели за собой жестокие последствия.

Екатерина II сказала запретительное слово, и одним этим подвигом могла бы заслужить историческую память и уважение потомства. 19-го октября 1762 года объявлен всенародно всемилостивый указ, в котором, между прочим, было сказано: «Ненавиственное *изражение*, а именно *слово и дело*, не долженствует значить отныне ничего, и мы запрещаем не употреблять оно никому. А если кто употребит отныне в пьянстве или в драке, или избегая побоев и наказания,¹⁴⁵ таковых наказывать тотчас так, как от полиции наказываются озорники и бесчинники.»

ПОДАВАТЬСЯ ПО РУКАМ

Брат брату головой в уплату.

Пословица

— Подавайся по рукам! — скажет один в смысле доброго совета и утешения человеку, потерпевшему какую-либо неудачу, впадшему в беду или, в особенности, испытавшему горе. — Что же делать: надо было сообразоваться со своими силами, предвидеть печальный исход и быть осмотрительным и т. п. — подавайся по рукам (чужим).

— Легче будет волосам (твоим)! — доскажет другой: либо сам советник, либо за него (невольно и непременно) свидетель высказываемой жалобы и сетований.

Цельная пословица в указанной форме известна всем, прошедшим суровый иску¹⁴⁶ прежнего воспитания со школьной скамьи, как руководящее наставление на те случаи, когда озлобленный учитель или строгий инспектор хватал за чуб и начинал таскать из стороны в сторону за волосы. Облегчённому способу *подаваться по рукам, чтоб легче было волосам* научил, конечно, школьный опыт, а пословица всё-таки дошла из глубокой отечественной старины, откуда и взята напрокат. Между прочим, в семинариях, ремесленных мастерских и других заведениях, включительно до трактиров, где вообще производится выучка деревенских мальчиков, эта наука так и называлась *натаскиваньем*.

Во времена младенчества народа, при разбирательстве споров и тяжёб, для выяснения тёмного смысла исков, прибегали к первобытному способу по закону: «Кто сильнее, тот и правее». Противники хватали друг друга за волосы, и кто первым перетягивал, тот и признавался правым; отсюда и поговорка: «В поле две воли: кому Бог поможет». В Москве сохранилось предание и указывается место на берегу речки Неглинной (скрытой теперь в трубе), где соперники, при свидетелях (пóслухах) из добрых или лучших людей и под наблюдением судных мужей (вроде присяжных заседателей), решали спор проявлением физической силы в потасовке. Один становился на правом берегу узенькой речки, второй на левом. Наклонив головы, они хвата-

лись за волосы. При этом, по преданию, побеждённый обязан был взять соперника на спину и на закорках перенести его через речку: этим и кончались всякие претензии и прямые взыскания. Место это и до сих пор указывают близ церкви Троицы. Она отличается от прочих пятнадцати Троицких московских церквей особым прозвищем *На Полях*, и, в самом деле, доказано актами, что здесь была именно полянка, огороженная забором. Здесь происходили судебные поединки, или *поле*, древнейшая русская форма судебных состязаний — как особый вид *Божьего Суда* среди других его видов, каковы: испытания водой, огнём, железом, ротою, или присягою, и т. д. Противники должны были выходить биться рано утром, натошак, как бы на присягу, надев на себя доспехи, то есть железные латы и шишаки. Они обязаны были сражаться одинаковым оружием: большей частью ослопами, или дубинами. Людям слабым или неумелым в боях дозволялось приглашать нáймитов, или наёмных бойцов, не разбирая того, что боярину доводилось биться с каким-либо холопом или купцу с черносозным мужиком или скоморохом. Так и говорят пословицы: «В поле съезжаются, так родом не считаются» (а дерутся), и «Коли у поля стал, так бей наповал», а судебный устав указывал: «А досудятся до поля (если нечем решить тяжбу, как Божьим Судом, то пусть и дерутся), да не став у поля помирятся» (то есть допускается и мировая). Так выражается и поговорка: «До поля воля, а в поле по неволе» (то есть если вышел на место поединка, то уже и дерись, хотя бы только даже и за святые волосы). Если кто был убит на поединке, то его противник получал лишь одни доспехи убитого и лишался всякого другого удовлетворения. Стало быть, в исках было прямое побуждение щадить жизнь своего противника, что доказывается и указанным выше старанием уравновесить силы соперников. Для соблюдения законных условий при поединках всегда обязаны были (по «Судебнику» Грозного) присутствовать: окольничий, дьяк и подьячий. В пользу их, как и в пользу казны, взималась пошлина.

Ещё Псковская «Судная грамота» доказывает стремление законодательства по возможности ограничить и смягчить судебные поединки. Потому более лёгкая форма, кажущаяся нам теперь забавной и едва вероятной и выразившаяся потасовка-

ми, имела основание удержаться в обычаях народа. Она сумела просуществовать даже до того времени, когда отменены были (в 1556 году) поединки, а дела велено решать по обыскам.¹⁴⁷ На месте *поля* построена была боярином Салтыковым каменная церковь Троицы, в 1657 году, существующая до сих пор в так называемом Китае-городе, на Никольской улице, и именуемая в церковных актах *Троицею в Старых Полях*. Предполагая, что если были старые поля, то должны быть и новые, то есть другие места, отведённые для поединков, стараются искать их в названиях других церквей, забывая, что через сто лет по уничтожении поединков место их уже имели полное право называть *старым полем*. При этом, конечно, впадают в ошибки, увлекаясь и смешивая места судебных полей с действительными полями, то есть пашнями, засеянными хлебом или безлесными незастроенными равнинами, лежащими за городом. Те и другие присущи были обширной Москве, сложившейся из множества слобод и деревень. Такова церковь Георгия, названная на *Всполье* за то, что очутилась как раз на окраине, на выгоне, где начинались околица и поля, и кончалась группа жилищ за Москвой рекой, на Ордынке. Такова же и по той же причине и там же улица Полянка. Другой Георгий на *Всполье* за Никитскими воротами, где теперешний Арбат, ещё во времена царя Алексея скудно населённый и отделявшийся от города огромным пустырем, носил прямое название *Поля*. Третья церковь, Екатерины на *Всполье*, близ Серпуховских ворот, тоже была на выгоне. Затем ни о каком храме в новых полях ни в актах не упоминается, ни в народных прозваниях не указывается. Некоторые исследователи подозревают ещё место поединков в Белом Городе, у церкви Пятницы Параскевы, что в Охотном ряду. Может быть, это и так (хотя и не имеется на то прямых доказательств). Да и нуждалась ли правительственная Москва в двух местах, отведённых и огороженных для судебного поля? Не довольно ли было и одного? Для кулачных боёв, как особого вида забав, восходящих до глубокой древности, в Москве отведено было также отдельное место на Старом Ваганькове, но бились на кулачки — один на один, стена на стену и сцеплянкой (свалкой) — в Китае, в Белом каменном городе и в Земляном городе (в последнем даже на нашей памяти у Яузского моста). Царь

Михаил Фёдорович прогнал отсюда бойцов и указом запретил народу ходить на Старое Ваганьково смотреть, как бьются знаменитые бойцы казанские, тульские и калужские, из среды которых выделились и прославились: Алёша Родимый, Терёша Кункин, Никита Долговязый, братья Подходкины и Зубовы. Замечательно, что и само название местности, в противоречие нынешнему её назначению как кладбища, происходит от слова *ваганиться* (сохранившегося на севере), что значит: играть, шутить, шалить и проч.

ПРОЮРДОНИТЬ

Точно так же затребованное для объяснения слово *проюрдонить* в смысле (согласном и с толкованием Даля) *проиграть* (либо в карты, либо в кости) и вообще беспутно промотать — не является выражением без смысла, корня и почвы. Всего же менее следует искать то, и другое, и третье у чужих людей и в других языках (как подозревает вопрошающий): оно коренное русское, несмотря на то, что и сам В. И. Даль не решился смело зачислить его в число таковых, сказавши *вероятно*. Он находит в словах *юрить*, *юра* и *юр* сродство с *юлить*, *юла* и заподозрил участие в слове чудского корня *юр* (башка). Дело объясняется очень просто. Говорят в одинаковом смысле и безразлично *проюрдонить* и *проюлить*, что указано и Далем со ссылкой на костромской говор, хотя то и другое хорошо известно даже в Сибири за Байкалом, в тамошних каторжных тюрьмах. Здесь, на досуге, за глазами сторожевого бдительного надзора, людьми сильных страстей ведётся бесконечная и азартная игра модельными картами и костями. В играх второго сорта играет главную роль юла, вертушка с гранями по ребру и цифрами, вместо костей, которую вертят пальцами, играя на деньги (по объяснению самого же Владимира Ивановича Даля). Не так давно, на нашей памяти, эти юлки вертелись, юлили гранями одна за другой, пущенные сильной и опытной рукой на столиках в восемь клеток майданщиками или мошенниками на все-российских ярмарках. Теперь, расчистив на тюремных нарах место от казённых полушубков и собственной рвани, бросают

эти юлы тюремные люди, загадывая просто на чёт и нечёт по самому простому способу: надо торопиться и оглядываться. С картами больше возни и опасностей, и притом, когда их отберут, делать новые и долго, и трудно. Юлу не так жалко и отдать надзирателю и легче её спрятать; к тому же, и сделать новую не велика хитрость. Попадётся в праздничном приварке для арестантского стола говяжья кость, либо принесет её со стороны сердобольный человек — её распиливают кручёной суровой ниткой, постоянно смачивая её в растворе золы и берёзового угля. Один пилит, другой подливает щёлок, чтобы нитка не загорелась и не разорвалась. Садясь с готовой юлой за игру, ведут её, как и все гуляющие на свободе азартные игроки, особнным счётом, с условными выражениями, как и у клубных игроков в лото и бостон: у юлки девять очков — это лебедь, одиннадцать — лебедь с пудом, пять — петушки, четыре — чеква, и т. д. Там же, в этих же каторжных тюрьмах на Карийских золотых промыслах за Байкалом, мне рассказывали следующее — что я и записал в своё время, в 1860 году, и напечатал в своей книге «Сибирь и каторга»: «Здесь деньги на вино и вещи сбываются тем бывалым тюремщикам, которые вышли из тюрьмы на так называемое пропитание и на краю заводского селения, в особой слободке, обзавелись домком-лачужкой, а в ней и юрдовкой, то есть заведением, удовлетворяющим всем арестантским нуждам и аппетиту на вино, харчи и игру. Вещи, сбываемые сюда всегда в наличности, уходили, хотя и на наличные деньги или на обмен ухо на ухо (товар за товар), уходили, разумеется, далеко ниже своей стоимости, например, шинель, ценимая в казне в 2 рубля 17 копеек, отдавалась в юрдовках за 75 копеек и самое большее — за полтора рубля». Вообще, следует сказать, что где только ни производились работы каторжными, везде имелись обязательно, на выгоне, где-нибудь в овраге, эти слободки. Им, по установившемуся повсеместно обычаю, непременно присваивалось название *юрдовок* по тем же законам, по каким придаётся имя всяким городским улицам, переулкам, площадям и т. д. Некоторым юрдовкам удалось превратиться в целые селения с сохранением этого названия, к сожалению, неизвестного В. И. Далю, и, вследствие этого, не занесённого им в его изумительно-полный и точный словарь.

ДЕНЬГИ В СТЕНУ

В архангельских краях, именно около Холмогор, известно выражение *давать в стену деньги*, везде во всех прочих местах давно исчезнувшее, да и здесь более памятное лишь в начале текущего столетия. Оно упоминается в грамоте, писанной полууставом на пергаменте и хранящейся в соловецкой монастырской ризнице. Этот акт выдан был около 1470-х годов третьему преемнику преподобного Зосимы, игумену Ионе (Ивону) от господина государя Новгорода, от всех пяти концов на вече, на Ярославовом дворе, за восемью вислыми свинцовыми печатями: владыки, посадника, бояр, степенных тысяцких и проч. Этим документом предоставлялось обители преподобных Зосимы и Савватия право на вечное владение всеми Соловецкими островами, в предупреждение обид от новгородских боярских людей и *корельских детей* (то есть жителей). В грамоте, между прочим, сказано: «А кто имѣеть наступить на тѣ острова чрезъ сію жалованную Великаго Новагорода грамоту, и той дастъ Великому Новагороду сто рублевъ въ стѣну». По объяснению автора «Описания Соловецкого монастыря», изданного архимандритом Досифеем в 1836 году, «древнее присловье *давать в стену деньги* или *собирать деньги в стену* не вышло ещё из памяти холмогорских поселян-старожилов около посадных волостей. Сими словами означаетя у них оклад денежный, или тягло, относимое на счёт государственной казны, что надлежит взыскать без упущения и заплатить непременно». Полное доверие к этому объяснению несколько поколеблено в прошлом году сообщением нашего известного учёного деятеля и неутомимого исследователя Севера, основательно изучившего быт лопарей, нашего консула в норвежском Финмаркене Д. Н. Островского, в одном из заседаний Этнографического отдела Географического общества. У лопарей, издавна считающихся христианами, в их погостах, в стенах церквей и часовен наш любознательный консул находил вбитыми в брёвна серебряные монеты — по большей части рубли и полтинники, сохранявшиеся нетронутыми, по-видимому, с очень давних времён. На одном строении он насчитал приблизительно до четырёхсот рублей. Обветшалость целого часовенного строения и прогнившие стенные брёвна в

труху и пыль указывали время, когда следовало свободно и без труда вынимать вбитые деньги и на них сооружать новые дома молитвы. Такое буквальное и наглядное осуществление древнего выражения прямее всего указывает на специальное назначение известной подати в пользу исключительно одних церковных зданий — и это в целой тысяче верст от города Холмогор.

Совершенно противоположное значение указанному очень старинному выражению имеет то, которое недавно придумано и, как новое крылатое слово, вылетело оперённым лишь в последнее время, почти вчера. Оправдывает себя полтиной за рубль и меньшей единицей плут-купец, припрятавший капитал и мошенническим ловким способом желающий расплатиться со своими обманутыми кредиторами.¹⁴⁸ Этот приём в настоящие дни настолько общеизвестен, что не обязывает ни на какие дальнейшие толкования, которые в достаточном избытке дают разбирательства дел гражданских и уголовных в наших окружных судах и палатах. О нашем старорусском способе взыска долгов посредством *правежа* упомянуто в другой статье.

В СОСЕДЯХ

Пословичное правило советует жить миром с теми людьми, которые поселились домами рядом, бок о бок, двор о двор, стена о стену или межа с межей и зовутся в более частых случаях соседями (или, вернее, суседями, соседящими вместе), или *шабрами* — по испорченному старинному летописному от *сябер, сябр*.¹⁴⁹ Применение похвального правила обеспечивается давними законами, нигде не записанными, но всеми обязательно соблюдаемыми. Чтобы быть и слыть добрым соседом, конечно, не следует нарушать границ чужой собственности: не захватывать своими строениями или огородными грядами соседской земли. Это прежде и главное всего. Затевая на своём участке новые постройки, всякий обязан помнить святое правило — не стеснять соседа ничем. Для этого каждый огораживается забором или плетнём; устанавливает грани и кладёт на них клейма, которые служат и знаками собственности, и знаками происхождения. Не только нельзя зарыть вырытую им, для просушки земли, канаву,

но и свою надо направить так, чтобы она не подмыла амбара, не затопляла соседского огорода. Опытный и совестливый человек не решится прорубить дверь не только из своей избы, но и из сарая во двор к шабру и не дерзает не только прогонять здесь свой скот на пастьбу или водопой, но и сам осмеливается проходить по чужим владениям, ради сокращения пути и иных уважительных причин, не иначе как с его разрешения. Он вправе требовать места для прохода только в таком случае, когда другого пути нет. Когда надобятся для общего пользования дороги, улицы и переулки, всякий обязан от своего участка отрезать требуемое количество земли, и при том соблюдать, чтобы проездное или прогонное место не было тесно. Можно закрыть этот путь, если он никому не нужен, и если нашёлся другой, который может удачно его заменить. Хозяйкам из давних времён указано не бросать сору на чужой участок, и не позволяется даже ссыпать золу под соседским забором. Кто проведёт к себе воду из общественного источника и этим его изубожит, тому, по мирскому приговору, достанется плохо: велят всё переделать из нового по старому и заплатить денежный штраф. Что каждый выбрал себе и огородил это излюбленное место, тем и владей, как знаешь, но без сторонних ущербов, помня одно, что если сосед дрова рубит, то нас не разбудит. Святое правило, изжитое веками и добытое долговременным опытом, прямо говорит: «Не купи двора, купи соседа». Он не запретит брать из своего колодца воду для питья даром и разве на случай порчи сруба или журавля попросит пособить починкой, из совести. Он вообще явится первым на помощь с топором или могучим плечом во всех тех случаях, где одному невозможно справиться и т. п. Конечно, эти коренные и другие подобные им и многочисленные правила установились не сразу, а после множества ссор и пререканий, следы которых в обилии встречаются в старинных актах юридического характера, открывая обширное и любопытное поле для учёных исследователей. Жалобами и спорами устанавливалось то могучее начало общинного права, которым сильна и крепка наша Русь. Каждый при своём являлся вместе со всеми, на общем деле, неодолимой силой.

Входя в область так называемого обычного права, соседские права занимают в нём одно из обширных мест и по разнообра-

зию своему представляют благодарный материал для обширных учёных изысканий и бытовых народных картин. Понадобятся объяснения межевых законов обычного права и земельных порядков; скажется разница между забором, изгородью и пряслом, обнаружится удивительное искусство крестьян невооружённым глазом, при помощи одного топора, проводить, например, через леса межевые линии, чуть ли не верстовые и при том с поразительной точностью и т. д. Соседят русские люди не только с деревенскими свояками и сватами, а *суть князи муромьские и рязанские* (татары) в сусудех, говоря летописным выражением. Покупая же соседа, то есть, приселяясь к инородцам, наши переселенцы действуют в этом случае с осмотрительностью и осторожностью: так, например, при заселении богатых оренбургских степей, в конце прошлого века, наши, привычные и покладливые без разбора ко всякому соседству, неохотно соседнили с башкирами, у которых господствует племенная страсть к конокрадству. С другими, как с лопарями и вотяками, охотно братались наши люди, меняясь тельными крестами и называясь крестовыми братьями, сёстрами, с зарокон вечной дружбы и взаимной помощи при нужде и т. п.

Если углубиться больше в этот живой вопрос, выяснится крупная разница в крестьянских хозяйствах — великорусских общинных и белорусских подворных. В последних запахивание чужих полос продолжается годами и представляется явлением заурядным, вызывающим множество тяжб. Каждый домохозяин из племени кривичей, дреговичей и древлян заботится всецело о своём лишь благосостоянии. Желание одних привести в известность межи разрушается всегдашним несогласием других. Вопреки всероссийскому общинному строю деревенской жизни, здесь не только в обществе, но и в семьях всё стремится к отдельному, независимому друг от друга самостоятельному быту. Община давно здесь исчезла, и слабые следы её лишь тускло выражаются в единственном остатке славянской старины — в толоках, или помочах — обычае, применяемом в тех же случаях, как и в Великороссии. Ни о круговой поруке, ни о каких земельных персделах и о прочем здесь не имеют ни малейшего понятия после продолжительных стремлений к обезземелению крестьян местными панами.

ДАВАТЬ СЛАЗУ

Во всех тех частых случаях, когда на малое много охотников, желающих приобрести предлагаемое или продажное, и потому представляются затруднения разойтись по миру, по согласию, издавна установился своеобразный обычай. Зародился он на деревенских базарах и вообще на местах торговых сходов и сделок, где зачастую, говоря книжным термином, спрос превышает предложение. На привозный товар, особенно на самый ходовой и верный, как, например, хлебное зерно, набирается целая толпа покупателей. Большею частью это — продувные и опытные и ловкие барышники, за многочисленностью и разнообразием получившие множество прозваний. Они устанавливают цену, усердно торгуясь и безжалостно притесняя продавца. Наиболее ловкие до такой степени сбивают цену, что всякому чрезвычайно выгодно дать её и нажить барыши. Как извернуться, чтобы не обидеть соседей и товарищей по промыслу? С ними, по пословице, доведётся детей крестить. Придумали так, чтобы решение вопроса, без раздражения до брани и драки и без неизбежных последующих упрёков, предоставить судьбе или жребию. Последний и является в форме ломаного гроша или другой медной монеты, с натиснутой зубом щербинкой и т. п. Жребий каждого бросается в шапку, в ней встряхивается и вынимается. Чей первым попался под руки, тот и указал на счастливого владельца: за ним или товар при купле, или тот подряд на какую-нибудь наёмную работу, которая соблазнила сотни людей, но понуждалась лишь в десятках. Удачник обязан откупиться от товарищей, которым не посчастливилось, чтобы не было им напрасного и обидного разочарования: он должен от себя внести условленную сумму. Последняя определяется ещё раньше где-нибудь в кабаке и даже выдаётся на руки тому, кто окажется опасным либо по задорному нраву, либо по толстому карману, либо по упрямству и стойкости в своих намерениях. Его необходимо отвлечь от торгов, чтобы отстал, не набивал цены или, в крайнем случае, готов был охотно передать, по жеребьёвому обычаю, взятую им работу.

Эта мошенническая сделка, зародившаяся на грязных сельских площадках, перенесена была даже в высокие и светлые

залы здания Правительствующего Сената и не так давно практиковалась там, когда сдавались с торгов питейные откупа, быстро обогащавшие многих и ловко спаивавшие народ. В этих случаях отсталое достигало до десятков тысяч рублей, особенно, когда охотились на дело люди с огромными связями, титулованными именами и сильными денежными залогами. Этот способ устранения опасного и лишнего соперника от соблазнительного подряда или даже и просто от такого дела, которое даёт голодному хотя малые средства к пропитанию, называется различно — именно потому, что он многообразно и повсюду применяется. Говорят: *дал отсталого, взял отступное*, получил *слам*, дал *слаз*. Последнее слово (то есть *слаз*) наиболее употребительно, хотя, по-видимому, и наименее понятным образом объясняет внутренний смысл свой. Но это только по-видимому. В сущности, это слово действительно родилось на постоянных дворах, в ямщицких кругах, но на сенатских торгах оно предпочиталось всем другим, однородным и более вразумительным. Оно же понравилось и современным подрядчикам на всевозможные казённые и общественные работы, когда являются на торги зачастую люди без гроша в кармане, особенно евреи, составившие из этого дела особый мошеннический промысел. Теперь без них уже ни одни торги не обходятся и иные юркие люди этими плутовскими приёмами не только кормятся, но и наживают изрядные деньги.

Густой толпой накидывались извозчики-троешники на пришедшего седока, желающего ехать в длинную путину от места до места так, чтобы больше уже нигде не торговаться и не искать новых желающих везти, не подвергаться неожиданным, безвыходным и обидным притеснениям. Один из толпы выделяется — это рядчик: он и торгуется, запросивши вперёд невероятную цену. Сбавляя с неё с упорством по четвертаку и по полтине, он истощал терпение нанимателя и достигал того, что последний платил двойную сумму против попутчика, сидевшего с ним рядом в том же тарантасе. Сам рядчик не ездил — он только устанавливал цену по общему закону во всех сделках подобного рода: «Торговаться одному, а конаться (метать жребий) всем». Поедет с седоками тот, кто ухватился последним за самый конец палки или верёвки, а всем остальным привелось

слазить с козел, уступать своё место, и за то получать отступное, *слаз*, всегда деньгами и никогда выпивкой. Эта последняя сделка на вино не будет уже отступным, а зовётся *срывом*, взяткой, именем *лѣток* (литка),¹⁵⁰ старинного *могори́ца* (могорёц), переименованного теперь в *магарыч* (чаще употребительный при продаже лошадей). Магарычи обычно пропиваются, и если они выпиты, то и дело покончено; если же кого после них взяло раздумье, то тот уже опоздал. Говорится также: «Кто о барышах, а кто о магарычах» и «Барыш барышом, а магарычи даром», потому что и здесь, как и при других крупных сделках, иные наметавшиеся в ярмарочных и базарных торгах *с могори́чей так же расторговываются*, а иные только лишний раз напиваются. Этот же самый *слаз* брал ямщик и в тех случаях, когда являлся единственным соперником, но имел перед собой товарища, которому везти сподручнее, так как он обратный, а потому сговорчивый. Выгоднее для этого охотника *дать слазу*, оставить себе хоть что-нибудь — всё равно надо ему возвращаться порожняком, и притом совершенно даром: и маленькая рыбка на этот раз, по пословице, лучше большого таракана.

ЧТО НИ ПОП, ТО И БАТЬКА

Если суеверный народный обычай при встрече со священниками, почитаемой дурным знаком, указывающий на некоторые предосторожности вроде бросания щепок на след и другие приёмы, родился во времена глубокой древности, то доказанное и выписанное выражение несомненно позднейшего происхождения, хотя также старинного.¹⁵¹ Толковники объясняли нам, что во времена язычества на Руси священник, как представитель новой веры, проповедник христианства и креститель, мог быть грозным для тех, которые ещё коснели в идолопоклонстве. Когда встречный снимал перед ним шапку, складывал руки так, что правая рука приходилась на ладонь левой, и подходил под благословение, значит, прав человек: получи благословение и ступай своей дорогой. В противном случае скажи, кто ты и во что веруешь, и умеешь ли крест класть на лоб; если же ничему такому не навыв и не научился — ступай ко властям граж-

данским. Эта власть *отдаст за приставы* и пособит духовному клиру приобщить к стаду верных новую овцу более надёжными и внушительными средствами, чем устная убеждающая проповедь. Наше крылатое слово относится уже к тому времени, когда священство сделалось в народном быту настолько обыкновенным и обязательным явлением в значении отдельного сословия, что народ почувствовал некоторые неудобства и тяготы, стал поговаривать: «От вора отобьюсь, от приказного откуплюсь, от попа не отмолюсь.» Тогда уже спознали, что у последнего *не карманы, а мешки*, привыкли к поповским обычаям, которых оказалось очень много. «Родись, крестись, женись, умирай — за всё попу деньги отдавай» — говорилось с сердцов и запечаталось в пословичном выражении. Вóвремя узнались поповские глаза завидушие, руки загребушие и поповы детки непутные, редко удачливые, и поповские замашки и норы, который на кривой не объедешь. Дошли и до таких тонких наблюдений, что выучились узнавать попа и в рогоже; стали отличать не только поповых дочек, но и поповых собак и куриц. Познакомились и со вдовой-попадьёй, которая всему миру надокучивает, и с замужней, которая обычно на всех деревенских пирах требует себе почётного места, тискается вперёд, толкает под бока локтями, и, не глядя, наступает на ноги.

С самых древних времён крепостничества и до последних дней его издыхания выработались такие взаимные отношения рабов к властям и начальствам всякого вида: общая покорность в помещичьих вотчинах земским властям, беспрекословное и быстрое повиновение приказам земской полиции, робкое и льстивое обращение с начальниками разных статей, как, например, с лесничими, с так называемыми *водяными* инженерами и прочими чиновниками по многочисленным специальностям. Чиновник видоизменился в имени — стал зваться всем крестьянством без различия *барином*. Не только помещичьи, но удельные и государственные крестьяне начали отличаться, например, в лесной России именно той мягкостью и податливостью в обращении со всеми властями, которые породили характерную народную черту лукавства, выраженную столь определённым и коротким сказом: «Что ни поп, то и батька». Тогда народ вполне был убеждён в том, что он *есть барский* и свободно

позволял *вить из себя верёвки*. Выходило во всяком случае так, что при множестве властей, не обузданных в определённых границах в своём значении и влиянии, всякий оказывался барином: кто раньше встал, палку взял, тот и капрал, или, что ни поп, то и батька. В новейшие времена для кого безразлично служить в том или другом месте, работать, угождать и льстить всё равно кому бы то ни было, для такого человека, конечно, то же самое, что ни поп, то и батька, и т. д.

НАЧАЙ

Я просил наборщика набрать, а корректора не исправлять этого слова, стоящего в заголовке, на том основании, что чувствуется в нём такое плотное слияние начального предлога с управляемым существительным, каковое слияние замечается и в самом обычае с народной жизнью. Из двух частей речи nacióлась одна. Это нарицательное имя, означающее всем известную и для каждого обязательную установленную подать, родственно по внешней форме и внутреннему смыслу, например, со словами *настол* (русский *колым*, или плата, полагаемая на стол за невесту), *наславление* — сбор в руках духовенства, вещественный знак благодарности за духовное славение при посещении домов с крестом и святой водой, *нахрап* и *нахрапы* — взятые насильем взятки и жадно награбленные состояния вымогателей, *на́рост* — деньги, да́ренные крёстным отцом, или то же, что общеупотребительный *назубо́к* и проч. Все эти старинные слова, подобно *приданому*, *подушному* и т. п., издавна склоняются по всем падежам обоих чисел. Говорят, например, смело и не оглядываясь на свидетелей, таким образом: *не жалел кум на́ростов крестникам* (ударение на первом слоге, чтобы не смешивать с болезненным возвышением на живых телах) — не жалел этих подарков: без на́роста никогда не подходил к купели, рассчитывая на́ростом привлечь любовь крёстного сына и на щедром на́росте достигал того же и у кумовьёв. На том же основании и наше составное слово, удалившееся смыслом на неизмеримое расстояние от своего корня (*чай* — растение, а *начай* — мелкая взятка, плата сверх условия или за небольшой

труд), начинает в живой речи подчиняться всем грамматическим правилам. Кое-где уже дерзают говорить во множественном числе, примерно так: пошли поборы, да взятки, да разные начай; всем праздникам бывает конец, а начаям конца нет и в год приходится раздать начая столько, что карман трещит. Хотя от начаёв богат не будешь, однако, иные семьи давно уже помаленьку живут этими самыми начаями. Стало быть, и нам не только обязательно выдать начай, но можно остаться при этом без карманных денег от выданного сегодня начая и быть по праву всегда недовольным частым начаём.¹⁵² Если, в самом деле, кажется странным склонение этого слова в единственном числе, то, минуя то бытовое явление, что эти поборы часты, многочисленны и мелки, мы всё-таки не должны забывать, что это слово новое, создавшееся почти на нашей памяти. Оно ещё не обдержалось так, чтобы могло гнуться и склоняться по грамматическим правилам. Свободные в обращении с родным языком, как ветер в поле, русские люди с природным, старинным словом давно уже не церемонятся. Например, *млеко* в нынешней форме своей проводится на севере России по всем падежам множественного числа, вопреки запрета всех наших грамматик, прославившихся противоречиями, недописанными законами и недоделанными правилами. Там твёрдо уверены, что молоко бывают разные, друг на друга мало или совсем не похожие: пресное и квашеное, или кислое, топлёное и парное, простокваша и варенец, творог, сметана и сыры — вообще, все молочные продукты, имеющие одно общее название *скопов*. Вот почему и едет смело и решительно на архангельский базар подгородная баба и дерзко и бессовестно кричит на всю площадь, предлагая свой товар в разнородных сортах и во множественном числе любому учителю и ученику гимназии.

Слово *начай* действительно новое, лишь в середине нынешнего столетия дерзнувшее счастливо посоперничать и с притворной ласковостью, и с обманом подсмеять заветную и старинную *наводку*, *наводочку*, *навинó*. Год, когда началось повальное московское чаепитие, с точностью определить трудно: говорят, что вскоре *после француза* получила своё начало трактирная жизнь и дикие, домоседливые купцы начали посещать театры, отдавшись обоим развлечениям с неудержимым увлече-

нием и охотой. Изменились люди до того, что давно уже в Велikorоссии сложилась поговорка, что: «Ныне и пьяница наводку не просит, а всё начай». Исключение представляют два родственные народа: белорусы и малоруссы, за которыми, в числе многих древних привычек, осталась и эта просьба, высказываемая откровенно и напрямик: *на горилку*. На больших дорогах, вблизи племенных границ эта просьба ямщика, обращаемая к проезжему, смело засчитывается в число этнографических признаков таковых границ. Так, например, по Псковской губернии все просят *начаёк*. В Витебской и Смоленской тот же почтовый ямщик, почёсывая спину и в затылке, выпрашивает на прощанье *навино*. Почтовая *наводка* сделалась даже обязательной, законом установленной прибавкой (от 5 до 10 копеек) для едущих даже по казённой надобности, освобождённых от платы шоссейной и за экипаж (по 12 копеек). Право это до того всосалось в плоть и в кровь ямщиков на всём пространстве русской земли, что отказ считается невероятным и вызовет неприятные сцены. Обещанная прибавка к *наводке*, наверное, обещала ускоренную езду, а приведённая в исполнение по пути натурой — тешила и весёлой песней и острыми прибаутками и приговорами. Никто не освобождён был на почтовых трактах от этой сверхсметной платы, и она не вписывалась даже в те реестры, которыми снабжали проезжих в частных тарантасах дворники постоялых дворов. Один раз едущие до Нижнего в частном тарантасе в количестве пятнадцати человек выбрали меня старостой, то есть вручили собранные со всех деньги и обязали расплачиваться на каждой станции по переданному мне реестру. На первой же станции мне пришлось прибавить своих денег на две наводки: ямщику и нарядчику и потом не без труда, ссор и споров согласить соседей на добавочную складчину. На станцию Петушки приехали мы ночью. Подошедший к тарантасу мужик вызывал старосту и, объявившись мне очередным ямщиком, спрашивал разрешения запрягать. Надобности в нарядчике не оказалось: можно этому же ямщику и отдать накладную прибавку. Я вылез, зашёл в избу и, при свете нагоревшей сальной свечи, увидел неподвижно лежавшее тело, вытянутое во всю длину лавки. Оно храпело. Когда полчаса спустя пришёл очередной ямщик объявить, что готовы лошади, спавший поднялся во весь свой

рост и, почёсываясь и потягиваясь, выговорил: «Нарядчику с твоей милости наводочку следует». На вопрос *за что?* он промолчал. На замечание, что я сам нарядил ямщика, и что мне с него ещё бы за эти хлопоты следует, и я его очень прошу о том, нарядчик простодушно и стыдливо улыбнулся, но на требовании больше не настаивал. Таким способом один раз проспал он, живучи на весёлом постоялом дворе, сверхсметные наградные деньги, один раз во всё время дальних поездок моих я не дал кому-то и за что-то наводку. И да простит меня читатель, что я рассказал о таком, по-видимому, ничтожном случае, имевшем, однако, всероссийское значение и доставлявшем немалые испытания в постоянной заботе о мелких деньгах. Заплатишь, бывало, прогоны вперёд за три станции одного и того же содержателя и счастлив надеждой выспаться: будить не станут. Не тут-то было: в самом сладком, здоровом и молодом сне со второй станции на третью безжалостно настойчиво и требовательно *наводка* трясёт за руку, хватает за плечо, гладит по спине, трогает за ногу — и будит. По пословице: «Не жаль тебя, да жаль вина». Аппетит велик, а заработок скуден; при ограниченных требованиях в жизни, в деревне или селе гривенник — тот же рубль для иного. Да и вообще насколько скудна деревня и велика деревенская нужда, можно видеть из того разнообразия указаний, которым наскоро и счёт подвести нельзя. Со всех ног мчатся босоногие ребятишки отворять проезжим ворота, выходящие на деревенские поля, а если ворота из деревни на выгоны остаются незапертыми и даже сняты с петель и нет даже такой работы, те же ребята гурьбой стоят у дверей и ждут подачки, что сбросят: пряники, баранки, медные копеечки, орехи. Не догадался запастись всем этим проезжий — смелые бранятся, малые во всю глотку режут и всё-таки бегут следом в подпрыжку, так что пятки сверкают.

В одних местах, как в той же Новгородчине, прямо, без всяких обиняков просят *на хлебушко*: подавайте этим, ради Христа самого подавайте; своего хлеба не хватило им далеко до Николы зимнего, а привозной и продажный купить совсем не на что. В местах посытнее просят на калачики — на сладкий кус, на пшеничные баранки; на Кавказе и за Кавказом — на кишмиш. Красным девицам дают на орешки, горничным — на помаду,

барышням — либо на булавки, либо на перчатки, солдатам — на табачок и т. д. Складывают правую руку в горсточку и вытягивают её во всю длину навстречу прохожему малые дети, прося на орешки, где их нет, и на пряники, где их пекут да не дают даром. Суют руку и взрослые, говоря ещё проще: «Прибавь на бедность». Часто услышишь: «Подайте на погорелое», хотя последнее бывает двух сортов: правдивое и лживое. А иной *Абросим совсем не просит, а дадут — не бросит*: ему, пожалуй, уж и не такая великая нужда в милостыни, да от дарового не велят отказываться, если уже расходилась милостивая и не оскудевающая рука дающего.

Степенный старик с окладистой бородой, с подвешенным на груди планом храма и со внушительным видом выпевает: «Будьте вкладчики в церкву Божию, на каменно строенье» (на кабацкое разоренье — подсмеиваются остряки). Молодой парень с длинной палкой от собак и с блюдечком, накрытым шёлковой тряпицей, для доброхотных даяний просит *на благовестное колоколо*. Подачки или подарков просят даже на сватъбах: *на шильце, на мыльце, на кривое веретено*. Выражение *шильцем и мыльцем* вошло даже в поговорку о тех людях, которые по бедности пробиваются кое-как, но не выпускают из рук ничего подходящего и ничем не пренебрегают. Малые нищие молят *на хлебец копеечку, большие для праздника Господня: телу во здравие, душе во спасенье от своих трудов праведных*. Это очень длинно и нараспев, и в таких местах, где надо надокучать, чтобы разжалобить, надо долго петь, чтобы обратить внимание. В архангельской тайболе, в самых глухих и совершенно безлюдных местах, ветхие старики-кушники, неспособные за увечьем или старостью к работе и от долгого житья в пустынном одиночестве даже разучившиеся говорить, мозолистую правую руку, сложенную корытцем, протягивали мне со словами: «Не сойдётся ли что с твоей милости?» Тут уже нет определённого вида нужды, ибо всё нужно, ничего нет, кроме общественной курной избы. Этому что ни дашь — всё ладно: яичко ли, недоеденный пирог. Здесь, пожалуй, за деньгами не очень гоняются, ничему они не послужат, потому что и купить негде и нечего в этой мёртвой лесной пустыне. Остался один, не помнящий добра желудок, который и просит хлебушка, а в прочих желаньях не на

чем остановиться, всё неизвестно, а былое забыто и замерло. Тут всё ясно, а потому и коротко. В населённых местах нужда болтлива: она просит, распевая и длинными стихами и коротенькой складной речью, всегда уныло и протяжно. Придуманы праздники и с ними установлено, когда и о чём просить: яичка и сыров на Пасху, ветчинки и колбаски на Рождество, блинов на могилах и к этим временам прилажены длинные стихи, распеваемые в Белоруссии особыми артелями так называемых волочебников, в Великороссии мальчишками, разными нищими и т. п. Во всяком случае, здесь нужда мудрёна: пошла на все выдумки, хотя на самом деле истинная нужда скромна и молчалива.

В приёмах выпрашиванья *начаёв* замечается, между прочим, некоторое движение и колебания и видимы перемены. Одни исчезают, другие нарождаются с несомненным перевесом последних над первыми. Говорят, московские банщики не ходят уже с *масляницей* на большом подносе, на котором сооружено было нечто аляповатое из цветной и золотистой бумаги и картона, окладенное иссохшими в пыль конфетами в пёстрых бумажках, по подобию тех, которыми чествуют гостей на купеческих сватбах (банный обычай существовал ещё в 50-х годах). Половые в московских трактирах не подают уже посетителям на рождественских праздниках стихов, напечатанных на разноцветных бумажках — творений знаменитого Федота Кузмичёва, швейцара дворянского собрания, который на вопрос В. Г. Белинского в рецензии «Отечественных Записок» о том, откуда он набирает для своих стихотворений такую несуразную галиматью, отвечал печатно: «Из-под черепа, милостивый государь, из-под черепа». Обычай этот пробовал было применять в Петербурге известный швейцар клуба художников Ефим Дроздов, но неудачно, то есть с денежным успехом, но без подражателей. В Петербурге *начаёк* делается невыносимым испытанием, беспокройной мукой вроде каторжных работ, отравляющих доброе или весёлое праздничное настроение на оба праздника: Новый год и Пасху. Особенно это безвыходно тяжело для людей, живущих ограниченными средствами, но обязанных вести знакомства и заручившихся связями, когда, можно сказать, с ног сбивают эти просители *наводок* и *начаев* в виде швейцаров, дворников трёх сортов: старшего, всех вместе и того, который состоит

при квартире, водопроводчиков, полотёров, трубочистов. Кто читает и переписывается, того посещают почтальоны, телеграфисты, разносчики газет, посыльные, курьеры того или другого ведомства, сторожа гимназии и прочее сонмище, ему же несть числа и меры, и им же имя легион. Весь этот сонм просителей собирает ту сверхсметную, но обязательную подать, которая, кроме великого множества прочих окладных сборов, полагается за незавидное право житья в дорогом и нездоровом городе.

ИЗ КУЛЬКА В РОГОЖКУ

Мужик надрал лык с липовых деревьев в мае, когда поднимается древесный сок, а кора сидит слабо, и сделал надрез сверху вниз. Соком отдирается кора от ствола и в июле сама отпадает. Собранное лыко до октября кладут в речки или ямы, где оно очищается от верхней коры и клейкого вещества. Связал мужик надранное лыко вязками, сложил на воз и свёз на базар. Нашлись у него покупатели. Здесь, по давнему обычаю, ждут этого доброго и трудолюбивого человека лиходеи затем, чтобы запутать простоту и сбить на его товар цену. Сами ткачи не торгуются, а подсылают бойких молодцов. Когда эти установят бессовестную цену, покупщики, стоявшие в кучке и в стороне с тем видом, что как будто вся эта плутня не их дело, начинают бросать жеребий. Кому вынется, тот и принимает покупку; остальным выдаёт он отступного, каждому по пять, десять, пятнадцать копеек. На эти деньги покупается водка, которая и выпивается, как накладная цена, понижая на ту же сумму цену товара производителей. Иные только за этим могарычом и ездят на базары без копейки в кармане и без стыда в глазах. Промышленный человек раздал это лыко подручным рабочим из вольных охотников, а то и сам принялся за выделку, если есть у него своя зимница — большая холодная изба с небольшими окнами, заложенными соломой. В ней стоит пыль столбом, жар, духота и смрад, каких поискать в иных мастерских. Тут едят и спят, и время проводят так, что, выспавшись немного в сумерки, в десять часов вечера встают на работу до рассвета, когда завтракают, потом с час отдыхают и снова работают. Труда

много, но изделия идут на базарах за бесценок. Наживаются, как всегда и везде, кулаки как скупкой и перепродажей рогож, так и торговлей мочалом. Из коры стволов готовится луб, из коры ветвей выделяется мочало, для чего оно раздирается на мелкие ленты. Из них на станах, стоящих посреди зимниц, ткнут рогожи разных сортов и наименований тем же способом, как и шёлковые материи (с основой и утком): через большое бердо снуются мочалочные ленты, концы которых связываются в один узел и натягиваются на деревянную раму. Уток продевается иглой в три четверти аршина длины, которая имеет на обоих концах дыры для вдевания лент. Из двух рогож большой иглой, согнутой в дугу, шьётся куль: лучший сорт, верхи, идёт в нём на покрывку, испод составляет внутреннюю сторону куля. Это кульё с хлебом в бунтах покрывается таёвкой, вытканной гораздо длиннее и несколько шире. Если из прорванного крюком или из худо сотканного и потому всегда лёгкого на вес куля высыпался хлеб на покрывки, то не всё ли равно — на ту же рогожу, но лишь с худшим исходом и лишним трудом для рабочих. Лежал хлеб в зашитом куле: хорошо ему было. Высыпался он, и испортил всё дело. От непогоды, под дождём, спрятался по случаю один находчивый возчик в распоротый куль — ему стало немножко ловчее, да подняли на смех товарищи. Насмешки обидели, он прикрылся таёвкой, но выиграл немного: рогожа стоит коробом, защищает спину, но не прикрывает головы, вода течёт за ворот, да притом надо постоянно запахиваться, потому что тяжёлая рогожа лезет себе с одного плеча на другое. Сделалось не только не лучше, но даже несравненно хуже, хотя и приличнее, по крайней мере, теперь некому насмехаться и потому что все товарищи облачились таким же образом. Ошибся в чём-либо иной человек (не рогоженный возчик, а, например, городской щепетильный житель), рассчитывал поправиться, изловчиться, придумал новый способ и снова неудачно: «Поправился из кулька в рогожку». Это ещё хорошо или так себе, всё около того же, ни хуже, ни лучше, одинаково. Но бывает невыносима неудача в тех случаях, когда приходится сказать и самому себе (и посторонние люди с этим вполне согласны): «Попал как кур во щи» или: «От дождя да в воду», или: «Попал из огня да в полымя» и т. д.

ОБОДРАЛ, КАК ЛИПКУ

Ободрал, как липку, ловкий и бессовестный плут доверчивого человека, как обдирают деревенские мужики молодые липовые деревья на лапти. Вышло так, что была липка, а стала лутошка, то есть древесина, лишившись защиты, засохла и вся почернела. Оттого и неудачливый, и бедный человек бывает гол, как лутошка, и бос, как гусь. По преданиям и сказаниям, чешский Премысл и польский Пяст, почитаемые родоначальниками народов и основателями государств, носили липовые лапти. Померанские славяне в 1129 году, когда были крещены, посадили у того крещатика-источника четыре липы и берегли их, как заповедные, многие годы (одна из них перестояла прочих до памятных людям дней). Недаром липа должна почитаться народным славянским деревом, подобно пальме у арабов, оливковому масличному дереву у греков, немецкому дубу и проч. В самом деле, липа сильно распространена от Балкан до Ладожского озера и отсюда до рек Алдан и Мая на крайнем северо-востоке Сибири, хотя уже и не сплошными насаждениями. Тем не менее, в Уфимской губернии сохраняются ещё, как общеевропейская диковинка, липовые леса. Не удивительно, если это дерево, которое издревле столь долгое время и надёжно обувало всю Русь, по всему славянскому миру дало своё почтенное имя великому множеству поселений, городов, гор и других живых урочищ, и от липы же произошло название славянского месяца (июля).¹⁵³

ОТВОДИТЬ ГЛАЗА

В том значении, в каком понимается это выражение в городском быту и осуществляется на практике более видимым образом в чиновничьем, младшими над начальством, есть уже переносное. Корень его скрывается в народном суеверии. Прямой смысл — морочить, зачаровать: леший, например, отводит так, что обойдёт кругом, заведёт в трущобу и заставит безвыходно плутать в лесу. Колдуны и даже знахари (колдун-чародей и волшебник знает с нечистой силой, знахарь-ворожей или самоуч-

ка лекарь может прибегать к помощи креста и молитвы) — оба эти молодца умеют напускать наваждение, или мару, на глаза. Никто не видит того, что стоит перед глазами, а все видят то, чего нет вовсе. Довольно известен такой забавный пример.

Неведомые мужики едут на базар и видят толпу, глазающую на какое-то диво. Остановились они и присмотрелись; не уразумели сами — стали других расспрашивать. Отвечают им:

— Вишь ты, цыган сквозь бревно пролезает, во всю длину. Бревно трещит, а он лезет.

Проезжие стали смеяться:

— Черти-дьяволы! Да он вас морочит: цыган подле бревна лезет и кору дерёт. Так и ломит её — вон глядите сами.

Услыхал эти слова цыган, повернулся боком к проезжим да и говорит:

— А вы чего тут не видали? Глядите-ко на свои возы: ведь горят. Сено на них горит.

Оглянулись проезжие и в самом деле видят, что горит на возах сено. Бросились они к своему добру: перерубили топором гужи, отхватили лошадей из оглобель, и слышат, как позади их вся толпа, что стояла около цыгана, грохочет раскатистым хохотом. Повернулись проезжие опять к своим возам — как ни в чём не бывало: стоят возы, как стояли, и ничего на них не горит.

ЧУЖОЙ КАРАВАЙ

Старинная пословица говорит: «На чужой каравай рта не разевай», иногда с прибавкой, кажется, позднейшего вымысла: «а пораньше вставай, да свой припасай». Смысл руководящего правила первой половины внушительен и без объяснительного совета второй. Является здесь отчасти странной ссылка на непечатый печёный хлеб, а не на иную снедь более вкусную, заманчивую и соблазнительную для всякого любящего поесть на чужой счёт и незаслуженно. Не из одного же поползновения к созвучию и складной речи выдумалась эта общеизвестная поговорка. Каравай в бытовом смысле имеет особенно важное значение, несомненно, восходящее к древнейшим славянским временам и сохранившееся в сватбных обрядах малороссов и

белорусов (в Великороссии только кое-где в южных губерниях, например, в Воронежской, Тамбовской, Курской, на Дону).

Выпила девица вина из бутылки, принесённой женихом, сняла с себя пояс, обмотала им ту бутылку и в таком виде возвратила сосуд принёсшему — значит, согласна на брак, сделалась невестой, подписала контракт и за безграмотством узелком пояса указала место печати (в Великороссии этот обычай заменён посылкой жениху белого полотенца невестина рукоделья). Теперь она ни в каком случае не имеет права отказать жениху, который начинает производить затраты, готовясь к свадебному пиршеству. Белорусские волостные суды, в случае отказа невесты, приговаривают её родителей к денежному вознаграждению жениха, в размере произведённых им трат: на пропой (угощение) родственников; *посажную* (свадебную) *свинью жених заколол, обручальные кольца купил* (не принимают лишь подлежащими возврату те деньги, которые употреблены были на подарки самой невесте). Со дня заручин начинается стряпня *каравая* в обеих семьях: невестиной и жениховой. Здесь-то сосредоточивается главнейшим образом вся мистическая часть обряда, до сих пор отстаивающая себя от всех прочих церковных обрядов. Эти — сами по себе, но языческие символы прежде всего и впереди прочих. *Расчине* *каравая* (растворение теста) имеет вид особого священнодействия, где жреческие обязанности возлагаются на какую-нибудь непременно замужнюю женщину; причём все мужчины удаляются вон из хаты. Мальчик бежит по соседям и собирает гостей.¹⁵⁴ Сажает каравай в печь не иначе, как с общего благословения, мужчина, голова которого повязана бабьим платком. При этом поют соседки *каравайницы* особые *каравайные* песни, между прочим, о том, как бояре печь затопили железными дровами, как шёлковые дымы вышли и выпекся каравай, как колесо. А затем всё это для того, что у *нашего господаря кудрявая голова, ён кудрами потрясе, нам горелки унесе*. Так как это бывает в субботу, всегда накануне венчанья, то на следующий день каравай становится главным символом и выступает на первое место. В обоих случаях (и у жениха, и у невесты) каравай выносится из чулана или с гумна на веке (крышка на квашне), несётся двумя девочками, ставится на стол перед сговорёнными. Каждый из них должен приложить к караваю лицо своё и поплакать. Только после того начинается

благословение родителями. Перед отъездом под венец жениха и невесту три раза обводят кругом стола, и они целуют свои караваи, берут их в руки и с ними выходят из хаты. Священные хлебы эти увозятся в церковь, кладутся на аналое, а по возвращении домой обрядовая возня с ними всё ещё не прекращается. Молодых встречает мать невесты, обязательно в надетом навыворот кожухе (шерстью вверх) и в мужицкой шапке для богатой жизни. Начинают расплетать косу, надевают намётку — убор замужней женщины и делят каравай так, что первые два куса даются новобрачным, а остальные непременно каждому из свидетелей и участников брачного пиршества. Режет каравай ребёнок, а куски раздаёт гостям сват.

Для последней цели этот пшеничный пирог печётся большим: на верхней корке делается крест и украшения в виде птичек, свёрнутых из теста. Украшают также маленькими венчиками, золочёными бумажками; на веточки вешают ягоды калины и проч. Калине приписывается также мистическое значение, и она воспевается в песнях в применении к невесте: «Пришёл час, пора и годиночка — зацвела калиночка». Сгибают каравай (как поётся в песне) *с цветками, с перепёлками, с дорогими маковками*. В прежнее время с этим караваем, завернутым в холст, ходили к пану, к священнику и к иным почётным лицам на поклон.

Не без намерения привелось остановиться на подробностях обычая именно в силу его символического значения и притом замечательного своей обязательностью во всех местностях Белоруссии, где мне ни доводилось расспрашивать и прислушиваться к описанию сватбных обрядов. Везде они поразительно одинаковы, везде каравай, подобно именинным пирогам, масляничным и погребальным блинам, родильной каше, святочным колбасам и пасхальным яйцам, играет роль священного хлеба. Обязательно его расчинение с таинственными обрядами и песнопениями и делёж также со священнодействиями, подобными переходу от венца в хату через огонь, подобными поджиганию невестиной косы двумя свечами, сложенными накрест, и сиденью на деже, приёму молодых в вывороченной шубе, выходу новобрачных после отдыха с полотенцем, которое держат они за оба конца и т. п. В таком смысле и религиозном значении каравай мог быть принят, в исключение перед прочими яствами, в

пословицу, упрекающую тех, кто любит и привык поживляться чужим добром, не запасшись собственным трудовым. Белорусский каравай (по песне): «Сам Бог месит, Пречистая святит, Ангелы воду носят, Христос приступает, хустою (платком) накрывает». Во всяком же случае обряд *каравая*, перешедший в обычаи христианские, с ними смешавшийся и ими освящённый, не утрачивает значения древнейшего языческого обряда доисторических времён. Он исчез в Великороссии под известным влиянием наиболее энергического и усердного давления проповедников христианства и насадителей православных обрядов, но сохранился вместе со множеством других старинных в Белой и Малой Руси под шумок долговременной борьбы двух исповеданий, выразившейся унией.¹⁵⁵ Народ предпочёл вековую старину и дорожит ею до сих пор, как наследием предков тех *дзядов* (дедов), которых признаёт олицетворёнными, живыми духами и в честь их повсеместно установил особые праздники, обставленные многоразличными мистическими обрядами.

По-белорусски выходит, таким образом, что, после символического закрепления договора поясом, жених и невеста получают право жить до венчания между собой брачно и они уже называются теперь молодыми, то есть новобрачными. В Малороссии требуется ещё отбывание *весілля* — угощения, которое также не совпадает с церковным венчанием, так как обычай не считает необходимой одновременность двух актов, принятую великорусским крестьянством. В этом обстоятельстве для Малороссии заключён тот важный смысл, что брак признаётся целым обществом и это признание важнее церковного. Малороссийскому караваю в данном случае придаётся более глубокое значение, чем первоначальному договору при сговоре — значение к тому же и окончательно решающего права на законное сожителство. В Малороссии так и толкуют: «Хоть по чарци выпить, да караваю зьисты, а усё-таки треба».

ПРИХОДИ ВЧЕРА

В указанном смысле насмешки выпрашивающему заветную или себе нужную вещь, действительно, слышится чаще. В виде

же ответа должника заимодавцу — редко (разве в форме сарказма при жалобе последнего на первого, которого он и не видел, и не застал дома, и ответа такого слышать не мог). Так как *завтра* всё равно, что *вчера*, то заимодавцев обыкновенно подчуют должники *завтраками*. У такого *завтра* обыкновенно нет конца, и от таких угощений ещё никто, как белый свет стоит, не бывал сыт. Собственно же совет приходить вчера имеет более глубокое и знаменательное значение, если углубиться в беспредельное море народных суеверий и примет и припомнить изумительную доверчивость и пристрастие народа ко всему необычайному и чудесному.

Здесь всё дело в том заключается, что проклятый царь Ирод имел «двадцать поганных дочерей во едино время. Шествие творяще святии отцы по горе Синайской и сретошася им двенадцать жен простоволосых и вопрошиша святии отцы проклятых: что вы есте за жены, и куда грядете? Отвечали проклятии: мы есмы дщери Иродовы, идем род человеческий мучити и кости ломати и зубы скрежетати. — Что имена ваши? Они проклятии отвечали (это — по Нижней Волге): имена наши: царапея, цепонея, скучая, дулея, ищея, шатушка, колея, камнея, чихнея, тандея, знобея и тряска.»¹⁵⁶

Надо отбиваться от нападений, а чем? — умыться на заре нашёптанной водой, отписывать на пряниках и есть ведомые знахарями слова (отнюдь нельзя их развёртывать — хуже будет), можно и на крест на бумажке привязывать. Змеинный выползок целый месяц носить — помогает, засохшая лягушка способит, кусок свиного сала на том же кресте целит: она, проклятая дочь Иродова, свиньи боится. Прибегают и к сильным решительным средствам: уносят больного в лес, завязывают над головой два сучка берёзы (боятся Иродовы дочери и этого дерева) и велят больному кричать: «Дома нет — приходи вчера!»¹⁵⁷ Сам знахарь приговаривает: «Покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь».

— Стало ли больному лучше, помогло ли?

Планетчик сказал:

— Находка не проста. Вишь, эта болезнь не ему сделана; да он случайно набрёл на неё: с болотной кочки она, знать, в него и заскочила. Видно уж, сердешный, с тем в землю пойдёт.

Видя, что ничто не помогает, стали больного *жалеть*, оказывать любовь свою: кто принёс солёных огурцов, кто кислой капусты столько, что здоровому молодцу в три дня не съесть. Начали угождать больному: в сенцы на холодок вынесут — горит он, так прохолодиться; помогут ему составить ноги на пол и дверь настежь отворят — очень уж пот-то его одолел: пущай обсохнет!

— Впоследние ведь! Одна нога у него уж, видимое дело, в гробу. Лекарь-то Бог что ли? Вложит он душу-то, когда она вылетать собралась?

Бывает и так, что проказник домовый, который любит щипаться, толкать под бок и будить ночью, гладить рукой и прочее, но неохотлив говорить, вдруг что-нибудь скажет, обычно позовёт по имени. Кому это почудится, тот обязан сказать ему (мысленно, чтобы не рассердить этого, вообще доброжелательного, старика) любимое его слово, владеющее для всех нечистых великой силой:

— Приходи вчера!

ПУСТОБАЙКА

Выражение *приходи вчера*, взятое в прямом его смысле, без применения в качестве зарока и заклинания — не что иное, как бессмыслица, без толку и значения. Ею пользуются, между прочим, балаганные шуты, рассчитывая на то, что, в числе прочих шуток-прибауток, она сойдёт за острое словцо, вызовет к себе внимание толпы и возбудит в ней смех, а может, на счастье, и хохот. В сущности, *приходи вчера* относится к разряду *пустобаек*, составляющих вместе с пословицами, поговорками, присловьями и загадками особый отдел народных изречений, довольно богатый материалом, но скудный смыслом, и потому стоящий ниже всех и стоящий дешевле всех соседей. В отдел пустобаек следует отнести и все те изречения, на которые потребовались от меня объяснения. Их дать нельзя либо потому, что за поисками красного слова или яду на острие насмешки они оказались бессмыслицами (как заданный *сивый мерин*, который *врёт*), либо, выхваченные из иностранных языков, они там и

корни оставили, и жало завязили. Такова заданная мне *свинью подложить*, как недавно заимствованная для обогащения языка и крадучись пробирающаяся в народ наравне с родственными ей дворянскими, господскими и взамен устарелых или набивших оскомину и сильно надоевших от частого оборота на житейском базаре. Таковы: *подсыпать кому перцу*, *запустить шпильку*, *поставить горчишник*, *задать закуску*, *подвести под сюркуп* и проч. В деревнях взамен этого слова давно уже пользуются не менее бессмысленными. Есть и гораздо лучшие хотя бы потому что домашние, а не бременская фальшь, не гамбургская гаванская сигара, не прусское настоящее шампанское из Берлина (например, *вливать кому щей на ложку* или однородное с заимствованным *всучить щетинку*).¹⁵⁸ На своей родине эти *крылатые слова* несомненно имеют источник и указывают то место, где они родились и откуда, как вольные птицы, вылетели в мир Божий, стали порхать и перелётывать по белому свету. Такова, между прочим, первая, пришедшая на память, *навязать медведя*, несомненно заимствованная с немецкого и употребляемая в смысле *одурачить*. Один путешественник уверял немцев, что он видел в Польше, как два медведя съели друг друга дочиста. А в Польше знаменитый враль Пане Коханку (Радзивилл) рассказывал о том, как сам он изобрёл для ловли тех же медведей повозку с острым железным дышлом, которое намазывалось мёдом. Охотливый до этой сласти зверь приходил и лизал всё дальше и дальше, налегая на дышло до тех пор, пока конец последнего не проходил целиком сквозь медвежью тушу и не показывался наружу. Тогда гайдуки, спрятанные в повозке, выходили, навинчивали на острие гайку, чтобы зверь не соскочил, запрягали лошадей и отвозили добычу в Сморгоны. Здесь, как известно, в самом деле существовала академия, основанная польским князем, для выучки медведей пляске и умению показывать разные штуки.

В число домашних, коренных русских пустобаек (или, что то же, *пустоговорок* и *приговорок*) относятся, между прочим, те прибаутки и присказки, которые ищут только склада или замерли в своей первоначальной форме, давно утратившей смысл. На такие прибаутки охочи были наши недавние удалые ямщики, помахивавшие кнутом с весёлым покриком на лихую тройку,

вроде: «По всем — по трём! Коренной не тронь, а кроме коренной и нет ни одной». Мотай-де себе на ус и смекай про себя, сколь мой обиняк остроумен и замысловат, сколь в нём много скрытого под иносказанием глубокого смысла, и сколь я сам удал и весел, чтобы воспользоваться перед другими правом получить прибавку в казённой *наводке* — не на косушку, а на весь полуштоф. Мастера были на такие *художества* досужества сбитеньщики, которых в наше время заставили примолкнуть и не орать по городским улицам и площадям с припевом и вприпляску: «Ульяна, Ульяна, садись-ко ты в сани, поедem-ко с нами, во нашу деревню — у нас во деревне много див увидишь: курочку в сапожках, петушка в серёжках, утку в юбке, козу в сарафане, корову в рогоже» и т. п. Горласты и самодовольны были господа пирожники, тоже известные остряки, любимцы толпы, находчивые на встречные вопросы поперечными ответами вроде:

— Ты зачем это продаёшь пироги с тряпками: вот она у меня на зубах.

— А тебе за три-то копейки надо с бархатом, что ли?

И эти молодцы *с лавочкой на животе* также смолкли и шатаются с лёгким приговором козлиным голоском: «Пироги горячи!» (холодные-то!) или: «С пылу, с жару!» (в обеденную пору после ранней утренней заготовки). Остряки-балаганные старики осматриваются, раёшники приговаривают сонными голосами и не действуют так, как бывало в недавнюю старину. Благопристойность сохранена и городское благочиние соблюдено, но язык потерпел большой ущерб, потерявши источник обогащения.¹⁵⁹ Всем известно, что из подобной болтовни многое поступило в обиход в значении пословиц и поговорок, и также стало нравственной притчей, руководящим житейским правилом и поучением в подлинной форме народного закона. Конечно, *иная пословица не для Ивана Петровича*, потому что, по опыту, *не всякая пословица при всяком молвится*.

Существуют в соседстве и недалёком родстве и такие прибаутки (пустобайки), которые уцелели, как дорогое достояние веков, и с той самой поры свободны и правы перед самой строгой цензурой. Они когда-то, в незапамятные времена, выдуманы, затвержены и обязательны до сего дня. Таковы сказочные прикрасы *в некотором царстве, не в нашем государстве, я там*

был — мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. Конечно, и эти (*присказка, когда сказка будет впереди*) получают пословичное значение, когда умело приспособляются к тому или другому бытовому случаю и житейскому событию. Всё равно: исходят ли они из местных обычаев или зависят от личных привычек людей — их принимают в живую речь, как приятных гостей. Народный вкус умеет гостеприимно обмыть их, очистить, наскоро принарядить и посадить рядом с испытанными друзьями и давно ведомыми знакомыми. В кучах складных слов, как в мусоре, умеют отобрать то, что годится и про домашний, и про общественный обиход. Перед сердитым начальником иной (по сказочному) *тише воды, ниже травы*; если этот пустой человек, но грозный начальник (опять-таки по сказочному, застывшему навеки выражению) наскочит *выше лесу стоячего, ниже облака ходячего* (придерживаюсь в данном случае толкованиям, предложенным известным знатоком народной речи, до сих пор не имеющим себе преемника и продолжателя, В. И. Далем). Наконец, иные пустобайки прямо входят в тот разряд и вид крылатых слов и мимолётных изречений, на которые так способны и счастливы французы, и которые, под названием *каламбура*, имеют большой успех в обществе. Это — игра слов с двояким смыслом является, например, в такой народной прибаске: «Я в лес (влез), и он в лес, я за вяз (завяз) и он за вяз (за то же самое дерево)».

Именно в этом отделе *пустословий* следует искать место того множества выражений, которые, при всех стараниях в поисках, при всём напряжении в догадках, совершенно не могут быть объяснены, потому что говорятя спуста, прямо с ветру и вздорно.

СКАНДАЧОК

Иногда вместо того, чтобы сказать про человека, поступившего опрометчиво, сделавшего что-либо на авось, как ни попало, или, проще, *намаха*, говорят, что он *отпустил скандачка* — и попался в беду. В редких случаях пользуются этим словом в ближайшем к настоящему значению смысле про таких людей,

которые придумают ловкий оборот в разговорной речи или остроумный приём на выход из запутанных обстоятельств в общественном быту. Тогда говорят: он *поступил с кондачка*, и при этом пишут слово в том виде, как оно теперь у нас напечатано. Здесь ошибка явная, по силе тех же укоренившихся обычаев — давать превратные толкования окончательно определившимся в языке словам и выражениям. Особенно страдает слово *нарочито*, которым сплошь и рядом заменяют слово *нарочно*, где прямо подсказывается и прилагивается оно в смысле *умышленно*, *с намерением*, тогда как *нарочитый* всегда сохраняет своё древнее значение (вышедшее из обычая) чего-либо отличного, значительного и даже именитого. Также точно ошибочно при описаниях в газетах каких-либо народных гуляний, благотворительных торжеств, детских ёлок и тому подобного употребляют вместо *сласти* (как лакомства и сладкие закуски, покупные вещи фабричного изделия) — *сладости*. Забывают, что последнее слово обозначает исключительно лишь качество всего сладкого на вкус и то ощущение его с последствиями услады и наслаждения, то есть всего приятного не только одним чувствам, но и душе.

В слове, вызвавшем эту мимоходную заметку, некоторые усмотрели происхождение слова от названия духовной песни *кондака*, всегда сопровождающей, как продолжение и разъяснение, другой церковной песни в честь Спасителя, Богоматери и святых праведников — тропаря. Ничего общего здесь нет, и ни в каком случае даже самого отдалённого смысла заподозрить невозможно. Тропарь есть такая церковная песнь, в которой или излагается образ жизни какого-либо святого, или указывается в общих чертах на образ совершения какого-нибудь церковного праздника. В соответствие тропарю, в кондаке воспевается в кратких выражениях христианское значение подвигов святых, славословится Спаситель или Богородица.

Значение нашего слова не потребует никаких натяжек и чрезвычайных поисков, если обратимся к картинам народного быта, и на этот раз прямо-таки к русской пляске, во всём разнообразии приёмов. Можно плясать чинную великорусскую и разудалого казачка, ходить голубца, и делать малороссийскую метелицу, то есть, становясь попарно в круг, каждой паре пля-

сать на три лада бурно. Можно с присвистом и вскриками пуститься в присядку, то есть опускаясь внезапно на корточки, также быстро вскакивать навтыжку во весь рост. По пословице, *и всяк пляшет, да не как скоморох*, потому что бывают изумительные мастера выбивать ногами штуки и откалывать разные колена. Вот такие-то добрые молодцы и делают *скандачок*, то есть ловко и сильно ударяя пяткой в землю, немедленно затем вскидывают носок вверх.¹⁶⁰ По этому начальному вступительному приёму уже сразу видать сокола по полёту, который, несомненно, и расшевелит стариковские плечи, и потешит глаза товарищей и молодежи. Он сумеет за скандачком и ударить трепака, то есть пустить дробный топот обеими ногами с мелким перебором. Разуважит он подгулявших зрителей всласть, по самое горлышко, и артистическими коленами в присядку с вывертами и прискоками, для которых, впрочем, ещё не выработано определённых приёмов и точных законов по примеру бальных и театральных танцев.

ИГРАЙ НАЗАД

Известно, что в нашем богатейшем языке существуют десятки названий иносказательного смысла, нежных — ласкательных и грубых — укорительных, которые усвоены любимому народному напитку. Напиваются также каждый по-своему, сообразно с характером, званием и даже ремеслом. Говорят: сапожник *настукался* или *накуликался*, портной *наутюжился* или *настегался*, купчик *начокался*, приказный *нахлестался*, чиновник *нахрюкался*, музыкант *наканифолился*, немец *насвистался*, лакей *нализался*, барин *налимонился*, солдат *употребил*, а дядя Семён Иванович *нагрелся*. Если всякий другой разночинец может *наторопиться*, то солдат в должное дозволенное время имеет право и *подгулять*. С одной такой компанией служивых один раз так и случилось. После приятельского угощения она набрела на скрипача-цыгана и заставила его играть. Играл он долго — устал. Пришло время гулякам расплачиваться. Самый богатый дал гривну. Музыканту показалось мало, и он варом пристал к нему, чтобы прибавил ещё пятак, объявляя, что:

— Один камаринский больше стоит, а я сыграл его десять раз.

— Нет у нас ни гроша, хоть все карманы вывороти. На вот — испытай сам. А коли лишку сыграл, так сам давай нам сдачи: играй камаринского на пятак назад!

И НА СОЛНЦЕ ПЯТНА

Об отсутствии на земле вполне идеального человека без пороков и недостатков, объясняемом этим кратким пословичным выражением, говорят таким образом лишь в интеллигентных слоях общества. Народ из веков привык верить, что солнце — повелитель жизни на земле, под влиянием которого находится всё наше существование и все явления на земной поверхности — солнце, как некий бог, чист и непорочен. Он не может быть запятнан: это противоречило бы достоинству и славе его. Он должен светить во всю свою силу. Недостаток единого луча не проходит даром ни земле, ни всему живущему на ней. Тоска нападает на сердце, животные проявляют чрезвычайное беспокойство, птицы среди полудня располагаются спать, когда по каким-либо случайным причинам солнечным лучам что-либо мешает проникать до земли, например, сгустившийся чад и дым во время громадных лесных пожаров, густые туманы и т. п. Но и в то время солнце является громадным бронзовым кругом, выветленным и вычищенным на славу. Если иногда кажутся на нём пятна, то это — либо мимо идущее облако, либо заслонила его какая-нибудь из звёзд, которых так много бродит в беспредельном пространстве вселенной между землёй и солнцем. Таким же точно образом думали и в Европе в то время, когда она только что начала просвещаться светом науки, но ещё далеко не отреклась от схоластических верований. В 1610 году изобретена была астрономическая труба: вся поверхность солнца оказалась усеянной как бы рисовыми зёрнами (каждое зерно длиной в тысячу миль). Среди них попадаются чёрные точки (*поры*) и, кроме того, пятна. Последние в конце указанного года объявились разом трём наблюдателям, и притом в разных городах и действовавшим независимо друг от друга. Фабрициус

наблюдал в декабре, Галилей в октябре, а Шейнер в марте 1611 года. Духовный начальник последнего астронома советовал не доверяться глазам своим в таком серьёзном деле, а потому ученый принуждён был воздержаться от обнародования своего наблюдения (двое первых не были столь трусливы и опасливы).¹⁶¹ В настоящее время солнечные пятна составляют предмет весьма тщательного всестороннего изучения: существует целый ряд гипотез, пытающихся объяснить происхождение, строение и жизнь солнечных пятен. Между прочим, удалось заметить зависимость некоторых явлений на земле с числом солнечных пятен — и притом эта связь поразительна. Когда на солнце большое количество пятен, то на земле является большое число северных сияний и часто повторяются магнитные бури, и т. п.

СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ

Князь Кутузов молвил слово, —
Хоть нескоро, да здорово,
— Старый воробей!

(Из патриотической песни Отечественной войны
За горами, за долами Бонапарте с плясунами...)

Опытную птичку воробья, пожившего год-другой и налетавшего по Божьему свету, не приманишь на те кучи, где сложена ворохом мякина (она же пелева и полова, древнеславянское и евангельское *плевелы*) — не обмануть птичку этим призрачным видом сжатого и сложенного в скирды хлеба. В мякине нечем воробью поживиться: это — хлебный колос, избитый цепями в мелкую труху, от которого самым усердным образом отвеяно съедобное зерно хлебных злаков. За последним именно и гоняется эта маленькая домашняя птичка, отличающаяся кратковременной жизнью и торопливостью истратить свой жизненный порох. Этим хлебным зерном она и жива. В Сибири, до прихода русских, воробей был неизвестен; с покорением же этой страны земледельческим русским народом и с заведением в ней пашен, прилетел и этот покладливый вор, вооружённый опытом и острым глазом, привыкшим отличать хлебные скирды от мя-

кинных ворохов. В хлебородных местах этот вор притом же докучлив и настолько многочислен, что потребовал мистических заклинаний, признан проклятой птахой, породил особую легенду о своём происхождении от чертей и в Малороссии приравнен к жидам.¹⁶² Тем не менее, воробей счастливее многих людей, которым приходится, по пословице, *сеять хлеб, а есть мякину, ходить по солому, а приносить мякину*, примешивая её в опару в таком избытке, что выпеченный хлеб кажется комком грязи, поднятым на проезжей дороге, а потреблённый в пищу производит у непривычных людей острые желудочные колики и другие болезни. Такова, между прочим, судьба белорусов, питающихся так называемым пушным хлебом, который колет рот, язык и горло, но скудно питает. «Всё едино — что хлеб, что мякина» — в отчаянии говорят там и в других бесхлебных местностях русского Севера в те времена, когда совсем нечего есть, и стучится в дверь и лезет во все окна настоящая голодовка: «Чем бы ни обмануть, только бы набить брюхо».

Голодный молодой воробей на мякину, по неопытности, сядет, старый пролетит мимо. Старая крыса почти никогда не попадает в мышеловку. Редкий счастливец излавливал старого ворона и даже старую форель. «Старого моржа-казака не облукавишь» — уверяют архангельские поморы, промышлявшие на Новой Земле. Причина чрезвычайно прозрачна и может остановить внимание лишь по нижеследующему обстоятельству.

Все старинные путешественники по полярным странам в одно слово, как будто сговорившись, рассказывают о глупости — даже столь всем известного по своей хитрости зверька — лисицы. Рассказы их основаны на тех наглазных фактах, что лисицы попадали к ним в руки из самых незамысловатых, грубого устройства ловушек. При этом попадала не одна, а по несколько: зверёк смотрел любознательно во все глаза, когда перед ним охотник налаживал пасти и сетки и клал съедобную приманку. Как только он уходил, лисица попадала в западню либо умной головой, либо быстрыми и сторожливими мягкими лапами. Бывали случаи, что в течение четырёх часов в одной ловушке попадалось до пятнадцати лисиц. Однако, те счастливые времена прошли давно, остались едва вероятные предания, в нынешние времена (как говорят) *народ хитёр стал*. Не столько

человек успел изловчиться в измышлениях хитрых западней и в заметании своих живых и пахучих на чуткий нос зверя следов, сколько выучилось быть осторожным всякое животное. Много пало искусившихся зверей, как искупительных жертв, прежде, так что оставшимся в живых теперь осталось одно только — очень поумнеть. Так и сбылось.

В самом деле, для чего же и лежит приманка, как не для того, чтобы её съесть? Для чего же протянута эта проволока, прилажены стойком и на́кось щепки и палки, на какие и глазам смотреть страшно? Вот в одном месте повешены сети, болтаются по ветру концы толстых и тонких верёвок. Сколько лет и зим приходилось бегать по этим дремучим лесам, по весёлым и светлым перелескам, а таких невиданных диковинок никогда не приходилось примечать. Всё кругом внушает сильное подозрение, и зверь бежит прочь, как бы говоря про себя: хоть я вижу и чую, что ты зовёшь меня в гости и угощение выставил напоказ, и я очень люблю мясо и есть хочу до тошноты, а не пойду — поймаешь, задавишь и шкуру сдерёшь.

Лиса, в самом деле, на ходу постоянно держит нос против ветра, знает переулки и закоулки, входы и выходы: всё это она точно удержала в памяти по наследству или с тех пор, как довелось однажды подвергнуться опасности. Теперь, когда и самые дикие захолустья облюдели и ожили, этот ценный зверь к неизвестным предметам приближается медленно, что называется — на цыпочках, и недоверчиво обнюхивает издали, по ветру: каждый шаг для него подозрителен. Лису теперь можно поймать только на незнакомую ей приваду. Если же какую она раз испытала — к той не подойдёт никогда. Она доучилась до того, что умеет притворяться мёртвой: охотник думает, что положил лисицу на месте, а, между тем, она у него на глазах вильнула хвостом и — улизнула.

У архангельских звероловов есть ловушка, называемая *ставкой*: на толстом полене укреплены два ствола, к курку которых привязана верёвка, выведенная под снарядом в ту же сторону, куда глядят дула. На конце верёвки, конечно, привада: кто ухватится за неё и дёрнет, тот спустит курок прямо себе в лоб. Ставят ловушку на счастье: в большого зверя (медведя, волка) могут попасть обе пули. Небольших зверьков убьёт одна, обе же

разнесут на куски. Обманутый промышленник подходит осмотреть ставку, видит: курки спущены, оба выстрела вылетели, а убитого зверя нет ни тут, ни вблизи. Разбросанные кусочки съедены и даже исчез тот, который привязан на верёвке, а убитых не видать. Есть ямка, вырытая в снегу подле самых дул, и следы лапок можно различить и умятое телом местечко видно: была лиса да сплыла.

Не далась наука хитрости и осторожности только кое-какой полярной птице: гага, например, до сих пор ещё ищет места для гнезда, выстилаемого её драгоценным пухом, заходя на жилые дворы, к самым избам в становищах промышленников. Охотникам хорошо известно, что лиса любит замаскировывать свои следы, наступая на те, которые уже проложены зайцами, и потому, подкапываясь на этих тропах под следы, закладывают капканы. Всего чаще получают они здесь опять тех же зайцев с переломленными ногами. Заяц и капкан спустил, а лиса и не притронулась к тому кусочку ситца или крашенины, которым была накрыта вся ставка. Как бы то ни было, умному человеку снова нужно изловчаться, придумывать что-нибудь особенное, изобретать невиданное и поразительное. Я припоминаю повсеместные жалобы архангельских промысловых людей на несовершенство и неудачи старинных самодельных снарядов, унаследованных от прадедов. Я встречал многих таких, которые придумывали улучшения, и знал одного, который усиленно попытывался до иноземных изобретений, заглядывая в книжные объявления и доискиваясь самих книжек.

— Надо пытаться новые снасти, — говорил он: — иначе старого воробья мякиной не обманешь — он давно уже знает в ней вкус.

Мало известные лисьи проделки человек забыл, но наглазные, так сказать, ежедневные и наиболее известные ему воробьиные свойства перенёс на себя и применил к тем людям, которые, при многочисленных опытах жизни, успели состариться: до такого превосходства, что не скажет слова спуста и не сделает дела проста. Он всегда осматривается и одумывается, как бы его не обманули или как бы ему не обмолвиться. По пословице: «Старый ворон не каркнет даром — либо было что, либо будет что».

КАНИТЕЛЬ ТЯНУТЬ

Из нагретой штыковой меди, да и из благородных золота и серебра, вытягивают проволоку и из неё, ухватив клещами и плавно подёргивая, не спеша и с великим терпением позывают силой на себя, волочат нити и бити, и тонкие проволоочки, вытянутые в длину и кругло утончённые (это — нити) и затем сплюснутые до возможной тонины, а потому плоские (это — бити). Последние-то и называются канителью, которая с равным блеском и успехом навивается в фортепианах и арфах на басовые струны и употребляется на офицерские эполеты и для вышивания по сафьяну, сукну и бархату. Так как в последнем случае канитель погодилась на церковные ризы, то и надо полагать, что искусство тянуть её перешло к нам, вместе с Христовой верой, из Греции, по крайней мере, мастерили её в тех городах, где много было святыни, монастырей и церквей, как в Киеве, Новгороде, Пскове и Москве. Когда Москва победила и ослабила все города на Руси, канительное дело перешло всё сюда. В первопрестольной и в ближайших к ней шести сёлах четырёх уездов (Московского, Бронницкого, Подольского и Богородского) оно свило себе прочное гнездо. Мелкие кустарные заведения ручными вóронтами тянут проволоку мелкими нумерами, а плющат большие фабрики, работая обыкновенно конным приводом канитель крупных номеров.

Фабричному производству этих изделий минуло уже сто лет (первая фабрика, основанная около 1770 года, существует до сих пор) и, в сравнении с иностранным, наше далеко превосходит, да и сами изделия широко распространяются. В особенности большое требование на московскую канитель заявляют на нижегородской ярмарке азиатские купцы и серебряную в большом количестве завозят в самую даль — в Индию. Стало быть, и в самом деле тянули канитель столько лет — и не зевали. Впрочем, десять лет тому назад оборвались те именно нити и бити, которые шли в дальнюю Индию: спрос страшно упал и перепугал. Давай справляться по всем землям, по всем ордам — и господин Алексеев, первый московский канительный фабрикант, дошёл до корня беды, не ближе, не дальше, как у французов в Лионе и у немцев в Нюрнберге. Придумали там новый способ

и довели канитель до сороковой пробы и непомерно удешевили, а наружный вид сохранили такой же. Купил москвич новые машины — и наладил дело. Теперь не только восстановился прежний спрос, но и несколько поднялся. С той поры клещи и ворота остались только у кустарей, и медленная работа, при которой волоочным нитям, кажется, и конца-края нет, скоро перестанет служить притчей во языцех и стоять в числе насмешливых поговорок. Довольно, на замену его, про обиход и того уподобления, чисто деревенского и народного, которое применяется к человеку, медленно говорящему или вяло работающему, что он делает все это так, *как клещами на лошадь хомут натягивает*.¹⁶³

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА В ЧЕТВЕРГ

По объяснению И. М. Снегирёва («Русские в своих пословицах») на славяно-германском севере четверг был посвящён Турову, или Громову, дню (Thurstag). В этот день этому суровому богу, называемому славянами Перуном, молились о дожде. Проповедь Христовой веры обезличила языческую святость самого дня и обесцветила верования в старинного бога. Обо всём несбыточном стали говорить в смысле вышеприведённого выражения.¹⁶⁴

ЗАТРАПЕЗНЫЙ

Ещё на нашей памяти, вплоть до пятидесятих годов, обучавшиеся в духовных училищах и семинариях дети бедного провинциального духовенства ходили в халатах, носивших название *затрапезных*. Эти халаты представляли собой узаконенную обычаем и, кажется, обязательством форму для всех семинаристов, исключая лишь тех, у которых родители были побогаче. Те имели возможность одевать детей или в шинели, или в нанковые длиннополые сюртуки до пят, или, как острили сами семинаристы, *по сие время*. Это обстоятельство пришло мне на память ввиду недавно встреченного объяснения слова *затрапезный* именно тем, что подобные хламиды всего чаще можно

было встречать за монастырскими обедами в *трапезах*. Отсюда же и само название перенесено на всякое платье из материала самого дурного качества, поношенное, измятое и истрёпанное, дозволительное только в монастырских стенах и терпимое лишь в семинарских классах, на плечах бедных семинаристов или мастеровых мальчиков. Известный М. М. Сперанский в подобной затрапезе пришёл в ворота Александро-Невской лавры учиться, а потом в ту же лавру в торжественной процессии привезён был на погребение графом, знаменитым сановником, как крупная историческая личность, обессмертившая своё имя огромными трудами, каковы: «Полное собрание законов Российской империи» и систематический «Свод законов». Эта резкая противоположность в его замечательной жизни послужила, между прочим, темой для надгробного напутственного слова.

Как бы то ни было, объяснение слова *затрапезный*, несмотря на указанную лёгкость в изыскании корня — в этом смысле неверно. Произошло название вовсе не от того платья, которое носили семинаристы или в какое одевали бывшие помещики своих крепостных, содержа их в затрапезных, или застольных, покоях. Это — просто материя пестредь, или пестрядина, или прямо *затрапез*, *затрапезник*, получившая своё название от фамилии купца Затрапезникова, которому Пётр Великий передал основанную им фабрику. Передал её царь в поощрение способностей и полезной деятельности, подобно тому же, как это сделал с Никитой Демидовым, получившим от него уральский Невьянский завод, и т. п. Фабрика изготовляла пеньковую, грубую и дешёвую ткань, пригодную для тюфяков, рабочих халатов, шаровар и т. п.

Столь различное применение пестреди в общежитии вызвало и разнообразные её сорта. Эта пёстрая, или полосатая, чаще всего с синими полосами, ткань в торговле до сих пор носит разные названия — от ниток основы: третная, где одна нитка основы белая, а две синие; половинчатая — две нитки синие и две белые; погоняйка — в одну нитку редкими полосками, самая грубая; пúтанка вся в полосатых крапинках; тяжина, в которой уток идёт наискось, не образуя прямой решётки, как вообще принято. Есть ещё скворцовая (по цвету), наволочная, рубашечная и проч. С этой тканью отчасти соперничает и её

подсмешивает голландский тик с косыми нитками и тоже полосатый — по-видимому, образец и родоначальник нашего прославленного православного затрапеза.¹⁶⁵

ИСКРЫ ИЗ ГЛАЗ

По газетным рефератам одной из лекций профессора Тарханова, читанной в Соляном Городке,¹⁶⁶ это обычное выражение получило следующее научное объяснение: Многие, наверно, не подозревают, что выражение *искры* (или *звёзды*) *посыпались из глаз*, употребляемое для обозначения сильного удара глаза, не есть одно только фигуральное выражение. Оно включает в себе реальный факт появления, при ударе и производимом им раздражении, действительных искр, дающих настоящий цвет. Несколько десятков лет тому назад, в одном из германских городов, разбирался процесс. Суду предстояло решить курьёзный, при тогдашнем состоянии физиологии, вопрос о том: реален ли или нереален свет от искр, посыпавшихся из глаз пострадавшего вследствие нанесённого ему удара преступником, нападавшим совершенно в тёмную ночь. Надо было удостовериться, насколько заслуживает уважения уверение пострадавшего, что этот свет помог ему тогда, в момент нападения на него, разглядеть преступника и настаивать на тождестве его личности с личностью подсудимого. Теперь уже в этом вопросе ничего курьёзного нет. Теперь уже прочно установлено наукой, что световые ощущения и возможность зрительных впечатлений вызываются не только при раздражении сетчатки и зрительных центров. Они действуют и при всяком раздражении механическом или химическом, производимом изменённой психической деятельностью, в зависимости от разных ненормальных условий, например, неправильного питания и т. д., и вообще от разных патологических причин. При болезненном состоянии сетчатки глаза, например, при воспалении, она совершенно не способна воспринимать извне световые ощущения. Между тем пред глазами больного постоянно целое море огня. Знаменитый физиолог Грефе рассказывает об одном старике, лишившемся зрения на четырнадцатом году своей жизни и уже в течение многих

десятков лет не воспринимавшем никаких зрительных впечатлений. Его, после одного сильного душевного потрясения, стали преследовать разные видения иллюзорного и галлюцинационного свойства, представлявшие ему с ясностью реальных образов, точно он был зрячий.

ДЕНЬ ИНОХОДИТ

Прислушался я к такому разговору двух мастеровых хозяев. Один толковал, другой поддакивал:

— Такой был парень — золото: работа в руках горела. Такого мастера поискать во всём городе — не найдёшь. Да зашибал. Я и плату ему поднимал — не унимается. Спервоначалу, как вышел из мальчиков в подмастерья, пошаливал вином с примеру старших за компанию. Дальше да больше, стал и загуливать. Надо говорить, не то, чтобы сплошь пил, не переставая, не прочухиваясь — к примеру, в запой, что ли, ударился. Нет. Украдёт у тебя коротенькое воскресенье — в понедельник не работает, а там стал и вторника прихватывать. Я всё терпел. Слышу: ломается, выхваляться начал: мне-де цена мала, и мастера такого поищите, братцы, а найдёте да покажете, я вам ведро водки ставлю. Стало мне это в обиду, начал я ему резоны сказывать разные-всякие. А он и не слушает: повернёт спину и пойдёт в кабак, да ещё пуще начнёт заливать. Это уж из хвастовства, из одного бахвальства, чтобы поломаться надо мной.

— Знамо дело: на всём свете так-то. И в моём деле то же самое, — поддакивал слушатель. — Там он уж, поди, и в запой перешёл?

— Да из запоя, бывало, когда выйдет, всё ещё золотые-то руки не покладывает. Работает чисто и усердно, словно навёрстывает, словно и впрямь ему перед людьми совестно за все его прежние прегрешения, за кабаки эти. Дрожат у него руки, да он их налаживает: ум-от при нём. Только диву даёшься: дал ему Господь талан, и вот, мол, смиряет; он работает по старому. А там опять закрутил.

— Значит, и у тебя, как у всех, по пословице: день иноходит, да два не ходит...

— Смотрю, вот, в газетах и читаю, что найдено тело неизвестного на спуске к Фонтанке. Пошёл я — и доказал. Записали: предавался чрезмерному употреблению крепких напитков.

Подслушанное применение мимолётной пословицы требует некоторого пояснения, так как само выражение очень метко и образно.

Первое слово взято от ходы лошади, то есть её выступки и побежки, которые бывают, как известно, разных видов. Это — либо шаг, то есть простой переступ ноги, равный шагу человека, самая тихая побежка; либо это рысь, когда конь поднимает ноги накрест — левую переднюю и затем тотчас же правую заднюю и так далее в очередь; либо в притруску — мелкой рысцей, либо часто и размашисто — большой крупной рысцей. Либо, наконец, лошадь ходит иноходью, когда обе ноги одного бока заносит вместе, выкидывает разом, иногда с перевалом и перебоем, в три ноги — ни в тех, ни в сех: ни рысь, ни иноходь. С такой ходой, как иноходь — красивой перевалкой с боку на бок — знатоки не мирятся и говорят: «Иноходец в пути не товарищ». Это не всегда годная к работе лошадь, а чаще всего щегольская, то есть совершенно такая, что *день ходит, а два со двора не сходит*, точь-точь как говорят о пьяницах, в трезвом виде всегда исправных и работающих. Да и к одним ли пьяницам применимо это выражение: не заключается ли в нём отчасти знакомая черта вообще характера всякого рабочего человека, особенно по сравнению с мастеровыми из немцев?

ЗА ПОЯС ЗАТКНУТЬ

Несмотря на всем известную простоту и ясность этого выражения, употребляемого иносказательно в смысле быть доточником или мастером своего дела, само значение *пояса* невольно останавливает нас для кое-каких замечаний. Мы не историю пишем, а потому не будем говорить о том, как в отмщение за позор и бесчестье по поводу сорванного пояса на сватском великокняжеском пиру (с Василия Косого) поднялась война, имевшая следствием свержение с престола побеждённого великого князя Василия Васильевича Тёмного. Словом, мы не будем объяснять

исторического значения русской подпояски, так как за ней есть и другие достоинства. В самом деле, можно ли найти и указать, даже в настоящее время, хотя бы на одного простого русского человека, вышедшего из деревенской среды, который не имел бы на себе подпояски или пояса? Даже в тех случаях, когда городские обычаи заставляют надевать немецкое платье, деревенская привычка, скрытно для посторонних наблюдательных глаз, остаётся нерушимой и святой. Святым считается это неременное обязательство в силу того, что при святом крещении всякий православный младенец опоясывается, при молитве о препоясании силою, ленточкой или шнурком по рубашке. Ходить без пояса по рубахе считается основным и тяжёлым грехом, хотя и допускается в некоторых редких случаях неимение опояски сверх кое-какой мужской верхней одежды, например, кушака или подпоясника, то есть ремня с набором или пряжкой. Отсутствие этой туалетной принадлежности возбуждает у самых простых людей серьёзное недоумение и вызывает искренние насмешки. Ни одна догадливая и любящая мать не пустит своего парнишку, рассеянного и необрядливого, без пояса на улицу в силу издавна укоренившегося поверья о порчах сглазу. И по пословице: «Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка». У русских людей, наиболее преданных заветам старины, как, например, у раскольников, этот обычай получает даже строгое мистическое значение. Так, при молитве, налагая истовый размашистый крест во всю длину вытянутой руки, нельзя класть этого знамени поперёк, то есть опускать ниже пояса. За крестным знаменем следует и малый начал, или поклон святым иконам, опять-таки поясной, то есть во всю спину. Уверяют при этом, что в старых людях, особенно принадлежащих беспоповщинским сектам, сохранилось поверье о делении человеческого тела на две половины: верхнюю — чистую, где помещается душа и сердце, и нижнюю — нечистую, где орудие плоти: «Все мы по пояс люди, а там — скоты». Во всяком случае, каждая русская женщина имеет пояс, шерстяной, шёлковый, бумажный или плетёный нитяный домашнего дела, поверх сарафана, а в жаркое летнее время, при спешных работах в поле, пояс переносится прямо на рубаху. Заткнувши за этот пояс полу рубахи, работающая, как вол, и сильная русская женщина ещё

с большей лёгкостью, с усердием и без помехи отправляет свой честный труд поистине в поте лица своего. Даже и сама крестьянская нужда и деревенское горе являются в наглядном представлении не иначе, как подпоясанными, хотя бы на этот раз и лычком. По длинной до самых пят белой рубахе подпояска, на левом плече серп, в руке ведёрко с квасом, под правой мышкой охапка сжатых колосьев — вот и жнея. Обе рукавицы, заткнутые обоими большими пальцами за кушак спереди, и кнут, круто заткнутый сбоку, немного взад — вот и удалой ямщик, поблекший уже на красивом фоне картин русского быта, стираемый с лица земли железными дорогами и изгоняемый кочегарами в засаленных и чумазных блузах. Топор назади, наискось по спине, закреплённый в петле кушака, означает плотника, приметного и Петербургу ранним утром с восходом солнца и вечером перед закатом его: нарубился, натесался, заложил топор за пояс так, что лопасть с лёзом и обух с проухом пришлись снизу кушака, остриём к земле, а деревянное топорщице просунулось вверх к левому боку — плотник теперь пошёл спать и отдыхать. Все эти почтенные труженики, мастера своего дела, все налицо в приличной, издревле усвоенной форме. При них и орудие искусства и досужества и, между прочим, топор, острым носком которого плотник попадает в промежутки растопыренных на бревне или доске пальцев товарища и не задевает живого тела, благодаря приловчившемуся глазу и искусно набитой руке. Обязательный обычай и привычный приём при употреблении подпоясанного одеяния, конечно, вызвал и такие промыслы, которые удовлетворяют этим насущным потребностям. Не говорю о кушаках, для которых на Руси, в разных местах, мастеров очень много, но и такая мелочь, как узенькие пояски, обратила на дело ремесла очень многих. Очень славятся пояски тагайские из симбирского села этого имени и прómзинские той же губернии Алатырского уезда (указаний на другие местности мы не имеем). Богатые семьи покупают шерсть, прядут, красят и потом раздают бедным женщинам на дом для плетенья. Такой шерстяной пояс продаётся не дороже двух копеек. Но ничего не может быть приятнее покупки на монастырском празднике или ценнее подарка знакомой богомолки, удостоившейся сходить к соловецким угодникам или киевским чудотворцам — именно в виде подоб-

ного пояска, изделия монашеских чистых рук. Как известно и видно из вышеприведённого указания, эти руки отбили от мирян промысел изделиями столь нужного и распространённого предмета. В больших монастырях продажа поясов составляет изрядную статью дохода, крупнее всех для киевского Михайловского монастыря с мощами Варвары великомученицы. Эти пояса в особенности почитаются в народе вместе с медными и серебряными колечками, полежавшими у мощей в раке святой: ими богомолки, в свою очередь, весьма с выгодой поторговывают, не без обычных обманов подделками. Особенно заманчивы и прекрасны, на девичий взгляд, шёлковые пояски с вытканными молитвами — рукоделье женских монастырей: «По поясу-то пояски, а по пояску-то поясочки (полоски) и слова молитовки нанизаны! И сколько тут много всякой благодати и спасенья!»

САМ БЬЁТ, САМ КРИЧИТ

Давно, очень давно было обыкновение, явившееся собственно по предписанию врачей (как *remedium antispasmodicum*) лечить брюшные завалы усиленным смехом. Чтобы достигнуть такого результата, чтоб нахохотаться вдоволь, в старину поляки брали, преимущественно, еврея, надевали на него тулуп вверх шерстью, для приличия опоясывали, давали в руку палку, выводили на середину двора, и потом спускали на него собак. Естественно, обороняясь, еврей бил собак и кричал на разные голоса (*głosy*), кривляясь по всевозможным направлениям. А от этого и произошла пословица: «*Żyd sam bije, sam krzyczy*».

Так объяснил господин Звенигородский эту старую польскую пословицу, проникшую, однако, и в русскую обиходную речь (см. «Толковый словарь» Даля), приведённую господином В. Пропевским как самый верный юридический аргумент в опровержение статьи Г. Гинзбурга («Спб. Ведомости» 1861 года, № 14). Объяснение этого рода напечатано в журнале «Рассвет» (1861 год, № 46) — органе русских евреев. В сущности, нам незачем было сюда ходить за справкой, так как стоит заглянуть на любую белорусскую ярмарку, где воочию не замедлят представить наглядные доказательства любой еврей (особенно же

еврейки) — эти давние и непременные обидчики белорусских мужиков. В народной *привычке* и в племенных *свойствах* вернее следует искать подлинного объяснения. По-русски так не бывает, но с белорусами часто случается, если даже пойти на проверку по книгам волостных судов. Покупал мужик соль, да заспорил и выругал еврейку *жидюгой* и ещё каким-то другим оскорбительным словом. Она обозлилась: схватила с правой ноги башмак *еврейским обычаем*, отколотила этой пантуфлей обидчика по щекам и орала гвалт во всё горло, сзывая соседок и мотающихся по улице жидков. Это с необыкновенной быстротой произошло у меня на глазах в городе Могилёве-на-Днепре, и если не били мужика в кровь, всем скопом, то потому только, что поспешила на выручку полиция.¹⁶⁷

ТУРУСЫ НА КОЛЁСАХ

Про иных ловких людей говорят так, что они умеют подъезжать *турусами*, *подпускать турусы*, то есть подправлять лестью медоточивые искательные речи, пристигать ими неприготовленных и неосторожных враглов. *Нести же турусы на колёсах* — значит уже городить всякий вздор и болтать попустому, потому что *турусами* называется также сонный бред, обыкновенно бессвязный и пустяшный. В первом же значении это слово для объяснения своего отправляет нас в те стародавние времена, когда ещё не был изобретён порох, и на войне не были приспособлены огнестрельные оружия. Действовали стрелами в открытом поле и стенобитными машинами, когда защищающиеся уходили отсиживаться в города, окружённые рвами и огороженные бревенчатым тыном, сверху заострённым. В чистом поле против вражеских стрел русские витязи надевали доспехи, состоявшие из железной кольчатой брони (кольчуги), а иногда из досчатых лат (папорзи). Головы охраняли железными шлемами в виде воронки, а шеи — кольчужной сеткой. Про всякий случай имели они на руке большой деревянный щит, окованный железом и обтянутый сыромятной кожей — широкий сверху и суженный книзу и притом окрашенный в любимый русский красный (*червлёный*) цвет. Когда расстраивались

и ослаблялись неприятельские ряды войск тучами стрел и затем следовал неизбежно рукопашный бой — пускались в дело обоюдоострые мечи, даже *харалужные* (то есть из восточной воронёной стали), копья, или сулицы, секиры, или боевые топоры и, наконец, ножи, которые даже у всяких из простого народа имелись всегда при себе либо открытыми за поясом, либо припрятанными за сапоги. Когда неприятели облагали осаждённый город и прекращали саму возможность сообщения его с окрестностями, пускались в ход стенобитные машины, или *порóки*. Из одних метали большие камни и брёвна, из других зажигательные снаряды, чтобы теми и другими производить в городе разрушение и пожар.¹⁶⁸ При неудачах против стойких прибегали к хитрым машинам в виде дощатых башен с отверстиями на боках, поставленных на низких и толстых колёсах. Эти-то туры, или турусы, столь известные средневековой рыцарской Европе, знакомы были и монголам, завоевавшим Русь. Точно так же тёмной ночью, после непрерывных во все сутки приступов, подкатывали они их под самые стены, и ещё с большим успехом пускали в осаждённых тучи стрел, и ещё с большим удобством приставляли к стенам лестницы и лезли прямо в город. На деревянные русские города монголы пришли уже тогда, как выучились брать большие азиатские, укреплённые глиняными и каменными стенами, а не удобосгораемыми брёвнами, как все наши русские.

К слову, под этим заглавием вышла в Москве брошюра, намекавшая обличительно на тёмные дела тогдашней полиции. Обличала она в форме рассказов раёвщика, столь излюбленной современными фельетонистами малой прессы. Этот давний и первоначальный их первообраз продавался в Москве в книжной лавке И. Г. Кольчугина по двадцать копеек экземпляр, но вскоре очень быстро исчез из продажи: за неё охотно стали платить по синенькой и даже красненькой. Напечатана эта книга в 16 долю, в 1846 году, в типографии А. Евреинова, с одобрения цензора Зернова (профессора математики). Заключала двадцать четыре страницы и начиналась так:

«Вались народ
От Яузских ворот.

Что честной народ повесил головушку на правую сторонушку? Иль плохо можется — нездоровится! Взглянь-ко глазиком, поздравь с праздником. Други, или забыли, как в старину жили? Ай люли-люли! — в старину, в старину! Любо! — народ простой тароватой, хоть золото гребь лопатой. Были, были времена, не то что ныне от большого ума у каждого сума. И в двадцать лет уж постыл белый свет. Лихих болестей не знали, вин заморских не пивали, лишь мадеру Деверье, без посуды сорок две, медку да русской бражки, сердцу для отважки. Жили братцы не тужили, в пору други старались, за чужим добром не гонялись с багром, слову честному цену знали и на деньги совесть не меняли: вот как жили да поживали. Ахти старина-старина! Бывало, крикнешь-гаркнешь: вались народ от Яузских ворот! Народ как волна, и шапка полна».¹⁶⁹

НИ ДНА, НИ ПОКРЫШКИ

Ни дна, ни покрышки является в значении шуточной брани в России, в Сибири же советуют принимать пожелание это не за лёгкую шутку, а в самом строгом смысле зложелания. Там разумеют под дном гроб с неотъемлемой крышкой, будет ли он сколочен из досок, как у православных, или окажется выдолбленной колодой, как у безпоповщинских староверов, или *домовиной* — такой же однодеревой долблёной колодой, которую любят и православные в северных лесных губерниях, несмотря на то, что употребление колод запрещено законом. Эту домовину, в шутку называемую там *деревянным тулупом*, привычно сулят вору или обидчику: «Возьми себе на домовину». Разумея завет всегда думать о смерти, верующие люди, особенно старухи, заранее шьют себе саваны и запасают гробы: саваны прячут на дне сундуков, гробы — на чердаках, или подволоках. Соблюдают при этом лишь то поверье, чтобы гроб был в меру, по росту, ибо, если окажется не в меру велик — быть в доме новому покойнику. Таким образом, заданное выражение, по сибирскому толкованию, оказывается самым злым пожеланием — именно быть похороненным без гроба, умереть без покаяния и возвратиться в лоно матери-земли без обрядового честного по-

гребения. У малороссов заменяется оно одинаковым по смыслу: «Щоб тебе поховали на растаньках». А разстани, или распутье, то есть перекрёсток, где сходятся несколько дорог, и в Велико-россии недоброе место. На нём любят шалить черти; в Бело-руссии они играют здесь в виде особых духов — *вихрей*. Здесь в старину хоронили самоубийц, казнённых преступников и зло-деев всякого рода, по словам одной старинной песни: «Промеж трёх дорог, промеж тульской, рязанской, владимирской».

АЛЛИЛУЙЯ

«Несёт такую аллилуйю, что уши вянут», — говорят по при-вычке и по завету от прежних людей и удивляются неприличию выражения. Между тем в Тамбовской и Пензенской губерниях сохранилось слово *алала*, *алалуя*, что означает всякую чепуху, бессмыслицу и даже сонные грёзы, ночной бред спящего. В ходу также глагол *алалыкать* — невнятно говорить, картавить, то есть объясняться либо с пригнуской, либо с пережкой — мямлить; *алалуить* же означает, в прямом смысле, *болтать вздор*.¹⁷⁰ Ясно, что здесь в говоре спутаны совершенно различные понятия — яв-ление, нередко замечаемое в живой речи, основанное на соблазне созвучий, вроде: «На, тебе, Боже (вместо *небоже* — убогий), что нам негоже!» Но как объяснить бранные слова *халдей* и *халда* — однозначные и в равной мере обрабатываемые бранные прозвища (в первом случае к мужчинам, во втором — к женщинам) вообще к людям бесстыжим и грубым горланам на миру и наглецам в ком-пании? Приписывать ли случайности, основанной на одном лишь необъяснимом созвучии, или отправляться за поисками в истори-ческие справки? Известно, что греки и римляне, спознавшись с жителями междуречья Тигра и Евфрата (Месопотамии), именно занятого издревле Ассирийским, или Халдейским, царством, не-взлюбили их, и слово *халдей* обратили в бранное и укоризненное. Это слово у цивилизаторов древнего мира обозначало понятие шарлатана — звездочёта и кудесника. Халдеи — изобретатели астрономии, как искусства по звёздам предсказывать будущее, в то же время держались веры в демонизм, и последний вызвал сильное развитие в Халдее колдовства, или магии. *Халды-балды*

и *халды-балды*, как пустословие и одновременно праздношатательство, с наибольшей охотой относит наш народ и по сей час к тому бродячему племени, которое старается прославить себя и тем, и другим (ворожкой и брехнёй), и которое явилось к нам из той же южной Азии и живёт под именем цыган. Ещё при патриархах халдеями назывались потерянные и бесшабашные люди, которые потешали толпу и в святочное время надевали хари, не считая позором для себя бесовские действия: беганье по улицам наряженными, с факелами в руках, буйства всякого рода, доходившие до того, что у проходящих они жгли бороды, если те не хотели откупаться от такого несмываемого позора деньгами. Их все презирали. Олеарий уверяет, что будто бы их, по окончании святок, всякий год крестили в Иордане, как вновь вступающих в число православных. Отсюда и не исчезнувший до сих пор обычай наряжавшимся на святках окунаться в крещенских прорубях, а в старину само право наряжаться получалось не иначе как с патриаршего благословения.

НИ БЕЛЬМЕСА

Ленивый школьник *ни бельмеса* не смыслит очень часто, то есть в прямом переводе на русский язык — *ни аза в глаза*, и ещё прямее и точнее — *ничем ничего*, то есть даже самой первой азбучной буквы; «Аз, да увяз, да не выдрахся» — как привычно острили старинные семинаристы. Хотя к слову *бельмес* и приложена настоящая поговорка *не смыслит ни бельмеса, а суётся бесом*, тем не менее, слово не наше, а заимствовано от татар, где этим именем честят всякого неуча-дурня и болвана, ничего не смыслящих. В Турции это слово также целиком годится в ответ не говорящему по-турецки, когда из слов его ни одно не понятно. Там *бельмес* прямо значит *не понимаю*.¹⁷¹ В план настоящей работы, по множеству уважительных причин, не могло войти объяснение тех вращающихся в языке слов, которые взяты с иностранного целиком или, по требованию русского языка и народного вкуса, перестроены так, что потеряли свой прирождённый облик. Вот хотя бы, например, слово *шарманка*. Кто бы мог думать, что название этого музыкального инструмента за-

висит не от тех ширмочек, из-за которых обычно выскакивает с палкой и сердито покрикивает пресловутый хохотун и драчун Петрушка, а от немецкой песенки. С нею явились заморские нищие впервые, и незатейливый романсик так пришёлся по вкусу нашим бабушкам и дедушкам, что потребовался русский перевод, до сих пор пользующийся всероссийской известностью. Немецкая песенка известна под заглавием *Scharmante Catherine* — почему во всей Польше и на юге России самый инструмент называется ещё проще *катеринкой*. На русском языке эта песня томно и нежно докладывала о том, что «Во всей деревне Катенька красавицей слыла, и в самом деле девушка, как розанчик, цвела; прекрасны русы волосы по плечикам вились, и все удалы молодцы за Катенькой гнались» и т. д.

По тем же причинам и в последовании азбучному порядку не настояло необходимости и в объяснении забавного слова *шеромыга*, он же и *шеромыжник* в значении плута и обманщика, промышляющего на чужой счёт, и незаконно народившегося от французского *cher ami*. Равным образом забыл я и о том, что *задать феферу* значит то же, что *досадить* и *наказать* и проч. В этой области исследований интересны не только сами передатчики и распространители, но и самый способ передачи и переделки чужих слов. Подобная задача иного характера, и её, несомненно, исполняют другие, могущие и знающие. Попробую, впрочем, сделать несколько указаний из этой области *чужеземных переводных крылатых слов*.

АЛТЫННИК

Бранное слово, обращаемое к скрягам, скупцам, крохоборам испытало ту же участь, как все старинные разменные монеты, названия которых остались в народной памяти под видом укоров и насмешек. Алтыну, бывшей серебряной монете в шесть денег или в три копейки, посчастливило лишь больше других в смысле частого упоминания до пятиалтынного включительно. До тридцати поговорок и пословиц собрал В. И. Даль в своём «Толковом словаре», как выражений народной мудрости в применениях этого слова, из которых многие особенно характерны. Бестолко-

вому, непонятливому человеку отвечают: «По латыни два алтына, а по-русски шесть копеек». Крестинные обычаи установили правило, выраженное коротким обязательством: «От кума алтын (то есть деньги), от кумы полотно». Торговое правило вызвало изречение, объясняющее неизбежный закон во многих случаях взаимных обменов и договоров: «Жалеть алтына — отдать полтину». Житейские порядки прямо указали закон, что без денег не обзаведёшься хозяйством, а тем более достатком — это значит коротко и ясно *алтыном постановка спора*. У скупого или очень расчётливого человека *каждая копейка алтынным гвоздём прибита*. Корыстник, мелочный и низкий взяточник обзывался в старину так: *подьячий с приписью: урываи-алтынник*.

Из остальных старинных монет или разменных единиц осталось в памяти народа лишь по одной поговорке. Когда разменивались кожами зверей (даже ещё при Димитрии Донском), обращались в купле и продаже: *куны* — цельные шкурки кун; *вёкоши* — таковые от белок, или векшей; *рёзаны*, то есть лоскутки от тех и других шкурок, *ноготы*, или ножки, и лапки, и мордки, то есть рыльца. Вот и говорят пока (но очень уже редко): «Нужда *куны* родит», «Не дам ни мордки». Когда приняты были татарские обычаи вместе с домашними и торговыми, обзавелись счётами (вывезенными, по преданию, из Сибири именитыми людьми Строгановыми), обзавелись спопутно кнутом и колом, приняты были вместо денежных пеней и рабства, для преступников, и татарские *танги*, то есть деньги, и медные монеты — *пулы*. Память о последних сохранилась в названии *полушки*, но теперь исчезла мало-помалу со времён указов Петра, приказавшего вести счёт рублями и копейками. Тогда исчезли эти полушки вместе с грошами и алтынами. Кое-где говорят ещё у *Никула ни пула и за эту бородку давали две новгородки, да третью ладожанку*. В последнем смысле потому именно, что новгородцы чеканили свою монету издавна, татарской монеты не принимали, предпочитая ей иноземные, которых много поступало от ганзейских купцов. Полушка также поминается почти только в поговорках, и, например, в наиболее всем известной и наичаще употребительной: «За морем телушка полушка, да рубль перевозу». Теперь даже упрямые и устойчивые в старинных обычаях деревенские бабы захолустных мест наше-

го севера перестали считать на алтыны и сороки (не десятками и дюжинами, а как соболей по сороку в вязке и пучках, и как в Москве даже церкви). «Возьми сорок алтын!» — подсмеивается присловье над старичанками (торговками в тверском городе Старице, обычаями оправдывающем своё название). Отвечают: «Сороцѣ не сороцѣ, а меньше рубля не отдам».

Замечательно при этом то обстоятельство, что *дѣньга* в смысле монета в полкопейки или две полушки, исчезнувшая из употребления, осталась во многих местах в значении участка земли, достающихся на долю крестьянина. В этом именно значении известна пишущему эти строки *деньга* на месте его родины, в Кологривском уезде Костромской губернии, казавшаяся до сих пор странным исключением, трудно объяснимым народным выражением. А. А. Титов, наш известный археолог и учёный исследователь в особенности своих родных (ростовских) местностей в превосходном сочинении своём «Ростовский уезд» (Москва, 1885 год) помогает в этом вопросе своими остроумными замечаниями и вполне основательным толкованием. Он, между прочим, говорит, что в селе Ильинском, в сорока верстах от города Ростова, других счетов и мер, как-то десятин и сажень, и в настоящее время не употребляют и даже не понимают, как деньги и полушки. Господин Титов ясно толкует это тем обычаем купли земель в складчину, который существовал в старину. Купленная земля разделялась между домохозяевами соразмерно внесённой суммой каждым. *Денежка* в отношении количества или пространства означает совокупность четырнадцати пахотных полос, считая в полосе один, два и даже три загона, *полушка* — семь полос, полуполушка — три с половиной полосы. Денежка в значении ценности соответствует ста рублям ассигнациями, полушка — пятидесяти рублям и т. п.

КРАСНОГО ПЕТУХА ПУСТИТЬ

Красного петуха пустить в смысле совершить поджог, объясняется заимствованием. У немцев этому выражению буквально соответствует *den rothen Hahn aufstecken*¹⁷² и малороссийское *червоного півня пустить*. У нас *подпускают* или прямо-

таким *сажают* красного петуха на кровлю из мести за донос или преследование преступных деяний уличённые, или пойманные, или наказанные злодеи. Обещанием поступить так держат они в страхе и вынуждают молчание целых селений, например, шайки конокрадов и других мелких воров. Поджигают селения беглые с каторги и мест поселения в Сибири, когда переполнится чаша терпения мирных жителей от частых набегов, краж и грабежей этих придорожных бродяг. За пойманных передних мстят поджогами задние, ещё гуляющие на свободе. Первым делом проявляет своё существование на земле и в близком соседстве обвинённый в Сибирь арестант, проскользнувший мимо глаз тюремных дозорщиков на лесную волю и прогулку и т. п. Петух издревле у славян и скандинавских народов служил символом бога огня, в умиловивление которого он приносился в жертву. Остатки этого обычая приношения, обезличенные и растерянные, говорят, существуют ещё у некоторых славянских племён и у финнов. У древних германцев петух также был посвящён громовержцу Тору.

КАК КАМЕНЬ В ВОДУ

Как камень в воду — (по-польски и по-украински так же точно, слово в слово), бросает дело неудачный и вышедший из терпения, после тщетной борьбы с препятствиями, и ежедневно погружается в глубокий и живительный сон сильно истомившийся рабочий человек. Он опускается на ночное ложе, как ключ или топор на дно. Иной человек от всяких неудач в жизни и от своих прегрешений и личных недостатков *пропадает, как камень на дно упадает*. Нужно ли этому образному выражению искать начала (как уже сделали некоторые) в языческих временах и вести его от символического обряда бросать камень в воду при заключении мира с врагами? Так, по крайней мере, объясняли учёные наши. Да и вообще следует ли делать напряжённые усилия для объяснения таких слов, которые ясны сами по себе?¹⁷³

Другое дело такие выражения, как, например, употребительный в городе Болхове (Орловской губернии) такой совет: «Без козла с узла» — это значит в покупке или при продаже будь ре-

шительнее, чтобы другой не подвернулся и из-под носу не унёс бы вещь, тебе очень нужную, или сам купец не раздумал бы и не попятился. Попадают и такие поразительные случаи, как в Архангельске, где поговаривают до сих пор: «День ушёл между чахи и ляхи» — то есть и не знаю куда, ни в тех — ни в сех, без дела, ни туда — ни сюда, и не видал, как ушёл и в самом деле, как древний киевский князь Святополк Окаянный, про которого говорит летопись, что он «ушелъ между чехи и ляхи» и в Киев больше не возвращался.

ГАЛИМАТЯ

Жил себе в Париже врач, обладавший необыкновенным даром смешить своих больных в такой степени, что вынужденный смех служил освежающим и зачастую целительным лекарством. Приедет он, насмешит и уедет, не оставив ни клочка рецептов. Между тем больной уже почувствовал облегчение, обрадовался, похвастался перед знакомыми, всех удивил и соблазнил. Доктор по имени Галли Матьё вошёл в моду и получил обширную известность и практику. Его стали приглашать нарасхват и, конечно, затруднили ему личные посещения: надо было придумать новый способ. Он стал вместо себя рассылать своим пациентам печатные листки, в заголовке которых стояло его имя, а под ним разнообразные остроуты и каламбуры. Отсюда производят обычай называть бессвязный и бессмысленный вздор, словесную чепуху именем и фамилией оригинального и счастливого целителя душ и телес. Впрочем, у народа для пустословов, вздорных болтунов, умелых городить такую чепуху, от которой вянут уши, придумали слово *алалой*: по звукоподражанию, как уже сказано раньше, от *алалыкать*, или *картавить* (нечисто произносить буквы и слова).¹⁷⁴

В МАЕ РОДИТЬСЯ

В мае родиться (жениться), век промаяться — суеверно предполагают и наши коренные русские люди и даже поговаривают таким убеждённым и решительным образом: «В мае

добрые люди не женятся». В последнем смысле и действительно так в хозяйственном деревенском быту: некогда разводить веселье и искать опоры в чужой и молодой силе женитьбой — начинаются полевые работы одна за другой в таком изобилии, что *лба перекрестить некогда*. «Захотел ты у мужика да в мае перепутья», — того, чем бы довелось ему угостить прохожего и проезжего. Запасного старого ничего уже нет — надо усиленно хлопотать о заготовке свежего и нового. Женятся осенью, когда оказывается достаток с излишком, на который можно и подарков закупить, и угощение добрым соседям предложить. По окончании полевых работ и досужее время к услугам. Таков закон для русской земли искони, откуда идёт и предрассудок, обесславивший весенний месяц май.

В Риме, в мае месяце, отправлялись праздники ночным привидениям, называемым лемуриями. Тогда запирались все храмы, и все свадьбы того времени почитались несчастливыми, отчего произошла пословица: «*Malum mense maio nubere*» (худо жениться в месяце мае). Вот откуда ведёт начало и русский предрассудок, особенно сильно распространённый в образованном обществе и отсюда, через дворню, проникший и в среду простого народа. Нам она погодилась и полюбилась по созвучию: «В мае жениться — целый век маяться», что фактически доказывается ежегодно и наглядными примерами, и статистическими цифрами браков в обеих столицах.

ВЫКРУТИТЬСЯ СЕНОМ

Выражение *выкрутиться сеном*, сколько помнится, в Великобритании неизвестно, да, к тому же, и все подручные справки приводят к одинаковому заключению. Дальнейшие расспросы показали, что это крылатое слово известно в Польше, откуда перебралось оно в Малороссию.¹⁷⁵ Слово объясняется следующим бытовым анекдотом: При дворе польского короля жил пан Смолик. Его уговорили приятели купить в складчину бочку самой лучшей венгржины (венгерского) и выпить её всю разом до последней капли тут же в погребе, не выходя за дверь его. Стали пить. С первых стаканов Смолик раздумал исполнить уговор.

Когда товарищи порядочно подвыпили, он побился об заклад, что всех их вытянет из погреба верёвкой, свитой из сена, которого очень много валялось на полу между бочками. Давши в руки одному клок сена, он начал крутить из него верёвку и при этом, конечно, пятился задом, налагиваясь прямо к выходу и прикрикивая: «Держи крепче!» Когда Смолик совсем выпятился из погреба, то привязал верёвку к крюку на стене, по счастью попавшемуся ему тотчас же на глаза — а сам давай Бог ноги.

УЛИТА ЕДЕТ — КОГДА-ТО БУДЕТ

Улита едет — когда-то будет, а во всяком случае нескоро: надо очень подождать, потому что, как прилип этот слизень к листу или ветке, так и не движется. Деревенские ребятки советуют посулить ему *пирога-гороховика*, тогда улитка начнёт высовывать два рога, а сама всё-таки остаётся на прежнем месте. Выбрался же этот медленный ездок для поговорочного примера (как такой, который на том же месте, где родился, и погибает) — по созвучию с женским именем Улиты (Иулиты). Имя это в деревнях любимое, а какая же там баба и в особенности в нынешние времена необычайного развития отхожих промыслов не исполняет всех без исключения мужских работ и не делается умнее очень многих мужчин, особенно когда овдовеет?

ХОТЬ ТРЕСНИ

Хоть разорвись, ничего не поделаешь; хоть тресни, хоть лопни, а дело заканчивай! — внушительно велит судьба злосчастному и приказывает подневольному и подчинённому суровый хозяин или строгий начальник, зачастую сами непривычные и неумелые производить заказанную работу. Этому суровому приказанию выучил едва ли не тот хвостун, который, посмеиваясь над чужими пчёлами, хвалил своих.

— Ульи те же, а пчёлы ростом в кулак.

— Как же они попадают в улей, пролезают в узенькой леток (или лазок)?

— Пищит да лезет. У нас строго: хоть тресни да полезай.

НАФЫРОК И НАПОПА

На голом персте, именно на большом пальце правой руки, сгибая его взад, делают между обоими сухожилиями ямку: это — *соколок*. Привычные к употреблению нюхательного табаку этой ямкой пользуются как табакеркой, насыпая туда чихательного зелья ровно на две понюшки и на добрый приём за один раз. Те, которые носили табак в рожке, нюхали его не иначе, как с этого *соколка*, другие же с ногтя того же большого пальца, прижатого к указательному, и этот способ назывался уже нюханьем *нафырок*.

В последнем слове в грамматическом смысле вышла особая часть речи, наречие, столь своеобразная и замечательная в нашем богатейшем языке, действующем с бóльшей правильностью и свободой, чем все наши казённые и учебные грамматики. В данном случае характерно слитие союза не только с существительным именем (в именительном, винительном и предложном падежах), но и с наречием.¹⁷⁶ Образовавшиеся через такое слияние наречия бывают не только поразительны, но и знаменательны своей неожиданностью. Так, например, *напопа*, столь употребительное и известное в среде рабочих всякого рода, значит: стойком поставить хоть что-нибудь, торчмя, например, товарный тюк или квасную бочку. Натощак едят пироги и ставят их напопа: начинкой к себе на вид, с намерением сдобрить её сверху подливкой из рыбной ухи или мясного супа. Ставят напопа, или тем же торчком, рюху уличные мальчишки в игре *городки* или *рюшки*, выбитую из кона деревяшку, и т. д.

ПИРОГ С ГРИБАМИ

У императрицы Елизаветы Петровны был любимый стреляной, человек атлетического сложения, крепкий телом и духом, Гаврила Матвеевич Извольский, которого она иногда навещала в его уютном жилище, угощалась любимой своей яишницей-верещагой, блинами, домашней наливкой и проч. Она позволяла ему говорить прямо правду, веря тому, что Извольский предан был ей душой. Это придавало Извольскому известную смелость, которая не могла нравиться придворным и могла при

случае простираться до обидных дерзостей и незаслуженных оскорблений. Елизавета любила также награждать Извольского. Раз, заметив, что он нюхает табак из берестяной тавлинки, она подарила ему серебряную вызолоченную табакерку устюжской работы с чернью. Гаврила поклонился до земли, но, взглянув на подарок, примолвил, что лучше бы когда царица пожаловала золотую. Елизавета благосклонно выслушала просьбу и хотела уже идти и переменить, но стремянной заметил, что эта серебряная будет у него будничной, а та, золотая, праздничной.

Другой раз на именины этого Гаврилы императрица прислала ему пирог, начинённый рублевиками. Когда он благодарил за подарок, она спросила его:

— По вкусу ли пирог с груздями?

— Как не любить царского пирога с грибами, хотя бы и с рыжиками?

Завистливым придворным как-то раз удалось словить этого невоздержного на язык и зазнавшегося баловня на каком-то неосторожном слове. Вследствие доноса он попал не только в опалу но, как водилось в оно строгое время, по выговоренному слову и делу — прямо в страшный Преображенский приказ. Там он высидел несколько времени и был прощён лишь по особому ходатайству своей жены.

С той поры, когда хвастались перед ним близостью ко двору, особенно те женщины, которых царица допускала к себе временами, когда, лёжа на софе или в постели, любила слушать старинные сказки или городские новости — всем таковым хвастунам Гаврила Извольский стал советовать обычным своим выражением:

— *Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.* Не разглашай, что бывал во дворце и говаривал с государыней. А не то жилы вытянут, в уголь сожгут, по уши в землю закопают!

«Такие угрозы, заимствованные из Преображенских и константиновских застенков, нередко тогда употреблялись, когда хотели кого-либо пристращать» — по свидетельству московского археолога и бывшего цензора Ивана Михайловича Снегирёва. Стало быть, едва ли не здесь, в этом анекдотическом случае, следует искать нарощение нашего столь всем известного, мудрого пословичного совета и теперь строго предлагаемого на подходящий час и в опасное время.

ПОД КРАСНУЮ ШАПКУ

Только в недавнее время, как запугивающее, выражение это стало забываться ввиду всеобщей воинской повинности. Дрожь и трепет наводило оно, когда обращалось в особенности к тем, которые не освобождены были, как дворяне, от тяжёлой солдатской лямки. Надевали шапку не красную, а лишь такую, которая не имела козырька, но в старину действительно всякий сдатчик, ставивший за себя рекрута, обязан был снабдить его красной шапкой, бердышом и прочим.

ТУРУ НОГУ ПИШЕТ

Бессмыслица одной очень старинной песни и другой таковой же сказки, смущавшая нас с детских лет и со слов нянек, останется таковой, если отправиться за объяснением к слову *тур* — дикий бык, или зубр, некогда водившийся по всей Руси (теперь только на Кавказе в горах и в Беловежской Пуще Гродненской губернии), воспетый в былинах и упомянутый в известном заведении Владимира Мономаха детям. Поётся в *старинах*:

- Что царь делает?
- Туру ногу пишет.
- Стул подломился,
- Царь покатился.
- Коза пришла;
- Где коза?
- В горы ушла.
- Где горы?
- Черви выточили.
- Где черви?
- Птицы поклевали, и т. д.

Когда же вспомним, что на севере издавна, а в Архангельской губернии до сих пор *турок* и *тур* означает печной столб, основание которого, называемое *ногой*, всегда расписывается красками очень пёстро, то выражение становится совершенно

понятным. Печка обыкновенно складывается из необожжённых кирпичей на деревянном фундаменте — этом самом турке, который и обшивается у богатых крестьян досками и раскрашивается всего чаще красной краской фута на два или на полтора от пола.

Оказывается, таким образом, что не только не молвится, но и не поётся слово спуста.¹⁷⁷

НАСТОЯЩИЙ КАВАРДАК

Сытая и обеспеченная жизнь досталась на долю уральских казаков, но зато невесёлая и тяжёлая служба. Не будем говорить о несчастных походах в Хиву и Туркменскую степь, кончавшихся измором целых отрядов. Достаточно упомянуть о казачьей службе на сторожевых постах внутри Киргизской и Туркменской степей, чтобы понять тяжёлые невзгоды жизни и походов в необитаемых пустынях. Это, большей частью, степи, покрытые толстым слоем сыпучих песков и отдельными песчаными холмиками, называемыми барханами, или те же пески вперемежку с твёрдыми солончаками и солёными грязями. С трёх сторон облегли эти унылые, мёртвые пространства землю Уральско-го войска, вдоль которой протекла богатая рыбой река Урал, по старому Яик — золотое донышко. Он-то и кормилец всего войска. Из-за него в течение двухсот пятидесяти лет казаки не нуждались в обработке полей и хлебопашестве на землях, которые оказались чрезвычайно плодородными, производящими наилучшую во всей России пшеницу.

Придя сюда, вот уже триста лет тому назад, казаки расположились селениями преимущественно на берегах Урала с притоками. Здесь отсиживались они от хищных кочевников и отсюда производили удалые набеги в степь для устрашения и наказания туркмен, хивинцев и киргизов. Тревожная боевая жизнь научила отваге, переезды по необитаемой голодной степи — осторожности не только против живого и дерзкого врага, но и против того, который подкрадывается незаметно и тихо, но бьёт также наверняка и кладёт насмерть после долговременных и мучительных страданий. Этот враг — голод, от которого не

всегда в силах спасти и гостеприимный киргиз, будучи сам полусытым и круглый год в проголоди.

Отправляется ли казак на долгий срок сторожевой службы в степь, едет ли он разыскивать скот, который либо сам отшатился, либо отогнали киргизы — во всяком случае, уралец без съестных запасов не пускается. Между этими припасами едва ли не главное место занимает неизменный кавардак — ломти красной рыбы (всего чаще осетра), просоленные и провяленные на горячем солнышке и имеющие большое подобие с балыком.¹⁷⁸ Он нарезывается ремнями исключительно для домашнего потребления и в продажу не поступает. Тем не менее, несмотря на свою глухую неизвестность, в своём месте и в нужное время, кавардак служит великую и неоценимую службу. Запихнёт его казак на походе в рукав, и, не слезая с коня, сыт и доволен. Кавардак ему пища и лакомство и весёлый собеседник, подобно тому, которыми являются для оставленных дома казачек арбузные и подсолнечные семечки. Он же служит за газету и книгу и подменяет беседу, когда всё переговорено и в глухой степи нет ни малейших поводов к обмену мыслями. Едет казак — и грызёт кавардак. Он же, да ещё разве песни про удалые подвиги, коротает и докучное время, и томительный путь, но, очевидно, не он в своём настоящем невинном значении принят в разговорный язык в известном условном смысле.

Мы (не казаки, а городские жители) привычно называем этим неподходящим словом всю ту бестолочь, раздоры и ссоры, которые развели и замутили искусно пущенные в оборот сплетни и всю ту хлопотливую суетню от бестолковых и опрометчивых распоряжений, которая кончается такими пустяками, что в них и не разобраться. Как бы в пояснение такой мути и путаницы в делах человеческих — во многих местах варят настоящий кавардак вроде болтушки. В неё, как в солянку, годится всякая всячина, и чем больше, тем лучше, на удалую, что выйдет: лук и толчёные сухари, солёный судак и свежая рыба. В густой и мутной болтушке, когда станешь есть — ничего не разберёшь, кроме хруста на зубах песку, который также полагается в числе приправ и принадлежностей этого невзыскательного бурлацкого варева, невкусного и сваренного в расчёте лишь на привычные и голодные желудки. На Волге кавардаком зовут ловцы

пшённую кашу, которую, к нашему великому удивлению, варят там с рыбой, в явное доказательство, что русское горло, что бердо: долото проглотит.

С БУХТЫ-БАРАХТЫ

Кто поступает так, как понравилось ему на первый взгляд, без всякого предварительного обсуждения, не имея никакой надобности и без всякой определённой цели — у того, конечно, очень часто выходят бестолочь и неудачи. Смысл таких поступков объясняется коротким словом *зря* (сокращённым из *назря*): на глаз, на зрение, как глянул или глянулось, или понравилось, так и сделал. Впрочем, в нашем языке, богатом на всякого рода эпитеты до поразительной роскоши, существуют для объяснения того же понятия другие, однозначные выражения человеческих дел и поступков. Таковы: *наобум*, *опрометчиво*, *как ни попало*, *бестолково*, *ни с того — ни с сего* и т. д., — всё-таки, выходит *зря*, что головой в копну и спустя рукава. Но если уже очень силен порыв *наобум* и слишком печальны последствия, то говорят о поступке *с бухты-барахты*. Кто-то придумал какую-то бухту, назвал её Барахтой, но до сих пор мы не встречаем ещё такого знатока и бывальца, который бы указал нам, где находится и какого моря часть представляет собой эта бухта Барахта. Никому, как и первому автору этого выражения, не отказано в праве и возможности необдуманно говорить *сдуру*, что *с дубу*, или, что одно и то же, поступать *с бухты-барахты* и, в самом деле, при несчастном случае биться руками и ногами, как упавшие в воду: *бух и барахты*. Для барахтанья достаточно подручной и спопутной речонки, а грудные дети умеют это делать, на утешение родителям, и на мягкой перинке.

СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТ

Отвечая заинтересованным (на вопросы, полученные по почте), прошу их обратить внимание на сам состав указанного выражения в логическом и грамматическом смысле.

Под соломой мы привычно разумеем остатки, в виде стеблей, от обмолоченного хлеба всяких сортов и представляем её себе не иначе, как целым ворохом, непременно кучей, сгребённой лопатами в горку, в рыхлую груду. Отсюда охапками или теми же ворохами солома берётся на подстилку и на крыши, на шляпы и другие плетенья разного рода, на поташ и даже на подпояску снопов. Вынутый из *соломы* одинокий сухой стебелёк, от которого отбит колос и которым можно лишь в зубах поковырять, называется *соломиной*, для надлома которой не требуется силы, и смешно было бы вспоминать это слово и говорить о нём. Бессознательно требовательный к законам родного языка и руководимый навыком по слуху и правилами, завещанными дедами и прадедами, народ наш строг к себе в этом отношении. Ни в каком случае мы не имеем права подозревать нелепицы или тёмного смысла в изречении, которое он твёрдо установил в пословицу, обычно выработанную житейским опытом. Если бы он желал выразить смешную бессмыслицу, то сказал бы точно и правильно: «Сила соломину ломает». Между тем говорится вековая правда, равно известная и испытанная всеми народами мира: «Ломит сила солому» — то есть могучее и властное побеждает слабое, хрупкое и ломкое. «Сила всё ломит» (а не ломает) — говорит общеупотребительная поговорка. Ломать, переламывать может и слабая рука новорождённого младенца, но ломить и ломиться в состоянии лишь уверенная в себе крепкая сила: она напирает, валит, налегая, опрокидывая и руша. К тому же следует помнить о том, сколько надобится человеческих усилий, чтобы, пройдя все степени земледельческого труда, добыть про домашний обиход ворох соломы. Сколько мужественного героического терпения требуется для того, чтобы после трудов праведных иметь возможность и право подослать соломки, чтобы на ней отдохнуть, поваляться и выспаться. Силой одного человека это можно сделать, но обычно требуется на такие работы соединённый труд, помочь, или толока. После работы испытываются: и ломота в спине, особенно когда жнут на корню выспевший хлеб и сажают его для просушки в овинах, и едкая боль в руках и плечах, и истома во всём теле, когда на токах отбивают спелое зерно и добывают солому и мякину, то есть высохшие стебли и избитые цепами колосья. «Нивка —

нивка, отдай мою силку!» — отчаянно кричат суеверные бабы, катаясь по жнивью, когда кончат вязать последний сноп и завязывают ему бороду.

Некуда больше идти за объяснениями: если и жил-был на свете известный царь-горох, то про царицу-солому ещё нигде не слышать ни в сказках, ни в песнях, ни даже в загадках. Ни мифологические и исторические, ни бытовые и юридические, да и всякие другие справки не представляют никакого выхода для толкований заподозренного в бессмыслице изречения, кроме приведённого сейчас.¹⁷⁹

ЕМЕЛИНА НЕДЕЛЯ

Болтуна и вралю, принявшегося за своё привычное и досадное ремесло, слушатели останавливают, когда он сильно и бойко развязет язык, выражением: «Ну, мели Емеля, твоя неделя!» Породил её, очевидно, обычай, издревле установившийся в крестьянских хозяйствах, особенно в многосемейных, держащихся старинных уставов и прадедовских порядков — работать по очереди, в сроки, всем бабам-невесткам и взрослым дочерям-невестам. Эти занятия уряжает либо свекровь, либо, за её смертью, старшая невестка, занимающие в семье должность большухи-заказчицы. Большей частью каждая из младших работает понедельно. Понедельно бабы стряпают, мелют крупу и зерно на ручных жерновах.

— Вот ты, баба, зёрна мели, — говорит муж жене: а много не ври, а мели хоть день до вечера!

Понедельно бабы смотрят за коровами, доят их и сливают молоко и т. д. Это объяснение, конечно, не отрицает права и не отнимает возможности искать его и в очередях отправления церковных служб и духовных треб соборными священниками в городах и больших сёлах. Издревле они правят требы недельными *чредами*. В самом слове *треба*, по толкованию В. И. Даля, не только заключается смысл отправления таинства и священного обряда, но предполагается связь со словом *требити*, то есть очищать от всякой скверны плоти и духа, как трепятся плевелы при веянии хлеба. Что же касается до значения *очереди*

в смысле *чреды*, то она обязательна не только священникам, но и архиереям для заседаний в Святейшем Синоде. Собственно же для священников, по давнему народному обычаю, нет чреды только лишь на мельнице: когда священник или дьякон привезут свой хлеб, мельник старается поставить их на очередь прежде всех других, ожидающих помола. Для этих установлен другой закон, точно и беспрекословно соблюдаемый в деревнях и ясно высказанный пословично: «Не попал в свой черёд, так не залезешь вперёд»; «Жить на ряду — вести череду» и «Чей черёд, тот и берёт» — правила, неохотно соблюдаемые лишь в больших городах и особенно в столичных, против чего недавно придуманы и приняты так называемые *хвосты* в театральных и железнодорожных кассах¹⁸⁰ и т. п.

ЧОХ

«На чох здравствуй!» — поздравляй, желая доброго здоровья тому человеку, который, невольным образом, напряжённо чихнул — таков обычай, повсеместный в России. Он исчез лишь в больших городах и в среде интеллигентных обществ, где не только выговорено, но и применено к делу твёрдое убеждение, что *на всякой чих не наздравствуешься*. Свято соблюдаемый в сёлах и деревнях обычай старины применим не только к людям, но и по отношению к животным, например, к лошадям, вызывая оригинальное исключение. Чихнувшему коню следует поздравствовать, но тотчас же и обругать, например, так: «Будь здорова, чёрт бы тебя драл!»

С глубокой древности чиханье считалось известного рода знаменьем. Когда Ксенофонт убеждал своё войско сделать нападение, то каждый чихал, и это заставило прибегнуть предварительно к очистительной молитве. Напротив, тот же Ксенофонт избран был полководцем только потому, что каждый чихал во время его речи. Полагается, стало быть, чихать вóвремя и кстати. Чиханье с полночи до полудня признаётся вредным. Точно так же нехорошо чихать за столом. С полудня до полночи, напротив, чиханье — хороший знак. Особенно же много обещает оно, когда при совещании оба собеседника чихнут

одновременно. К Фемистоклу во время жертвоприношения привели троих пленных. Каждый чихнул вправо, и жрец указал Фемистоклу на это, как на предвестие победы. Если кто чихнёт при разговоре, то это принимается за подтверждение справедливости сказанного. Уже Телемак подчихивал на слова Пенелопы в «Одиссее».¹⁸¹

У нас, впрочем, этот непокинутый обычай успел уже подвергнуться насмешке, выразившейся непонятными приветами и ответами. Чихнувшему говорят: «Салфет вашей милости!» — находчивый привычно отвечает на это: «Красота вашей чести!» В прошлом веке, когда в язык ворвалось множество странных выражений даже в среде высшего и фешенебельного общества, говорилось там серьёзным тоном — теперь этот привет посылается в шутку. Удерживался и этот язык, и этот привет по заимствованию в среде лакейского сословия, когда ещё прокармливалось оно богатыми барами, во времена крепостного права. Охотнее теперь желают после чиху так: «Сто рублей на мелкие расходы!» Теперь более убеждены в том, что *в чох, да в жох, да в чот нельзя верить*, а потому и придумано такое бранное пожелание: «Чох на ветер, шкура на шест, а голова — чертям в сучку»¹⁸² играть!»

ГЛУПАЯ БАБА И ПЕСТУ МОЛИТСЯ

Пословица народилась от побасенки, как одна старуха вздумала помолиться Богу в церкви. На селе она сроду не бывала и, встретив на пути мельницу, приняла её за храм Божий: к тому же и на мельницах она сроду не бывала. Знала только попов, которые наезжали, по указным праздникам, *со славою*. Приводилось и ей давать им *отсыпного*: мукой, крупой, пшеном; откупалась и печёным хлебом, свежими яйцами и т. п. Спрашивает она бородатого старика, всего выпачканного мукой:

— Не вы ли попы будете?

— Мы.

— А где у вас тут Богу помолиться?

Он ей указал на толчею:

— Вот тут!

А в ней, по обычаю, ходят на рычагах деревянные бойцы-песты, да постукивают, и всё себе толкут, не уставая и не останавливаясь по указанному издревле закону: «Пест знай свою ступу». Глупая баба и помолилась песту: больно уж он сильно ворочает и словно бы и сам шепчет, какую-то молитву подсказывает.

Такой же путь для розысков объяснения тёмных пословиц в народных сказках, притчах, рассказах и побасенках указывают и прочие родственные нам племена. Между прочим, мне пришлось встретиться в Белоруссии с очень распространённой пословицей, очень непонятной с первого раза, но нашедшей полное и ясное объяснение в сказке. Говорят: «Пускай тот середит, кто вверх или на небо глядит». Оказывается, что шла себе путём-дорогой лисица и нашла поджаренную говядину, а подле налаженную железную пасть. Догадавшись, что это ловушка, она не притронулась к мясу, а дождалась медведя. Спрашивает его:

— Куманёк-голубчик, ел ли ты что-нибудь сегодня?

— Нет, кумушка-голубушка, не случилось.

— Ну, пойдём, я сведу тебя в такое место, где хорошая пища лежит. Сама бы я съела, да сегодня середя: ведь я католичка.¹⁸³

Подвела лиса медведя к той говядине. Лишь только он сунулся к ней, как железо обхватило его поперёк и подняло кверху. Лисица взяла кусок и съела. Медведь с навесу говорит:

— Кумка-голубка, ведь у тебя сегодня середя.

— Эх, кумок-голубок: нехай той серадзиць, кто у гору (вверх) глядзиць!

* * *

В прогнивших насквозь брёвнах деревянных, преимущественно сосновых, жилых строений, нередко заводится насекомое из того множества пород этих животных, которые питаются древесиной, пробивая в деревьях прихотливые лабиринты. Одно из таких после выхода из яичка в виде гусеницы и после превращения этой последней в червячка или личинку знакомо не только всем деревенским людям, но и столичным дачникам. Обладая, как все личинки насекомых, необыкновенным прожорством, эта гусеница докучна беспрестанным стуком, подобным бою часов или глухим ударам молотка. Такой стук нервных

людей способен доводить до полного отчаяния, а для суеверных служит, подобно весеннему пению кукушки, поводом к загадыванию на число лет, какое доведётся прожить тому человеку на свете. Стукнуло насекомое последний раз и замолкло — значит, *стукнул последний*, по счёту, *год* или *час жизни*. Пришёл конец — конец концов и делу всему аминь!

Примечания

¹ Современное написание слитное: *впроса́к*, но оставляем *в просак*, как в оригинале у С. В. Максимова, потому что у него целый очерк посвящён выражению *попасть в просак*, и объяснение строится на самостоятельном существительном *просак*.

В издании 1890 года, на котором основана наша публикация, *жжёт* пишется *сжёт*.

² Ср. у В. И. Даля: «Для поговорки мужик в Москву пеши шёл».

³ Патриарх Филарёт, в миру Фёдор Никитич Рома́нов (ум. 1633), был отцом Михаила Романова, избранного в 1613 году русским царём. *Великий господин* — титул патриарха; Филарет был фактически соправителем Михаила, отсюда его второе именование *Великий государь*. В 1619 году Филарет установил хоронить без отпевания тех, «которые вина обопьются, или зарежутся, или с качелей убьются, или, купаячись, утонут, или сами себя отравят, или иное какое дурно сами над собою учинят».

⁴ Трио́дь — богослужебная книга с церковными песнопениями (канонами). В Триоди по́стной приводятся каноны для службы в течение 10 недель до Пасхи, включая Великий пост — отсюда и название *по́стная*. В Триоди цвето́й — песнопения для службы в течение 8 недель после Пасхи; название *цветна́я* — по Цветной, или цветоносной, неделе (где *неделя* значит *воскресе́нье*); Цветная неделя известна больше под названием *Вербное воскресе́нье*. Некоторые каноны состоят из трёх песен, отсюда название *трио́дь*, или *триодио́н* — от греческих корней *τρεῖς* (три) и *ὠδή* (песнь). Мине́я — богослужебная книга, в которой на каждый день каждого месяца расписаны молитвословия в честь какого-либо святого, мученика, святителя и по поводу церковных праздников. Для чтения (а не богослужения) издавались также минеи-че́тьи, или че́тьи-минеи́, где в календарном порядке на каждый день каждого месяца приводились истории о жизни святых (жития святых), а также православные сказания, назидательные поучения; *мине́я* — от греческого *μενῆσιος* (лунный, месячный); *че́тья* значит *предназначенная для чтения*: это слово, однокоренное с *чтё́ние* и *чтец*, образовано от устаревшего глагола *честь* (читать). Часо́вник, или часосло́в — богослужебная книга с молитвословиями на определённые часы суток.

⁵ Здесь примечание автора: См. «Русская Историческая Библиотека», изд. археологическою комиссиею, т. 2, Спб., 1875 г., под № 221).

Добавим, что незадолго до кампании по вымарыванию из Требника пресловутых слов *и огнем* имела место кампания протівоположно направленная: преследовались справщики (то есть редакторы, корректоры), которые, сличая Требник с более ранними русскими списками

и греческими текстами, удалили это *и огнем* как чью-то неправомерную приписку. В частности, исправлением Требника (и других богослужебных книг, изданных в Москве) занимался хорошо образованный монах Троице-Сергиевской лавры Арсений Глухой, взявшийся за это, надо сказать, опасное для той эпохи дело по настоянию архимандрита Дионисия; в 1618 году Арсений и другие справщики были обвинены в ереси, и Арсений оказался в заключении и провёл 9 месяцев в оковах. В 1619 году он был оправдан патриархом Филаретом, вернувшимся из польского плена, — после вмешательства Иерусалимского патриарха, гостившего в то время в Москве.

⁶ Здесь не опечатка, слово иногда сравнивали с воробьём: слово — *как воробей*, тогда как сегодня мы всегда противопоставляем: слово — *не воробей*. В виде сравнения поговорка записана и у В. И. Даля: «Слово, что воробей, вылетит — не поймаешь». Не берёмся судить, когда и почему поговорка *устоялась* до единственного варианта «Слово *не* воробей...».

⁷ Сравним с ветхозаветным «Прилипни язык мой к гортани моей...» (Пс 136:6), то есть «Да прилипнет язык к гортани моей», или «Пусть я онемею». Возможно, Максимов воспроизводит слова какого-либо старорусского церковного автора, чьё «Пусть вырвут язык мой из гортани моей» и не связано с указанным псаломом.

⁸ Имеется в виду стоянье в церкви во время богослужения поздним вечером в Великий четверг (или утром в Великую пятницу), когда читаются двенадцать отрывков из всех четырёх Евангелий, повествующих о последних часах жизни Иисуса на земле. Между чтениями происходит каждение храма, и поются каноны. Священнослужители и прихожане стоят с зажжёнными свечами, и после богослужения верующие уносят, не гася, эти свечи домой.

⁹ Живучая история об иностранце, принявшем качели за виселицу, относится, скорее всего, к более раннему периоду, чем 19-е столетие, *нынешнее* для С. В. Максимова. Так, М. Ю. Лермонтов в 1837 году пишет в наброске «Я хочу рассказать вам»: «Надо заметить, что качели среди барского двора — признак отечески-добротного правления, а между тем вот как хорошо судят о нас иностранцы: в путевых записках одного француза я недавно читал, что у нас против господского дома обыкновенно торчит виселица. Француз замечал остроумно, что это, должно быть, злоупотребление, ибо смертная казнь в России уничтожена. Бедные качели!»

Максимов не называет иностранца по имени; у Лермонтова это тоже некий француз — то ли реальное лицо, то ли литературный персонаж, то ли обобщенный образ всех иностранцев, думающих о России хуже, чем она того стоит. В веке нынешнем, уже 21-м, эрудиты уверенно заявляют, что этим иностранцем была София Фредерика Августа, приехавшая в

Россию в 1744 году и взошедшая в 1762 году на русский престол как Екатерина II: она якобы увидела качели вскоре после пересечения русской границы и спросила сопровождавшего её русского дворянина, не виселица ли это. Возможно, эта версия имеет источником роман «Фаворит», в коем литератор В. Пикуль, писавший художественное произведение, а не исторический трактат, смело переплетает факты и вымысел.

История об иностранце и качелях доносится до обывательского слуха в разных вариациях и интерпретациях, вплоть до патриотической фантазии о том, что иноземцы — *папезники, лютерцы, кальвинцы* и прочие *нехристи* — оклеветали православного Ивана Грозного, приписав ему казни и виселицы, тогда как на самом деле *добросердечный царь* строил качели для увеселения народа на Светлую Пасху... Помоему, первоисточником, вполне объективным, можно считать записки Адама Олеария о его путешествии в Московию в составе шлезвиг-голштинского посольства в 1633–35 годах; Олеарий только сравнивает форму качелей с виселицей, а не принимает их по-глупому за виселицу: «Они кладут доску на обрубок дерева, становятся на оба конца, качаются и подбрасывают друг друга в воздух. Иногда пользуются они и верёвками, на которых они умеют подбрасывать себя весьма высоко на воздух. Простонародье, особенно в предместьях и деревнях, занимается этими играми открыто на улицах. Здесь у них поставлены общие качели в форме виселицы, с крестообразной движущейся частью, на которой двое, трое и более лиц могут подняться одновременно. Больше всего подобной игрой у них занимаются по праздникам...»

Среди пословиц, собранных В. И Далем, есть такая: «Злое ремесло на рель занесло». Что такое *рель*? У того же Даля, в его «Словаре» находим ответ: *рель* — перекаладина, прогон; *рэли, мн. рёлья (ряз.)* два столба с перекаладиной, качели... Итак, воздаянием за *злое ремесло* будут качели? Нет, мы догадываемся: преступнику грозит перекаладина, виселица; и если читать всю статью в «Толковом словаре живого великорусского языка», то и Даль чуть ниже сообщает, что *рель* имеет также значение *виселица*, и приводит в качестве примера поговорку, смысл которой однозначен: «Село для дворов, а рель для воров».

Замечу не столько по сути вопроса, сколько по ходу дела, что иностранные переводчики, особенно посредственные, которые, кстати, преобладают в переводческом ремесле, точно так, как посредственности неизбежно составляют костяк в любой сфере деятельности, очень даже могли принять одно за другое, и, прочитав, скажем, фразу *На праздники поставили рели* в русском тексте какого-либо *смутного* периода, один толмач подумал, что добросердечный правитель решил установить качели для увеселения своего народа, а другой решил, что грозный тиран придумал с извращённой жестокостью отметить праздник казнями через повешение.

¹⁰ В тексте Максимова написание *бичёвка*, а не *бечёвка*, как требует современное правописание. Любопытно, что в своём «Словаре» В. И. Даль пишет *бичева*, *бичёвка* и делает помету *неправильно* для варианта *бечева*, имевшего, очевидно, хождение в то время. Логика Даля понятна: он полагал, может быть, и ошибочно, однокоренными слова *бичёвка*, *бич* (кнут), *бичевать* (бить кнутом)... Почему то, что Даль считал неправильным, стало теперь правильным? Может быть, кто-то проследил происхождение *бичевы* от древнего слова или корня с основой *беч*, в связи с чем правописание изменили? Нет, никто не нашёл таких предков, и происхождение *бичевы* остаётся неясным. Так что правописание, как это часто случается, изменили произвольно, и теперь мы произносим и слышим *бичёвка*, а пишем *бечёвка*.

В издании 1890 года, с которого делалась наша книга, корабельные канаты имеют написание *тросты*, *вантросты*, *кабельты*. В «Толковом словаре» В. И. Даля мы находим: *трос* (верёвка, идущая на бегучий такелаж), *вант-трос* (толстая смолёная верёвка для вант), *кабель*, *кабельтов* (верёвка кабельной работы, 6 до 12 дюймов толщиной — по окружности). Возможно, С. В. Максимов пишет так своеобразно, передавая произношение ржевских прядильщиков? В любой области производства малограмотные работники искажали слова иностранного происхождения, часто объясняя их из каких-либо знакомых слов; возможно, ржевцы вывели *трост* и *вантрост* из русского глагола *тростить* (крутить, скручивать). Или сам Максимов считал такое написание правильным?

¹¹ В. И. Даль объясняет выражение *попасть в просак* так же, как С. В. Максимов: если попадешь в вервь (верёвку) концом одежды, волосами, то *скрутит, и не выдерешься*. Отсюда переносное значение, которое дают современные словари, уже со слитным написанием *впросак*: «Попасть впросак — по своей оплошности или неосведомлённости очутиться в невыгодном, неприятном положении.» Любопытно вот что: Макс Фасмер в своём «Этимологическом словаре», объясняя *просак*, ссылается на Максимова, на эти самые «Крылатые слова», которые мы держим в руках, вот только он как будто не понял, о чём написал Максимов (и что находит подтверждение у В. И. Даля): у Фасмера в результате *оплошности* не человек лишается волос, бороды или края одежды, а прядильная машина приходит в расстройство! Читаем: *просак* — обычно в выражении: *попáсть в просáк* — в затруднительное положение. Максимов (Крыл. слова 14 — по Преобр. II, 245) производит от *просáк* (канатный станок), ввиду того, что, как он сообщает, вся канатная машина приходит в расстройство, если одна нить попадает в сучево, потому что она тянет за собой все волокна. От *сак* (Преобр. II, 131, 245; Mi. EW 287).

По версии филолога А. Преображенского, чьё мнение повторяет Макс Фасмер, *просак* происходит от существительного *сак* (вид рыбо-

ловной сети; торба для корма; мешок). Поскольку это бездоказательно, можно с таким же успехом принять версию нефилолога В. И. Даля, предполагавшего, что *просак* (прядильня; крутило, канатный, верёвочный стан, на котором сучат верёвки) — от глагола *сучить*.

¹² В оригинале написание раздельное: *не в терпёж*.

¹³ Существовал обряд *размывание рук*, или *рукомытие*, который символизировал очищение после родов. На третий день после рождения ребёнка родильница и повитуха мыли руки над лоханью, в которой накрест положены нож и веник, при этом они лили воду друг другу на руки по три раза, по очереди, из кружки, в которую положены деньги. Кроме денег повитуху одаривали также мылом и ширинкой (полотенцем) — предметами, дополнявшими этот обряд очищения. Таким образом, с повитухой расплачивались, отношения с ней заканчивались. Выражение *размыть руки* использовалось в более широком смысле, и в тексте Максимова подразумевается, что бывшие противники, *размывая руки*, кончали ссору, мирились, забывали прежние обиды, прощали друг друга.

¹⁴ Автор приводит выдержку из Псковской судной грамоты, документа, сохранившегося не полностью, документа, трудного для понимания, имеющего противоречивые толкования. Грамота датируется (предположительно) 1397 годом. Уточняем, что *суседи*, как и объяснял С. Максимов, не значит здесь *соседи* в современном смысле этого слова, это — *уличане, жители*, в данном случае жители Петровской улицы, или Петровского конца, — какой-то части Пскова, или же прихожане Петровской церкви. *Костёр* имеет значение (*сторожевая*) башня; кстати, *костром* называли поленницу, сложенные в клетку дрова, и, скорее всего, сторожевые башни на городских оборонительных стенах стали называть *кострами*, потому что это были бревенчатые срубы, где брёвна уложены, в принципе, как в поленнице. Жертвоприношения сжигались *на костре* — дровах, уложенных поленницей, а когда человека казнили *на костре*, это значило, что его возводили на поленницу дров, которую затем поджигали, или же для сожжения сооружался сруб. Судя по всему, казнь внутри сруба-костра придумана была специально для колдунов, ведунов, ворожей и прочих *злых людей и врагов Божиих*; в указе от 1653 года их было велено «в срубах жечь без всякой пощады».

Суседи разобрали башню у *Св. Петра и Павла* — в день апостолов Петра и Павла, который отмечается 12 июля (29 июня по старому стилю), и которым заканчивается Петров пост, исходя из чего Максимов и пишет о праздниках в летнее время: «Вот и указание на время праздников...»

¹⁵ Здесь сноска автора: Впрочем, ещё в 1857 году писали в «Москвитянине» Погодина из Новгорода: «С главных улиц праздничные

(так называемые там хороводы и гулянки) уже исчезли, а справляются ещё по закоулкам и пригородным слободам: Троицкой и Никольской».

Добавим: называя галицкого князя Дмитрия Шемяку (1420–53) жестоким, автор, видимо, напоминает читателям, что тот ослепил захваченного им князя Василия II по прозвищу Тёмный.

¹⁶ Казимир Марцинкевич содержал в Петербурге танцкласс — школу, где обучали танцам, и где устраивались балы (на углу Фонтанки и Гороховой). Танцкласс получил в народе игривое название *Марцинка* — возможно, потому что на танцы к Марцинкевичу пускали без особого разбора, в том числе *этих дам* — женщин лёгкого поведения. Владимир Михневич, литератор, которого до сих пор помнят в связи с его произведением «Язвы Петербурга», писал в 1884 году о Марцинкевиче: «Давно сошедший в царство теней, основатель едва ли не первого в столице танцкласса с *этими дамами*, со скандалами и дебошами, *Марцинкевич* стал ныне нарицательной кличкой непозволительных этого сорта заведений». Не только Максимов связывал смену обычаев и нравов в российской провинции с именем Марцинкевича и его *непозволительным* заведением: задолго до появления «Крылатых слов» другой литератор, Т. Г. Шевченко, оказавшийся в декабре 1857 года в Нижнем Новгороде, делает запись в своём дневнике: «Возвращаясь домой, попалась мне на улице недавняя именинница и, не совершенно против желания, затащила меня в маскарад. Явление редкое и оригинальное в Нижнем. Это танцкласс Марцинкевича в Петербурге со всеми подробностями. Небольшая разница в костюмах. Там пьяные черкесы заключают спектакль, а здесь просто офицеры с помощью приезжих помещиков-французов.»

¹⁷ Случайная или намеренная игра слов у Максимова: есть *выгребная яма* — та, что выкапывается под уборной во дворе, под *отхожим местом*, как раньше говорили. Очисткой выгребных ям занимался выгребщик, он же золотарь. *Невыгребная* — слово, придуманное или случайно вышедшее из-под пера нашего уважаемого автора, можно понимать просто как *огромная*: сколько из неё не выгребай, всё равно не выгребешь. То есть всякого рода мастеров на пустяковые дела, на производство незамысловатых поделок и подделок, как материальных, так и нематериальных, в Петербурге — не меряно, их пруд пруди, от них отбоя нет... Но связь с прилагательным *выгребная* невольно напрашивается, так что выпад Максимова совсем уничижает *мастеров*.

¹⁸ Пáрголово — населённый пункт к северу от Петербурга, в прошлом известен как дачный посёлок. В середине XIX века различали три поселения с этим названием, и Максимов упоминает Ближнее Парголово, для удобства именуемое *первым*. Среди достоинств этого места — природные красоты, в частности, Поклонная гора и озёра,

и рукотворные, прежде всего, архитектурные и ландшафтные затеи графа Шувалова, которому принадлежали обширные земли Парголово-ской мызы.

¹⁹ Словосочетание *чернораменный лес* трудно поддаётся осмыслению и точному определению — по крайней мере, это трудно современному городскому жителю: *чёрный* указывает то ли на тёмную древесную кору, то ли на сумрак в густом лесу, то ли на землю, чёрную от гниющих листьев — в лиственном лесу... В «Словаре» В. И. Даля есть *чёрный лес* со значением *лиственный*. *Раменьё* — очень расплывчатое понятие, и у того же Даля можно прочитать, что *раменный* — это просто *к лесу относящийся, лесной, боровой*, но в разных областных диалектах, по Далю же, *раменьё* могло означать *мешаное чернолесье; густой, дремучий, тёмный лес; большой казённый лес, где есть распахка...* Максимов в этом очерке определяет *раменьё* как *сырая низина, богатая перегноем*. У промышленников *рамень* было термином для бревна в 5–7 сажень, что наталкивает на мысль о строительной пригодности *раменного* леса: из такого, наверно, можно вывозить основательные брёвна? Ссылка на Андрея Печёрского (П. И. Мельникова), писавшего много о разных *медвежьих углах*, позволяет нам думать, что *чернораменный лес* в данном случае — это лесная глушь, где нет дорог, где встречаются немногочисленные расчистки, сделанные людьми.

²⁰ У автора написание *щепеное, щепеной* (товар), с проставленным ударением, и мы понимаем, что он передаёт для читателей правильное произношение. С другой стороны, у В. И. Даля для деревянных вещей, изготовленных токарным способом, записаны определения: *щепной, щепенный* или *щепаной*; у него в «Словаре» *щепенная посуда*, при этом специальной пометой сообщается, что такого рода товар (чашки, ставцы, мисы и пр.) выделяется в Семёновском уезде Нижегородской губернии — в местах, о которых как раз пишет Максимов. То есть, мы видим некоторое противоречие в тех сведениях, которые приводят два авторитетных знатока областных слов и выражений.

Что касается *горяницыны*, Максимов повторяет, в общем, объяснение Мельникова-Печерского, который в своей книге «В лесах» пишет: «Горянциной называется крупный щепной товар: обручи, дуги, лопаты, оглобли и т. п.»

Само слово *горяница* поддаётся объяснению, если вычитать у того же В. И. Даля, что на Волге правый берег называли *горой* — потому что он высокий (в противоположность левому, луговому). Изготовлением щепного товара под Нижним Новгородом занимались *горяне*, жившие на правом берегу, отсюда — *горянский* товар, отсюда и собирательное *горяница*.

Приводим два отрывка из книги Печерского «В лесах», где говорится о щепном товаре и упоминаются баклуши — чурки, при-

готовленные для выделки деревянной посуды и ложек: «Леса заволжанина кормят. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит; гребни, донца, веретена и другой щепной товар работает; вёдра, ушаты, кадки, лопаты, коробыя, вёсла, лейки, ковши — всё, что из лесу можно добыть, рук его не минует.» «...Зато зимой в лесах и по раменям работа кипит да взваривает. Ронят деревья, волочат их к сплаву, вяжут плоты, тешут сосные брусья... рубят осину да берёзу на баклуши, колют лес на кадки, на бочки, на перeseки и на всякое другое щепное поделье.»

²¹ Осина считалась в народе проклятым деревом, потому что, по преданию, основанному на домыслах, на осине удавился Иуда Искариот.

²² Видимо, *хохломский токарь* у Максимова значит *изготовитель хохломы* (расписного щепеного товара), а не *токарь из Хохломы*. Судя по всему, ложки и прочие деревянные изделия изготавливались в разных деревнях, потом их свозили в Хохлому, торговое село, расположенное в том же Семёновском уезде, и оттуда поставки шли уже в Нижний Новгород и по всей России.

²³ В полном виде поговорка подразумевает грубое правление, произвол и используется по отношению к тупому управителю, к самодуру: «(Иной) правит, как медведь в лесу дуги гнёт: гнёт — не парит, а переломит — не тужит». Именно в этом смысле использует речение про медведя и дуги П. И. Мельников-Печерский, давая определение *тёмному царству* в своей статье, посвящённой драме «Гроза» А. Н. Островского (1860): «Это не то фантастическое тёмное царство, в котором, по свидетельству народных сказок, царствует Кашей Бессмертный, а действительно существующее, более или менее знакомое всем, присущее нам *тёмное царство*, в котором самодуры-родители, самодуры-мужья, самодуры-хозяева порядки держат, как медведь в лесу дуги гнёт: гнут не парят, переломят — не тужат. Они владывают забитой, обезличенной, безответной молодёжью, на основании свода патриархально-семейных законов, сложившихся на Руси под тёмным влиянием Сарая и Византии и собранных вкупе ещё в XVI столетии знаменитым благовещенским попом Сильвестром, игравшим некоторое время столь важную роль при дворе Ивана Грозного. Этот свод патриархального самодурства известен под названием *Домостроя*...»

²⁴ Слово *суборовина* отсутствует в словарях. Однако, у В. И. Даля есть *субор*, или *суборь*, со значением *хороший строевой лес, бор; сосна, ель и пихта, по суглинку*. Возможно, следуя современным правилам, в тексте Максимова нужно поставить запятую после *суборовины*, и тогда следующие слова будут объяснением его *суборовины*: *возвышенное место, прилегающее к настоящему бору*.

²⁵ Существовало старинное и странное поверье: когда на колокольном заводе льют новый колокол, для успешного завершения работы необходимо пустить по городу какой-нибудь нелепый слух. Литейщики отливали колокола, и в то же время порождались, *отливались*, фантастические небылицы. Максимов утверждает, что нелепый слух выходил обычно прямо с колокольного завода, его придумывали в угоду хозяину доброжелатели, которые искренне верили, что их небылица принесёт пользу. Небылицу подхватывали за пределами литейного цеха, и, как это всегда случается, новость передавали по разным цепочкам пересказчиков — *с прибавками и подвесками*, которые через какое-то время могли до неузнаваемости исказить первоисточник. Как гласят поговорки: «С одной насести, да не одни вести»; «Из одного города идут, да не одни вести несут».

Обычай пускать нелепые слухи в связи с литьём нового колокола используется также в поговорке, которая направлена против пустомель и хвастунов: «Вести-то пустили, да колокола не отлили» — мол, раззвонили о чём-либо предстоящем, нахвастали, наврали, а ничего не сделали.

Максимов считает, что главными *вестовщицами*, то есть сплетницами, вруньями, были свахи, обитавшие на Балканах. Балканы, Балкан — исторический район Москвы. Откуда такое название? Можно только гадать, происхождение этого названия забылось уже к сороковым годам 19-го века, о чём мы узнаём, в частности, из «Очерков Москвы», автор которых, бытописатель и ценитель всего московского И. Т. Кокорев замечает шутливо: «Если читатель коренной москвич, то, наверное, знает, что в Белокаменной есть уголок, который с незапамятных времён, неизвестно почему, называется Балканом, оправдывая такое громкое имя разве лишь тем, что осенью он так же непроходим, как Балканские горы...»

В. И. Даль считал, что *балкán* одного корня с *бáлкой* (ложбина, балчуг, природный овраг); он пишет в своём «Словаре»: *балкán* (моск.) угорье, придол, чишоба между лесом и нагорьем.

Так или иначе, на Балкане находилось несколько колокольных заводов, и схожесть московского названия с названием полуострова на юго-востоке Европы отразилась в шутливом стишке:

Что Балканский полуостров?
Наш Балкан его славней!
С колокольных-то заводов
Звон идёт по Руси всей...

Итак, о человеке, который распространяет нелепые слухи или попросту врёт, говорили: «Он колокола лёт». Что это за *вестовщик*,

который сам в церкви не бывает? Ну, детская загадка... Впрочем, не каждому взрослому по уму — взрослому из тех поколений, которые за долгий период коммунистического правления отошли от религии, от церкви, от понятий и выражений, с ними связанных. Максимов своими словами передаёт загадку о церковном колоколе: в классическом варианте она звучит так: «В церковь других созывает, а сам в ней не бывает».

Кстати: автор называет колокол *вестовщиком* просто потому, что тот звонит — подаёт весть о начале церковной службы, сообщает о православном празднике, отбивает часы, объявляет тревогу в случае пожара... М. И. Пыляев в своём исследовании, посвящённом колоколам, сообщает, что был класс *вестовых* колоколов: «они существовали в старину в Сибири и во многих пограничных городах южной и западной России. Ими давали знать о приближении неприятеля к городу».

²⁶ Максимов пишет *небылицу поворотить на быль*, обыгрывая ещё одну народную поговорку: «И нёбыль, да в быль поворотят». Ложь, кривда, небылицы в народных речениях имеют тараканьи ножки: «Ложь (*или* небылица) на тараканьих ножках ходит». Уважаемый Владимир Иванович Даль, веривший в добро, в качестве объяснения сделал приписку к этому речению: *того гляди подломится*. То есть, по его пониманию, тараканьи ножки указывают на шаткость, слабость лжи. Кстати, вспоминается им же записанная народная поговорка о хитрости: «У хитрости тараканьи ножки» — и здесь он поясняет: ножки *хрупки*. На наш взгляд, народ *приделал* небылице и лжи (не берёмся судить о хитрости) шесть ножек юркого, напористого и неистребимого таракана, способного в какие угодно щели проникнуть, за скорость, с которой ложь и небылицы распространяются в обществе, разносятся по городу и стране, они сами расползаются и разлетаются — им никакие транспортные средства не нужны: «Под небывальщину подвод не надо».

²⁷ Кого сослали? Не кого, а что: *провинившийся* колокол отправили в ссылку. Нам не удалось найти сведений о колоколе, который пострадал из-за того, что во время пожара *гулку не дал* — судя по всему, люди пытались бить в него, но набатного звона не получилось. Что касается *углицкого* колокола, *сосланного* в Тобольск, о его судьбе повествуется во многих источниках, в том числе в книге «Старое житьё» М. И. Пыляева (кстати, Пыляев и Максимов были знакомы).

«Из привезённых в Сибирь колоколов в историческом отношении замечателен Углицкий карноухий, в который били в Угличе в набат по случаю умерщвления царевича Димитрия. Борис Годунов сослал избличителей одушевлённых в Пелым, а неодушевлённого, с отсечением уха, в Тобольск в 1595 году. Этот неумирающий ссыльный висел

сперва на Спасской колокольне, потом перемещён был на соборную и, наконец, в 1837 году, по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома при крестовой церкви...

В настоящее время углицкий колокол сзывает к богослужению; но до этого времени, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарных случаях били в набат. Вес в нём 19 пудов 20 фунтов, он карноухий, то есть с отсечённым ухом; это сделано было, как выше нами сказано, по приказанию Бориса Годунова. Звук у него резкий и громкий; надпись на нём по краям вырезана, а не вылита; она гласит: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия, в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилоственного Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитный». Как склад надписи, так и форма букв новейшего времени.

...Существует слух, будто этот колокол не настоящий углицкий, что углицкий по какому-то случаю разбился, и его перелили, но ухо отсеки у вновь отлитого потому, что так было у его прообраза... В бытность мою, в 1882 году, в городе Тобольске, мне привелось лично видеть этот колокол; поверхность его, очевидно, очень старая и от древности самая медь серого цвета, надпись же несомненно новейшая. При самом тщательном осмотре не найдётся ни малейшего даже намёка на то, что этот колокол не настоящий углицкий, а только перелитый из него... И летописи, и предания тобольские говорят, что это действительно тот самый колокол, которым в 1591 году, в роковой день, 15-го мая, в час послеобеденного сна, соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванием Огурец, встревожили мирный Углич...»

²⁸ Судя по всему, Максимов повторяет сведения, которые имеются только в «Словаре» В. И. Даля — в статье с глаголом *звенеть*. Даль, объясняя речение «Звоном началось, звоном и кончится», пишет: Вологодская губ. Никольский уезд, на Вохме построена в 1784 г. церковь, на месте, где слышали звон; в 1845 г. она сгорела со звоном.

Автор, только что объяснявший иронически и критически природу слухов и сплетен, разносимых *вестовщицами*, выдаёт за быль небылицы, имевшие хождение в народе, по поводу сказочного города Китежа, который при нападении на него врагов (татаро-монголов) ушёл на дно озера Светлояр.

²⁹ Если обвинители не имели против ответчика прямых улик, если ответчик не имел веских доказательств своей невинности, он мог дать *очистительную присягу* в церкви: его публичное утверждение в собственной невинности должно было прозвучать при звоне церковных колоколов. Это и называлось *ходить под колоколами*.

В современных справочных материалах трудно найти квалифицированное объяснение, в чём суть этого *хождения под колоколами*. В разных источниках мы встретили пересказ тех кратких сведений, которые имеются в далеvском «Толковом словаре». В статье с глаголом *обчищать* всеведущий Владимир Иванович Даль пишет: «очистительная присяга даётся ответчику, обвинённому, коли нет никаких улик, ни иных средств оправдания; называют её и васьевскою, а даётся она, после увещаний, в церкви, при колокольном звоне и стечении народа.» И тут же Даль приводит речение: «Бог очистительной присяги не принимает».

По лаконичным фразам Максимова можно понять, что после очистительной присяги ответчика освобождали от обвинения, хотя дело со всеми его обстоятельствами так и оставалось невыясненным и нерешённым: человек, давший клятву, выходил из церкви *неопрáвленным*. Причастие *опрáвленный* образовано от глагола *опрáвлять*, *опрáвить* в его устаревшем значении *оправдать*, *освободить от обвинения*, *признать правым*.

По поводу очистительной присяги в отношении купцов есть скупая фраза в «Старой Москве» М. И. Пыляева: «В Соборе Казанской Богоматери приводили купцов к очистительной присяге; в такие часы раздавался унылый благовест с колокольни этой церкви».

³⁰ Сейчас жителя Усть-Цильмы называют *усть-цýлемец*, во множественном числе *усть-цýлемцы*, но не вышло из употребления и *устьцýлем*, *устьцýлемы*. Усть-Цильма — населённый пункт в Коми, основанный в 1542 году выходцами из Великого Новгорода на берегу Печоры напротив устья реки Цильмы.

³¹ Видимо, *замóк* следует понимать как *заговор*. Во-первых, это слово входит в последнюю фразу многих заговоров: «Ключ, язык, замок. Аминь»; «Ключ, замок, Бог на порог. Аминь.» Во-вторых, навесные замки используются при гаданиях: замок запирается ключом, и ключ прячется или выбрасывается в реку — в знак того, что заговор крепкий.

³² Максимов использует для колорита слово *порáто*, известное только в архангельском диалекте, это *очень*: *порато баско* — очень хорошо, *худо порато* — очень плохо. Произношение *черковь* вместо *церковь*, *челик* вместо *целик* и вообще *ч* вместо *ц* тоже отражает особенность северных говоров в Архангельской и бывшей Олонецкой губерниях. В Поонежье и Онежском Приморье особенно почитался Николай Чудотворец, и, если верить поговорке, можно было насчитать тридцать три церкви в его честь на пути от Холмогор до Колы. В современных справочниках пишут, что преподобный Иов по прозвищу Ущельский, основавший пустынь в урочище Ущелье (в ны-

нешней Архангельской области) был убит не *Литвой*, а разбойниками (случилось это 7 августа 1628 года).

³³ Макс Фасмер внёс *скёт* в свой «Этимологический словарь» и объяснил его как существительное со значением *живот* с пометкой *арханг.*, сообщив, что происхождение слова неясное. А нам не ясно, как тогда понимать фразу *на животе скёт* в тексте Максимова — как *на животе живот*?

³⁴ Примечание Максимова по поводу слов, *перекрёщённых в русскую веру*, как он выражается, то есть, заимствованных в русский язык: Инородческое окончание *-га* повторяется в бесчисленном множестве слов домашнего обихода, но в особенности знаменательно в названиях таких крупных урочищ, как озёра и реки. Таковы, например, *Волга, Ветлуга, Онега* (река и озеро), *Мягрига, Синдега, Куенга, Лапшенга, Пинег*а и т. д.

Максимов называет окончание *-га* обобщённо *инородческим*; в наше время высказывалась и какое-то время преобладала теория, спорная, как и все остальные, о финно-угорском происхождении гидронимов (водных названий) с окончанием *-га*, восходящих якобы к финскому *йо́кка* (река).

Заметим, кстати, что присловье *погибоша аки обри*, которое Максимов считал *давно и совершенно исчезнувшим* в народе — исчезнувшим, как те самые обри, то есть авары, из «Повести временных лет», — в наше время довольно часто употребляется образованными и начитанными людьми, журналистами и писателями, да и обычными *носителями*, как сейчас выражаются, русского языка, вставляющими его к месту и не к месту.

³⁵ В отличие от Максимова, В. И. Даль считал кереметь злым духом; по крайней мере, в его «Словаре» мы читаем: дух зла у черемис и чуваш. Даль пишет, что кереметью называлась также чувашская, черемисская или вотяцкая божница, капище.

³⁶ Мы перенесли сюда пространную, занимающую полстраницы сноску Максимова: Для пущего убеждения в географической распространённости и исторической известности слова *кулига* имеем возможность указать на Москву. В те времена, когда этот город, по обычаю и приёмам всего государства, созидался и ширился в лесных теснинах и трущобах, под жилые слободы отбили места таким же новинным, или кулижным, способом. В слободах этих, которые потом вошли в состав Москвы, выстроились церкви, устоявшие до наших дней под непонятным теперь для москвичей названием *на кулижских*: Троицы (за Ивановским монастырём), Рождества Богородицы (на Стрелке) и Всех Святых (за Варварскими воротами). Это в трёх местах Москвы, где на сухой горе, среди соснового леса, то есть на настоящем бору, несколько раньше выстроена была одна из древнейших

церквей Кремля, собор Спаса на бору. При этом следует заметить, что московские чистобаи (название которых принято литературой и в разговорном языке) произносят слово *кулижки* правильно. Грамотеи же, вроде настоятелей тех церквей и составителей указателей, пишут его неверно, заменяя букву *ж* буквой *ш*. Повторился тот же придасток к живым урочищам и церквам и в других русских городах, где селения на кулижных росчистях также вошли в городскую границу.

³⁷ Сначала кажется, что Максимов повторяет красочную фразу из «Купальских огней», где автор, А. М. Ремизов, пишет: «Бросил Чёрт свои кулички, скучно: небо заколочено досками, не звенит колокольчик, — поманулось рогатому погулять по Купальской ночи. Без него и ночь не в ночь.» Но «Крылатые слова» Максимова, мы уже уточняли, вышли впервые в 1890 году, а Ремизов издал сборник «Посолонь», этот своеобразный пересказ преданий и легенд, в числе которых и «Купальские огни», в 1907 году. У Ремизова есть примечание, в котором он объясняет читателю смысл *куличек*, — со ссылкой на С. В. Максимова и его «Крылатые слова»; то есть, это Ремизов повторяет за Максимовым про небо, заколоченное досками, и умолкнувший колокольчик.

³⁸ Такое ощущение, что в предложении должны быть или были, но случайно пропущены слова *лысый чёрт*; *лысого чёрта* обещают, когда кому-то в чём-то отказывают: «Чёрта лысого ты у меня получишь!» *Лысый чёрт* выступает своего рода синонимом *птичьего молока*: «Он такой деловой, что хоть чёрта лысого для тебя достанет!»

³⁹ В. И. Даль пишет в своём «Словаре» о версте: ныне путевая мера в 500 сажень; до Петра Великого 700, а ещё прежде 1000, но сажени были поменьше нынешних.

⁴⁰ По поводу меха и шуб: в труде «Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV-XVII вв.», изданном Академией наук СССР в 1932 году, среди примечаний есть такое: «Сорок соболей — подбор собольего меха; 40 шкурок соболей составляет целый мех, рассчитанный на шубу.»

В. И. Даль отразил в своём «Словаре» народное поверье, будто сороковой медведь для охотника опасен: «Сороковой медведь охотника калечит».

Сорокóвка — водочная бутылка, составлявшая сороковую часть ведра, или десятую часть четвертной бутылки, то есть чуть больше 0,3 литра. Водочная бочка-сороковка вмещала сорок вёдер.

⁴¹ Макарьевская ярмарка проводилась с 16-го века у стен Свято-Троицкого Макарьевского монастыря, который стоит на левом берегу Волги. В. И. Даль пишет об этой ярмарке в своём «Словаре»: «На Макария Новгородская ярмарка именинница»: именинница потому, что ярмарку устраивали во второй половине июля, когда отмечался день

преподобного Макария Унженского, — 25 июля по старому стилю (7 августа по новому). Макарий Унженский, он же Желтоводский, был основателем Макарьевской обители, давшей начало Свято-Троицкому Желтоводскому монастырю. Возможно, в первые годы существования торг под стенами монастыря начинался именно 25 июля, был приурочен к *Макарию* и длился до первого Спаса — 1 августа. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона сообщает, что с 1666 года торговля у *Макарья* велась две недели: «В 1641 году царь Михаил Фёдорович дал монастырю право собирать с торговцев за один день торговли (25 июля — Св. Макария) таможенную пошлину. В 1648 году Алексей Михайлович разрешил торговать беспошлинно пять дней, а затем велел платить особый налог. В 1666 году на ярмарку приезжали уже купцы не только из всей России, но и из-за границы, и она продолжалась две недели.»

Обращаем внимание, что имя *Макарий* по отношению к ярмарке использовалось в косвенных падежах: у Макарья, к Макарью... Вслед за Максимовым мы привлекаем в качестве авторитета П. И. Мельникова-Печерского и выписываем примеры из его произведения «В лесах»: «у Макарья ... две лавки снимал»; «не на одну тысячу сбывал у Макарья»; «к Макарью на ярманку ехал»; «после Макарья, купцы богатые... наедут к матерям погостить».

Любопытная форма у А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»: *Макарьев*.

Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим...

Но ведь Онегин не в Макарьев ехал, то есть, не в город, возникший рядом с монастырём, а в Нижний Новгород, так ведь? Онегин, как пишет Пушкин: «в Нижний хочет, в отчизну Минина»... Из-за этого *Макарьева* среди исследователей Пушкина даже полемика ведётся. Кто-то, радуясь собственной проницательности, обнаружил *несоответствие*: Пушкин, мол, ошибся, заставив Онегина посетить Макарьев в 1821 году, когда Макарьевская ярмарка перестала существовать: ведь после пожара в 1816 году её перенесли из Макарьева в Нижний Новгород; здесь *противоречие* налицо. Кто-то доказывает, что Онегин мог посетить Макарьев по пути из Москвы — до приезда в Нижний, ведь это ему было по дороге...

Увы, некоторые *исследователи* путают посёлок Макарьево, бывший Макарьев, в Лысковском районе Нижегородской области с городом Макарьев в Костромской области. Это нижегородский Макарьев возник на месте слободы при Макарьевском Желтоводском монастыре, это в нём ежегодно проводилась известная ярмарка. Он располо-

жен ниже по Волге от областного (губернского) центра и никак не на пути из Москвы в Нижний. Да, в 1816 году сильный пожар уничтожил гостинный двор и другие торговые постройки Макарьева, и торжище решили перенести — тем более, что для расширявшейся торговли требовался более крупный населённый пункт. С 1817 года ярмарку проводили уже в Нижнем Новгороде — ежегодно с 16 июля по 15 августа, но при этом — чего не знают те же *исследователи* — за ней сохранилось прежнее название — Макарьевская! Так что Онегин приезжает именно в Нижний, куда и хотел, не заезжая ни в какой Макарьев, и попадает на знаменитую нижегородскую Макарьевскую ярмарку, описание которой (не очень лестное) и даёт Пушкин:

... Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привёз индеец,
Поддельны вины европеец;
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привёз свои колоды
И горсть услужливых костей;
Помещик — спелых дочерей,
А дочери — прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжёт за двух,
И всюду меркантильный дух.

А доказательства? А доказательство уже прозвучало: в самом начале этого пояснения мы привели слова В. И. Дала: «На Макария *Новгородская ярмарка* именинница»; если нужен совсем простой аргумент, чтобы прямо в лоб, возьмём отрывок из любопытного произведения «Шила в мешке не утаишь»: в 1868 году М. М. Максимов (обращаем внимание, что это другой Максимов, не автор «Крылатых слов»), пишет: «Как яркая звезда на небе, так и Нижегородская, или, по-прежнему, Макарьевская, ярмарка блещет в русском торговом мире...»

Ярмарка в городе Ирбите уступала по торговым оборотам только Нижегородской (Макарьевской). Третье место занимала упомянутая автором Коренная, или Коренская, ярмарка в Курской губернии: она проводилась на девятую пятницу после Пасхи — сначала вблизи Коренной пустыни, затем, в 1878 году, была переведена в Курск; её захирению, как пишет С. В. Максимов, способствовало развитие железных дорог, связавших северные и центральные районы России с торговыми портами на Чёрном море.

⁴² У Максимова именно такое написание — *kérmaш*, тогда как в «Словаре» В. И. Даля — *kírmaш* с толкованием: рынок, торг, базар. Даль сообщает также, что у раскольников западных губерний *кирмашем* называют гулянье, народный праздник. Помета Даля *нем.* даёт понять, что, с его точки зрения, слово заимствовано из немецкого. Немецкого слова, хотя бы схожего с *кирмашем* по написанию или звучанию, нет, и тогда, наверно, прав Максимов, передавая в точности произношение польского слова *kiermasz*, значения которого: ярмарка, базар; *уст.* народное гулянье. Но если копнуть глубже, оказывается, что польское *kiermasz* имеет немецкие корни, хотя и с трудом распознаваемые: было немецкое *kirmesse*, которое явно сложено из *kirche* (церковь) и *messe* (торговая ярмарка): так называли празднество в честь освящения новой церкви.

⁴³ Сноска автора: Во всех заведомо древнейших городах неизбежно являются пятничные церкви, так что перечисление и указания постройки в первые годы христианства на Руси становятся совершенно излишними. Припомним лишь при этом, что имя Параскевы было любимым в великокняжеских древних родах, и дочь того же полоцкого Брючислава, отданная замуж за Александра Невского, носила это же имя.

⁴⁴ Сноска автора: Так, между прочим, было и близ Москвы, в Троицко-Сергиевой лавре, где Дольный, или Пятницкий, монастырь (от которого сохранилась теперь только кладбищенская церковь под лаврской горой, на Подоле) собрал слободку из бедных и потребовал от обитатели особого приюта для убогих и престарелых, преимущественно женщин.

⁴⁵ В начале очерка Максимов берётся опровергнуть *объяснение, предполагаемое* «Толковым словарём» В. И. Даля. Открыв означенный словарь, мы убеждаемся, что Даль поясняет, но не объясняет: «На неделе семь пятниц (на Красной площади в Москве было семь обетных пятниц; церковью во имя Св. Параскевы; по обету же, народ иногда не работал по пяткам, празднуя ей)». Согласимся, что у Даля не говорится о непостоянстве, о переменчивости в действиях или мнениях.

Если осмыслить логически означенную поговорку, исходя чисто из её написания, напрашивается противоположный вывод: человек, у которого семь пятниц на неделе, обладает удивительным, упорным постоянством. Какая же это *переменчивость*: у всех разные дни, а у него каждый день — пятница!

Вспомним другие речения: «По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут», «В пятницу добры люди не пряли», «Кто в пятницу прядёт, святым родителям кострыкой глаза запорашивает»... а потом — «У бабы семь пятниц на неделе». Ведь можно повернуть и так: баба, уверенная, что можно не прядь, не работать в пятницу, и в остальные дни находит предлог, чтобы ничего не делать.

Кстати, всяческие *мудрые* народные речения по поводу того, что пятница имеет какое-то особое значение, и что в пятницу даже «курицу на яйца не сажают, цыплята не живут», — отражают предрассудки, языческие верования, и попытки связать их с христианством в целом или православием в частности беспочвенны. Некоторые *исследователи* приводят выдержки из «Стоглава», кои вроде как согласуются с народной *мудростью*: «в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти». Выхватыванием цитат всегда можно из чёрного сделать белое, из мухи слона, из минуса плюс и наоборот; в «Стоглаве», в этом сборнике из ста правил, предписаний и постановлений, принятых церковным собором в 1551 году, написано о лжепророках и псевдовидениях:

«Да по погостам и по селом ходят лживые пророки, мужики и жёнки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы стростив и распустя, трясутся и убиваются. А сказывают, что им являются святае пятница и святая Анастасия и велят им заповедати хрестияном каноны завечати. Они же заповедают крестьяном в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти, и каменя не разжигати...»

Итак, имеющий глаза видит, а имеющий уши слышит, что предписание не работать и ничего не делать по пятницам исходило от *лживых пророков*.

Это так, но вопрос о происхождении и смысле *семи пятниц на неделе* остаётся нерешённым. Несмотря на наши *логические выводы*, озвученные выше, ещё до Максимова и Даля речение *семь пятниц на неделе* относилось к человеку именно *непостоянному*, который не держит слова, который то и дело меняет свои решения и намерения. Вот показательный пример: П. А. Вяземский пишет в 1825 году:

«Женюсь! Нет, путь женатых скользк.
Подам в отставку! Нет, ни слова!
В Париж поеду! Нет, в Тобольск!
Прочту Сенеку! Нет, Графова!» —
Так завсегда по колесу
Вертятся мысли в пустомеле,
Вот что зовётся — на часу
Иметь *семь пятниц на неделе*.

⁴⁶ Примечание автора: См. «Крестьяне на Руси» — Беляева, стр. 70.

⁴⁷ Примечание автора: См. корреспонденция «Спб. Вedom.», 21-го июля 1872 г., № 197.

⁴⁸ Сноска автора: По моему списку, приобретённому на Печоре в 1857 году.

⁴⁹ Сноска автора: По списку протоиерея Малова, помещённому в его «Письмах к воинам» (СПб. 1831 г.). Во многих, впрочем, списках Ильинская даже не упоминается вовсе: так, во всех распространённых по Малороссии и Белоруссии, и тоже между собой несхожих, её заменяет либо та, которая предшествует второй Пречистой (Рождеству Богородицы), либо зелёным святкам (Троице), либо, наконец, той, которая бывает перед «Ушесцьем» (то есть ушествием или вознесеньем). Разное распределение, разное и значение у каждой пятницы.

⁵⁰ От латинского *passio* (страдание; страсть) — может быть, через польское *pasja* (страсть).

⁵¹ Максимов пишет с точки зрения петербургского жителя, для которого пороховые заводы *всего лишь за Охтами*. Охтами называли район Петербурга на правом берегу Невы, в том месте, где в неё впадает река Охта. Различали Большую Охту (на правом берегу реки Охты) и Малую Охту (на её левом берегу). Петровский пороховой завод больше не существует, но о нём напоминает название городских кварталов, где он находился, — Пороховые.

Ильеши в настоящее время — деревня в Волосовском районе Ленинградской области с малочисленным населением. Никольский Пятницкий храм сохранился, а часовня Параскевы в окрестностях Ильишей, уничтоженная во время коммунистического правления, восстанавливается.

⁵² Сноска автора: В предупреждение читателей, могущих принять имя Параскевы за переводное (с греческого языка на славянскую *Пятницу*), как это, в самом деле, на Руси сделано, например, с именем *Феодота в Богдана, Милия в Воина, Синетоса в Разумника* и т. д., сообщаем справку о том, что *Параскева* в переводе с греческого на русский язык значит *уготованная*.

⁵³ Максимов возвращает нас к Ильешам с его православным Никольским храмом и полуязыческим культом Параскевы-Пятницы. Село находилось в Ямбургском уезде; город Ямбург, некогда русский Ям, и Нарва отошли к Российской империи после Северной войны, что давало выход к Балтийскому морю, открывая для России *окно в Европу*. Упомянув гвардию, автор, скорее всего, имеет в виду летние Красносельские манёвры: с 1823 года Красное Село было постоянным местом сбора гвардейских частей, расквартированных в Петербурге; созданный здесь военный лагерь занимал территорию более 210 квадратных километров, вмещая около сорока тысяч человек.

Прочитав до конца очерк, мы можем спросить: все рассуждения Максимова касались пятницы, а где про среду? — ведь в заголовке значилось: «Среда ниже пятницы». В. И. Даль в своём «Толковом словаре» так объясняет это речение: юбка из-под платья видна. Поскольку других разъяснений найти не удалось, мы вынуждены при-

нять это далевское толкование, с рассуждениями Максимова никак не связанное. Есть ещё поговорки: «Косится, словно середина на пятницу», «Что Бог ни даст, а в среду не прясть» — сравним с подобным же о пятнице: «По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут»... Итак, содержание очерка у Максимова не соответствует заголовку — на наш взгляд; но не будем гадать, почему это произошло, и также не имеет смысла добавлять своих рассуждений к уже существующим по поводу *пятницы*: они заводят в дебри многочисленных речений и поговорок, зачастую опровергающих друг друга, и мы запутываемся в сказаниях и преданиях, которые местами согласуются, а местами друг другу противоречат.

⁵⁴ В народе бытовало мнение, что портной присваивает часть материала, принесённого заказчиком: «Не столько купец на аршин, сколько портной на ножницах унесёт».

⁵⁵ Сноска автора: Название *кривды* народ объясняет тем, что неправда на земле пошла от первой женщины Еввы, которую Бог создал из кривого ребра. Правда осталась у Бога, а кривда на земле. Она светом началась — светом и кончится. Оттого и выучились люди жить так хитро и ловко, что *где в волчьей нагольной, а где и в лисьей под плисом*.

Напомним, что в ветхозаветной Книге Бытия в сцене с сотворением женщины не говорится о *кривом* ребре; написано: (Господь Бог) «взял одно из рёбр его... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл её к человеку» (Быт 2:21-22).

⁵⁶ Вполне возможно, что во времена Максимова выражение про репку было *общеупотребительным*, но сейчас оно непонятно; по крайней мере, лично я не улавливаю его смысл. Заглянув в «Толковый словарь» В. И. Даля, мы находим пояснение составителя по поводу *матушки репки* в круглых скобках: непристойная песня. Какая связь между пыткой, когда несчастным калечили пальцы приспособлением, с виду похожим на репку, и непристойной песней?

Писатель Василий Шукшин, знавший народный язык, каким он был во второй половине 20-го века, пишет в рассказе «Стёпкина любовь»:

«Егор Северьяныч, болезненно сморщившись, ловил негнушима, тёмными пальцами маленькую скользкую пуговицу на ширинке новых брюк, с великим трудом вгонял её в тугую петельку.

— Сошьют же, оглоеды! — ругался он. — Не лезет, хоть ты что. Хоть матушку-репку пой.»

Итак, у Шукшина под *матушкой репкой* подразумеваются... *непристойная песня* или нечто другое *общеупотребительное*? Василий Белов, которого называют основоположником *деревенской* прозы, использует эту поговорку, описывая Пашу-хлюста в рассказе «Колоко-

лёна», и, похоже, здесь *матушку-репку* можно понимать как синоним нам понятного выражения *хоть караул кричи*:

«Бывало, проспится к обеду да урядником по деревне и идёт, а лень-то раньше его родилась, уж до чего на пече долежал, что и на боках-то пролежни, а тараканов-то, поди, всех пересчитал, чисто счетовод, а у дому ни копыла, ни дровины. Вот так, думаю, пролетар! Велика ль и комплекция, а только штанами потряс — глядишь, у жонки вдругорядь брюхо, и носков у башмаков сердешная не видит. Хоть матушку-репку пой. Накопили эдак орду осемьсветную, слепили халупу вроде скворешника...»

Детский стишок, имеющий, конечно, старинные корни, под определение *непристойный* не подходит:

Матушка-репка,
Уродись крепка,
Ни редка, ни густа,
До великого хвоста.

У Юрия Тынянова в романе «Смерть Вазир-Мухтара» звучит одна строка некой *песни старорусских блудников на кружале*: «Эх ты репка, ты матушка моя». Сюда же, можно сказать, в кучу, добавим фразу, брошенную помешанным дьяконом, который у Крестовского в «Петербургских трущобах» мрачно грозит собеседнику: «Я тебе матку-репку спою».

Но вот отыскивается и текст (который заставляет вспомнить дурашливые песни из сборника Кирши Данилова):

Как пошёл я молодец,
Как пошёл я удалец
Долинушку наглядать,
Долинушку назирать.
Долинушка кругла
На четыре угла!
Посею я репку
Ни часту, ни редку.
Уродилась репка
Корнем корениста,
Листом лапушиста.
Повадилась в репку,
Ебёна мать, теща...

Выражается сильно российский народ... Сильно, но далеко не всегда с толком. Как в этой *матке-репке*, которая в первую очередь пред-

назначалась для танцоров: в такого рода песнях на первом месте была бойкая музыка — для пляски с топанием и свистом, а уже на втором, так сказать, содержание из мешанины смысла и бессмыслицы...

Да, но всё-таки, возвращаясь к прочитанному очерку, что значит общеупотребительное *петь матушку репку*, порождённое, по Максиму, пыткой с применением инквизиторской *репки*?

⁵⁷ Сноска автора: Из книги г. Барсова «О причитаниях северного края».

Добавим: Ельпидифор Васильевич Барсов (1836–1917), этнограф, фольклорист и исследователь древнерусских письменных памятников, после окончания Петербургской духовной академии (в 1861 году) жил в Петрозаводске, где преподавал в Олонецкой духовной семинарии, отсюда его знакомство с культурой *северного края*; в 1870 году Барсов переехал в Москву и служил в Румянцевском музее, в отделе древних рукописей и старопечатных книг.

⁵⁸ Максимов цитирует повесть «Псковское взятие», которая возвращает нас к событиям 1510 года, когда Псков был насильственно присоединён к Московскому государству.

⁵⁹ Сноска автора: В пословичных выражениях сохранилась ещё память об однородном с *правдой* московском *часе*. Хотя, вообще, русский час — *всё сейчас*, но полагается очень долгим: со днём тридцать. Московскому же часу определила русская старина срок ровно в целый год: «Подожди с московскую годинку — с московской час!»

Что-то смущает нас в рассуждениях Максимова, хотя бы то, что он приравнивает *годинку* к *целому году*... Выражение *со днём тридцать* присутствует и у Даля, который записал в своём «Толковом словаре»: «Русский час — со днём тридцать». Как понимать это неграмотное *со днём тридцать*? Никаких объяснений нам не удалось обнаружить, и создаётся впечатление: те, кто «Словарём» Даля пользуются и из «Словаря» выписывают поговорки для своих изданий и публикаций, принимают это речение, как и некоторые другие, без вопросов, его смысл понимают... Или делают вид, что понимают, дабы не показаться непонятливыми? Часто мы пробегаем глазами текст и, не вдумываясь особо, вроде как схватываем смысл напечатанных слов... *Со днём тридцать* явно подразумевает долгий срок уже хотя бы потому, что В. И. Даль в этой же словарной статье приводит схожие речения: «Русский час долог», «В русский час много воды утечёт». В далеvском собрании пословиц и поговорок мы находим более развёрнутый вариант этого присловья: «Русский час — с днём тридцать; деревенский месяц — с неделей десять». Во второй части тоже грамматическая не-правильность — *с неделей десять*, и можно предполагать, что в таком виде поговорка и имела хождение — с намеренным шутливым иска-

жением грамматики, дабы усилить иронию: час у нас растягивается чуть не на месяц, а скажут месяц — жди недель десять!

Что касается *години* — это не *год*, а *время, пора*, это *час*, и, скажем, выражение *в злую годину* мы понимаем как *в недобрый час, в дни бед*, а не *в плохой год*. Так что, думаю, Максимов ошибочно утверждает, будто *московский час* равен *ровно целому году*.

⁶⁰ Сноска автора: В приходе этой церкви Воскресенья в Кадашах, где в старину жили бондари-бочары, обручники-кадочники, — по старинному кадаши, или кадыши, а в указанное время жил исторический городской голова в своём доме.

Добавим: Андрей Петрович Шестов занимал пост городского головы с 1843 по 1847 год. По нашим сведениям, граф Арсений Андреевич Закревский стал московским военным генерал-губернатором в 1848 году, уже после смерти Шестова, так что их служебная деятельность по Москве не могла пересекаться.

Ниже Максимов упоминает книготорговца Ивана Григорьевича Кольчугина (1801–62), который набирался опыта в книжной лавке своего отца Г. Н. Кольчугина, а в 1835 году открыл самостоятельную торговлю книгами, в основном поддержанными, для *самого широкого круга читателей*, как пишут сейчас в аннотациях. В 1846 году Кольчугин издал брошюрку «Турусы на колёсах», которая была изъята полицией из продажи, поскольку в ней усмотрели критику московских властей (об этом Максимов упоминает в очерке «Турусы на колёсах»).

⁶¹ Сноска автора: *Петушками*, как известно, издавна принято называть в книжной торговле все те дешёвые лубочные книжки, которые стаями нарождаются в Москве на Никольской улице и разносятся в коробах владимирскими офенями по всей деревенской России.

⁶² Сноска автора: См. также далее в ст. «Турусы на колёсах».

⁶³ По поводу жидкого чая у В. И. Даля в «Словаре» написано: «Такой чай, что Москву насквозь видно». Для поговорки «Показать Москву в решето» Даль даёт такое объяснение: обмануть, одурачить.

Приводим несколько поговорок и приговорок о Москве; некоторые из них использованы Максимовым в очерках, посвящённых русской столице, в усечённом виде; в круглых скобках — варианты и пояснения В. И. Даля:

Кто в Москве не бывал, красоты не видал. Ярославль городок — Москвы уголок (это говорится о многих других городах). Москва горбатая; горбатая старушка (то есть на холмах). Москва любит запасец. Москва — царство, деревня — рай. Москва не клином сошлась, околицы нет. Москва создана веками, Питер миллионами. Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят. Москва ни по чём не плачет (не тужит). Москва по нашим (по чужим) бедам не плачет. Московская грязь не марается. Москва, что доска: спать

широко, да кругом метёт. В Москве всё найдёшь, кроме птичьего молока. В Москве всё найдёшь, кроме родного отца да матери. В Москве каждый день праздник (по множеству церквей). В Москве толсто (густо, часто) звонят, да тонко (жидко, редко) едят (по дороговизне для крестьян). В Москву бресть (идти) — последнюю копейку (деньгу) несть. Вашу братью и до Москвы не перевешаешь.

Максимов воспринимает поговорку «Бей в доску — поминай Москву!» как выражение всеобщего внимания к Москве: мол, все наши мысли — о ней, и в разговорах — она, и для оценки плохого и хорошего — она же, как эталон для сравнения, и, в целом, для России — на Москве свет клином сошёлся. Однако, у В. И. Даля этой поговоркой как будто передаются нехорошие воспоминания о Москве — по крайней мере, в «Пословицах русского народа» Даль поместил её в разделе «Неправда — обман».

В комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» звучит шутилая, дурашливая песня, по которой можно судить, что речение про Москву было приговоркой, своего рода восклицанием, не содержащим положительной или отрицательной оценки.

Ах, бей в доску,
Поминай Москву!
Москве хочется жениться —
Коломну взять...

⁶⁴ Так у Максимова — *Анце Яковсен*, и ты задумываешься: странное имя носил страсбургский *палатных дел мастер*, какое-то не немецкое! В современных справочниках и статьях, посвящённых московскому Каменному мосту, иностранный архитектор выступает под не менее любопытными именами: *Ягон*, *Иоган*... встретилось один раз и *Анце*; фамилия приводится одна — *Кристлер*, и мастер, выписанный из Страсбурга, тоже всегда один, без *родного дяди Кристлера*.

Как же всё-таки звали человека, оставившего след в истории русской столицы? И почему Максимов пишет про дядю, а современные справочники, включая те, что претендуют на звание энциклопедических, дядю вниманием обходят? Обратимся к каким-нибудь старым материалам. И. К. Кондратьев (1849–1904) в своей книге «Седая старина Москвы» пишет по поводу Каменного моста: «Для этой цели в 1643 году был вызван в Москву из Страсбурга палатный мастер Анце Кристлер со своим дядей Иваном Кристлером». «Седая старина» издана в 1893 году, через три года после выхода «Крылатых слов», и можно предположить, что Иван Кузьмич Кондратьев почерпнул сведения у Сергея Васильевича Максимова, но, сравнивая тексты, мы видим, что у Кондратьева не приводится фамилия *Яковсен*.

Такое ощущение, что *Анце* возникло при переписывании немецкого имени *Hans*, которое следует передавать как *Ханс*, но которое воспроизводили у нас как *Ганс*, а то и переделывали в *Ганц* — например, немецкий печатник по имени *Hans Hergot* фигурировал в наших справочниках как *Ганц Гергот*. Объясняя исчезновение первой буквы, приведшей к написанию *Анц*, представим: один писец пропустил, зевая, начальную согласную, другой принял конечное *ъ* (ер) за *ъ* (ять): было *Анцъ*, стало *Анцъ*... Есть и более научная версия: в старых русских документах немецкий Гамбург (Hamburg) фигурирует как *Амбург*, *Амбурх*: видимо, русские передавали произношение без первого, едва слышного или совсем неслышного, звука *h*. Точно так и *Hans* могли передать как *Анц*.

Хороших палатных мастеров по фамилии Кристлер не могло быть очень много. И в Москву должны были пригласить не начинающего, а более-менее известного архитектора, уже где-то работавшего, какими-то строительными свершениями известного. Эти рассуждения помогают нам сузить поиск. Вот, например, в Стокгольме, в старой его части, некий Кристлер, прибывший из Страсбурга, перестроил лютеранскую часовню, превратив её в полноценный храм — в церковь Святой Гертруды (Sankta Gertruds kyrka), которую называют также Немецкой церковью (Tyska kyrkan). Кристлер, звали которого Ханс Якоб, работал в Стокгольме в 1634–42 годах. Мог ли этот Кристлер приехать в Москву в 1643 году, составить чертежи, выполнить модель моста, начать строительство? Несколько шведских источников сообщают, что после работы над церковью Ханс Якоб Кристлер строил дворец для Якоба Де ла Гарди вплоть до своей смерти в 1645 году; если так, посетить Москву этот Кристлер не успел бы.

Замечательный русский автор Грибоедов замечательно выразился: «Всё врут календари». Пусть не во всём, но врут не только календари, но и газеты, журналы, справочники, энциклопедии... и не только у нас в России, но и где угодно.

Теперь наша версия: не Анце, и не Ягон, а Ханс Якоб Кристлер (Hans Jakob Kristler) родился в 1592 году. Похоже, что в качестве архитектора он впервые проявил себя в Риге. Что точно, с 1634 по 1642 год он работал в Стокгольме, перестраивая Немецкую церковь и создавая великолепный дворец для Якоба Де ла Гарди. В 1643 году Кристлер отправился в Москву — вполне возможно, что русский царь *выписал* его из Стокгольма, но в документах указали город Страсбург, откуда Кристлер был родом: «полатной мастер Цесаревой области города Страсбурха Анц Яков сын Кристлер». Никакой дядя его не сопровождал. Умер архитектор Кристлер в 1645 году, судя по всему, в Москве; до строительства Каменного моста при нём дело не дошло... Наверно, при желании, можно установить, где его похоронили. Похоже, ни у одного исследователя такого желания не возникало.

Изложив свою складную версию, мы забыли о Кристлере, поскольку у Максимова он больше не упоминается... Позже, составляя примечание по какой-то поговорке, использованной Максимовым, мы обратились к материалам И. М. Снегирёва (1793–1868), этнографа и археолога, любителя русской старины и, что важно в нашем случае, собирателя пословиц и поговорок. Вообще, Снегирёв много писал об истории московских строений — есть у него о церквях, монастырях... Кстати, в 1862 году появилась его статья, посвящённая Каменному мосту. Любопытно, что пишет уважаемый Иван Михайлович об иностранном архитекторе? А он пишет: «Для сего 1643 года вызван в Москву из Страсбурга палатный мастер Анце Яковлев, или, как именовали его русские, Яган Кристлер с дядею своим Иваном Яковлевым Кристлером...» В сноске Снегирёв указывает источник сих сведений — документ из Главного московского архива министерства иностранных дел, озаглавленный «Выезды в Россию разного звания иностранных людей с 1600 года по 1765 год».

Конечно, мы обращаем внимание, что у трёх авторитетов, у Снегирёва, Максимова и Кондратьева архивный документ, должно быть, один и тот же, почему-то имеет серьёзные разночтения. Но три авторитета всё-таки утверждают, что дядя был! Получается, что наша версия неверна... И современные *календари* тогда тоже врут, обходя молчанием таинственного дядю — Ивана Яковлева Кристлера?

⁶⁵ Другие источники считают Аристотеля Фиораванти (Aristotele Fioravanti) выходцем из Болоньи, а не из Венеции, как пишет Максимов. С другой стороны, все современные издания называют итальянского архитектора Аристотелем, явно считая это его настоящим именем, тогда как Максимов обращает наше внимание на то, что здесь *Аристотель* — не имя, а прозвище: *фрязин* был *прозван* Аристотелем *хитрости ради*! Нет, не за хитрость, как мы сейчас понимаем это слово, а за своё искусство, за умение так его прозвали; смотрите, как В. И. Даль объясняет прилагательное *хитрый*: искусный, мудрёный, изобретательный, замысловатый, затейливый; в его же «Словаре» существительное *хитрость*: мастерство, умение, искусство... а потом уже: лукавство, коварство. Настоящее имя архитектора — Родольфо, а прозвище *Аристотель* он получил ещё в Италии — за *широту познаний* (per l'ampiezza delle sue conoscenze).

Судьба Фиораванти чем-то напоминает судьбу Кристлера, о котором шла речь выше: итальянец умер в России, но точная дата смерти не известна, и где он похоронен — тоже никто не ответит. Похоже, что царь Иван III силой удерживал Аристотеля в Москве после постройки Успенского собора, не давая ему вернуться домой в Италию.

⁶⁶ *Губы, трости*, на наш взгляд, требуют пояснения: когда распятый Христос возопил к Богу, один из бывших там смочил *губу*, то есть

губку, уксусом и поднял её к губам Христа на *трости*, то есть на палке; напомним, как об этом сообщает Евангелие от Матфея (27:48): «И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал ему пить». Максимов пишет во множественном числе: *губы и трости*, так как подобные *поддельные святыни* существовали не в единственном числе.

М. И. Рижский, автор советского периода, в книге, посвящённой переводам Библии на русский язык, пишет, ссылаясь на дореволюционного историка Н. Ф. Каптерева: «Приезжавшие в Москву за *дарами* представители восточных церквей во множестве привозили с собой подобные *реликвии*: частицы *животворящего креста* и *волосы из бороды Иисуса Христа*, чудотворные иконы и кусочки *мошей* различных *святых*. — Как велико было количество привезённых к нам *мошей*, — пишет Н. Каптерев, — можно отчасти видеть из того, что, например, части *мошей* святого Пантелеимона нам встречались в числе привезённой *святыни* 23 раза, Златоуста — 14 раз, Иоанна Крестителя — 7, Андрея Первозванного — 5, Марии Магдалины — 4 и т. д. — Кроме *мошей* в числе приобретённых русской церковью *святынь* фигурировали самые различные предметы. Тот же Каптерев приводит огромный список реликвий, приобретённых суздальским архиепископом Дионисием (эти *святыни* позже были перенесены в московский Благовещенский собор), и в том числе *ароматы*, *коими помазано было тело Иисуса Христа*; *часть нешвенной ризы Господней*; *губка, коей напоили уста Иисуса Христа*; *его кровь*; *часть камня гробного*; *часть ризы Богородицы*; *власы из браны Христовой*; *камень от столпа, к коему привязан был Спаситель*; *венец терновый*; *часть ложной багрянницы*; *кровь из ребра Христова*; *камень от доски, на которой положено было тело Христово, снятое с креста*; *часть от трости, коею били Иисуса, и хитон Его*; *камень от яслей*; *ароматы, принесённые Марфой и Марией*. В 1645 году константинопольский патриарх Иеремия привёз и преподнёс русскому царю золотую панагию, в которой находились: *кровь Христова*, *часть ризы Христовой*, *часть от копья, которым было прободено ребро Христово*; *часть от трости, коею били Христа*; *часть губки, коею напояли Христа*; *часть тернового венца, да сверх того он преподнёс царю три пуговицы от ризы пречистые Богородицы...*

В 1647 году прибыли старцы с острова Патмоса из монастыря святого Иоанна Богослова и принесли в дар государю *дивный и чудный камень* с изображением богородицы, выпавший из руки ангела, в то время как евангелист Иоанн писал своё Евангелие. Константинопольский патриарх Парфений снабдил этот камень свидетельством. Старцы получили от царя за камень двадцать пять рублей, но в Москву их не пустили. В 1636 году от Синайского архиепископа

привезли в Москву три посоха с куста, где Моисей взял свой жезл, и т. д. и т. п.»

⁶⁷ В других русских источниках имя лютеранского пастора — Тиман Бракель, что совпадает со сведениями западных источников, которые называют лифляндского проповедника *Timan Brakel*.

⁶⁸ Венецианский лекарь Леон неудачно лечил Ивана Ивановича Младого, великокняжеского сына, и после смерти последнего был казнён (в 1490-м году) по приказу Ивана III. Историк С. М. Соловьёв пишет: «Молодой великий князь Иоанн разболелся ломотою в ногах (*камчюгом*); в это время был в Москве лекарь, мистр Леон, жид, вызванный русскими послами из Венеции; Леон объявил отцу больного: Я вылечу сына твоего; а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью. — Великий князь велел лечить; Леон стал давать больному лекарство внутрь, а к телу прикладывать стклянки с горячею водою; но от этого лечения Иоанну стало хуже, и он умер 32-х лет. Старый великий князь велел схватить лекаря, и, как минуло покойнику сорок дней, Леона казнили смертью.»

Иноземец Бомелий (ок. 1530–79) был придворным лекарем Ивана Грозного и какое-то время его доверенным лицом, но впал в немилость и, по одним сведениям, умер в тюрьме, по другим, был сожжён; можно даже прочесть, что он был *изжарен на вертеле*. В разных источниках его называют медиком, магом, астрологом, проходимцем, волхвом, отравителем — при этом немецким, английским или голландским.

⁶⁹ В. И. Даль в словарной статье с глаголом *петь* приводит и названия петуха: *певень, пеун...* Восклицание *О куре доброгласне* имеет у него пояснение: с лубочной картинки. Этот возглас — обращение к петуху, что не понятно по фразе в том виде, в котором её приводит Максимов: можно подумать, что *куре* — какая-то форма слова *куръ* в именительном падеже. Прочитав эту же фразу у Даля, мы понимаем, что *куре* — звательный падеж существительного *куръ*. Но кто обращается к куру, к петуху, какую лубочную картинку имеет в виду В. И. Даль? Возможно, подразумевается иллюстрация к «Сказанию о куре и лисице», в котором лисица, мнимая праведница, уговаривает петуха, сидящего высоко на дереве, спуститься на землю, чтобы она, *преподобная жена*, приняла у него покаяние в тяжких грехах; лисица несколько раз начинает свою речь увещательным, *звательным*: «Чадое мое милое, доброгласное куря...»

⁷⁰ По другим источникам, *петух* на санскрите — *kukkuta, kukutha*.

⁷¹ Так в издании 1890 года: «Плебана для пана, а хопя для хлопа». Поскольку урезана первая часть предложения, можно подумать, что есть существительное женского рода *плебана*, но это винительный падеж от *плебан* — существительного мужского рода. Польское *pleban* значит *ксьёндз, католический священник*. В случае с *хопа* — опечатка,

должно быть *попá* — от *поп* (православный священник). Поговорка в полном виде сообщала о религиозной и общественной разнице между католической шляхтой (дворянством) и преимущественно православным крестьянством на Украине: «Бог сотворил плебана (ксёндза) для пана и попá для мужика». *Chłop* по-польски — *крестьянин, мужик*; это *chłop* того же корня, что русские слова *холоп* и *хлонец*.

Ниже Максимов пишет про *войтову пугу*; украинское слово *пуга* имеет значения *плеть, кнут, плётка*.

⁷² Скорее всего, это вариант украинской, а не белорусской поговорки; сравните, как это украинское речение звучит сейчас: «Дере коза лозу, а вовк козу, а вовка мужик, а мужика пан, а пана юриста, а юристу чортів триста».

⁷³ Судя по всему, Максимов считает, что нарицательное *калитá* произошло от имени московского князя Ивана Калиты. По нашим сведениям, *калита* в значении *сума, сумка, мешок, торба* существовало до княжения Ивана Даниловича, а его прозвали *калитой* за накопленные богатства; сейчас можно услышать про разбогатевшего человека, что он — *денежный мешок*.

⁷⁴ В этом абзаце как будто противоречие: Максимов пишет, что крещёные татары *предвосхитили* греков, византийцев, которые приезжали в Московию *до тех самых пор*, то есть до татар; если исходить из того, что глагол *предвосхищать* значит *делать, совершать что-либо раньше других*, то греки должны предвосхищать татар, а не наоборот. Однако, Максимов своеобразно использует *предвосхищать* и необычно выстраивает всё предложение, смысл которого в том, что татары ожидали (предвосхищали) милостей и подарков по примеру греков, которые до них назойливо *лезли в Русь*, и такие милости и подарки получали. *Поваженное* попрошайство — попрошайство, которое поощряется, которому потворствуют, не пресекают; причастие *поваженный* образовано от глагола *поважать*, значение которого, по Далю: потворствовать, послаблять дурным наклонностям.

⁷⁵ Неприязнь к иным национальностям существовала всегда и в любом обществе, проявляясь в оскорбительных сравнениях, в уничижительных высказываниях... иногда такая неприязнь выливается в физическое подавление или даже уничтожение инородцев, пришельцев, *не наших*. В следующем эпизоде, взятом из «Капитана Коняева», повести, написанной С. Н. Сергеевым-Ценским, фигурируют и русский, и татарин, и солёный грек, и караим (крымский еврей), и по этой сцене можно судить об отношении *велокоросса* к прочим народностям.

Капитан Коняев по прибытии в Севастополь вместе с сестрой Соней, умирающей от чахотки, взволнован и растерян, увидев, что у местных извозчиков на вокзале *нерусские* лица...

— Соня! Соня! — почти испуганно обратился он к сестре. — Ты посмотри-ка на них: ведь это — мартышки.

Сестра его сидела в это время, качаясь от слабости, на огромной, вынесенной из багажа корзине, кашляла и говорила:

— Нанимай, пожалуйста, скорее...

А первый в очереди извозчик уже подкатил.

— Пож-жалуйте!.. Куда ехать?

— Ты-ы, братец, чисто русский? — грозно спросил Коняев.

— Я — татарин... Куда ехать?

— Та-та-рин? И... как же ты смеешь, подлец? Пошёл!

— Я — чистый русский! Давайте вещи! — подкатил другой, молодой, из себя чернявый.

А третий уж кричал:

— Какой же он русский? Он и вовсе солёный грек! Я русский чистый! Московский!

— А ты не того... не смесь? — спросил третьего Коняев, вглядываясь упорно.

— Конечно, он — смесь: у него мать из немок, я знаю! — кричал четвёртый. — Пожалуйста, вещи!

Приехавших с поездом было мало... Только у одного Коняева оказались вещи, и только ему и нужно было ехать непременно на извозчике, поэтому на бирже началась весёлая суета: все думали, что отставной флотский просто пьян изрядно, мило шутит и хорошо заплатит, если удастся его отвезти.

— Я русский!.. Я — чистый русский!.. — кричали отовсюду наперебой, и даже носильщики, стоявшие и сидевшие на каменной лестнице вокзала, принялись тоже суетиться, покрикивая:

— Какой он русский? Он сроду караим!.. — или: — Вовсе он болгарин из-под Ногайска!.. — или: — Турецкого звания человек!

А сестра Коняева стонала:

— Умоляю, скорее!.. Кха-кха-кха!..

Может быть, так тянулось бы и ещё долго, если бы один из извозчиков, стоявший в хвосте, с такою же рыжей бородою, как у Коняева, не догадался поманить её пальцем, и она пошла к нему, качаясь, длинная и согбенная, и села в его фазтон.

— Русский? — не забыл спросить, подходя, Коняев.

— Обязательно, — ответил бородач...

Почему у Максимова и у Сергеева-Ценского грек — *солёный*, а у Даля в «Словаре», кроме этого, ещё и *малосольный*? Может быть, потому, что у греков существовал обычай осыпать солью новорождённых? Правда, другие источники утверждают, что этот обычай — армянский, за что над ними подтрунивали: *армяне солёные*. Или греков,

по крайней мере, понтийских, то есть черноморских, называли *солёными* как опытных мореплавателей? — ведь говорят о моряке — *просоленная* душа. Скорее всего, это просто дразнилка, а дразнилки часто построены на бессмыслице или на случайно рифмующихся словах, например: «Семеро грузин мухоморов объелись», «У мордвы две морды», «Немец — шмерец» и т. п. И ещё в дразнилках, конечно, — извечное желание поязвительнее пошутить, или побольнее зацепить, или даже оскорбить человека другой народности или национальности: про кого-то говорили и, может быть, по-прежнему говорят, что они — *солёны уши*, про других — *солёны пятки*, про мордву — что она *полоротая*, про молдаван: «Бог создал Адама, а чёрт — молдавана», про греков: «Грек-пиндос — солёный нос»...

Можно только гадать, почему *татарин* — *свиное ухо*. А вот оскорбительное *плешь-мурза-Бекбулатович*, прозвучавшее у Максимова, поддаётся осмыслению: усато-бородатые и длинноволосые русские дразнили татарина с полностью выбритой головой: «Бритая плешь!» Мурза — мусульманский священник, но *мурзой* (а также *басурманом*) называли уничижительно любого татарина и всякого мусульманина. И, наконец, *Бекбулатович* — прозвание татарского хана Саин-Булата после того, как он принял православие и стал Симеоном Бекбулатовичем.

В рассказе «Князь Илико» у В. П. Желиховской (1835–96) старый солдат ругает горцев: «Татарва проклятая, анафемы семисоборные!» Они *семисоборные* потому что, по разумению солдата, их, татар, предавали анафеме, проклинали на семи вселенских соборах. Максимов пишет: *армянин семисоборный*. И армян проклинали? Нет, просто слово *семисоборный* использовалось для усиления, когда хотели умалить, унизить, заклеить кого-то или что-то — прежде всего, то, что не согласовывалось с русским православием (государственным или старообрядческим); например, раскольники, как мы читаем у В. И. Даля, утверждали: «Чай проклят на трёх соборах, а кофе на семи», «Чай, кофе, картофель, табак прокляты на семи вселенских соборах».

Историческим основанием для поговорки о семисоборном проклятии является то, что русская православная церковь признаёт только первые семь Вселенских соборов (последний из которых, Никейский, состоялся в 787 году); и на каждом из них, скорее всего, осуждали тех или иных *отступников*, проклинали тех или иных *еретиков*.

⁷⁶ По другим сведениям, Федосей Семёнович Мануков (дед А. В. Суворова по материнской линии) занимал высокий пост в Санкт-Петербургской губернии в 1736–38 годах, после смерти Петра I, и этот пост называют так: вице-президент Вотчинной коллегии (что бы это ни значило). Уточним, что это Максимов называет Манукова петербургским вице-губернатором, вторя, в общем-то, В. И. Далю,

который в «Русских пословицах» сопровождает этот нелестный отзыв о Манукове следующим пояснением: *губернатор* в СПб., 1712. В *научно-популярных* справочниках можно прочитать, что Мануков умер то ли в 1738, то ли в 1742 году, но вот И. М. Снегирёв, которого все называют *большим знатоком русской старины*, уверенно пишет в связи с этим самым речением то, что не подтверждается другими источниками: «Мануков, бывший в царствование Анны Иоанновны вице-губернатором в С.-Петербурге и казнённый за взятки, 1739 г.» Конечно, можно высказать в очередной раз недоумение: кто прав, и где, наконец, тот историк, который не просто переписывает в свою диссертацию, монографию или *научную* статью сведения из ранее напечатанных книжек, а находит в архиве документ, подтверждающий или опровергающий какое-то сообщение, уточняющий какую-то дату... Но это вечный вопрос, направленный неизвестно кому и остающийся без ответа, а что касается Манукова, уже в наши дни он вдруг стал предметом новых домыслов и вымыслов, быстро утвердившихся в виде *исторического факта*. Какой-то армянский исследователь высказал как-то осторожное и не особо аргументированное предположение, что фамилия *Мануков* идёт от армянского слова *манук*; по прошествии какого-то времени уже можно было прочитать в разного рода *источниках*, что Мануков, дьяк такого-то приказа, занимавшийся по приказу Петра описанием Ингерманландии, ландрихтер, затем вице-президент Вотчинной коллегии и так далее, был... из *обрусевших армян*; дальше больше, и чем *дальшее*, как скажем мы, тем *всё страншее*, как сказала Алиса из сказки Льюиса Кэррола: в последних *исторических справках* мать Суворова, о которой все историки и биографы полководца, по их признанию, имели крайне мало сведений, уже называется уверенно карабахской армянкой, а сам полководец стал наполовину армянином... перед таким мифотворчеством меркнут любые *разночтения*, замеченные нами у Максимова, Даля и Снегирёва.

⁷⁷ Сноска автора: Известно, что у народа свои географические термины, по которым составляется совсем другое политическое деление Русской земли, весьма несогласное с тем, которое преподаётся в наших учебных заведениях. В особенности отличается этим обширная область средней России. В статье, напечатанной в «Новом Времени» под заглавием «Как наш народ делит Русь», я имел случай объяснять это обстоятельство с достаточной подробностью.

⁷⁸ Почему *заглода*? Любопытное объяснение даёт писатель П. С. Логинов-Лесняк (1891–1938), чьё детство проходило в тех местах, о которых пишет Максимов, в очерке «Шёлковая ткань»: «Заглода — владеец светёлки, но ещё не хозяин. Словечко произошло от общего мнения, что заглода *заглатывает* ткача, а хозяин *проглатывает*.»

⁷⁹ Поговорку «За морем и синица птица» можно объяснять так, будто в чужих краях мало птиц, поэтому рады и синице — рады увидеть её, послушать её щебетанье. Развивая мысль, можно придать поговорке переносный смысл: мол, здесь, у нас, какого-либо человека считают мелкой сошкой, невзрачной пташкой, а в других местах, по нехватке своих знающих или опытных людей, его бы встретили с распростёртыми объятиями, ему был бы почёт и уважение. Однако, если верить пояснениям Даля, смысл речения проще и грубее. Один раз Даль дополняет в круглых скобках: *там всё едят*, то есть, получается, и мелкую синичку бьют на мясо; во втором случае Даль поясняет, что идёт речь о *дороговизне там дичи*: то есть, опять же, синиц за морем используют для еды.

⁸⁰ Максимов имеет в виду Синицу (приток реки Москвы) или Синичку (приток Яузы)? Но почему синица *обесславила* своим именем первую или вторую речку?

⁸¹ Обе относится к *робости и чуткости*, о которых говорилось в предыдущем предложении.

⁸² Нет сведений о том, что И. А. Крылов держал, *гонял* голубей, был бы *страстным голубятником*. В современных публикациях повторяется почти слово в слово то, что в 1845 году написал П. А. Плетнёв в биографическом очерке «Иван Андреевич Крылов»: «Летом у него всегда была открыта форточка, в которую влетали с Гостиного двора голуби, располагаясь на шкапах его, на окнах, за книгами, в вазах, как в собственных гнёздах. Сор, перья, пух дополняли картину домашнего его опрятства.»

⁸³ У В. И. Даля эта поговорка снабжена объяснением: о страстных голубятниках, проживающих время и состояние на голубей.

⁸⁴ Сноска автора: Это тот самый хрящеватый нарост на кончике языка (специально птичья болезнь), который желают получить всякому, кто пугает недобрыми вестями или вообще страшит чем-нибудь, или уже так надоедает рассказами, что хоть бы бежать от него или провалиться сквозь землю.

⁸⁵ Максимов называет крепостных крестьян *чудотворцевыми*, как если бы они принадлежали чудотворцу, в данном случае Сергию Радонежскому: сравним со словосочетаниями *чудотворцевы мощи*, *чудотворцев гроб*. Но следует понимать: монастырские крепостные, крестьяне *чудотворцевой* обители, а именно Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Сведения о монастырских *титях* Максимов, скорее всего, почерпнул у И. М. Снегирёва, на чьи «Воспоминания» ссылается и академик Е. Е. Голубинский в труде «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра» (1892): «С каким необыкновенно широким и *неудобь* *сказаемым* барством жили власти монастыря, видно

из того, что в половине XVIII века для разъездов наместника, келаря и казначея (не говоря уже об архимандрите) на конюшню монастырской стояло более 80 лошадей, и что число служителей при архимандритах, когда они жили в Петербурге, доходило до 80 с лишком человек. А если верить И. М. Снегирёву в его «Воспоминаниях», то он говорит, что перед митрополитом Платоном архимандриты лавры парились в своей Корбушской бане при поддавании на каменку венгерским вином, которым потом они и окачивались, и что у одного из них были пряжки на башмаках (которые носили тогда архимандриты с шёлковыми чулками), стоившие десять тысяч рублей, что каждому монаху в лавре ежедневно отпускались: бутылка хорошего кагора, штоф пенного вина, по кунчану мёду, пива и квасу.»

⁸⁶ От церковного термина *стихира на хвалитех* (или *нахва-литех*), которым обозначается вид молитвенного песнопения; *стихира нахва-литех* вторит стихам 148, 149 и 150-го псалмов, восхваляющих Господа: эти псаломы начинаются со слов «Хвалите Господа с небес», «Пойте Господу песнь новую» и «Хвалите Бога во святые Его».

⁸⁷ Сноска автора: Обычай этот многие относят к более древним временам, доводя его даже до Ивана Грозного и бывших грозных пожаров вроде Всесвятского.

⁸⁸ Не совсем понятное место у Максимова, но словом *мягкие*, судя по всему, обозначены просфоры, которые действительно мягкие, а не ломкие, как печенье, и поп *торгует* их — рядится о цене. Для поминовения необходимы пять просфор, которые символизируют чудо о насыщении пяти тысяч: по легенде, Христос накормил пятью хлебами пять тысяч человек, последовавших за ним в пустынное место (Мф 14:13–21). Именно о пяти просфорах говорится и в русской поговорке, имеющейся в собрании В. И. Даля: «Без пяти просвир обедни нет, а шестая в запасе».

Роль калача проясняется ниже: если наёмщик долго торгуется, жмётся с деньгами, поп демонстративно достаёт калач из-за пазухи, делая вид, что будет его есть. Тем самым он поторапливает нанимателя, даже провоцирует его: эх, откушу сейчас, и ты останешься сегодня без обедни, ведь попу полагается служить обедню натошак!

⁸⁹ В «Толковом словаре» В. И. Даля *дикая пасма* объясняется как бранное архангельское выражение со значением *бестолковый, взбалмошный, беспутный*; видимо, так называли человека с перечисленными отрицательными качествами. Как понять *дикая пасма* в отношении неводеланной земли? Может быть, следует искать, принимая во внимание украинское *пасмо*: это *прядь, клок* (шерсти, волос), что сродни русскому *пасмо, пасма* (мера длины для пряжи), но в украинском это также *гряда, цепь* (гор, холмов), что ближе к чему-то земному, земельному.

⁹⁰ *Славленных 62 алтына* следует понимать как *подарок деньгами* на сумму 62 алтына — за то, что они своим пением *славили* Христа. Раньше в ходу было слово *с́лавленное* — так называли деньги, даруемые в сочельник духовенству, которое ходило по домам прихожан с крестом поздравлять их с праздником.

И. Е. Забелин (1820–1909) пишет в книге «Как жили в старину русские цари-государи»: «Вечером, когда уже совсем смеркалось, приходили во дворец славить Христа соборные протопопы, и попы, и певчие станицы, то есть хоры государевы, или собственно дворцовые, также патриаршие, митрополичьи и разных других духовных властей, имевших у себя свои особые хоры. Государь принимал их в Столовой избе или в Передней Палате и жаловал им по ковшу белого и красного мёда, который в золотых и серебряных ковшах подносил один из ближних людей. При этом они получали и славленное. Таким же образом соборяне и певчие ходили славить к царице и потом к патриарху, где также пили мёд и получали славленное. Славленные деньги выдавались, смотря по важности и значению причта: одним больше, рублей по 12 на собор, другим меньше, по рублю, по полтине и даже по 8 алтын с 2 деньгами, что составляло 25 копеек. Цари Алексей Михайлович и сын его Фёдор Алексеевич очень любили церковное пение и потому особенно жаловали певчих.»

⁹¹ И. Г. Прыжов в своём исследовании «История кабаков в России» приводит такой вариант этой народной песни:

Били добраго молодца на правеже,
На Жемчужным перехрёстычке
Во морозы, во хрешшенские,
Во два прутика железные.
Он стоит удаленькой, не тряхнетсЯ,
И русы кудри не шелохнутсЯ,
Только горячи слёзы из глаз катютсЯ;
Уж как бьют-то добраго молодца на правеже,
Что на правеже его бьют,
В одних гарусных-то чулочках без чёботов;
Правят с молодца казну да монастырскую.

Рассказы русских авторов о том, как, собственно, производился правёж, основываются чаще всего на свидетельствах иностранцев: пришлым людям любопытны обычаи чужой страны, тогда как местным жителям всё своё не в диковинку, и они, как правило, не видят необходимости составлять описания, тем более подробные, местных обычаев, обрядов, ритуалов... Самуил Маскевич, служивший в гуса-рах в составе польско-литовской армии, взявшей Москву в 1610 году,

писал в своём дневнике: «Должник, не заплативший к сроку, призывается в разряд, и если сознаётся в долгу, но скажет, что заплатить не в силах, судья велит ему стать пред разрядом, а разрядному служителю, сторожу или сыщику бить его, стоящего, по икрам тростью, длиною в полтора локтя, наблюдая сам за расправою из окна. Она производится ежедневно по одному часу пред обеднею и повторяется до тех пор, пока должник не удовлетворит своего заимодавца. Пред разрядом всегда бывает более десяти таких должников: над ними трудятся несколько служителей, которые, разделив между собою виновных, ставят их рядом и, начав с первого, ударяют каждого по очереди до последнего, три раза по икре, проходя ряд от одного конца до другого. Впрочем, должник может поставить кого-либо вместо себя, если вскоре успеет найти охотника за деньги.»

⁹² Максимов, упоминая Писание, явно имеет в виду следующее место из Иоанна Богослова: «Весь мир лежит во зле» (1 Иоанна 5:19); он ссылается на русские поговорки: «Неправда светом началась, светом и кончится», «Свет спокон веку неправдой стоит», «Красно поле рожью, а речь ложью», «Ложь на тараканьих ножках», «Ложью свет пройдёшь, да назад не вернёшься».

Ниже Максимов вспомнит гоголевские *сапоги всмятку*: Н. В. Гоголь использует это выражение в «Мёртвых душах» в смысле *чушь, враньё*: «Какая же причина в мёртвых душах? даже и причины нет. Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!»

⁹³ У В. И. Даля записана поговорка «И перекати-поле на виноватого доносчик», снабжённая пояснением: трава эта, несомая ветром, принесла на себе кровавые следы, обнаружившие убийцу. Откуда это речение — выжимка какой сказки или мораль какой легенды? В этом же далевском сборнике пословиц и поговорок мы читаем: «И ракитовый куст за правду стоит» (от были, где куст был поводом улики убийцы). И снова, к сожалению, в памяти, захламлённой очень многими ненужными вещами, не всплывает нужное, а именно на какую быль ссылаются уважаемые Даль и Максимов.

⁹⁴ В. И. Даль приводит такой же вариант поговорки, как в притче у С. В. Максимова: «Счастье что трястье — на кого захочет, на того и нападёт.» Получается, что счастье само выбирает, оно своевольно и действует по прихоти: на кого *захочу*, на того и нападёт. Заметим, что в таком виде поговорка не выражает идею рассказанной сказки, где Счастье, будучи одноглазым, *случайно* хватает того или иного человека для того, чтобы к нему присмотреться; и потом, по этой притче мы можем сделать вывод, что одноглазое счастье приносит несчастье всем, кто попадает в его руки: «взглянет с темени одним своим глазом да и бросит из рук, не жалеючи, прямо оземь: иной изживает, ин зашибается и помирает» — таким поведением Счастье больше похоже на Лихо Одноглазое.

На наш взгляд, поговорка имеет больше смысла и вызывает меньше критических замечаний в следующем виде: «Счастье — одноглазое: не видит, кому даётся.»

⁹⁵ Поскольку в настоящее время *рукоприкладство* понимается только как применение физической силы, оскорбление действием, имеет смысл прочесть, что писал по поводу этого слова в 19-м веке Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «*Рукоприкладство* в гражданском судопроизводстве — термин, обозначавший подпись тяжущихся или их поверенных на составлявшейся прежде канцелярией докладной записке.»

⁹⁶ Похоже, только Максимов объясняет происхождение этого выражения, основываясь на *догадке* А. Н. Корсакова, писавшего исторические очерки для «Русского архива». В классической литературе *притянуть к Иисусу* (или *Иисусу*) встречается иногда как шутливое или ироничное восклицание в смысле *привлечь к ответственности*. Например, А. С. Грибоедов пишет по поводу своего ареста в 1826 году в связи с бунтом на Сенатской площади:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово *раб*...
За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!

⁹⁷ Полные варианты поговорки есть у В. И. Даля: «Посла не куют, не вяжут, не рубят, а только жалуют», «Посла не секут, не рубят, а только жалуют».

⁹⁸ Максимов не объясняет толком, каким образом *уличная забава* связана с *наследованием имуществ*, он не проговаривает, почему слова *свайка* и *кольцо* фигурируют в поговорке о передаче наследства по мужской линии. Возможно, он считает, что читателю и так должно быть понятно, без шекотливых пояснений, что *свайка* — длинный толстый гвоздь — символизирует мужской детородный член, а *кольцо* напоминает по устройству соответствующую часть женского тела: это круг, в середине которого отверстие в 4-5 сантиметров, сквозь которое *свайку* нужно было вонзить в землю. Нам приходит на память былина про боярина Ставра, как она изложена у Кирши Данилова: Василиса Микулична, жена боярина, выручает Ставра из киевского плена, явившись к князю Владимиру в мужском платье под видом татарского посла; вызволив его, мнимый посол, оставшись в шатре наедине со Ставром, переодевается в женское платье и напоминает ему о супружеских любовных утехх — об *игре в свайку*, как выражается Василиса Микулична:

Раздевался посол из своего платья посольского
И убирался в платье женское,
Притом говорил таково слово:
— Гой еси, Ставёр, веселой молодец,
Как ты мене не опазновашь,
А доселева мы с тобой в свайку игравали,
У тебя-де была свайка серебряная,
А у меня кольцо позолоченое,
И ты меня поигравал,
А я тебе — толды-вселды...

⁹⁹ По тексту Максимова можно только догадываться, каким образом крест Св. Леонтия помогал решать спорные земельные вопросы. Возможно, во времена Максимова многие, если не все, знали, в чём состоит чудо Леонтия, а мы обращаемся за пояснениями к книге Ф. И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861), сведения из которой, судя по всему, и использованы Максимовым при написании этого очерка. Буслаев пересказывает легенду о том, что некий Захарий хотел оттягать землю, принадлежавшую храму Св. Богородицы и Св. Леонтия, и привлёк для тяжбы лжесвидетелей, и они дали ложные показания в присутствии священника с *животворящим крестом*. Но как только Захарий ступил на землю, отсуженную нечестным способом, одолел его страшный недуг... То есть, крест должен напоминать о каре за нечестные показания. Буслаев пишет: «Размежеваньё происходило по совести, и, в ростовской области во имя креста Св. Леонтия, креста, который священник обносил по меже, сопровождаемый тяжущимися и свидетелями. Мысль этого обряда, как кажется, состояла в том, что ни тяжущиеся, ни свидетели не дерзнут делать ложных показаний, когда дело решается при посредстве чудотворного креста св. угодника.»

¹⁰⁰ Об особенностях плавенного, или плавного, рыболовства на Урале можно прочитать в художественном рассказе В. И. Даля «Уральский казак»; как и в случае с косьбой, лов начинали сразу все казаки по знаку рыболовного атамана — выстрелу из пушки. Вот главный герой напрягся в ожидании выстрела: «в правой руке держит коротенькое весло, левой ухватился за тонко выстроганный и окованный нос бударки, ждёт по знаку атаманскому пушки, чтобы секунды одной не прозевать, столкнуть челнок на воду, выкинуть ярыгу и вытащить осетра...»

¹⁰¹ Так у Максимова — *обволечный*; слово отсутствует в доступных словарях, но, по нашему разумению, оно (пóнятое, записанное, переданное Максимовым правильно или неправильно) является производным от существительного *обво́лька*, толкование которого приводит в

своём «Словаре» В. И. Даль с пометой *урал.-казах.*: ранний сенокос, когда позволяется всякому выкашивать сухую степь, но не луга.

Здесь же Даль приводит мелким шрифтом пояснение по поводу покоса лугов, и оно соответствует описанию Максимова: «На общий покос, в луга, уральцы выходят лавой, миром, всем войском (как и на рыболовство) в назначенный день и час; каждый обкашивает (захватывает, прокашивая вокруг) сколько может, от восхода до заката солнца; что обкошено, то и его, и то он выкашивает, как хочет.»

¹⁰² Не берёмся судить, кто прав, Даль или Максимов, с объяснением *особного монастыря*. Отметим, однако, что у Даля и в современных словарях написание *особь статья* (с буквой *ерь*, то есть, мягким знаком), тогда как у Максимова в оригинале *особь статья* (с буквой *ер*).

Поэт В. И. Богданов, современник Даля и Максимова, в сатирическом стихотворении «Мы — особь статья» изображает представителя старой аристократии, который брюзжит и негодует, что родовитое дворянство (чьё достоинство только и состоит в родовитости) оттесняется на задний план всякими выскочками (*parvenus*)...

Стеснён был ход родам дворянским,
И *parvenus* презренных рой
Полз за кутейником Сперанским
Бюрократической стезёй.
Был век подьячих, век лакеев,
Век кантонистов и ханжей,
И во главе всех Аракчеев...
Затем предания свежей
Давайте вспомним: плац-парадом
Русь увлеклась до забытья
И к нам совсем уж стала задом,
Забыв, что мы — особь статья...

¹⁰³ Так у Максимова: *Мацеевич*, в прижизненном издании 1890 года — *Мацѣвичъ*. Можно потратить много времени, отыскивая в справочниках указанного польского летописца, и ничего не найти... Ошибся ли Максимов, вкралась ли опечатка? — мы можем только гадать, но должно быть *Маскевич*.

Энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона называет Самуила Маскевича литовцем по происхождению и польским офицером, участвовавшим в походе на Москву. Маскевич вёл дневник, в котором он описал, большей частью как очевидец, своё пребывание в России. Сообщается, что умер Маскевич (*Maskiewicz*) в 1619 году, а его записки, переведённые на русский язык, были включены в сборник «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» (1831–34).

Большой энциклопедический словарь (издание 1981 года) не считает Маскевича ни литовцем, ни *польским летописцем*: Маскэвич Самуил Иванович (ок. 1580—1642) — белорусский феодал. Участник польской интервенции в Россию в 1609—12. Записки с ценными сведениями о восстании Наливайко и событиях в России в 1606—13.

В третьем источнике можно прочитать, что дневник Маскевича охватывал 1594—1621 годы, и тогда возникает вопрос: если Маскевич умер в 1619 году, как пишут в уважаемом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, как он мог довести свой дневник до 1621 года? А потом он второй раз умер в 1642 году? — если верить менее уважаемому, но всё-таки энциклопедическому словарю 1981 года... И тогда читатель может не принять наши рассуждения, построенные на таких вот несоответствиях, и сказать: нет оснований заменять максимовское *Мацеевич* на ваше *Маскевич* — на фамилию, под которой фигурируют не совсем понятно кто.

Считая, что в перечисленных справочниках речь идёт всё-таки об одном и том же человеке, Самуиле Маскевиче, привлечём в качестве доказательства английские источники, которые уверенно сообщают об участии *гусара* Маскевича в Клушинском сражении, состоявшемся в июне 1610 года, когда поляки одержали верх над объединёнными силами русских и шведов, при этом приводятся пространные выдержки из его дневника о ходе битвы, в которой польско-литовскому войску из 12300 человек противостояло 48000 *москвитян* под водительством Шуйского...

Но *веским* доказательством в нашем случае должен быть только *камень за пазухой*: если в указанном дневнике найдётся описание, как поляки пируют с *москалями*, пряча на всякий случай за пазухой *булыжный камень*, можно считать, что *Мацеевич* в тексте Максимова следует читать *Маскевич*. Вообще, согласитесь, офицер, гусар, находясь в чужом захваченном городе, вряд ли расставался со своей саблей, так что зачем ему *булыжник*? А если уж хотелось какое-нибудь оружие дополнительно за пазуху засунуть, куда сподручнее было сунуть туда кинжал или пистолет — да, пистолеты уже были в ту эпоху.

Что ж, бывает, что ищущий что-нибудь обрящет: вот мы читаем, наконец, «Дневник» Самуила Маскевича, в коем он пишет о положении поляков после захвата Москвы: «Несколько недель мы провели с москвитянами во взаимной недоверчивости, с дружною на словах, с камнем за пазухой, по русской пословице; угощали друг друга пирами, а мыслили иное. Мы наблюдали величайшую осторожность; стража день и ночь стояла у ворот и на перекрёстках...»

Теперь всё стало на свои места: вместо лубочной картинки, на которой поляк чокается с русским в захваченной Москве, придерживая рукой *булыжный камень*, готовый вывалиться из-за пазухи *кунтуша*,

мы видим историческую зарисовку Маскевича, который очень уместно вставил в своё описание русскую пословицу, имеющую, конечно, более давнюю историю, чем Смутное время и польское вторжение.

¹⁰⁴ В отличие от Максимова, многие понимали присловье о вдове как намёк на *подозрительное житьё и недобрые деяния* или, по меньшей мере, как извинение: вдове перед мужем не надо отчитываться, ей позволительно делать, что хочет, хоть любовь с кем угодно крутить... В селениях вдовы-бобылки часто занимались незаконной продажей водки, держали у себя в доме шинок. Властям трудно было с такой подпольной торговлей бороться: вдова представляла дело так, что знакомые зашли к ней по приятельски, а она их угостила... Сельский мир её не осуждал: мол, жизнь вдовья — незавидная, водочная торговля поддерживает вдову материально; население её покрывало: под боком есть место, где в любое время дня и ночи можно бутылку достать!

¹⁰⁵ В. В. Розанов, философ и публицист, упоминает в очерке «Загадки Гоголя» (1909) этот случай на таможне, но Гоголь у Розанова не связывает услышанное *чин чина почитай* с китайским языком, он вообще никак не комментирует высказывание таможенного чиновника: Первое, что я услышал на русском языке, в пограничной таможне, — рассказывал Гоголь своим московским друзьям, — это как один таможенный чиновник говорил другому наставительно: чин чина почитай. — Он ничего не прибавлял к этому, не разъяснял...»

Нам вспомнилось смелое, но ошибочное мнение И. Г. Прыжова, который в своём исследовании «Кабаки на Руси» утверждает: «Китайское *чин*, перешедшее через монголов, случайно сходствует звуками со славянским *чин* (действие, *factum*)». Прыжов считал, что слово *чиновник* ведёт происхождение как раз от этого китайского *чин*... Не идёт ли мнение Прыжова от анекдота о Гоголе, о том варианте анекдота, который рассказал здесь Максимов?

¹⁰⁶ Существовало и, вполне возможно, до сих пор среди суеверных людей существует поверье, что для ворожбы с недобрым умыслом против какого-либо человека нужно *вынуть* его *след*, то есть, вырезать часть земли, на которую он ступил, по которой проехал, как в данном случае, его свадебный поезд, и творить заговоры над этим отпечатком следа или уничтожить его, бросив в огонь.

А. Н. Афанасьев (1826–71), собиратель сказок, знаток народного творчества, писал: «По стародавнему верованию, колдун может творить чары на след; повредить или уничтожить след означало метафорически: отнять у человека возможность движения, сбить его с ног, заставить слечь в постель. И на Руси, и в Германии чара эта совершается одинаково: колдун снимает широким ножом след своего противника, то есть вырезывает землю или дёрн, на котором стояла его нога, и вырезанный ком сжигает в печи или вешает в дымовой трубе: как сохнет

дёрн и земля, так высохнет, исчахнет и тот несчастный, на чей след творится чара; лошадь, по немецкому поверью, может охрометь, если воткнуть гвоздь в её свежий след. Литовцы вынутый след зарывали на кладбище и верили, что человек ради этого должен умереть в скором времени, то есть отправиться по своему следу в жилище усопших.»

¹⁰⁷ Здесь сноски автора, пространная и по признанию самого автора, не помогающая объяснить исследуемое выражение *съесть собаку*: Впрочем, нельзя искать объяснения в обычае начётчиков хвалиться бойким чтением, когда они, громогласно читая, например, на церковных службах, *борзятся*, ведут это дело с такой поспешностью, что даже захлёбываются. Слышатся отрывистые вскрики, чавканье и рывканье, привычному уху простых людей кажушиеся подобными звукам собачьего лая. Старинные дьячки, для которых в самих богослужебных книгах указывалось правило петь и читать *косо*, *со сладкопением*, *не борзяся*, не так давно давали прямой повод к таким уподоблениям. В актах археографической экспедиции свидетельствуют о том, что в церквях ввелось от небрежения многогласное пение: поют и говорят голоса в два, и три, и в четыре; читали псалмы борзо, вдруг, в несколько голосов и при чтении стояли лицом не к царским дверям, а назад или на сторону. В другом регламенте читаем следующее: *Худой и вредный и весьма богопротивный обычай вишёл в службы церковные и молебны двоегласно и многогласно петь, так что утренняя или вечерняя на части разобрана, вдруг от многих поётся и два или три молебна вдруг от многих певчих и чтецов совершается. Сие сделалось от лености клира и вошло во обычай, и, конечно, должно есть перевести такое богомоление*. Певцы пели, псаломщики читали, дьяконы говорили ектении, а священники возгласы, не выслушивая и не дожидаясь друг друга: все в один голос, смущая души богобоязненных простолюдинов и даже вызывая с его стороны горькие сетования и вынужденные насмешки.

¹⁰⁸ История, рассказанная Максимовым, воспринимается как анекдот, как байка-небылица, кем-то придуманная, чтобы веселить компанию на посиделках или за праздничным столом: и оценившуюся суку вряд ли станут засовывать на высокую печь, и если бы щенки, действительно, свалились в горшок, почему-то не закрытый на ночь крышкой, хозяйка утром не могла не заметить этого — перед тем, как снова засунуть горшок в растопленную печь — чтобы щи, как пишет автор, *уварились*... Что точно, *собака* по-карельски (по-карелофински) не *боска*, а *койра* (koira). Эта этимологическая находка Максимова про *боску* была подхвачена и повторяется теперь другими толкователями со ссылкой на его «Крылатые слова». Скорее всего, Максимов просто увлёкся, пересказывая красочную байку, и добавил в неё филологического колорита, указав происхождение слова *боска*, имеющего какое-

то нерусское звучание, из-за чего его можно назвать, при желании, и карелофинским.

В «Пословицах русского народа» В. И. Даль приводит прозвища жителей в разных частях России, и, объясняя *боскоеды* в адрес петро- заводцев, он пишет, что *боска* — кличка собаки. В других источниках, включая очень филологические, можно прочесть расплывчатое: *боска* — *общее название собаки*. Что значит *общее*?

При желании, можно, наверно, проследить (до известных пределов) корни той байки, которую пересказывает здесь Максимов. Например, один из её вариантов был напечатан в 1860 году, то есть, до выхода «Крылатых слов», в «Олонецких губернских ведомостях»: некий священник Феодор Сермягин, видимо, по просьбе редакции объяснял в своей статье читателям происхождение местного прозвища *боскоеды*:

«Боскоедами называют крестьян Шелтозерского общества в Петрозаводском уезде по следующему случаю. У одного крестьянина Шелтозерского прихода была свадьба. К утру свадебного дня всё нужное для деревенского пира было приготовлено заботливыми хозяйками. В деревнях на свадьбах гостей бывает много, почему и горшки с кушаньями были большие и поставлены против печки на ошостке. Известно, что в деревнях у многих крестьян даже и поныне избы чёрные: кирпичного вывода в трубу у печки нет, от чего дым расходится по всей избе и улетает в отверстие потолка, закрываемое деревянными дверцами. В ночь перед свадьбой, домашняя собака (по-чудски *боска*) щенилась на печке. Лишь только затопили печь и поставили к устью горшки с мясом, щенята, вероятно, от жару, расползлись от матки по печке и один за другим попадали в горшки, чего в суетах хозяйки не заметили. Собрались, наконец, гости, сели за стол, подали деревенские *шти*, в которых плавали собачьи морды, уши и лапы. С криками и бранью гости выскочили из-за трапезы, — и с того времени название *боскоедов* присвоено всем здешним жителям».

Похоже, что священник Сермягин пишет всерьёз и верит в достоверность этого анекдота; так или иначе, мы замечаем, что Максимов повторяет слово в слово некоторые фразы этой газетной публикации, правда, для чего-то заменив *по-чудски* на *по-корельски*.

Все эти изыскания ни к чему не ведут, так как разговор о местных прозвищах никак не объясняет поговорку *собаку съесть* применительно к человеку, хорошо знающему своё дело. Фраза *он собаку съел на этом деле* подразумевает опыт, основанный на личном длительном и тщательном знакомстве с какой-либо профессиональной деятельностью, так что при чём тут *корелы* с их щами, даже если в эти щи свалились несчастные щенки? Есть попытки как-то связать пресловутую *боску* с работой, и в таких случаях анекдот, опять же со ссылкой на

какую-либо провинциальную газетку 19-го века, развлекающую скользящих читателей своего захолустья разного рода небылицами, рассказывается в том ключе, что некие люди *на работе* после пожара нашли в кустах обгорелого зайца и употребили его в пищу, а оказалось, что не зайца поджарило огнём, а их собаку — боску... так что собаку они съели!

В самом начале этого очерка Максимов относит выражение *съесть собаку* к разряду *не допускающих объяснений*, и в этом разряде выражение пребывает до сих пор.

Что касается игры собак в домино, Максимов, видимо, вспоминает цирковые выступления собачек, которые лаем называют точное количество точек на крупно нарисованных костяшках домино или указывают лапой по тайному знаку дрессировщика на нужную костяшку.

¹⁰⁹ Замечательная фраза Максимова *набалованная привычка к приятному для уха созвучию* напоминает нам, что некоторые поговорки, прибаутки, приговорки и пустобайки построены именно на созвучиях, на рифмах, приятных для уха и не несущих большой смысловой нагрузки. Например, в возгласе *Бей в доску — вспоминай Москву* слова *доска* и *Москва* удачно и звонко рифмуются, и не хочется заменить *Москву*, скажем, на *Петербург*, который мог претендовать на место в таком речении, будучи столицей Российской империи, министерским, чиновничьим городом, бюрократической машиной, заставляющей всех и вся помнить о нём и ежечасно вспоминать его. Так же в выражении *У нас не в Польше, жена мужа не больше* вместо *Польша* можно было бы, по идее, поставить *Франция*, *Германия* или название другой страны, но *в Польше* и *больше* — приятное для уха созвучие, а под *Польшей* имеется в виду вообще зарубежье или даже не зарубежье, а просто другие места: в других местах, может, жена и больше мужа, а у нас — муж главнее!

Желание иметь чёткую рифмовку привело к тому, что в слове *сокол* ударение передвинулось на второй слог: *гол как соко́л*.

¹¹⁰ Игра слов в последней фразе непонятна; может быть, Максимова хотел сказать, что каменная соль, которую размельчают, толкут пестом (ручной бабой), имеет также название *соколя соль*: по Далю это *самородная белая соль*.

¹¹¹ *Волоковое окно* — узкая прорезь в стене с деревянной задвижкой, которую отодвигали для выпуска дыма из избы. Волоковое окно вырубали в двух соседних продольных брёвнах на полбревна вверх и вниз.

¹¹² Существительное *примёт* — от глагола *примётывать*; так называли способ осады: к стенам обороняемого города, кремля, башни на-таскивали, накидывали (примётывали) хворост и дрова и поджигали.

¹¹³ В. И. Даль уточняет, что у поговорки «Ржаная (ячная, гречная) каша сама себя хвалит» первоначально смысл был такой: если что-то

хорошо само по себе, незачем его и хвалить. Затем так стали говорить о бахвалах, стали *приравнивать*, по выражению Максимова, хвастуна к каше, ржаной или гречневой.

¹¹⁴ Сноска автора: По отношению к названиям птиц в нашем родном языке замечательна выдержанность при усвоении их в звукоподражании. Не говорим уже о зловещей кукушке, накричавшей своё прозвание целому свету и всем народам; хитрый, осторожный, выступающий театральной поступью с гордо приподнятой головой и высматривающий умными и пронзительно-зоркими глазами, ворон называется в Белоруссии необыкновенно верно, в соответствии его крику на полёте — *круком*. *Kapp*, а всего чаще *кrra*, *гrra* — с самыми первыми признаками весны должен слышаться ежеминутный неустанный крик в городских садах и пригородных рощах, где много старых деревьев, на которые и накидывается птичья стая, со времён творения привычная жить большими колониями, бесчисленными артелями — стаи вороньего рода сплошь чёрные, и белоносые грачи (этим-то звуком *гrra* и рекомендуется при первой встрече старая птица этого рода). Прислушайтесь, когда летит за добычей самая маленькая из всего вороньего рода птица с коротким и толстым клювом, чёрно-серая цветом, похожая на ворону, но отмеченная особым именем *галки*, — прислушайтесь к крику её внимательнее, она ясно сама выговаривает своё неважное имя. Весной, сидя парочками, галки умеют очень мило болтать вполголоса и на разные лады, подобно щебетунье-сороке, как подметил то прислушливый к жизни природы и её голосам профессор Дмитрий Кайгородов. Такой естественный народный приём в присвоении прозваний довольно нагляден, обычен и понятен, и не требует представления дальнейших доказательств.

¹¹⁵ Сноска автора: Существительное *изворот* принадлежит к именам с неустановившимся родом. Если ударение поставить на первом слоге, оно будет женского рода, на последнем (изворóть) — мужского, подобно слову *степень*, которое стало признаваться женского рода имён лишь в недавнее памятное время. Ещё митрополит Филарет (Дроздов) в катехизисе своём принимал это слово в значении мужского рода, он печатал: «Сей высокий степень блаженства» и проч.

¹¹⁶ Любопытно, что во всех современных источниках текст из Новгородской летописи о свержении Перуна в реку Волхов отличается от варианта, который приводит Максимов: у него архиепископ Аким (Иоаким) Корсунянин *повелѣ вреци* Перуна, то есть, его статую, в Волхов, у других — *повелѣ влещи*: Максимов, похоже, усмотрел здесь какую-то форму глагола *вринуть* со значением *бросить*, *ввергнуть*, тогда как большинство приводит глагол *влещи*, что значит *влечь*, *волочить*, *тянуть*, *тащить*. Если принять *вреци*, видимо, написание должно быть через *ѣ*, а не через *е*: глагол *врѣнуть* в несовершенном

виде имел форму *врѣяти, врѣвать*. Но это не принципиально. Существенно второе расхождение: из того варианта, что даёт Максимов, можно подумать, что утеху, развлечение для бесов творят на мосту люди *безумно упивающиеся*, то есть предающиеся пьянству, но тогда совсем непонятно, какую роль играет местоимение *ею*: чем те люди безумно упиваются? В других источниках мы читаем *безумнии, убивающиеся*, и в таком прочтении есть логика — правда, для её прояснения требуется привлечь историю и вспомнить, что на мосту через Волхов устраивались палочные драки: бойцы с одного берега мерялись силой с соперниками, живущими на другом берегу. Это была традиция, которую оправдывали легендой: мол, когда в Волхов скинули Перуна, языческий бог, проплывая под большим мостом, швырнул на него свою палицу, сказав: на нём, на мосту, пусть вспоминают меня новгородцы, и после этого *ею*, палицей, безумные избивают друг друга — на утеху, на радость бесам.

Откуда у Перуна палица? На третище Перуна стоял его кумир — статуя, вырезанная из дерева, с дубинкой или жезлом в руках: Перун был богом грозным, карающим, богом-воителем, у него и лук со стрелами, судя по всему, предполагался.

¹¹⁷ В либретто, которое М. Н. Загоскин написал для оперы на основе своего же романа «Аскольдова могила» (1833), есть песня «Близко города Славянска» со словами:

Близко города Славянска, наверху крутой горы,
Знаменитый жил боярин по прозванью Карачун;
В его тереме высоко, точно пташка взаперти,
Изнывала в злой неволе красна девица душа...

Опера композитора А. Н. Верстовского была поставлена в 1835 году и имела успех — бóльший, чем роман Загоскина. Песня «Близко города Славянска», полюболюбившаяся народу, стала исполняться отдельно, и в наше время можно иногда прочесть, что её слова и музыка — народного происхождения. Поскольку Аскольдова могила находится в Киеве, город Славянск, по идее, нужно искать в Малороссии, но Загоскин, сам или по настоянию Верстовского, помещает его где-то под Новгородом, на что указывает упомянутое в песне озеро Ильмень:

Поздно вечером однажды у косящета окна
Сиротинушка Любаша пригорюнилась сидит,
Она смотрит в ту сторонку, где живёт её всемил,
Там далёко за Ильменем он остался без неё.

Судя по всему, здесь Славянск — сказочный город, по легенде — древнейшее славянское поселение, местоположение которого указывают на реке Мсте близ Новгорода.

¹¹⁸ Сноска автора: Под Корочюном, указанным новгородской летописью (так называемой Первой, изд. 1888 года, стр. 134), надо принимать именно день преподобного Спиридона, епископа тримикийского, 12-го декабря. Это ясно видно из последующего текста летописной записи, что *в ту ночь* озеро Ладожское замёрзло, но ветер разбил лёд: «растерза и вьнесе въ Волхово». Причём льдом поломало городской мост и снесло неизвестно куда, «безъ вѣсти», четыре городни (то есть, либо 4 сруба, насыпанных землёй и камнями для укрепления в виде быков, или устоев, под мостом, либо четыре обыкновенные сваи). Во всяком случае, в следующем 1144 году «дѣлаша мость весь черезъ Волховъ, по сторонѣ ветхаго, новъ весь».

Дополним сноску Максимова, чтобы лучше понять, о чём идёт речь, хотя, надо отметить, вопрос о происхождении и даже значении слова *карачун*, или *корочун*, остаётся тёмным. Госпожин день — так в народе называют день Успения Пресвятой Богородицы, церковный праздник, который отмечается 15 августа (по новому стилю — 28 августа). По народному календарю, так называемый Спиридон-Поворот, или Спиридон-Солнцеворот, приходится на 25 декабря по новому стилю.

Невольно соглашаешься с Максимовым, когда он делает выпад в адрес дипломированных филологов — *присяжных учёных исследователей*: их догадки по поводу происхождения того или иного слова зачастую основаны на случайном совпадении букв или звуков в разных языках, а иногда вообще напоминают блуждание мысли без руля и ветрил. Например, во времена Максимова высказывалось *учёное* мнение, что *корочун* происходит от *краткий*, поскольку идёт речь о самом коротком дне в году (12 декабря по старому стилю), при этом приводилось для чего-то сравнение с латинским *brevissima* (самый короткий). Другие *силились*, по выражению Максимова, найти корни *корочуна* (в связи с зимой, Рождеством, солнцеворотом) в латинском, сербском, румынском, гуцульском языках...

Остаётся вопрос, на который не дал ответа и сам Максимов: всё, им сказанное, относится ко дню в календаре, к церковному празднику и посту, к языческому богу... но не объясняет выражение *задать карачуна*, вынесенное самим автором в заголовок, которое, по Далю, значит *убить, уничтожить*. В значении (*быстрая*) *смерть* мы помним *карачун* по басне А. П. Сумарокова «Мышь и слон»:

Да Кошка бросилась, не ведаю отколе,
И Мыши карачун дала.

В басне И. А. Крылова «Рыцарь» герой, ищущий великих приключений, строит планы и делится мечтами со своей лошастью:

Когда ж Карачунóв я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду
И царства два, три покорю...

Здесь Карачун — какой-то злой дух или волшебник наподобие карлика в пушкинской поэме «Руслан и Людмила». Может быть, мы имеем дело с двумя разными словами? Бывает, что у двух слов разное происхождение и смысл, но из-за схожего звучания со временем носители языка начинают считать, что это одно слово, имеющее разные, непохожие значения.

¹¹⁹ Сноска автора: Из двух способов начертания этого слова берём звуковой, как наиболее свойственный русскому уху и общепринятый великорусским народом.

Наше дополнение: очевидно, под вторым *способом начертания* Максимов имеет в виду то написание, которое приводит в своём «Словаре» В. И. Даль: *черезчур* с объяснением этого наречия: слишком, не в меру, чрезмерно, излишне.

¹²⁰ Сноска автора: Не отсюда ли и прозвище старорусского богатыря Чурилы Плёнковича, дружина которого то и дело посягает на святость меж и на права собственности: то всю рыбу выловят, не оставив князю Володимиру свежего куска, то повыстреляют в тихих заводях гусей-лебедей и серую пернатую малую утицу, то в самом стольном городе Киеве лук-чеснок весь повыдергают; чужие невода раздёргивали — свои замётывали; куницу-лисицу повыловили, чёрного соболя выдавили и т. п.

¹²¹ Обращаем внимание на разницу в написании, произношении и объяснении у Максимова и Даля: Максимов называет канун нового года (языческой) *щёдровкой*, а в «Словаре» Даля это *щедрёц*; у Максимова *щедровать* значит *гадать*, тогда как Даль прописывает подробно: *щедровать* — ходить в Васильев вечер (канун нового года) ватагами по домам, с песнями, поздравляя, желая всякого добра, и собирая за это подачку, более съестным. У Максимова ватагу ребят возглавляет *щедрёц*, тогда как Даль пишет, что ватагу *щедраванцев*, распевających *щедрёвки*, водит *щедренёц*.

В строке из щедравальной песни у Максимова *щедрин-ведрин*, у Даля: *щёдрик, вёдрик*, что, конечно, лучше рифмуется с *вареник*.

Нужен, очевидно, третий авторитет, чтобы определить, кто правильно записал и донёс до нас эти слова.

¹²² Сноска автора: Возвращаюсь снова к объяснению этого слова в его глубоком и многостороннем историческом значении.

¹²³ Сноска автора: Третье гулевое поле, обыкновенно оставляемое под выгон скота, оно же и паровое поле, а стопняк — сложенная в порядке куча: либо ворох булыжных камней, либо дрова или брёвна, сложенные в клетки, обыкновенно счётом.

¹²⁴ Сноска автора: В доказательство, насколько этот первобытный обычай был повсеместным на Русской земле, приводим выписки о таких же приёмах на Дону, у казаков. Один автор (г. Харузин) пишет: «Казак, облюбовав себе место, подводил к его границам своего малолетнего сына и больно сёк его тут, чтобы помнил границу: это на его же пользу делалось. По смерти отца, он уже хорошо знал границы своего наследства» (толковали автору старики). Другой писатель о Донском войске (г. Тимощенко), как очевидец, говорит: «Граждане, сошедшись с гражданами других пограничных станиц, согласились насчёт меж и поставили грани. Для того, чтобы они лучше помнились в народе, граждане собрали всех взрослых мальчиков как из своей, так и из всех других станиц, водили их толпой по меже и секли розгами в тех местах, где стояли грани. Как кого высекут, так и пустят бежать домой. Делая это, они надеялись, что каждый мальчик до старости будет помнить то место, где он был сечён». В некоторых станицах казаки сообщали, что и пастухов в прежние годы секли на границах, дабы они помнили их и не гоняли скотину, куда не следует.

¹²⁵ Проясним смысл последних двух предложений с их сложным синтаксисом. Итак, измученный народ вынужден был прибегнуть к злому сарказму, для чего воспользовался наречием *кроме* (окромя), которое, заменив, вытеснив *опричь*, имеет такое же значение. С помощью этого *кроме* народ подыскал приватное (особенное) прозвище, которое точно характеризовало телохранителей Ивана Грозного: опричников окрестили *кромешниками*. Прозвище верно передаёт их суть: они словно исчадия ада. Ад — это царство сатаны, особенное место, выделившееся из видимого мира: оно — *внешнее*, оно — *вне* и *кроме*, за *кромкой* нашего видимого мира, в нём — *тьма кромешная*, в нём, как пишет Библия, *плач и скрежет зубов*: «А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов (Мф 8:12).

¹²⁶ В. И. Даль называет *колом* только шест, заострённый с одного конца, и в его примере это шест, вбитый в землю для ограды, для навешивания на него изгороди: «Хоромишки, что горшки стоят: ни кола, ни двора» (то есть не обгорожены). Поговорки с *колом*, собранные Далем, предполагают нерадивого хозяина: «Ни колá, ни двора, ни пригороды», «Три кола вбито, да небом покрыто».

¹²⁷ В доступных нам современных словарях нет слова *кишина*. В «Толковом словаре» В. И. Даля мы находим *кишёнъ*, *кишёнъ* со значениями *карман*, *зепъ*, *калита*, *мешочек*, *кошелёк*. Быть может, Максимов ошибается? Легче представить, как человек прижимает под мыш-

кой какую-либо торбу, набитую горохом, чем *охапку* гороха. Добавим, что в современном украинском языке есть *кишеня* (карман).

В связи с горохом мы вспоминаем также слово *кiта*, имеющее вариант *кiтина*. В. И. Даль объясняет, что так называется стебель по-войного и долгоствольного растения: *кiта* хмелю, *гороховая кiтина*. Была и поговорка с использованием этого слова — против тех, кто чванится, кичится: «Не ботвися, горох: стручки ощищем, а на китину мороз придёт!» И когда горох *крючат*, это значит, по Далю, что его собирают в китинах, целыми стеблями, используя тупую косу или грабли. То есть, опять мы не видим связи с максимовской *охапкой*.

Участок, где растёт горох, оперяют, то есть, втыкают в землю хворостины, по которым он вьётся.

Возвращаясь к самому началу очерка, поясним, что в полном виде поговорка, отражающая незавидную участь бедняков, бедовиков и богатых, но тароватых, звучит так: «Житьё, что гороху при дороге: кто ни пройдёт, тот и скубнёт».

¹²⁸ Максимов, связывая, в общем-то, произвольно, поговорку со статьёй старинного правового документа, повторяет рассуждения И. М. Снегирёва, который, объясняя это речение, ищет ответ в «Русской правде» и ещё рассказывает следующую байку, ссылаясь на Георгия Кодина, византийского автора 15-го века: «Одна женщина встретила на улице едущего императора Феофила, узнала своего коня и требовала его назад. Государь, уверясь в справедливости, слез с коня и отдал его владелице».

Заметим, что обсуждаемая поговорка имеет другой оттенок, когда в ней присутствует *и* или *хоть*: «С чужого коня и среди грязи долой», «С чужой клячи хоть среди грязи долой». То есть, взяв чужое или заняв чужое место, например, за обеденным столом, сев, как говорится, не в свои сани, будь готов к тому, что придётся вернуть вещь или покинуть эти *не свои сани* в любой момент, для тебя, быть может, самый неудобный — хоть посреди грязной лужи или болота. Русский вариант имеет белорусские соответствия, более понятные благодаря *i* (и) и *хоць*: «З чужога каня злазь і ў грязь», «З чужога коніка і ў гразі ссядаюць», «З чужога воза хоць сярод дарогі злазь», «З чужога вазка і сярод балота злазяць»; так же и в польском: «Z cudzego konia i wśród błota zsiadaj».

¹²⁹ В издании 1890 года написание *свинь-голосъ*, через дефис, как в «Словаре» В. И. Даля в статье *свинья*. Однако, в другом месте, в гнезде *голос*, Даль пишет отдельно, *свинь голосъ*, и приводит пример с глаголом *делать*: *делать что в свин голос* (запоздало, некстати).

¹³⁰ Давнее изречение *Познай самого себя* приписывают Хилону, Фалесу Милетскому, Сократу... По легенде, такая надпись красовалась на храме Аполлона в Дельфах.

¹³¹ Максимов сравнивает относительно мягкий климат современной ему Германии с эпохой Рима, когда историк Тацит отмечал *суровость стужи* в землях, населённых германскими племенами, и писал, что «климат в Германии суровее, чем где бы то ни было», и она «ужасает и отвращает своими лесами и топиями».

¹³² Три *набитых брата* и *вековечные соседи* в рассуждениях Максимова — всё те же образные *сваи*, те три слова, которыми поддерживает себя, по утверждению поговорки, русский человек: «Русак на трёх сваях крепок: авось, небось да как-нибудь».

¹³³ Скорее всего, Максимов имеет в виду какие-то дешёвые издания, в которых приводятся не дословно поучения Иоанна Златоуста, а в сокращённом виде даётся *для назидания* упрощённый пересказ его проповедей и поучений, чтобы было понятно так называемому *простому* народу. Вполне возможно, что при этом Златоусту что-то просто приписано: издавна существовала практика приписывать разного рода афоризмы, *мудрые мысли* и словесные каламбуры известным философам, богословам и писателям. Так или иначе, Златоуст высказывался против сквернословия: «Великое зло — говорить срамное и постыдное», «Что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Такие включают себя в разряд скоморохов и распутных женщин», «Лучше извергать гнилость из рта, нежели сквернословие».

¹³⁴ Максимов неудачно ссылается на былины, доказывая, что *хвастуны* — не в наших нравах. В былинах как раз обратное: похвальба — привычное дело для героев, начиная с киевского князя, особенно за пиршественным столом. Так, например, Дюк Степанович расхвастался перед князем Владимиром, чем и навлёк на себя неприятности. В истории о Хотене Блудовиче выхваляются друг перед другом, а потом друг друга оскорбляют две *честные вдовы*. Самым известным местом, опровергающим рассуждения Максимова, является следующий отрывок из былины «Добрыня Никитич и Алёша Попович»:

Допьяна они все напивались,
И все тут да порасхвастались:
Иной хвастает житьём-бытьём,
Иной хвастает златой казной;
Умный хвастает отцом да матушкой,
А безумный — молодой женой!

Если верить, что пословица *неспуста* молвится, то хвастовство присуще ратным и кулачным схваткам, ведь по пословицам: «Борьба любит похвальбу», «Стрельба — похвальба, а борьба — хвастанье»...

¹³⁵ Сноска автора: Впрочем, эта гипербола слишком сильна, особенно для людских плеч, и в живой речи ею злоупотребляют неосно-

вательно: косую сажень исстари принято считать от большого пальца вытянутой левой ноги по диагонали человеческого тела до конца указательного пальца правой руки (или наоборот): тут около трёх аршин. Более близкой к правде отчасти окажется маховая сажень раскинутых крестом рук от среднего пальца правой до такового же левой: тут два с половиной аршина. Да ведь и притом, каков измеритель ростом.

¹³⁶ Не ясно, кого Максимов именует *тмутараканским Игорем*; похоже, что рассуждения автора здесь далеки от исторических фактов, он домысливает высказывание, которое приводит В. И. Даль в своих «Пословицах русского народа»: «Сверчок тму таракан (Тмутаракань) победил» (говорили после победы Ярослава над Игорем, который сказал ему прежде: Не шуми за печью, сверчок.)» При этом мы обращаем внимание, что Максимов *поменял местами* победителя с побеждённым.

¹³⁷ Так в издании 1890 года: *святые* волоса. Наверно, Максимов имел в виду, что хвататься за волосы в борьбе не разрешалось, существовало такое *святое* правило. Однако, *потасóвка*, по определению Даля, подразумевала таскание за волосы: он пишет, что это то же, что *потáска*, а *потáска* в его «Словаре»: битьё, или драка, потасовка, рукопашная, таская кого-либо за волоса.

¹³⁸ Сноска автора: С переносом ударения это слово получает двоякое значение: полч́ище значит большой полк, имеющий число людей свыше определённого количества, и пóлчище — сильная рать, могучая сила — армия.

¹³⁹ Обычно говорят о самом пьющем: *напился* (упился, нализался) *до положения риз*, хотя встречаются варианты, когда кого-то *напоили*, *угостили* (как у Максимова) *до положения риз*. Значение этого разговорного, шутливового выражения понятно: напиться до бесчувствия, напоить кого-то до потери сознания. Именно так: до потери сознания, когда человек ложится, падает, встать не может. Для других вариантов и степеней опьянения существуют другие многочисленные речения: назююкался, налимонился, натрескался до поросычьего визга... У Бориса Пастернака в романе «Доктор Живаго» есть про то, как *все перепились до положения риз*. У И. С. Тургенева в романе «Отцы и дети» выражение использовано неправильно: автор решил, что можно сочетать *до положения риз* с глаголами, не связанными с пьянством, и понимает его как *очень сильно, в пух и прах*: «Ах, Аркадий! Сделай одолжение, поссоримся раз хорошенько — до положения риз, до истребления.»

Как пишет Максимов, выражение родилось в среде семинаристов. Понятно, что в своих шутках, каламбурах и подначиваниях они обыгрывали библейские тексты и церковные ритуалы. Труднее объяснить этимологию, то есть, происхождение нашего выражения — а оно действительно наше, русское, не заимствованное из какого-либо

языка. В. И. Даль в своём «Толковом словаре» приводит *Упился до положения риз* в статье с глаголом *полагать* (положить) без объяснений. В «Пословицах русского народа» он определил его в разделе «Пьянство»: «Он пьёт, как грецкая губка. Упился до положения риз. Пьёт, как в бездонную кадку льёт»...

В Малом академическом словаре, вышедшем в советское время, даётся толкование, которое повторяется другими изданиями, авторами, языковедами, любителями русской словесности... Академический словарь пишет: *от библейского рассказа о Ное, который, опьянев, снял с себя одежды*. Мы не зря уточнили про советское время: в коммунистический период многое из того, что существовало до революции, до 1917 года, отсеклось, отбросилось, оно забывалось всё сильнее с каждым поколением; воистину распалась связь времён, и то, что раньше было понятно если не всем, то многим, воспринималось нами как нечто почти иностранное: какие-то *акафисты* и *паникадила* упоминаются у Гоголя или Толстого, какие-то *семпели* и *пароли* у Пушкина, какие-то *чистые понедельники* у И. Бунина; в сносках, пояснениях и словарях редакторы и составители, тоже имея малое или извращённое представление о прошлой России, допускали неточности, ошибки и искажения...

Объясняя выражение *упиться до положения риз*, один сегодняшний источник красочно пересказывает выдумку Малого академического словаря: *опьянеть до бесчувствия* (буквально до того, что снял одежды — намёк на библейский рассказ о Ное, который, опьянев, обнажился). Но давайте уточним: в Библии нет такого, чтобы Ной, опьянев, что-то снимал с себя, *обнажался*: «и выпил он вина, и опьянел, и [лежал] обнажённым в шатре своём» (Быт 9:21). Но начать в нашем случае надо было с того, что Ной не был священнослужителем, он не носил ризы; может показаться странным, но слово *риза* в Библии вообще ни разу не употребляется. Библейский рассказ о пьяном Ное и его сыне Хаме, увидевшем случайно наготу отца, не имеет никакого отношения к выражению семинаристов *упиться до положения риз*.

В советский же период, богатый на вымыслы и домыслы, порождённые зачастую незнанием азбучных истин, аксиом, основ и истории вопроса, родилась такая *эврика*, что надо правильно говорить *до низложения риз*! Мол, монахи и вообще служители культа, как и ветхозаветный Ной, имели пристрастие к выпивке, напивались подчас до такого состояния, что ризы с себя скидывали, *низлагали* и оставались нагишом. Из других догадок, пустивших корни и переросших из *версии* в *правильный вариант*, вспоминается пресловутый *кур во щах*: поговорка *попасть как кур во щи*, зарегистрированная в печати как минимум в 18-м веке, со второй половины 20-го века стала всё чаще произноситься и печататься так: *попасть как кур в ощи*. По свидетельству Мартина Бера, ещё в Смутное время, в начале 17-го века, в

адрес Лжедмитрия было сказано *попался, как кур во щи*, а советские лингвисты XX века выдвинули в пользу своего *правильного* прочтения и толкования тот аргумент, что щи с курятиной не готовят, мол, щи бывают только на говядине, поэтому *кур во щах* — просто нелепость, а *попасть в ощиц* — оказаться в трудном положении, попасть в переделку, как петух, коего ощипали! Воистину, бытие определяет сознание: в некоторых областях Советского Союза подолгу или совсем не видели курятины, да и вкус говядины забыли, рецепты обычных советских блюд отличались крайней незамысловатостью, книгу, называемую «Домострой», где описываются разные кушанья, включая щи, в состав которых входят разные виды мяса, в том числе курятина, мало кто читал, зная, в основном, по критическим отзывам как проповедь мракобесия, крепостничества и деспотизма, вот и высасывались из пальца версии, продиктованные своим временем: что видим, о том и поём. Теперь можно считать, что во второй половине 20-го века в русском языке *возникла* новая поговорка *попасть, как кур в ощиц*, со старой поговоркой косвенно связанная.

По поводу затронутой темы так и просится в строку воспоминание ещё об одной *эврике*, когда в советском научном издании, кажется, в шестидесятых годах 20-го века, была напечатана статья, в коей взволнованный исследователь доказывал, что А. С. Пушкин не мог быть автором стиха про саранчу: «Саранча летела, села, всё съела и дальше полетела...» Почему? Потому что Пушкин, *народный* поэт, знавший чаяния *народа*, не мог издевательски написать о *народном* бедствии. Эти бездушные, *антинародные* строчки Пушкину приписали! Кто приписал? Как кто, недоброжелатели: царь, высший свет, аристократы, жандармы III отделения... понятно кто: *душители народа*.

Возвращаясь к *положению риз*, уточним, что отправной точкой иронического выражения является риза Богородицы, реликвия, почитаемая православной церковью. Если коротко, риза, по преданию, принадлежала Деве Марии, и когда была обретена чудесным образом, её, ризу, *положили* в торжественной обстановке в храме в Цареграде (Константинополе); это событие стало церковным праздником, известным как Положение честной ризы Пречистой девы Богородицы во Влахерне. Есть праздник и по поводу положения ризы Иисуса Христа; по поводу первого и второго праздника говорят иногда коротко: праздник Ризоположения. Но суть в том, что у семинаристов возникла шутка: человек мертвецки пьян, так упился, что его только *положить* на пол или *уложить* на койку, как ризы умерших святых укладывались в ковчег; при этом, наверно, отпускались шутки в адрес напившегося: а сейчас состоится *положение риз*. Обращаем внимание, что В. И. Даль записал фразу со словом *риза* именно во множественном числе: *праздник положения риз*.

¹⁴⁰ Сноска автора: Последний женский убор *сорока* — некрасивый — был особенно распространён. В. И. Далю ещё удалось видеть сороку ценой в десять тысяч рублей.

¹⁴¹ Песня *Спирька* тоже была народной; возможно, Максимов хочет сказать, что она по музыке невыгодно отличалась от каких-то классических народных напевов. Мелодия *Спирьки коломенского*, возможно, утрачена навсегда, а слова сохранились — по крайней мере, тот вариант песни, который был записан в своё время, в конце 19-го века, в Томской губернии.

Спирька коломенский,
Зипунишка коротенький,
Рубашоночка во перст толста,
Штанишки из того ж холста.
Он и бьётся-колотится,
У окошка убивается,
Сиротинкой называется:
— Кто бы, кто бы сиротинку пожалел,
Кто бы, кто бы ночевать к себе пустил?
Я б вереюшки вызолотил!

¹⁴² Несмотря на возражение Максимова, приговорка имеет именно такую форму, с отдельным и слитным написанием, у В. И. Даля: «Труба не толчёная» (не тореная); «Нетолчёная труба народу». Современные словари называют выражение *труба нетолчёная* разговорным и шутивным, объясняя его смысл так: толпа, скопление народа, через которое трудно пробраться. Сегодня в литературном и разговорном обиходе приговорку используют иногда по отношению к большому количеству денег, работы, каких-то предметов... Что неправильно: выражение *труба нетолчёная* подразумевает только людское скопление, тесноту большой толпы.

¹⁴³ Так у Максимова: *Отаити*; так у И. А. Гончарова и других авторов того времени; современное написание — *Таити*. Капитан Джеймс Кук, посетивший одним из первых Таити, записал, что на местном языке острова называются *Otahiti*: он ошибочно принял артикль *о*, который ставится перед именами собственными, за часть названия.

¹⁴⁴ Если Максимов считает присказку про свинью и апельсины заимствованием, хорошо было бы услышать, из какого языка, по его мнению, пришло это речение. Иван Вениаминов, будущий митрополит Иннокентий, был человеком просвещённым и сведущим в наречиях, но его замечательная этнографическая записка о таитянских свиньях никак не связана с обсуждаемым русским выражением. Свинья вкупе с апельсинами присутствует в сборнике русских пословиц и

притчей И. М. Снегирёва — он появился в печати в 1848 году, и у Снегирёва иная формулировка и несколько иной смысл: «Свинья не знает в апельсинах вкусу». Выражение вполне могло родиться на русской почве: свиньи у нас питаются овощными очистками и объедками, от экзотического апельсина они или отвернутся или, скорее, проглотят, не оценив по достоинству. Ещё свинья у нас — символ невежества, а для части общества она была олицетворением тёмного, неграмотного, грязно живущего народа, который мог толковать о вкусе гороха и репы, но не о вкусе цитрусовых плодов; так что переносный смысл легко напрашивался: не невежде и не простолюдину судить об изысканных вещах! У В. И. Даля в «Пословицах русского народа» (1862 год) эта приговорка имеет форму: «Знает вкус (толк), как свинья в апельсинах» — здесь ещё присутствует *вкус*, но уже намечается переход к *толку*. В наше время поговорку используют иногда вообще без глагола: «Он в этом как свинья в апельсинах» — то есть совсем в каком-то вопросе не разбирается.

¹⁴⁵ Осуждённый, преступник, ссыльный, каторжанин иногда специально произносил прилюдно *слово и дело*, чтобы избежать или, по крайней мере, отсрочить полагающееся ему наказание, *избегая побоев и наказания*. Как писал выше Максимов, доносителя должны были отправить в Тайную канцелярию, заводилась бюрократическая канитель, которая была ему на руку.

¹⁴⁶ Слово *искус* используется здесь в ныне устаревшем значении *опыт*; сравните присловье у В. И. Даля: «Искусом до всего дойдёшь».

¹⁴⁷ Слово *обыск* следует понимать здесь как *следственное дело, дознание* по постановлению суда. Дознание проводилось через допрос большого количества людей, могущих дать показания по существу дела, — такой допрос назывался *повальным обыском*. Опрошенные могли *одобрить* подозреваемого, то есть, высказаться за его невиновность, тогда он передавался им на поруки; его могли и *облиховать*, назвав *лихим человеком*, тогда он подвергался пытке, у него требовали признания... Сравним в «Словаре» В. И. Даля: *Он уже обыском обыскан* — был под судом, ненадёжен. *Он по обыску одобрен, опорочен, облихован*.

¹⁴⁸ Какое именно выражение стало *крылатым* на момент написания «Крылатых слов», что вылетело *оперённым*? Похоже, Максимов считал, что не требуется выговаривать и пропечатывать его, ибо в те дни оно было у всех на слуху... Возможно, новое речение касалось *операций* сродни тем, которыми занималась Грушенька в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Молодая особа, особенно в последний год, пустилась в то, что называется *гешефтом*, и что с этой стороны она оказалась с чрезвычайными способностями, так что под

конец многие прозвали её сущою жидовкой. Не то чтоб она давала деньги в рост, но известно было, например, что в компании с Фёдором Павловичем Карамазовым она некоторое время действительно занималась скупкою векселей за бесценок, по гривеннику за рубль, а потом приобрела на иных из этих векселей по рублю на гривенник.»

¹⁴⁹ Сноска автора: Довольно известно всем то исключительное свойство нашего языка, что предлог *со*, *с* во множестве сложных слов превращается в *су*, как в *сумерках*, в *супрядках*, *сукровице*, *супротив*. В особенности здесь замечательна точная последовательность в названии животных, приготовившихся произвести на свет продолжателей своей породы. Так, кошка в это время бывает *сукотная*, куница, соболь и другие мелкие животные — *сукочие*, лошадь — *сужеребая*, свинья — *супоросная*, овца — *суягная*, потому что и корова *стельная*, а собака потому только не *щенная*, что народное ухо не допускает такого обильного сочетания свистящих и шипящих звуков. Только одни собаки бывают просто *щенны*, потому что у суки *щеня*, у кошки *котя* — и то дитя, — по пословице.

¹⁵⁰ Такое написание в издании 1890 года: именем *литок* (литка). Мы вынуждены гадать, в единственном или множественном числе используются автором слова *литок* и *литка*, и где ставить ударение. У В. И. Даля есть *лѣтки* — во множественном числе с ударением на первом слове, и будем считать, что Максимов имеет в виду именно это слово, и поставим в нашем издании ударение: *лѣтки*. Даль, считая *лѣтки* производным от глагола *лѣть*, относит его к областным говорам (северным и восточным) и объясняет его следующим образом: *спрыски*, *могарычи*, *запивки*, *попойка* при купле или продаже.

То есть, *литки* — это выпивка, которую ставит один из участников сделки остальным. *Спрыски* и *могарычи* до сих пор присутствуют в нашем языке: в не особо образованной среде при заключении какого-либо договора или завершении работы раздаются голоса, что надо это дело *спрыснуть*, с кого-то причитается *магарыч*, кто-то обязан *дать на магарыч* или *поставить магарыч*.

Любопытно, что некоторые языковеды объясняют существительное *литки* не от русского *лѣть*, а от немецкого *Leitkauf*, точнее, от его верхненемецкой формы *Litkauf*, составленной из *lit* (плодовое вино) и *kauf* (покупка). Объясняется, что *Litkauf* (или его синоним *Weinkauf*) отражает древний немецкий обычай завершать куплю-продажу тем, что покупатель или иной участник сделки угощал всех вином, ставил, так сказать, всем *магарыч*, и после этого сделка получала юридическую силу.

В польском есть существительное *litkup*, переводимое на русский как *магарыч*; это *litkup*, судя по всему, идёт напрямую от немецкого *Litkauf*, но мы не берёмся судить, связаны ли русские *литки* с указанными иностранными словами.

¹⁵¹ Сноска автора: Дурным предзнаменованием служат также встречи с девкой, со вдовой, с монахом, вдовцом, холостяком, пустыми вёдрами и т. д.

Добавим, что в этом очерке С. В. Максимов использует или обыгрывает поговорки: «У попа не карманы, а мешки», «У попа глаза шире брюха», «В поповский карман с головой спрячешься», «Поповские карманы — бездонная бочка», «Из поповского рукава мужику семеро штанов выходят», «Поповское брюхо из семи овчин сшито», «Завистлив, что поповские глаза», «Поповий норов себе норовит», «Попа и в рогоже узнаёшь», «Знать попа и в рогоже», «Житьё — хуже поповой собаки», «Это попова дочка: где кормят, туда и ходит», «Поповы детки, что голубые кони: редко удаются», «Вдовая попадья всему миру надокучит», «Как попадья — задом места ищет!»

¹⁵² Сноска автора: В купеческих счетах на Волге давно уже значатся *начайные* деньги, стоящие рядом с *наводочными* и *нахлебными*. В указанном же примере следую тому же образцу, который указан давно установившимся обычаем, приложенным к слову *завтра* (заутро, заутрие) как существительному среднего рода. Родительный падеж будет, по желанию, или *завтрея*, или *завтрого*, или *завтрева*: не далее *до завтрева*. А затем дательный: день к вечеру, а работа *к завтрему*; к тому же времени можно теперь из Петербурга и в Москву попасть — *к завтрею, завтра, заутру*. — Когда *завтра* будет (винительный)? Ответ: Никогда. — Сегодня не сработает, *завтрем* не возьмёшь (творительный). В творительном говорится и так: *завтрим, заутром*; в предложном, стало быть, *о завтрее, о завтрем, о заутре*. Вообще, у завтра нет конца, как, между прочим, нет конца и предела той свободе обращения с родным языком простого народа, не стеснённого грамматическими правилами, навязанными в школах. Своеволье (если только имеем право так выразиться) доходит до изумительных дерзостей. Укажу на один курьёзный пример. Знакомое нам со школьной скамьи из уст учителя русского языка личное местоимение *их* в родительном падеже множественного числа во многих местах, среди мещанского, купеческого и крестьянского люда, принято за существительное имя и дерзостно склоняется на разные лады, конечно, в значении *не моего, чужого, принадлежащего другим*. Говорят: *иха, ихо*, а потому: *ихова, ихой, ихому, иху, ихи, ихим, ихих, ихими*. Затем, конечно, по последовательности усвоенного привычкой правила: *ихнии, ихна, ихно, ихнова, ихному, ихну, ихни, ихних, ихним, ихними* и т. д. Это, впрочем, то же самое, что *ейный* петербургских кухарок, у которых замечается особенная склонность уродовать родной язык, говорить: *был уседчи* вместо *ушёл*, то есть взамен прошедшего времени всех залогов глагола говорить причастиями и деепричастиями прошедшего времени.

¹⁵³ В старом русском языке июль имел название *червень*, а вот украинское *липень*, белорусское *ліпень* и польское *lipiec* (липец) имеют тот же корень, что *липа*. По-польски *lipiec* — это также *липовый мёд*.

¹⁵⁴ Сноска автора: На Дону, когда сажают каравай в печь, то всё собрание держится за лопату, свахи освещают печь, и эти свечи, обвитые лентами, на другой день вручаются жениху и невесте перед алтарём. Теперь всё это стало там забываться и не везде исполняется.

¹⁵⁵ Сноска автора: В. И. Даль в своём «Толковом словаре» привёл приговор на свадебном пиру, когда вынимают каравай: *Мой каравай в печь перепёлкой* (небольшой птичкой), *из печи коростёлкой* (то есть с припёком, значительно покрупнее). Указан также старинный свадебный чин *каравайника*, обязанного во время свадебного домашнего священнослужения носить каравай.

¹⁵⁶ Сноска автора: Или ещё лучше (это в северной и подмосковной Руси): лихорадка, лихоманка, трясуха, гнетуха, кумаха, китюха (она же и тётка), желтуха, бледнуха, ломовая, маяльница, знобуха, трепуха. На юге только две: веснянка и подосеница, да зато у этих сорок сестёр: одна под тыном прикидывается — подтынница, другая на дворе пристигает (навозная), третья сорвалась с веретена и заскочила в пряжу (веретенница) и т.д.

¹⁵⁷ Сноска автора: Такой же заговор применяется и к чуме, во время скотского падежа и во всех болезненных случаях, где предполагается действие живой злоехидной силы.

¹⁵⁸ Автор путано объясняет, что такое пустобайка, то ли помещая её в *общий отдел* с поговорками, пословицами и прочим богатым народным материалом, то ли считая пустобайки *особым отделом*, который не следует объединять с пословицами и поговорками. При этом Максимов сначала осуждает подобные речения, считая их *бессмысленными, надоевшими, набившими оскомину*, но к концу очерка он меняет осуждающий тон на похвальный: мол, из подобной *болтовни* многое перешло в пословицы и поговорки, и даже стало *нравственной притчей*...

Мы соглашаемся, что фраза *приходи вчера* не более чем пустобайка, шутовская приговорка, лишённая смысла, но выражения *подложить свинью*, *подсыпать кому перцу*, *запустить шпильку*, *поставить горчишник*, *задать закуску*, *подвести под сюркуп* нельзя назвать пустословиями: все они имеют смысл *досадить*, *навредить* кому-либо, *поддеть* кого-либо.

Максимов считает выражение *подложить свинью* заимствованным, *выхваченным*, среди прочих, *из иностранных языков*, и уже не в первый раз нам хочется, чтобы он уточнил: из какого именно языка, от какого иностранного речения, по его мнению, идёт эта *свинья* и прочие заимствованные присловья?

Выпад против всего иностранного понятен, когда автор упоминает сигары и шампанское: *гамбургская гаванская сигара* — мол, *гаванская* должна быть из Гаваны, с Кубы, а *настоящее шампанское* должно быть не *прусским*, не из Берлина, а из провинции Шампань во Франции.

Бременская фальшь нам непонятна. Само слово *фальшь* пришло из немецкого: прилагательное *falsch* (фальшивый, поддельный) стало у нас существительным. Во времена В. И. Даля *фальшь* объяснялась как: ложь, обман, подделка, подлог, неверность; в современном словаре С. И. Ожегова значение уже другое — то, к которому мы привыкли: неискренность, лицемерие.

Можем только предположить, что Максимов под *бременской фальшью* имеет в виду фальшь в музыке и намекает на известную сказку «Бременские музыканты». Глагол *фальшивить* часто используется в музыкальном контексте, и идёт он, конечно, от заимствованного немецкого *falsch* в выражениях *falsch spielen* (фальшивить — при игре на музыкальном инструменте), *falsch singen* (фальшивить — при пении). Напомним, что в сказке братьев Гримм мельник выгоняет из дома состарившегося осла, и осёл, существо, которое никак не вяжется с пением и музыкальным слухом, рассуждает: «Куда мне деться? Пойду-ка я в Бремен и стану там уличным музыкантом!» По дороге в Бремен он приглашает в свой *музыкальный коллектив* собаку, кота и петуха, начиная каждый раз с похвальных слов: «Голос у тебя хороший...» Получается, если принять наше предположение, что *бременская фальшь* — это пародия на музыку, это псевдомузыка.

¹⁵⁹ Возможно, в тот период, когда Максимов писал «Крылатые слова», разного рода лоточники действительно приутихли по предписанию начальства, заговорили *сонными голосами* и действовали не так, как *бывало в недавнюю старину*. Судя по рассказам Е. П. Иванова в книге «Меткое московское слово», в начале 20-го века уличные торговцы навязывали свой товар очень даже напористо и громогласно, даже «старались оглушить одной и той же фразой, повторявшейся многократно со скоростью пулёмётных выстрелов». В этих выкриках присутствовало красочное пустобайство. Иванов пишет:

«*Пышечник*, нося на жирном открытом лотке обильно осыпанные уличной пылью и толчёным сахаром шматки варёного в сале теста, восклицал:

— Пышки, пышки, подходите, ребятишки, подтяните штанишки!..

Конфетчики из Вышнего Волочка непрерывно твердили:

— Я из Вышнего Волочка... наш Вышний Волочёк стóит пятачок, подходи учёный и дурачок!

Они же иногда разнообразили:

— Тётка Алёна отказала тридцать три миллиона, не велела их сберегать, а велела разыграть! Кто желает участвовать в счастливой лотерее на конфеты, прошу заплатить пятиалтынный!..

Сновавший повсюду в городской рыночной толпе торговец лимонадом-газесом солидно оповещал:

— Мёд-лимонад газес, от него чёрт на крышу залез! Копейка большой стакан! Поспешите приобрести редкое питьецо — заморское варевцо!

Носившие на голове вразнос фрукты изредка произносили:

— Сливы двадцать за фунт — без подначки! У Акули — дули, пятачок за пару. Яблочки ранет, у кого своих нет!»

¹⁶⁰ Объяснение Максимова по поводу *скандачка* дополним толкованием В. И. Даля, который пишет в своём «Словаре» *скандак*, *скандачѣк* и объясняет: пляска, один из приёмов выступки народной мужской пляски — пяткой в землю, а носком вверх.

Напомним, что выражение *отпустить скандачка*, которое приводит Максимов, значило *действовать опрометчиво*. Допускалось написание *скандак* и *скондак*. Максимов возражает против раздельного написания *с кондачка*, но именно оно утвердилось в нашем языке и сейчас слово встречается только в форме *с кондачка* в таких выражениях как *решать дело с кондачка* (не подготовившись), *судить о чём-либо с кондачка* (легкомысленно, не вникнув в суть). Ни у Максимова, ни у Даля, ни у кого другого нет связного объяснения, почему возникло это переносное значение *легкомысленно, поспешно, несерьёзно*.

¹⁶¹ Уточним, что солнечные пятна наблюдал Иоханнес Фабрициус (1587–1615), сын Давида Фабрициуса (Фабриция), тоже астронома. В первом издании «Крылатых слов» очевидная опечатка: 1811 год вместо правильного 1611. Там же фамилия третьего астронома *Шнейдер* — исправлено нами на *Шейнер*: немецкий астроном Кристоф Шейнер (Scheiner), годы жизни 1575–1650, открыл солнечные пятна в 1611 году независимо от Галилея и Фабрициуса; он сообщил о своём открытии в 1612 году в печатном издании под псевдонимом.

¹⁶² Смотрим у А. Н. Афанасьева: «Когда жида преследовали Спасителя, чтобы предать его на распятие, то все птицы, особенно ласточки, старались отвести их от того места, где укрывался Христос. Но воробей указал им это место своим пискливым чириканьем; жида увидели Спасителя и повели его на мучение. Потому Господь проклял воробья, и мясо его запретил употреблять в пищу. Этот рассказ записан в Харьковской губернии; в других местностях уверяют, что в то время, как предали Христа на распятие, воробьи беспрерывно кричали: *Жив-жив! Жив-жив!* — вызывая чрез то врагов Спасителя на новые муки. Ласточки, напротив, чирикали: *Умер, умер!* Они старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили их и

приносили назад. Оттого гнездо ласточки предвещает дому счастье, убить её считается за великий грех; а если воробей влетит в избу — это предвестие большой беды. О воробье рассказывают, что он один не знает праздника Благовещения и вьёт в этот день гнездо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому он может только прыгать, а не переступать.»

Добавим ещё, что версия о том, будто слово *воробей* идёт от возгласа *вора бей*, относится к наивным народным толкованиям. В собрании поговорок И. М. Снегирёва, более раннего, чем «Словарь» В. И. Даля и «Крылатые слова» С. В. Максимова, поговорка о дошлом воробье трудна для осмысления: «Воробья на сосне не обманешь».

¹⁶³ Как мы знаем, предсказание Максимова не сбылось: ручное вытягивание канители с помощью воротов и клещей осталось в прошлом, но выражение *тянуть канитель* (медлить в работе, вяло действовать, оттягивать решение какого-то вопроса) не перестало служить *притчей во языцех*, оно сохранилось и часто используется в языке. С другой стороны, совсем устарело *уподобление*, приведённое Максимовым в конце очерка: *как клещами на лошадь хомут натягивает*.

¹⁶⁴ Мы верим Максиму и Снегирёву, что четверг в языческие времена был посвящён Перуну, хотя само название дня никак об этом не сообщает: как и в других славянских языках, *четверг* значит *четвёртый* (для сравнения возьмём хотя бы польское *czwartek*). В германских языках четверг можно, действительно, назвать *Громовым днём*. Немецкое *Donnerstag* и голландское *donderdag* — это буквально *день грома*, а корень этих слов восходит к староголландскому и старонемецкому *Donar*, что тоже *гром* и одновременно имя одного из главных богов германской мифологии: Максимов называет его *Туром*, сейчас мы пишем и говорим *Тор*, что одно и то же. *Donar*, как и старонглийское *Thunor*, одного корня со староскандинавским *Thorr* — так скандинавы называли одного из главных богов в своих мифах... это для нас они мифы, а для людей того времени это были вполне правдивые истории.

Получается, германское слово *гром*, включая современное английское *thunder*, идёт от имени *Тор*? Нет, имя бога и значило *гром*: скандинавы называли *Громом* сильного и грозного бога, бога-богатыря, победителя великанов, метателя молний. В каких-то районах древнегерманского мира и его диалектах имя громовержца имело форму *Thunnarr*, от которой произошли только что упомянутые формы *Donar* и *Thunor*: они узнаются в составе современных слов — немецкого *Donnerstag* и английского *Thursday*. Можно добавить, что в норвежском и шведском им соответствует *torsdag*.

Знающие люди вспомнят, кстати, что в романских языках четверг называется *днём Юпитера*, а Юпитер, как известно, тоже громовер-

жец... Действительно, итальянское *giovedì* и французское *jeudi* — это с трудом узнаваемое, но однозначное *Jovis dies*, что на латыни *день Юпитера*. Латинское *Jovis dies* имело в старофранцузском форму *juesdi*, а потом совсем *искажилось* до современного *jeudi*. Случайное ли это совпадение, что в разных культурах один и тот же день посвящён Громовержцу? Нет, это не совпадение, но в этом нет никакой *мистики*, которую из всех сил ищут иные *исследователи* как в исторических событиях, так и в буквах, звуках и словах, в этом нет ничего *сакрального*, как любят выражаться те же исследователи, за незнанием основ, азов и аксиом впавшие в домыслы, украшенные таинственно звучащими словами. Объяснение простое: составляя свои календари, германские народы взяли за образец уже существующий календарь с латинскими названиями и подобрали для некоторых названий соответствия в своей мифологии; например, вторник, *день Марса* (латинское *Martis dies*, французское *mardi*), стал *днём Тюра*: Тюр, или Тир (Тур) — бог войны в германской мифологии; и сегодня мы видим норвежское и датское *tirsdag*, шведское *tisdag*, отсюда и английское *Tuesday*.

После всех мифологических исследований и лингвистических упражнений мы должны спросить себя: имеют ли оные какое-либо отношение к русскому выражению *после дождичка в четверг*, смысл которого *неизвестно когда* или даже *никогда*? И ответ будет коротким: никакого.

¹⁶⁵ История, которую поведал Максимов, стала популярной притчей, и в наше время она всплывала часто в виде каверзного вопроса в кругу любителей русской словесности для проверки, насколько другие *носители языка*, особенно из молодого поколения, знают нашу словесность. Тем, кто делает ошибку, связывая *затрапезный* со столовой и обедом, поясняют, что *затрапез*, *затрапеза* или *затрапезка* — не от *трапезы*, а от фабриканта или купца *Затрапезнова*. Или *Затрапезникова*? Конечно, внимательный читатель заметил, что в «Словаре» В. И. Даля и в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона он *Затрапезнов*, а не *Затрапезников*, как пишет Максимов и как, видимо, вслед за ним, повторяет в своём «Этимологическом словаре» Фасмер. В большинстве современных справочниках основатель ярославской мануфактуры фигурирует как Иван Затрапезнов. Фамилия, имея она хоть первое, хоть второе написание, однозначно образована от старинного слова *трапéза*, но специфическое название пестреды, *пеньковой полосухи*, согласимся, идёт уже от фамилии производителя, оно не связано с едой, с *трапезничаньем*, что доказывают примеры из литературы 19-го века, где *ситцевые и затрапезные платья, синий затрапезный сюртук* и пр.

¹⁶⁶ Соляным городком назывался квартал в Петербурге, примыкающий к Фонтанке почти в самом её начале, с видом через неё на Летний

сад. С 1780 года здесь находились склады для вина и соли, отсюда название *Соляной городок* и названия Рыночной улицы и Соляного переулка, которые ограничивали квартал. Во второй половине 19-го века здесь находились уже научно-просветительские учреждения, среди них Сельскохозяйственный музей и Лесотехнический музей. Физиолог И. Р. Тарханов (1846–1908) мог выступать с лекциями в лектории Русского технического общества, там же расположенного (по Пантелеймоновской улице).

¹⁶⁷ Уточняем, что в «Словаре» В. И. Даля написано *Жид, сам бьёт, сам гвалт кричит*, что отличается по смыслу от приведённой Максимовым фразы *Żyd sam bije, sam krzyczy* (Жид сам бьёт, сам кричит). К сожалению, автор в этом очерке сильно отвлёкся от исследования собственно крылатых выражений, увлёкшись с позиции великоросса обсуждением вечного *еврейского вопроса* и осуждением нерусских нравов. Автор снижает уровень филологических изысканий до пересказывания газетной полемики, рассчитанной на скандал дабы взбодрить осовевшего от скуки обывателя. Вместо того, чтобы уточнять номера изданий, пишущих на потребу одного дня, нужно было обратить внимание на присутствие или отсутствие в обсуждаемом речении слова *гвалт*. Выпустив это слово, Максимов действительно сближает приговорку со сценой, где поляки хохочут, наблюдая, то ли просто для развлечения, то ли для лечения запоров и несварения, над евреем, отбивающимся от собак. Да, здесь он *сам бьёт* (собак), *сам кричит*. Но это, как ни вчитывайся и не раскидывай мозгами, не поговорка, это, если хотите, не фразеологизм. Польское *gwałt* (gwalt) значит (как и немецкое *Gewalt*) *насилие*; у поляков это также *скандал, шум*, и, что в данном случае существенно, в форме *gwaltu!* это призыв на помощь, соответствующий русскому *караул!* Итак, если разбирать фразеологизмы, а не *еврейские обычаи*, высказывание приобретает качества поговорки только в такой форме: *Сам бьёт, сам караул кричит*. То есть, какой-то наглый жид, а хоть и наглый поляк или даже русский сам творит насилие, но при этом кричит, что его бьют, что на него напали, зовёт на помощь: *караул!* — перекладывая вину на потерпевшего.

¹⁶⁸ В. И. Даль допускает два ударения — *пóроки* и *пóроки*, при этом даёт такое толкование: *пóроки, сосуды порочные (стар.)* — подступные или осадные орудия, стенобитные башни.

То есть, Даль считал, что *пóроки* подразумевает все осадные орудия в целом, тогда как Максимов и, если посмотреть примечания во многих материалах, посвящённых старорусским текстам, другие толкователи путают стенобитные орудия (тараны), которыми пробивали брешь в крепостной стене, с метательными машинами, из которых выпускали каменные ядра и зажигательные снаряды *через* городские или крепостные стены.

¹⁶⁹ Сноска автора: Об этой редкостной книжке уже представлялся случай упомянуть в статье *Правда у Воскресенья в Кадашах*.

¹⁷⁰ Сноска автора: Вместо *аллилуйя* говорят ещё и *ахиня*, что означает тот же вздор, чепуху, бессмыслицу, нелепицу, бредни, чушь, алалу — в прямом значении (по объяснению В. И. Даля) и пошлости, глупости — в переносном.

¹⁷¹ Турецкое *bilmez* (3-е лицо единственного числа от глагола *bilmek*) значит *он/она не знает*.

Ниже идёт речь о шарманке: по идее, в немецкой песенке имя *Катерина* должно писаться не *Catherine*, а *Katharina*, но, судя по всему, песенка пришла в Германию из Франции: во французском женское имя пишется именно *Catherine*, а в слове *scharmante*, явно не немецком, узнаётся французское прилагательное женского рода *charmante* (прелестная). Если у нас *шарманка* образована от этого прилагательного, то польское *katarynka*, название шарманки, идёт от имени. Кстати, в самом немецком шарманка называется *Drehorgel*, и во французском название инструмента тоже не связано с *прелестной Катариной* (или *Катрин*), это *orgue de Barbarie*. Французское *cher ami*, исказившееся до *шерамыга*, *шерамыжник* и затем до *шаромыжник*, значит *дорогой друг*. Во фразе *задать феферу* (задать перцу) слово *фёфер* идёт от немецкого *Pfeffer*, что и есть (*чёрный*) *перец*.

¹⁷² Современные словари предпочитают вариант *den roten Hahn aufs Dach setzen*, что буквально *красного петуха на крышу посадить*.

¹⁷³ Нельзя не согласиться с Максимовым, что, если и существовал обряд бросать камень в воду при заключении мира, он не имеет отношения к расхожему выражению *как камень в воду*; действительно, не стоит усматривать в простом что-то сложное и, как выразился автор, не следует делать напряжённые усилия для объяснения таких слов, которые ясны сами по себе. В то же время Максимов, как будто себе противореча, сложно и запутанно объяснил смысл этого простого *камень в воду*. Не каждый и не сразу догадается, что за фразой о *тщетной борьбе с препятствиями* скрывается приговорка, ныне вышедшая из употребления, *бросить дело с камнем в воду*. Красивые словеса *живительный сон, неудачи в жизни и прегрешения* приписывают какие-то оттенки обсуждаемому фразеологизму, оттенков, на наш взгляд, не имеющему; по нашему разумению, русское *как камень в воду*, как и польское (*przepaść jak kamień w wodę*, значит *исчезнуть, пропасть*) *без следа*.

¹⁷⁴ Байка, рассказанная Максимовым, занятна, но звучит в этом контексте как-то глупо, поскольку при ней нет авторской оговорки, что это анекдот, в лучшем случае *версия*, не имеющая серьёзной основы. Начать с того, что к *остротам* и *каламбурам* (кои рассылал мифический Галли Матё) не подходит определение *бессвязный и бессмысленный вздор, словесная чепуха*.

В. И. Даль в своём «Словаре» называет слово *галиматья* французским и объясняет его так: бестолковщина, вздор, бессвязица, бессмыслица. В современных словарях мы читаем то же самое: *галиматья* (фр. *galimatias*) — бессмыслица, нелепость, чепуха. В некоторых справочниках в ряду синонимов имеется ещё колоритное *ахиня*: «Несёт какую-то галиматью (*или* ахиною)».

Имея под рукой английский этимологический словарь, мы узнаём, что заимствованное из французского в английский *galimatias* значит: бессмысленная речь, тарабарщина (meaningless talk, gibberish). Высказывается предположение, что слово возникло в 16-м веке в студенческой среде, где бытовало прозвище *gallus*, что на латыни *nemux*, в адрес кандидата на докторскую степень: для её получения требуется умение складно и продолжительно разглагольствовать на философские темы, и это умение называли *gallimathia*, добавив к латинскому *gallus* греческое *mathia* (учение, знание), взяв за пример названия других школьно-институтских дисциплин, например, *математики*. То есть жаргонное *галиматья* можно перевести примерно как *трепломатика* (умение трепаться).

А что говорят сами французы? Французы говорят, что происхождение слова неизвестно (*origine inconnue*). Высказываются спорные предположения, включая то, которое мы обнаружили в Оксфордском словаре; есть даже предположение, что *галиматья* идёт от греческого *κατά Ματθαίον* (по Матфею, согласно Матфею): Евангелие от Матфея начинается перечислением предков Иисуса Христа, этот длинный список непонятных иудейских имён, монотонно зачитываемый священником в церкви, утомлял и ничего не сообщал пастве: Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи... В недрах паствы, вроде бы, и могло родиться словечко *galimateus*, в корне которого *Матфей*.

Итак, французские источники приводят разные версии — кроме той, которую излагает Максимов в качестве достоверного объяснения. Можно предположить, что это объяснение родилось на нашей русской почве, хотя анекдот может быть и заимствованным. В современных электронных источниках информации из одного источника в другой переливается также информация о том, что *галиматья* — от французского слова *galimafrée* (ragu из разных видов мяса); поскольку сообщения начинаются со слов *некоторые исследователи предполагают*, слушатели, читатели, *потребители информации* невольно верят: ведь это *исследователи* говорят... Что можно на это сказать? Как будто мало разной галиматии прозвучало, зачем ещё приплетать сюда совсем другое слово из кулинарных терминов, который, к тому же, первоначально писали *calimafrée*, называя так какой-то соус...

Наша критика, к сожалению, не помогает достоверно уточнить этимологию *галиматии*, так что закончим тем, чем начали — анекдотом. В своём «Толковом словаре» В. И. Даль, объясняя прилагатель-

ное *сугубый*, приводит для примера высказывание Юрия Никитича Бартенёва (1792–1866), чиновника и мемуариста: «Галиматъя простая, коли слушающий ничего не понимает; галиматъя сугубая, когда ни слушающий, ниже беседующий сами себя не понимают».

¹⁷⁵ Польское выражение *wykręcić się sianem* значит *ловко выкрутиться, вывернуться* (из затруднительного положения), *легко отделаться*, его можно переводить в каких-то случаях поговоркой *выйти сухим из воды*.

¹⁷⁶ Сейчас правильное написание — раздельное: *на фырók, на попá*. Может быть, во времена Максимова *на* считалось союзом, но сейчас это предлог.

¹⁷⁷ Максимов повторяет версию В. И. Даля, который в «Толковом словаре» объясняет областное архангельское слово *туру, турок*: печной столб, которого основание (нога) расписывается пёстро красками. От этого в песне: *туру ногу пишет*.

Объяснение кажется менее убедительным, если обратиться к другим вариантам этой песни, например, к этому:

Туру, туру, пастушок,
Далеко ли ты бывал?
— От моря до моря,
До Киева города.
— Что ты там видал?
— Видал царя.
— Что царь делает?
— Туру, туру пишет
На золотом стуле,
На каменном блюде;
Стуло подломилось,
Царь покатился...

И здесь, и в других списках мы читаем, что царь *туру пишет*, или *туру ногу пишет* — *на золотом стуле*, или *на золотом блюде, серебряном стуле*. То есть, он вроде как стул или блюдо раскрашивает, а не основание печного столба. Все варианты песни начинаются с *туру, туру* — со звукоподражания: так песенники и сказители передавали пение пастушеского рожка. Есть подозрение, что в середине текста *туру* не имеет отношения к туру в смысле *зубр*, и к туру в значении *печной столб*, это тот же звук рожка, как в других песнях повторялся припев, не обязательно осмысленный, например: ай, шувы, шувы, шувы; чики, чики, чикалочки; тень, тень, потетень; ай, дуду, ай, дуду... Возможно, в случае с *туру* какое-то слово выпало, добавилось или исказилось, и возникла *бессмыслица*, как выразился Максимов, и это не единственный случай, когда в фольклоре что-то говорится или поётся *спуста*.

¹⁷⁸ В наше время слово *кавардак* считают тюркского происхождения, и для сравнения приводится турецкий глагол *kavurmak* (жарить).

¹⁷⁹ Объясняя поговорку, отвечая, судя по всему, на вопросы заинтересованных читателей по поводу этой поговорки, Максимов, похоже, оспаривает мнения других толкователей, которые называют речение про силу и солому бессмысленным или не таким уж однозначным, каким оно кажется Максиму. Кстати, выше Максимов высказывался, и не раз, что в языке встречаются нелепицы, бессмыслицы, искажения, тёмные места... А здесь он диктует, как школьникам для запоминания, чуть ли не в виде аксиомы, следующее, более чем спорное, утверждение: «требовательный к законам родного языка и руководимый навыком по слуху и правилами, завещанными дедами и прадедами, народ наш строг к себе в этом отношении». Часть народа говорила «Собрался, как баба на Юрья», а часть, наоборот: «Собрался, как Юрья на бабу»; деды и прадеды говорили: «Лес рубят, а к нам щепки летят», а внуки, не проявляя почему-то уважения к *завещанным правилам*, переделали, стали говорить и сейчас говорят: «Лес рубят — щепки летят»...

«Сила закон преступает», «Сила закон ломит» — это понятно. «Силой не возьмёшь» — противоречит первому, но смысл тоже ясен. Если бы сила леса валила, стены ломала, это было бы о её непреодолимости, а зачем силе ломить, гнуть податливую солому? И. М. Снегирёв, раньше Даля и Максимова составивший своё собрание поговорок, записав «Сила соломѹ ломит», как будто сомневаясь в смысле, приводит варианты: «Силой и соломѹ ломать», «Без силы и соломѹ не сломить». Потом Снегирёв начинает поиски во французском и даёт комментарии, которые были бы не нужны, если бы *сила-солома* не вызывала вопросов: *Rompre la paille* у древних франков значило делать обещание, условие... Кто-то из других наших любителей словесности тоже связывал это речение с заключением сделки, скреплением договора: где-то ходили с куском дёрна по новой меже, другие секли отроков на полосе, чтобы те запомнили на всю жизнь границы участка, третьи вроде бы ломали соломѹ... если так, то всё равно остаётся вопрос: французское *rompre la paille* значит просто *ломать соломѹ*, а зачем в русском речении присутствует *сила*?

¹⁸⁰ Любопытное свидетельство Максимова о том, что *хвост*, то есть упорядоченная очередь, был чем-то *придуманым недавно*, явлением новым для его времени. Можно предположить, что до этого толпа, собиравшаяся перед кассой театра или на вокзале при покупке билетов, руководствовалась какими-то иными правилами, и новый подошедший не уточнял вежливо: кто последний? Любопытно и объяснение В. И. Даля по поводу *хвоста* в этом значении *очередь*: *хвост*, или *хобот*, народа (фр. *queue*) — гусѣк, гусем, чреда.

Пример, приводимый Далем, как раз про билетные кассы: *Толпа идѣт к кассѣ хвостом, хоботом* (вернее *гусем*). Получается, что

хвост приобрёл значение *очередь* под влиянием французского существительного *queue*, которое переводится и как *хвост*, и как *очередь*, а Даль, отдававший предпочтение русским словам, считал, что надо говорить *гусёк*, *гуськом*.

Кстати, когда он пишет *хобот*, он имеет в виду, опять же, *хвост*, а не *слоновий нос*. Вспомним: в былинах Змей Горыныч грозитя хоботом ушибить или задушить — пустить в ход один из своих двенадцати хвостов.

¹⁸¹ Смотрим «Одиссею» в переводе В. А. Жуковского (песнь 17):

Так царица сказала.

В это мгновенье чихнул Телемах, и так сильно, что в целом Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
— Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово моё зачихнул Телемах; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут...

¹⁸² В этой приговорке *сучка* подразумевает шар для игры в *ка́сло*, или *касло-масло*. Игроки одной команды гнали суку (сучку) клюками, то есть, почти что клюшками, и их целью было забить этот деревянный мяч в лунку, вырытую в земле, а лунку защищали игроки противоположной команды. *Ка́сло*, по Далю, это *шар* и *игра в шара*; судя по всему, *касло* напоминало и гольф, и хоккей с мячом.

¹⁸³ Выпад против католиков в *православной* сказке понятен, но в среду постились не только католики, но и православные, о чём можно прочесть у того же В. И. Даля: «Многие по средам постничают». У него же: «Гость дорогой, а день середной» — то есть, хотя и следует выставить угощение ради гостя, но день сегодня постный, от излишеств придётся воздержаться. Можно и так это речение повернуть: гостя для приличия мы назовём дорогим, но накрывать стол ради него не будем, сославшись на церковный запрет. Глагол *середить* мы нашли только в «Толковом словаре» В. И. Даля, который сообщает, что в псковских говорах *середить* значит: делать что-либо умеренно, не слишком ретиво, а возвратная форма *середиться* объясняется как *остерегаться крайностей, не перебарывать*. Исходя из этого речение «Пусть тот середит, кто на небо глядит» воспринимается нами как наставление: тем, кто на небо глядит, то есть, верит в Бога и в его заповеди, надо быть умеренным во всём, не предаваться излишества, не впадать в крайности.

К. Васильев

Словарь

алты́н — денежная единица и монета, равная 6 деньгам, затем 3 копейкам

арши́н — мера длины, равная 6 вершкам (ок. 71 см)

ба́дний: ба́дний день — канун Рождества

бакáн — багряная краска

бары́ть — медлить, мешкать, задерживать

берды́ш — холодное оружие: алебарда с длинным и широким изогнутым лезвием

бить — плоская проволочная нить, сплюснутая проволока (для золотошвейных изделий)

блонь — наружные, рыхлые слои дерева

борзы́ть — спешить, торопиться

бунт — связка, кипа, пачка; **хле́бный бунт** — сложенные скирдой кули с зерном или мукой, накрытые и обшитые рогожами

вар — смола

велича́ть — восхвалять, превозносить, славить

вереща́га — яичница

вестовщи́к — переносчик новостей, слухов; вун, сплетник

вёдро — ясная, сухая погода

видо́к — свидетель

воздвиза́льный: воздвиза́льный крест — большой крест, который используется при богослужении в церковный праздник Воздвижения креста Господня

волхвова́ние — колдовство, чародейство

восца́ — зудящий лишай

вре́тище — одежда из грубой ткани; убогая или старая и рваная одежда

вто́ра — беда, напасть; **эка вто́ра!** — вот ведь беда! как жаль!

вью́ха — кипа пеньковой пряжи (весом 10-12 пудов)

вы́волочка — взбучка

выть — паёк, доля пищи; пора еды, час приёма пищи

гарна́т — крупная креветка

го́лбец — чулан, отгородка между печью и полатами с лесенкой на полати и с лазом в подполье

голи́к — голые прутья, связанные в пук
голодо́вка — голодное, скудное время
горла́тный — сшитый из душатого меха (который взят с шеи, с горла пушного зверя)
горя́нщина — крупный щепной товар

двоетёс — длинный кровельный гвоздь (пробивающий две доски)
дебоша́н — человек, ведущий разгульную жизнь
дежа́ — квашня
де́ньга — полкопейки
доброгла́сный — благозвучный
дото́чливый — искусный; сведущий, опытный
дото́чник — дока, сведущий работник, мастер своего дела

ендова́ — ковш для питья с одной или двумя ручками
есвяно́й, ествяно́й — охочий до еды

же́рех — хищная пресноводная рыба
жнитво́ — жатва

забира́ться — запасаться
за́болонь — наружный, молодой и менее плотный слой древесины (непосредственно под корой)
зава́л — засорение, непроходимость (внутренних органов тела)
загне́тка — зольник: углубление около устья русской печи, куда сгребают угли и прикрывают их золой (для хранения жара)
залом — скрученный пучок колосьев в ниве (для наведения порчи на урожай)
запе́чек — пространство между русской печью и стеной
зачура́ть — заговаривать, нащёптывать заговоры; делать с помощью заговора своим, для других неприкосновенным; делать неприкосновенным для нечистой силы
здра́вствовать — поздравлять, желать здоровья
зи́нуть — разинуть, открыть рот (чтобы подать голос)
зна́мя — знаменье, знак
золи́ть — бучить, парить (бельё) в зольной воде

изба́ — присутственное место, приказ
изнести́ — вынести
изогра́ф — иконописец
и́нде — кое-где

Иорда́нь — прорубь во льду для освящения водой на Крещение
испо́д — изнанка, подкладка
истопни́к — служитель, который топит печи

ка́зовый — сделанный для показа, напоказ; отобранный для привлечения покупателей; **ка́зовый конец** (сукна) — отрез, образец, не имеющий изъянов, который расхваливают покупателям

казю́к — (тульский) оружейник

камло́т — суровая шерстяная ткань

камы́шевка — трость из камыша

карба́с — большая лодка с высокими бортами

карми́н — красный краситель

карноу́хий, корноу́хий — с отрезанным или изуродованным ухом

кат — палач

каю́р — погонщик собак на нартах

клёпка — каждая из узких дощечек для сбора обрусной посуды (кадок, бочек)

кли́рос — место на возвышении перед иконостасом, где во время богослужения находятся певчие и чтецы

ко́ванец — крупный выкованный рыболовный крючок для хребтины с поводцами

ко́зырь — высокий стоячий воротник

колóда — гроб

комя́га — долбушка, чёлн

коновáл — знахарь, лечащий лошадей

ко́сно — неспешно

ко́сный — неспешный, неторопливый

костри́ка, костри́ца, костре́ — жёсткая кора растения (например, конопли, из которой делают пеньку), остающаяся после мягчения и трепания стеблей

котля́на — артель (с общим питанием, из одного котла)

кошева́ — широкие и глубокие сани с высоким задком

кошт — расход, издержка; **своим ко́штом** — за свой счёт

кресте́ц, крестцы́ — развилье, распутье, перекрёсток

кру́глый: кру́глый сирота́ — ребёнок, оставшийся без обоих родителей, без отца и матери

ктырь — очень маленький рачок, водяная мокрица

кут — угол (как помещение, жилое пространство в крестьянской избе)

куте́йник — шуточное или презрительное прозвище церковнослужителя, человека духовного звания, семинариста

лагу́н — деревянный бочонок

ла́сый — лакомый

ледя́щий, лядя́щий — дрянной, плохой; хилый, тощий

ле́зо — лезвие

лимонáд-газéс — газированный лимонад

ло́говище — звериное логово; убогое человеческое жильё

матеру́щий — огромный, большой, немалый

межипа́рье, междупа́рье — время между весенними и летними полевыми работами, пора от конца посева до начала покоса

мензу́ла — чертёжный столик для составления плана местности в полевых условиях

ме́нтор — наставник

мо́шь — сила, крепость

мы́чка — кудель, лён на гребне (вычесанный, готовый для пряжи)

навёс: с навёсу — сверху

навече́рие — канун, вечер перед праздником

наволо́к — заливной луг, низменный берег реки

наго́льный — явный

нача́л — начало молитвы и сама молитва; **нача́л ма́лый** — семь начальных поклонов, сопровождаемых словами молитвы (у староверов)

неключи́мый — несчастный, горемычный, безысходный

нико́льщина — праздник, устраиваемый в складчину, до и после Николина дня (6 декабря)

новина́ — новь, ранее не паханая земля

но́щь — ночь

обе́чка — обод (у сита, бубна, решета)

обиня́к — намёк; двусмысленность

огни́щевая: огни́щевая соха́ — соха с прямым (а не косым) сошником

ока́зательство — проявление

око́лица — непрямая дорога, окольный путь

опе́ть, опя́ть — снова

ора́ть — пахать

осло́п — палица, (окованная) дубина; жердь, кол (особенно для драки)

отме́на — различие, отличие, разность

отсталóе — отступное, плата кому-либо за его неучастие в деле, в сделке

охля́баться — сильно устать, выбиться из сил

па́мять — (письменное) предписание; памятная записка (сделанная для памяти, чтобы не забыть)

пасть — ловушка, западня для поимки зверя (часто в виде ямы)

пе́нник — хорошо очищенная водка

перепу́тье — дорожная пища, перекус в пути

перст — палец

пи́терщик — житель Петербурга

плане́тчик — астролог, гадатель

платно́ — платье, одежда

плашко́ут — плоскодонное плавучее средство, которое служит опорой временного наплавного моста

повалу́ша — высокий башнеобразный сруб под отдельной крышей (как пристройка в больших жилых хоромах)

поводе́ц — отрезок бечёвки, лески с рыболовным крючком и наживкой, иногда дополнительно с блесной (несколько поводцов привязывают к хребтине, которую опускают под воду и оставляют на время для ловли рыбы)

пого́ст — кладбище (с церковью)

подволо́ка — чердак

по́днизь — бахрома из жемчужных или бисерных нитей (у женского головного убора)

подо́л — низина под горой, заливной луг под высоким берегом реки

подпе́чек — пространство под русской печью

подто́ржье — канун ярмарки, базара

поды́збица — подвал

по́жня — луг, сенокосное место

позыва́ть — тянуть

покрути́ться — наняться, подрядиться (на промысел)

покры́шка — крыша, кровля

пора́то — очень

по́слушник — прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом

посу́л — взятка

поті́р — чаша на высокой подставке (в церкви в неё наливают вино, которое, по утверждению верующих, превращается в кровь Христову)

потрафлять — угождать

потре́бник, трéбник — церковная книга, в которой описаны и по которой совершаются требы — церковные обряды (такие, как крестины, венчание, отпевание)

похря́ть — пойти, отправиться пешком

почино́к — посека, огнище (место, расчищенное под пашню и жильё); выселок, новосёлок

починный — начальный, первый

привеча́ть — приветствовать

приста́ть — устать

пристига́ть — настигать, догонять; захватывать, заставлять (врасплох)

приша́титься — приبلудиться, пристать к чужому двору

пробой — скоба, дужка (для висячего замка, цепи)

пятни́чать — поститься по пятницам

раёк — ящик с передвижными картинками для показа публике

раёшник — тот, кто имеет, носит раёк и показывает за деньги публике передвижные картинки (сопровождая показ смешными прибаутками)

разря́д — приказ, присутственное место, учреждение

разы́мчивый — сильно действующий; крепкий, пьяный (напиток)

расквёлить — разжалобить

распра́ва — суд в сельской местности для крестьян; **ни́жняя распра́ва** — судебное учреждение в уезде (решавшее мелкие уголовные и гражданские дела)

рассо́ха — развилина; слияние двух рек под острым углом

расши́ва — плоскодонное парусное судно (на Волге и в Каспийском море)

рота́ — зарок, клятва; присяга

роти́ться — присягать, клясться; божиться

ры́да — договор, соглашение, сделка при покупке или найме

самови́дец — свидетель, очевидец

свершо́нок, свёршек — процент от сделки, денежная надбавка

сва́тебный — свадебный

сва́тьба — свадьба

светёлка — небольшая светлая комната в верхней части жилья

седа́тый — седой

седьмь — семь

- середить** — делать что-либо умеренно, не слишком ретиво
- синóдик** — поминальная книга, список преставившихся для поминания во время богослужения
- ска́редный** — гнусный, непотребный; скупой
- ско́бель** — плотницкий инструмент: изогнутое лезвие с двумя поперечными ручками для черновой обработки древесины
- скоп** — то, что скоплено, собрано и сбережено
- скубсти́** — ощипывать (птицу), щипать (траву), рвать (ягоды)
- скуде́льница** — кладбище; общая могила (в которой хоронят самоубийц, утопленников, бродяг)
- сле́га** — длинная жердь
- слыга́ть** — солгать, соврать, сказать ложь; **слыга́ться** — ложно ссылаться (на кого-либо)
- со́па** — пресноводная рыба
- сорóм** — стыд, срам, бесчестье
- спасе́нник** — (божий) угодник, праведник
- спопу́тье, попу́тье, сопу́тье** — общая с кем-либо дорога, один путь; **по спопу́тью** — по пути; заодно, по ходу дела
- ставропи́гия** — монастырь, подчинённый напрямую патриарху, синоду (а не местной церковной власти)
- сто́гны** — улицы и площади (города)
- стоя́лый** — выдержанный (о питном мёде)
- супря́дки** — посиделки (когда женщины приносят с собой пряжу, прялки и вместе прядут)
- схи́тить** — похитить, украсть
- съёмный: съёмный бой** — рукопашная схватка
- сяжо́к** — усик
- та́вlinkа** — берестяная табакерка
- таё́вка** — большая циновка из рогожи (для зашивания тюков с грузом, кулей с зерном)
- та́йбола** — труднопроходимые леса на болотистой местности
- та́кать** — поддакивать
- тарова́тый, торова́тый** — расторопный, ловкий; щедрый
- тать** — вор, похититель
- тафья́** — род тюбетейки
- те́льник** — нательный крест
- толко́вник** — толкователь
- толчея́** — всякое устройство для толчения, дробления, измельчения чего-либо
- тонéть** — становиться тоньше

тра́пеза, трапéза — столовая, особенно в монастыре, она же трапéзная (или трапéзная)

тре́ба — богослужебный обряд по просьбе, желанию верующего прихожанина (например, крестины, венчание, отпевание, исповедь)

тре́бище — капище, языческая божница

трио́дь — богослужебная книга: собрание канонов (песнопений) для церковной службы в период до и после Пасхи

тро́ешник, трóечник — извозчик на тройке

тря́стье, тря́сье — лихорадка

тума́к — помесь зайца-беляка с русаком

тяблó — выступ, полочка для иконы

убóина — свежее мясо

у́дочка — снасть для ручной ловли рыбы

ука́зный — установленный указом, предписанный законом

усва́ивать — присваивать

ха́ря — маска, часто в виде страшного лица, звериной морды, которая надевалась (вместе с соответствующим костюмом) в какой-либо народный праздник; ряженный в маске

хлами́да — шутивное или уничижительное название любого слишком широкого или длинного одеяния, бесформенного балахона

хребти́на — рыболовная снасть: длинная бечёвка, леска, проволока, к которой привязано несколько поводцов (поводков) с рыболовными крючками-кованцами и наживкой

цели́к — простор без дороги, неезженный, нетореный путь; (ехать, идти) **целико́м** — по бездорожью

ча́шка — округлая вырубка в бревне

черни́чка — черница, монахиня

шабала́ — баклуша, осиновая чурка

шабе́р, сябе́р — сосед

шалы́га — клюка, посох с загнутой ручкой; плеть, кнут

ше́леп — плеть, кнут

шема́й — промысловая рыба, которая обитает, в частности, в Каспийском море

шепты́ — ворожба

шири́нка, шири́нга — шеренга

шип — осетровая рыба

шримс — разновидность креветки

щедре́ц — канун нового года

щепо́та, щемо́та — боль в костях, ломота, костогрыз

юдбо́ль — дол, долина; (тяжёлая) участь

ярова́ть — токовать

яса́к — сторожевой, опознавательный, боевой клич

МАКСИМОВ Сергей Васильевич

Крылатые слова

Редактор *К. Васильев*
Вёрстка и дизайн обложки *М. Васильев*
Корректор *В. Збронжко*

Издательский дом «Авалонъ»
avalon-edit@yandex.ru

Издательская Группа «Азбука-классика»
191014, Санкт-Петербург
ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н

Подписано в печать 03.12.2009. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Тираж 9 000 экз. Заказ № 2849.

Отпечатано в ООО «Спектр-П».
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8.

XXAV441902R

«Крылатые слова» С. В. Максимова — редкая книга, которую приобретают не для того, чтобы почитать, а чтобы читать и снова брать в руки, когда нужно узнать или хочется уточнить: что такое, в прямом и переносном смысле, *балясничать* и *лить колокола*, *лясы точить* и *лапти плести*...

«Крылатые слова» — книга на все времена: она должна быть в библиотеке каждого, кому хоть сколько интересен родной язык, а любители русской словесности ставят её на полку рядом с «Толковым словарём» В. И. Даля.

Известный этнограф, знаток русского фольклора, историк и писатель, Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) не просто объясняет, он переживает за каждое русское слово и образное выражение, дорожа всем, что имеется в языке, включая пустобайки и нелепицы. Он вплетает в свой рассказ народные притчи, поверья, байки и сказки — собранные им лично вблизи и вдали, вплоть до тех мест, что у *чёрта на куличках*, в тех краях, где *бьют баклуши* и *гнут дуги*, где *попадают в просак*, где *куры не поют*, где *бьют в доску*, вспоминая *Москву*...

Не спроста слово молвится, считал Максимов. И оно до века не сломится. И живое слово дороже мёртвой буквы. Особенно если это крылатое слово.

ISBN 978-5-9985-0258-3

9

785998 502583

02

